

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Франсис Карсак

полное собрание сочинений

Франсис Карсак

**РОБИНЗОНЫ КОСМОСА
БЕГСТВО ЗЕМЛИ
РАССКАЗЫ**

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)
К26

К26 **Карсак Франсис**

Робинзоны космоса; Бегство Земли: Романы. Рассказы. — М.: Черная река, 2017. — 480 с. ил. — (Классика зарубежной фантастики. «Франсис Карсак. Полное собрание сочинений»).

Франсис Карсак – псевдоним Франсуа Борда (1919–1981), французского ученого-палеоантрополога, специалиста по геологии четвертичного периода, одного из наиболее известных писателей-фантастов Франции.

Во второй том полного 4-томного собрания сочинений автора вошли романы «Робинзоны космоса» и «Бегство Земли» (впервые на русском языке печатается без купюр), рассказы «Генезис», «Бедные люди», «Человек, который говорил с марсианами», «Реванш марсиан», «Человек, который захотел стать Богом», «Штриховка», «Пращур», а также «Разговор с Франсисом Карсаком», опубликованный в фанзине «Lunatique» (№ 33, ноябрь 1967 г.).

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)

© Самуйлов Л., перевод, 2017
© Мельников Е., иллюстрации, 2017

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

LES ROBINSONS
DU COSMOS

1955

Предупреждение

Персонажи данной истории являются вымышленными, любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми — случайными.

Пролог

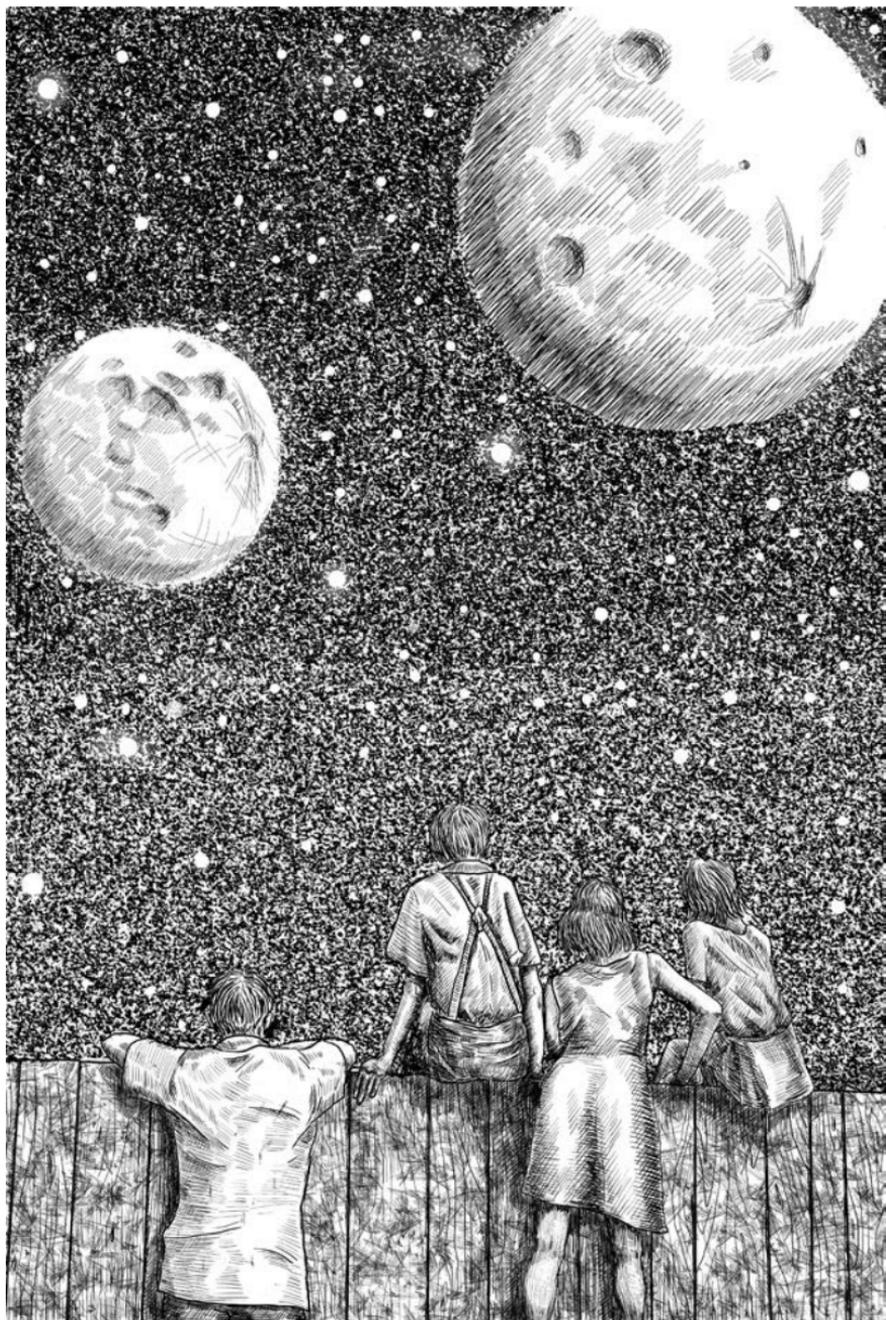
Я не стану описывать здесь ни историю катаклизма, ни историю завоевания Теллуса: все это, изученное в мельчайших деталях, вы найдете в трудах моего брата. Я просто хочу рассказать о своей собственной жизни. Быть может, вам, моим потомкам и потомкам моих товарищей, живущим в этом мире по праву рождения, будет интересно узнать впечатления и страдания человека, родившегося на другой планете и перенесенного сюда в результате беспрецедентного и так еще и не объясненного явления, человека, едва не отчаявшегося, прежде чем он смог осознать, сколь чудесное приключение уготовила ему судьба.

Для чего я пишу эту книгу? Вероятно, сейчас лишь немногие из вас захотят ее прочесть, так как суть ее всем извест-

на. Но я пишу ее главным образом для будущих поколений. Я помню, как на неведомой вам Земле, затерянной где-то в космосе, историки высоко ценили свидетельства людей, являвшихся непосредственными участниками тех или иных событий прошлого. Пройдет пять или шесть веков, и моя книга тоже будет представлять интерес, ибо это рассказ очевидца Великого Начала.

В те времена, с которых начинается мой рассказ, я еще не был тем согбенным и немного вздорным стариком, каким являюсь сейчас. Шестьдесят лет тому назад мне было всего двадцать три! Да-да, целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор стремительным потоком. Я знаю, что уже сильно сдал: движения мои утратили былую точность, я быстро устаю и уже мало что люблю в этой жизни — разве только моих детей, внуков, быть может, еще чуть-чуть геологию да погреться на солнце — или, скорее, *на солнцах*, ибо их здесь вам светит целых два. Вот почему я спешу продиктовать моему внуку Пьеру — мои собственные руки слишком дрожат, чтобы писать — незаменимую и уникальную историю человеческой судьбы. В этом мне помогает дневник, который я вел на протяжении всей своей жизни и который я уничтожу, как только задача моя будет окончена. Все, что важно, будет сказано здесь. А что до остального, то мне вовсе не хочется предавать порой немного садистскому любопытству историков свои скромные радости и печали.

Диктуя, я смотрю в окно, за которым колышется на ветру пшеница, и иногда мне кажется, будто я снова на моей родной Земле, — но ровно до того момента, как я замечаю, что деревья отбрасывают две тени...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ КАТАКЛИЗМ

глава 1

Предзнаменование

Прежде всего, кто я такой. Конечно, вы, мои ближайшие потомки, это и так знаете. Но скоро ваши дети и дети ваших детей забудут даже о том, что когда-то я вообще существовал. Много ли сам я знаю о собственном прадеде?

В том июле 1985 года заканчивался мой первый год работы ассистентом-лаборантом на геологическом факультете в Бордо, одном из городов Земли. Мне тогда было двадцать три, и, хотя красавцем меня не называли, скроен я был ладно. Если сейчас, согбенный старик, я и выгляжу жалко в этом мире юных гигантов, то на Земле мои 1 м 83 см и широкоплечая фигура внушали уважение. Это для вас 1 м 83 см — всего лишь средний рост! Если хотите знать, что я собой представлял, посмотрите на моего первого внука Жана. Как и он, я был молодым брюнетом с большим носом, длинными руками и зелеными глазами.

Год назад я был очень рад своему назначению и возвращению в лабораторию, где за несколько лет до того впервые зарисовал окаменелости. Теперь меня забавляли ошибки сту-

дентов, путавших схожие виды, которые человек искусственный различал тотчас же и без труда.

Итак, наступил июль. Экзамены закончились, и, вместе с моим братом Полем, я готовился отправиться на каникулы к нашему дяде Пьеру Бурна́, директору только что построенной в Альпах обсерватории, гигантское (5 м 50 см в диаметре) зеркало телескопа которой отныне позволяло французским астрономам на равных соперничать с их американскими коллегами. Дяде должны были помогать его ассистент Робер Менар, необычайно сведущий и неприметный мужчина лет сорока, и целая армия астрономов, вычислителей и техников, которые к моменту катастрофы либо еще не прибыли на место, либо находились в отпуске или в какой-нибудь поездке. Словом, рядом с дядей тогда, помимо Менара, были только два его ученика — брат и сестра, Мишель и Мартина Соваж, с которыми я тогда еще не имел чести быть знакомым. Мишеля нет с нами уже шесть лет, а ваша бабушка Мартина, как вы знаете, покинула меня три месяца назад. В то время я и не предполагал, однако же, какие чувства свяжут нас в будущем. По правде сказать, при моем довольно-таки замкнутом характере, я бы вполне удовлетворился компанией дяди и брата — Менара в расчет я не брал, — и потому заранее рассматривал этих двоих как неприятное приложение — даже несмотря, или скорее, напротив, именно по причине их молодости: Мишелю тогда было тридцать, а Мартине — двадцать два.

О первых признаках приближающегося катаклизма я узнал 12 июля 1985 года, в шестнадцать часов. Я уже практически собрал чемоданы, когда в дверь позвонили. Я открыл и увидел перед собой моего кузена Бернара Верильяка, геолога, как и сам я. Тремя годами ранее он принимал участие в первой международной экспедиции «Земля — Марс», а в прошлом году отправился в новую.

— И откуда ты на сей раз? — спросил у него я.

— Прошли без посадки по эллиптической орбите Нептуна. Как какая-нибудь комета.

— Удачно слетали?

— Конечно! Сделали кучу потрясающих снимков. Правда, на обратном пути нам пришлось туго.

— Возникли какие-то неполадки?

— Да нет. Нас немного снесло. По словам штурмана, все происходило так, будто в нашу солнечную систему вторглась огромная, но совершенно невидимая масса материи.

Он взглянул на часы.

— Двадцать минут пятого. Ну, мне пора. Счастливо отдохнуть! Сам-то когда собираешься с нами? Следующая цель: спутники Юпитера. Работы там, как понимаешь, хватит и для двух геологов — а может, и их окажется мало! Получишь прекрасную тему для диссертации — из тех, каких еще ни у кого не бывало. Ну да ладно, обсудить это мы еще успеем. Как-нибудь летом я намерен навеститься к твоему дяде.

Дверь за ним закрылась. Больше мы так никогда и не свиделись! Старина Бернар!.. Вероятно, он уже умер. Сейчас ему было бы девяносто шесть. Знал бы он, что меня ждет, он бы со мной наверняка не расстался!

В тот же вечер мы с братом сели в поезд и уже на следующий день, часа в четыре пополудни, прибыли на вокзал... Впрочем, название этого места, которое я не записал, а сейчас уже и не помню, не так уж и важно. Это была маленькая, незначительная станция. Нас ожидали. Долговязый блондин, еще более высокий, чем я, стоявший, прислонившись к капоту авто, помахал нам рукой. Мы подошли, и он представился:

— Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

— Что-то новое среди туманностей? — спросил мой брат.

— Да нет, не среди туманностей. Скорее уж, во всей Вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды — есть там одна недавно открытая сверхновая звезда. Сделав расчет, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, из чистого любопытства заглянул в «искатель» — маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И Андромеды там не оказалось! Я ее обнаружил... в восемнадцати градусах от ее обычного положения!

— Ну и ну! — живо откликнулся я. — А знаете, не далее как вчера Бернар Верильяк сказал мне...

— Так он вернулся? — перебил меня Мишель.

— Да, с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что они ошиблись в расчетах или же что-то отклонило корабль на обратном пути.

— Мсье Бурна́ это будет крайне интересно...

— Бернар обещал заскочить летом в обсерваторию, пока я могу написать ему, попросить, чтобы сообщил подробности...

Пока мы так болтали, а машина стремительно неслась по долине. Рядом с шоссе бежала железная дорога.

— Что, поезд идет теперь до самой деревни?

— Нет, эту линию проложили совсем недавно к заводу легких металлов, который достался нам по наследству. К счастью, он полностью электрифицирован — шел бы дым, пришлось бы переносить либо завод, либо обсерваторию.

— И большой он, этот завод?

— На данный момент — триста пятьдесят рабочих, но в будущем их должно стать как минимум вдвое больше.

Мы выехали на извилистую дорогу, поднимающуюся к обсерватории. У подножия небольшой горы, на которой она стояла, раскинулась высокогорная долина с маленькой симпатичной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из сборных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль, за гребни гор, уходила линия высокого напряжения.

— Ток идет от плотины, построенной специально для завода, — объяснил Мишель. — Мы сами получаем электричество от нее.

Прямо у подножия холма, на котором стояла обсерватория, возвышались дома моего дяди и его ассистентов.

— А за эти два года тут многое изменилось! — заметил мой брат.

— Вечером за столом намечается большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, я и моя сестра, биолог Вандаль...

— Вандаль? Я знаю его с самого детства! Он старый друг нашей семьи.

— Он здесь с одним из своих коллег по Медицинской академии, знаменитым хирургом Массакром.

— Занятная фамилия для хирурга!* — пошутил мой брат Поль. — Б-р-р-р! Не хотел бы я у него оперироваться...

* Одно из значений французского слова *massacre* — «порча, калечение, истребление».

— И напрасно. Это лучший хирург Франции, а может быть, и всей Европы. С ним, кстати, приехал один из его друзей — и одновременно учеников, — антрополог Андре Бреффор.

— Тот самый Бреффор, что занимается патагонцами? — спросил я.

— Так точно. Словом, каким бы просторным дом ни был, все комнаты сейчас в нем заняты.

Сразу же по прибытии я прошел в обсерваторию и постучался в дверь кабинета дяди.

— Войдите! — проревел он, но, увидев меня, смягчился. — А, это ты!..

Он поднялся из кресла во весь свой гигантский рост и стиснул меня в медвежьих объятиях. Таким я вижу его и сейчас: седые волосы и брови, черные как уголь глаза, широкая черная-пречерная борода, веером опускающаяся на жилет.

Робкое «добрый день, мсье Бурна!» заставило меня сделать полуоборот: у своего стола, заваленного листками с алгебраическими формулами, стоял Менар. То был невысокий, щуплый человечек в очках, с козлиной бородкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, свободно владеющий дюжиной языков и способный извлекать немислимые корни, человек, которому самые дерзкие теории физики и математики были так же ясны, как мне — бурдигальские горизонты в окрестностях Бордо. В этом мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару даже в подметки, зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот пишущей машинки привлек мое внимание к другому углу.

— Ах, да! — спохватился дядя. — Забыл тебя представить. Мадемуазель, это мой племянник Жан, бездельник, так и не научившийся точному счету. Позор нашей семьи!

— Не один же я такой, — возразил я. — Поль в арифметике смыслит не больше меня!

— Тут ты прав, — признал дядя. — И это при том, что их отец щелкал интегралы как орехи! Хиреет наш род, хиреет...

Впрочем, с ними тоже не все так плохо. Жан обещает стать прекрасным геологом, а Поль, я надеюсь, кое-что все же понимает в этих его ассирийцах.

— В индусах, дядюшка, в индусах!

— Да какая, в принципе, разница — что одни полный сброд, что другие! Жан, это Мартина Соваж, сестра Мишеля, наша ассистентка.

— Как поживаете? — произнесла девушка, протягивая мне руку.

Я пожал ее, не успев даже толком прийти в себя. Я ожидал увидеть остроносую лабораторную крысу в очках, а передо мной стояла крепкая девушка с фигурой греческой статуи и столь правильным лицом, что его совершенство приводило в отчаяние. Впрочем, лоб, возможно, был чуть низковат, но под ним сияли восхитительные серо-зеленые глаза, а обрамляли его длинные пряди на удивление черных — ведь брат ее был блондином! — волос. Про нее нельзя было сказать, что она хорошенькая. Нет, она была по-настоящему красива, красивее всех женщин, каких я когда-либо видел.

Ее рукопожатие было дружеским и коротким, и она сразу же снова погрузилась в свои расчеты. Дядя увлек меня в сторону.

— Вижу, Мартина произвела на тебя впечатление, — усмехнулся он. — Впрочем, как и на всех, кто ее видел; полагаю, дело тут в контрасте с этим местом. А теперь извини меня, но мне еще до вечера нужно закончить работу, чтобы подойти к ночным наблюдениям во всеоружии. Как тебе известно, персонал я все еще не набрал. Ужинаем мы в половине восьмого.

— И как, важная работа? — спросил я. — Мишель сказал, происходят какие-то странные явления...

— Странные! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Ты только представь себе это: туманность Андромеды, отклонившуюся на восемнадцать градусов от своего обычного положения! Одно из двух: либо эта туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна развить скорость физически невозможную, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как полагаем я и мои коллеги из обсерватории Мон-Паломар, свет этой туманности отклонился из-за

какого-то феномена, которого позавчера еще не было. И не только *ее* свет, но и всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна, возможно, даже... Из всех гипотез наименее абсурдной кажется следующая: ты, конечно же, знаешь — или скорее, наоборот, не знаешь, — что луч света способен отклонить мощное гравитационное поле. Сейчас все происходит так, как если бы где-то в солнечной системе, между Андромедой и нами, появилась некая огромная масса материи, и эта масса невидима! Это глупо, немыслимо, но тем не менее это так!

— Бернар мне говорил, что когда они возвращались из своей последней экспедиции...

— Ты его видел? Когда?

— Вчера.

— А когда он вернулся?

— Позапрошлой ночью, и как раз таки с орбиты Нептуна. Так вот, он говорил, что, по всей видимости, их тоже что-то отклонило...

— Насколько? И когда?

— Этого я него не спросил. Он забежал буквально на минутку и снова умчался. Но он заедет сюда этим летом!

— Этим летом! Право же! Этим летом! Составь телеграмму: пусть немедленно приезжает со всеми своими товарищами и бортовым журналом. Сын садовника отнесет ее на почту. Быть может, в этом и кроется разгадка тайны? Этим летом! Давай, беги! Да что же ты стоишь, ей-богу!..

Я мигом исчез, набросал телеграмму, и малыш Бенуа убежал с нею в деревню. Получил ее Бернар или же нет, я так уже никогда и не узнаю.

Когда я добрался до дома дяди, все гости были уже в сборе. Первым мне попался на глаза Вандаль, который был моим учителем, когда я еще готовился к экзаменам на аттестат зрелости: высокий и сутуловатый, он был совершенно сед, хотя тогда ему было не более сорока пяти лет. Он представил меня своему другу Массакру, невысокому смуглому мужчине с округлыми жемами, и Бреффору, костистому и молчаливому верзиле.

Ровно в семь двадцать прибыли мой дядя и его свита, в половине восьмого мы сели за стол.

За исключением моего дяди и Менара, выглядевших заметно встревоженными, мы все были веселы, даже Бреффор, не без юмора рассказавший, как ему едва удалось избежать, конечно же, весьма почетной, но не слишком приятной женьитьбы на дочери вождя племени она с Огненной Земли. Что касается меня, то, словно зачарованный, я не сводил глаз с Мартины. Когда она была серьезна, ее прелестное личико напоминало застывшую маску мраморной статуи, но когда смеялась, откидывая назад голову и отбрасывая тяжелую копну волос, глаза ее сверкали, и она была чудо как хороша!

Впрочем, в тот вечер я не долго наслаждался ее обществом. В четверть девятого дядя встал из-за стола и подал ей знак. Они вышли вместе с Менаром, и через окно я увидел, как они направляются к обсерватории.

глава 2

Катаклизм

Мы вышли на террасу выпить кофе. Вечер был тихий. Далеко на западе заходящее солнце окрашивало в красный цвет высокие горы. Мишель говорил о всеобщем пренебрежении к астрономическому изучению планет с тех пор, как экспедиция Поля Бернадака начала изучать их, как говорится, «на местах». Вандаль ввел нас в курс последних открытий в области биологии. Наступила ночь. Над горами висел полумесяц, мерцали звезды.

С темнотой пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную, но свет зажигать не стали. Я сел лицом к окну рядом с Мишелем. И сейчас, после стольких лет, я с поразительной ясностью помню мельчайшие подробности этого вечера! Я видел четко вырисовывавшийся на фоне ночного неба купол обсерватории, по бокам которого располагались небольшие башенки с вспомогательными телескопами. Общий разговор вскоре распался на уединенные беседы; я говорил с Мишелем. Даже не знаю почему, но на душе у меня было легко и радостно. Мне казалось, что я ничего не вешу, и мне

было столь же комфортно в моем кресле, как бывает прекрасному пловцу в воде.

В обсерватории осветилось, погасло, снова осветилось небольшое оконце.

— Патрон зовет, — сказал Мишель. — Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

— Который час? — спросил я.

— Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и — к его и нашему величайшему изумлению — это простое движение отбросило его к расположенной в добрых трех метрах стене.

— Но... Я же теперь совсем ничего не вешу!

Я тоже поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

— Ну и дела!

Со всех сторон неслись удивленные возгласы. Какое-то время мы вихрем кружились по гостиной, словно пылинки, подхваченные ветром. У всех нас возникло одно и то же тревожное ощущение, некое внутреннее опустошение, головокружение, практически полная утрата понимания того, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Нет, этого не могло быть, — должно быть, я сошел с ума!

Казалось, звезды отплясывают бешеную сарабанду, как это делают их отражения в бурной воде. Они мерцали, разгорались, угасали, снова вспыхивали, резко перемещались с места на место.

— Смотрите! — крикнул я.

— Конец света, — простонал Массакр.

— Похоже на то, — прошептал Мишель, и я почувствовал, как его пальцы судорожно вцепились в мое плечо.

От звездной пляски рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова вскрикнул:

— Взгляните на горы!

Вершины гор исчезали одна за другой! Наиболее приближенные к нам были еще целыми, но те, что располагались подальше, слева, выглядели срезанными столь же ровно, как головки сыра ножом. И это надвигалось на нас!

— Моя сестра! — хрипло вскрикнул Мишель и бросился к двери.

Я видел, как он мчится по тропинке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каждый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Все выглядело так, будто сверху и чуть наискосок на нас падало огромное лезвие, незримое лезвие, выше которого все исчезало. Это длилось, быть может, секунд двадцать! Я слышал приглушенные возгласы моих спутников, увидел, как ворвался в обсерваторию Мишель. И вдруг она, эта обсерватория, тоже исчезла! Я еще успел заметить, как в нескольких сотнях метров ниже гора разверзлась, словно на геологической диаграмме, обнажая все свои геологические пласты, озаренные странным мертвенно-бледным светом, светом Иного Мира. И уже в следующее мгновение на нас с оглушительным грохотом обрушилась катастрофа. Дом задрожал, я вцепился в какой-то предмет мебелировки, уж и не помню, в какой, и тут окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом. Сильнейшим ветром меня вместе с остальными вышвырнуло наружу, и я покатился вниз по склону, ударяясь о камни и напарываясь на кусты, оглушенный, задыхающийся, с сильно разбитым носом. Несколько секунд — и все это закончилось. Я обнаружил, что лежу на земле метрах в пятистах от дома, среди разбросанных тел, обломков деревьев, осколков стекла и черепицы. Обсерватория снова появилась — на первый взгляд, совершенно невредимая. И все вокруг заливало необычным медно-красным светом. Я поднял глаза и увидел солнце — уменьшившееся в размерах, красноватое, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено распухло, глаза застилало пеленой. Воздух казался пропитанным странным запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой ноги, глубоко разрезанной осколком стекла чуть выше щиколотки, шла кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, он пришел в себя.

— Мы еще живы?

— Да, ты ранен, но ничего серьезного. Пойду посмотрю, что с остальными.

Ему удалось сесть.

— Ступай!

Вандадь уже поднимался, Массакр и вовсе отделался всего лишь фонарем под глазом. Он направился к Полю, осмотрел его.

— Пустяки! Жгут, пожалуй, не нужен. Крупные сосуды не задеты.

Больше всех пострадал Бреффор: он лежал без сознания с пробитым черепом.

— Его нужно срочно оперировать, — заметил хирург. — В доме вашего дяди у меня есть все, что для этого необходимо.

Я взглянул на дом: он вышел из этого испытания с минимальными потерями. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но все прочее, на первый взгляд, уцелело. Общими усилиями мы перенесли в дом Бреффора и Поля. Внутри все было перевернуто вверх дном, содержимое шкафов, столов, комодов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандадь взялся помогать Массакру.

Только тогда я наконец вспомнил о своем дяде. Дверь обсерватории была открыта, но никто оттуда не показывался.

— Схожу посмотрю, — проговорил я и, прихрамывая, вышел.

Не успел я завернуть за угол, как наткнулся на садовника, папашу Ансельма, о котором я совершенно забыл. Все его лицо было в крови. Отправив его на перевязку, я доковылял до обсерватории и поднялся по лестнице. Под куполом, возле большого телескопа, не было ни души. В кабинете выглядевший слегка ошеломленным Менар возился со своими очками.

— Где мой дядя? — прокричал ему я.

Протерев окуляры, он ответил:

— Когда это произошло, они уже собирались выйти, так что, где они сейчас, я не знаю...

Выбежав наружу, я принялся кричать:

— Дядя! Мишель! Мартина!

Ответом мне стало чье-то «эй!». Обогнув груду сошедших с горы камней, я увидел дядю, который сидел, привалившись спиной к обломку скалы.

— У него вывихнута лодыжка, — пояснила Мартина.

— А где Мишель?

Несмотря на обстоятельства, я залюбовался округлостью ее плеча под разорванным платьем.

— Пошел за водой к ручью.

— Ну, как вы все это объясните, дядя? — спросил я.

— И что я должен тебе сказать? Сам ничего не знаю. Как там остальные?

Я рассказал ему, как обстоят дела.

— Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что там... — сказал он.

— К несчастью, солнце уже садится...

— Садится? Да нет же, встает!

— Солнце заходит, дядя. Еще минут десять тому назад оно висело гораздо выше.

— А! Так ты говоришь об этом жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Обернувшись, я увидел над порядком осевшими горами сияющий голубоватый шар. Глаза меня не обманывали: мы находились в мире, где было два солнца.

Мои часы показывали десять минут первого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

глава 1

Развалины

○писать всю ту лавину эмоций, что обрушились на меня, я просто-напросто не смогу. Бессознательно, каким бы странным ни казалось мне происходящее, я старался приравнять эту катастрофу к привычным земным нормам: цунами, подземным толчкам, извержениям вулкана. И вдруг я оказался перед лицом немыслимого, безумного, но в то же время совершенно реального факта: я находился в мире, где светило два солнца! Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Я пытался отрицать очевидное.

— Но... мы же все-таки на Земле! Вот гора, обсерватория, а там, внизу, деревня...

— Я, конечно же, сижу на частичке Земли! — ответил дядя. — Однако, насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе лишь одно солнце — только полные невежи могут не знать столь важного факта, — а здесь, как видишь, их два.

— Но где же мы в таком случае?

— Говорю же: не знаю! Мы были в обсерватории. Она задрожала. Я подумал, что началось землетрясение, и мы —

я и Мартина — выбежали. На лестнице столкнулись с Мишелем, и почти тотчас же нас всех выкинуло наружу. Мы потеряли сознание и потому ничего не видели.

— Зато я видел, — проговорил я, вздрагивая. — Видел, как горы вместе с обсерваторией исчезли в каком-то мертвенном свете. Потом меня тоже вышвырнуло, а когда я пришел в себя, лаборатория снова стояла на своем прежнем месте.

— Подумать только! — горестно воскликнул дядя. — Из четырех астрономов ни один не был всему этому свидетелем!

— Мишель видел самое начало. Кстати, где он? Что-то он долго...

— Действительно, — согласилась Мартина. — Пойду посмотрю.

— Нет, лучше схожу я. Но, дядя, умоляю, скажите: где мы, по-вашему, очутились?

— Повторяю тебе: не знаю! Но уж точно не на Земле. И, может быть, даже не в нашей Вселенной, — добавил он вполголоса.

— Значит, о Земле мы теперь... можем забыть навсегда?

— Боюсь, что да. Но займись лучше поисками Мишеля.

Я увидел его, не пройдя и нескольких метров. С ним было двое мужчин, брюнет лет тридцати и рыжеволосый крепыш, которому на вид было под сорок. Мишель представил нас друг другу, что учитывая обстоятельства, показалось мне комичным. Это были Симон Бевэн, инженер-электрик, и Жак Этранж, инженер-металлург, директор завода.

— Мы пришли узнать, что случилось, — объяснил Этранж. — Сначала мы, правда, спустились в деревню: там уже работают спасательные команды, и мы послали им на помощь своих рабочих. Церковь обрушилась. Мэр, его жена и дети оказались погребенными под руинами мэрии. По первым донесениям, в деревне около полусотни раненых, несколько человек получили весьма тяжелые травмы. Помимо мэра с семьей, одиннадцать погибших. Но большинство домов уцелело.

— А у вас на заводе? — спросил мой дядя.

— Ущерб невелик, — сказал Бевэн. — Вы же знаете, какковы эти сборные конструкции — они легкие и монолитные. На самом заводе вырвало из пола несколько станков. Моя

супруга получила несколько глубоких порезов. Других пострадавших нет.

— Среди нас есть хирург. Мы сейчас же пошлем его в деревню, — сказал дядя. Затем, повернувшись к нам с Мишелем, добавил: — Вы двое, помогите-ка мне: нужно добраться до дому. Мартина, приведите Менара. Пойдемте с нами, господа.

Войдя в дом, мы увидели, что Вандаль и Массакр потрудились на славу: все снова было в полном порядке. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой медицинский саквояж.

— Спустишь вниз, в деревню, — сказал он. — Думаю, там для меня тоже найдется работа.

— В этом вы правы, — отозвался дядя. — Эти господа только что оттуда; раненых там хватает.

Я присел на краешек кровати Поля.

— Как чувствуешь себя, старина?

— Прекрасно. Разве что нога немного побаливает.

— А Бреффор?

— Тоже неплохо. Уже пришел в сознание. Все обстоит не столь серьезно, как можно было подумать.

— Тогда и я схожу в деревню.

— Ступай, — согласился дядя. — Мишель, Мартина, Вандаль, вы тоже идите. Мы с Менаром управимся здесь и без вас.

Мы ушли. По дороге я спросил у инженеров:

— Есть хоть малейшее представление о масштабе катастрофы?

— Нет. С этим придется подождать. Займемся сначала деревней и ближайшими фермами, а уж что там дальше, посмотрим потом...

Главная улица была практически вся завалена обломками домов, зато другие, поперечные, улочки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь: располагавшиеся на ней церковь и мэрия превратились в груду развалин. Когда мы подошли, из-под обломков как раз таки извлекали труп мэра. Среди спасателей я отметил для себя одну группу, которая действовала наиболее слаженно. В какой-то момент от нее отделился некий молодой человек и подошел к нам.

— А вот и подкрепление! — радостно воскликнул он. — Вы весьма кстати!

Облаченный в синий комбинезон, он был чуть ниже меня ростом, но гораздо массивнее и, должно быть, обладал недюжинной силой. Под копной черных волос, озаряя все его костистое, с резкими чертами, лицо, сверкали пронизательные серые глаза. Я сразу же проникся к нему необъяснимой симпатией, которой в дальнейшем предстояло перерасти в настоящую дружбу.

— Где раненые? — спросил Массакр.

— В банкетном зале. Вы врач? Там ваш коллега, он не откажется от помощи.

— Я хирург.

— Вот так удача! Эй, Жан-Пьер, проводи-ка доктора в медпункт!

— Я пойду с вами, — сказала Мартина. — Буду помогать.

Мишель и я присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженером, затем вернулся к нам.

— Нелегко же было их убедить, что первым делом нужно дать воду и, по возможности, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, а вы сами кто по профессии?

— Геолог.

— Астроном.

— Отлично, потом, возможно, пригодится и это. Сейчас есть дела поважнее. За работу!

— Потом? Что вы хотите этим сказать?

— Думаю, вы и так уже знаете, что мы больше не на Земле. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы это заметить! И все-таки это странно. Еще вчера все эти инженеры давали мне указания, а сегодня я говорю им, что делать.

— А сами-то вы кто? — поинтересовался Мишель.

— Луи Морье, старший мастер с завода. Тогда, может, и вы представитесь?

— Его зовут Мишель Соваж, меня — Жан Бурна́.

— Стало быть, вы родственник старика? Мировой мужик!

Так, разговаривая о том о сем, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

— Тихо! — сказал вдруг Мишель. — Я что-то слышу.

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

— Скажи-ка, Пьер, — обратился Луи к одному из рабочих, — кто тут жил?

— Мамаша Феррье с дочкой, симпатичной такой девахой лет шестнадцати. Постой-ка! Я как-то раз заходил к ним. Вот здесь была кухня. Должно быть, они в комнате, вон там!

Он указал на полуобвалившуюся часть стены. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

— Держитесь! Сейчас вы вас вытащим!

Все напряженно прислушались.

Наконец взволнованный девичий голос ответил:

— Скорее! Скорее...

Быстро, но методично мы начали рыть в обломках туннель, иногда натываясь на самые неожиданные предметы: веник, корзинку для рукоделия, радиоприемник. Спустя полчаса призывы о помощи прекратились. Продолжив рыть, мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Мать ее была мертва. Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю в подробностях лишь потому, что позднее Розе, пусть и невольно, предстояло сыграть роль этакой Елены Спартанской, — именно из-за нее и разгорелась первая теллусийская война.

Мы перенесли девушку в медпункт и, так как у нас уже урчало в животах от голода, сели заморить червячка. Голубое солнце стояло в зените, а на моих часах было только семь семнадцать утра. Взошло оно около полуночи. Стало быть, голубой день длился здесь примерно четырнадцать с половиной часов.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт на западе, а на востоке поднялось крохотное красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Всего их оказалось восемьдесят один. Двадцать один человек погиб.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый лагерь. Растянутые на шестах одеяла служили палатками тем, кто остался без крова. Одну такую, для рабочих своей спасательной команды, соорудил и Луи.

Мы сели перед ней и поужинали холодным мясом и хлебом, запивая еду красным вином, которое мне показалось лучшим из всего, что я вообще когда-либо пил в жизни. Потом, в надежде увидеться с Мартиной, я дошел до медпункта, но девушка уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев оказалось немного. По его указанию туда же, в санчасть, перенесли на носилках и Бреффора с моим братом. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

— Простите, буквально падаю с ног от усталости, — сказал мне хирург, — а завтра у меня операция, которая в данных обстоятельствах обещает быть весьма сложной.

Я вернулся в палатку, улегся на толстый слой соломы и мгновенно уснул. Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», то есть тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Позади одного из разрушенных домов остановился автомобиль. Я обошел руины и увидел своего дядю. Он спустился с горы вместе с Вандалем, чтобы узнать, как идут дела.

— Что нового? — спросил я.

— Ничего. Так как нет электричества, то и купол обсерватории теперь не вращается. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго: плотина осталась на Земле. Кстати, могу тебе сказать, что мы сейчас на планете, которая оборачивается вокруг собственной оси за двадцать девять часов, и что ось ее совсем немного наклонена, если вообще наклонена, по отношению к плоскости орбиты.

— Откуда ты это знаешь?

— Тут нет ничего сложного. Голубой день длился четырнадцать с половиной часов. Красное солнце дошло до зенита за семь часов с четвертью. Стало быть, сутки здесь продолжаются двадцать девять часов. С другой стороны, день и ночь равны, так что мы, несомненно, находимся далеко от экватора, скорее всего, на сорок пятом градусе северной широты. Из этого я делаю вывод, что ось планеты имеет весьма незначительный наклон, если только мы, конечно же, не

угодили точно в период равноденствия. Красное солнце располагается за пределами нашей орбиты и, вероятно, так же, как и мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца и мы сами противостояли планете. Позднее нам следует ожидать дней, когда будут светить сразу оба солнца или же, напротив, ни одно из них. Тогда наступят черные ночи или, скорее, лунные.

— Лунные? Так здесь есть луна?

— Взгляни на небо!

Я поднял глаза. Бледные в розовом небе, над нашими головами действительно сияли две луны: одна была примерно такой же, как и наша старая земная луна, другая — гораздо более крупной.

— Только что их было и вовсе три, — продолжал дядя. — Самая маленькая уже зашла.

— Сколько же еще продлится эта «ночь»?

— Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных ферм. Там жертв немного. Но вот дальше...

— Не мешало бы съездить туда, — сказал я. — Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Луи. Надо же узнать, сколь далеко простирается наша территория!

— Тогда я поеду с вами.

— Нет, дядюшка, у тебя вывихнута нога. Мы можем где-нибудь поломаться и будем вынуждены идти пешком. Сейчас мы совершим сверхбыструю вылазку. Но позднее...

— Ладно, так и быть. Помогите мне тогда выйти и доведи до вашей санчасти. Вы со мной, Вандаль?

— Я бы тоже не прочь поучаствовать в этом рейде, — ответил биолог. — Полагаю, участок земной поверхности здесь не очень велик, и вы намерены объехать его весь, не так ли?

— Если найдем проезжие дороги. Что ж, поедемте с нами. Возможно, обнаружим какую-нибудь неизвестную фауну. Да и вообще эта поездка рискует оказаться нелегкой, так что ваш опыт путешествий по Новой Гвинее вполне может оказаться полезным.

Я разбудил Мишеля и Луи.

— Хорошо, я готов, — сказал последний, — только сначала хотел бы поговорить с вашим дядей. Вас не затруднит, мсье Бурна́, — обратился он к астроному, — подсчитать

в наше отсутствие жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего? После смерти мэра вы здесь единственный, к кому все прислушаются. Вы в хороших отношениях и с кюре, и с учителем. По-моему, если кто вас здесь и недолюбливает, так только кабатчик Жюль — возможно, потому, что вы никогда к нему не заходите. Но этого я беру на себя — будет как шелковый. Естественно, мы вернемся еще до того, как вы закончите.

Мы погрузились в автомобиль, старой открытой модели, но вполне еще надежный. Я уже взялся за руль, когда дядя окликнул меня:

— Постой! Захвати-ка с собой то, что лежит в моем портфеле!

Открыв портфель, я вытащил оттуда пистолет уставного образца, сорок пятого калибра.

— Это мой офицерский, — сказал дядя. — Возьми его. Кто знает, что вам там встретится? В бардачке лежат две коробки патронов.

— Вот это здравая мысль! — одобрительно заметил Луи. — А другого оружия у вас нет?

— У меня нет, но в деревне, думаю, найдутся охотничьи ружья.

— А ведь и правда! Заскочим по пути к папаше Борю. Когда-то он был аджуданом в колониальных войсках, а сейчас сделался заядлым охотником.

Мы разбудили старика и, несмотря на его бурные возражения, реквизировали добрую половину его арсенала: один винчестер, два охотничьих ружья и заряженные крупной дробью патроны. Выехав с рассветом, мы двинулись на восток. Сначала, пока это было возможно, ехали по дороге; местами она была перерезана неприятными разломами, но нам, если не считать одного небольшого объезда, удавалось их преодолевать. Примерно на час нас задержал довольно-таки серьезный завал. Часа через три после выезда мы угодили в зону сплошного хаоса: впереди, насколько хватало глаз, громоздились вздыбленные горы, огромные кучи земли, камней, деревьев и — увы! — развалины домов.

— Должно быть, мы уже совсем рядом с краем земли, — сказал Мишель. — Пойдемте пешком.

Оставив — возможно, и опрометчиво — автомобиль без охраны, мы прихватили оружие, немного еды и углубились в опустошенную зону. Больше часа мы с трудом продвигались вперед. Для меня, геолога, окружавший нас ландшафт выглядел совершенно невероятным. Здесь перепуталось все: осадочные породы, кристаллическая магма, мезозойские и третичные отложения, настолько перемешанные, что в одном и том же месте я обнаружил трилобит, сеноманский аммонит и третичные нуммулиты.

Пока я собирал окаменелости, Луи и Вандаль, возглавлявшие шествие, взобрались по склону. Достигнув гребня, они оба, практически в один голос, изумленно вскрикнули, и мы с Мишелем поспешили присоединиться к ним. До самого горизонта перед нами простиралось огромное, с маслянистыми водами, болото, поросшее жесткой, сероватой, словно припорошенной пылью растительностью. Пейзаж был зловещий и грандиозный. Вандаль достал бинокль и принялся внимательно вглядываться вдаль.

— Там горы! — сказал он.

Он протянул мне свой оптический аппарат. Далеко-далеко, на юго-востоке, на фоне неба вырисовывалась голубоватая линия.

Во все стороны от мыса, образывавшего «зону суши», собираясь в складки и поглощая растительность, тянулись ил и тина. Мы осторожно спустились к краю воды. Вблизи она показалась нам довольно прозрачной, тогда как само болото выглядело весьма глубоким.

— Куда ни глянь — сплошная пустота, — заметил Вандаль. — Ни рыбы, ни птиц.

— Посмотрите-ка туда! — сказал Мишель.

Он указывал на тинистую отмель чуть поодаль, где лежало какое-то зеленоватое существо примерно метровой длины. С одного его конца можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого из них светился неподвижный сине-зеленый глаз. На другом конце туловища был мощный хвост, заканчивающийся сплюснутым плавником. Рассмотреть больше деталей нам не удалось: отмель была недоступна. Но когда мы уже взбирались на склон, точно такое же существо быстро

Гидра над болотом

пролетело над поверхностью воды с прижатыми к телу щупальцами и тут же — мы едва успели его заметить — снова ушло под воду.

Прежде чем вернуться к авто, мы бросили последний взгляд на болото, и тут впервые с момента нашего прибытия на эту планету увидели проплывавшее высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Вернувшись, мы обнаружили, что машина стоит с включенными фарами.

— Я, однако же, абсолютно уверен, — сказал я, — что оставил их выключенными. Тут кто-то определенно порылся!

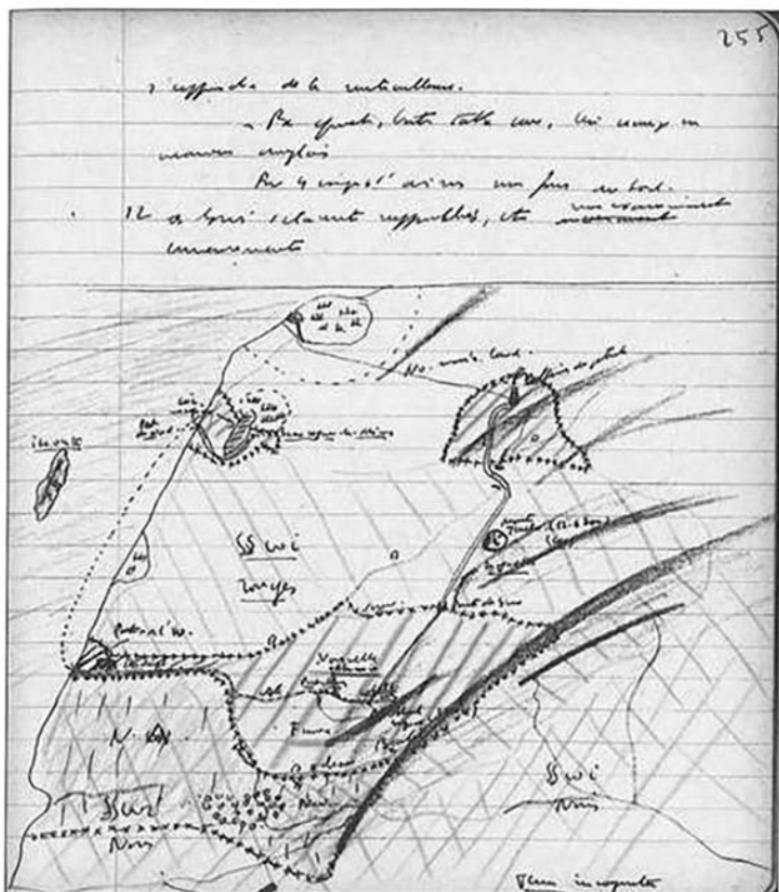
Однако вокруг автомобиля, на пыльной земле, были отпечатки только наших собственных ног. Я щелкнул тумблером, чтобы выключить фары, и вскрикнул: рукоятка была покрыта некоей клейкой и холодной субстанцией, напоминавшей слизь улитки.

Доехав до развилки, мы повернули на север и довольно скоро вынуждены были остановиться у крупного нагромождения горной породы — судя по всему, здесь случился обвал.

— Лучше вернуться в деревню и уже оттуда рвануть по дороге, что идет вдоль поляны, — сказал Луи. — Здесь мы практически у границы мертвой зоны.

Там мы и поступили. В деревне мы обнаружили моего дядю сидящим в кресле с вытянутой вперед перевязанной ногой и о чем-то беседующим с кюре и учителем. Мы объявили, что раньше завтрашнего дня нас ждать не следует, и погнали прямо на север. Дорога сначала поднялась на небольшой перевал, потом спустилась в вытянутую параллельно хребту долину. Мы обнаружили несколько ферм, которые практически не пострадали: крестьяне присматривали за скотом и занимались своими делами, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров путь нам снова преградили обвалы. Но здесь зона разрушений была менее широкой, и посреди нее возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и таким образом смогли обозреть местность сверху. Здесь также «зону суши» окаймляли одни болота. Уже подступала красная ночь, и мы, порядком уставшие за день, заночевали на одной из ферм. После шести часов восстановительного сна мы двинулись на запад. На сей раз нас остановили уже не болота, но унылое море.

Тогда мы повернули на юг. До мертвой зоны километров на двенадцать простиралась земля. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что значительно облегчало разведку. Ехать, однако, приходилось очень медленно, потому что местами часть дороги загромождали обломки скал. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок: окруженная лесами и лугами небольшая долина. Осыпи здесь запрудили горную речушку, и она разлилась

«Робинзоны космоса», оригинальная рукопись. Карта, нарисованная Франсисом Карсаком (1 ноября 1945).

в сверкающее озеро. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Проехав по ней какое-то время, я заметил табличку: «Въезд воспрещен! Частная собственность!»

— Думаю, — пробормотал Мишель, — что, учитывая обстоятельства...

Не успели мы остановиться перед замком, как на крыльце появились молодой человек и две девушки. Лицо юноши искажала гримаса злобного удивления. Он был довольно-таки высок, смугловат, плотно сбит и по-своему даже красив. Одна

девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая — она выглядела постарше — была слишком яркой блондинкой, чтобы цвет ее волос можно было принять за естественный. Молодой человек быстро сбежал по ступеням.

— Вы что, читать не умеете?

— Я думал, — начал было Вандаль, — что в подобных обстоятельствах...

— Какие еще могут быть обстоятельства? Это частная собственность, и я не желаю видеть здесь никого, кроме тех, кто сюда приглашен!

В то время я был молод, горяч и не слишком учтив, а потому не сдержался:

— Послушай-ка, сосунок, мы приехали посмотреть, не обрушился ли этот славный замок, который, судя по всему, едва ли является вашим родовым имением, на то, что тебе заменяет голову, а вы вот, значит, как нас встречаете?

— Проваливайте с нашей земли, — завопил он, — или я прикажу вышвырнуть вас отсюда вместе с вашей колымагой!

Я уже собирался выскочить из машины, когда в разговор вмешался Вандаль.

— Не нужно на нас кричать. Мы, конечно, уедем, и уедем без всякого сожаления. Но позвольте предупредить вас, что теперь мы на другой планете, где ваши деньги едва ли имеют хождение...

— Что здесь происходит?

На крыльце, в сопровождении дюжины здоровенных и малосимпатичных парней, появился широкоплечий мужчина в самом расцвете лет.

— Отец, эти типы въехали сюда без разрешения и теперь...

— Заткнись, Шарль! — оборвал его хозяин замка. Затем, обращаясь к Вандалю, промолвил:

— Вы что-то там говорили о другой планете. Как вас понимать?

Вандаль объяснил.

— Стало быть, мы уже не на Земле? Интересно, очень интересно... И эта планета девственная?

— Пока что, должен признаться, мы видели только болота с двух сторон и море — с третьей. Остается разведать, что

находится с четвертой — вашей — стороны, если, конечно, ваш сын нам позволит!

— Шарль молод и не знал, что случилось. Мы практически ничего из этого не поняли. Сначала я решил, что произошло землетрясение, но когда увидел два солнца и три луны... Спасибо, что прояснили ситуацию. Надеюсь, вы пропустите с нами по рюмочке?..

— Благодарю, но мы спешим.

— Ну что вы! Ида, скажи, пусть приготовят...

— Честное слово, — прервал его я, — мы действительно очень торопимся! Нам еще нужно добраться до края этой земли и к вечеру вернуться в деревню.

— В таком случае не буду настаивать. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

Мы двинулись дальше.

— Не слишком-то симпатичные люди, — заметил Мишель.

— Да уж, весьма мерзопакостные, — согласился Луи. — Знаете, кто они? Оннегёры, швейцарцы — как они сами уверяют, — миллиардеры, сколотившие состояние на торговле оружием. Сын еще хуже отца. Уверен, что раз у него водятся деньжата, все девушки только о том и мечтают, что упасть в его объятия. Нет в мире справедливости! Уж лучше бы их завалило камнями вместо бедняги мэра! Хороший был мужик, порядочный во всех отношениях...

— А что за белокурая красotka была с ними?

— Мадлен Дюше, — ответил Мишель. — Киноактриса. Более известна своими скандальными похождениями, нежели игрой. Ее фото были во всех газетах.

— А дюжина типов с физиономиями висельников?

— Вероятно, подручные для их грязных делишек, — сказал Луи.

— Боюсь, эти люди доставят нам еще немало хлопот, — задумчиво произнес Вандаль.

Мы въехали в еще одну мертвую зону. На то, чтобы пересечь ее, у нас ушло четыре часа пешей прогулки, но зато на сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за ней оказалась твердая почва. Я чувствовал себя взволнованным. Стоя на обломке известняка, наполовину скрытом неведомой растительностью, я с пару мгновений не решался ступить ногой

на почву иного мира. В итоге Луи и Мишель, менее впечатлительные, в этом меня опередили. Мы собрали образцы растений. То были зеленоватые травы с жесткими, режущими стеблями без соцветий, кустарники с поразительно прямыми стволами и серой корой металлического отлива. Смогли мы как следует рассмотреть и одного из представителей местной фауны. Обнаружил его Луи. То оказалось некое пресмыкающееся, имевшее форму плоской, длиной около трех метров, змеи, слепое и беспозвоночное. На предполагаемой голове у него были две большие заостренные, с каналами внутри, мандибулы, — примерно такие же, по словам Вандаля, имеются у личинок жука-плавунца. В земной фауне чего-то похожего на эту «слепую змею» ему не встречалось. Правда, и эта была мертвой, уже начинавшей иссыхать. Я заметил на ее коже рваное отверстие, вокруг которого застыла блестящая слизь. Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, присмотревшись, мы увидели — скорее, даже ощутили, — что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания находятся в крайней стадии разложения, поэтому пришлось удовлетвориться одним лишь фотографированием. Так как в высокой траве могли скрываться и другие подобные экземпляры — только живые и, вероятно, опасные — мы поспешили отправиться в обратный путь.

За нашей спиной, куда ни кинь взгляд, простиралась травянистая степь, вдали плавало по небу зеленое облако.

глава 2

Одиночество

Прежде чем думать об исследовании планеты, нужно было как следует обосноваться на том клочке земной территории, который последовал за нами, и организовать здесь хоть какое-то общество. В деревне нас ждала хорошая новость: в колодцах снова появилась вода. Произведенный Вандалем анализ выявил, что она вполне пригодна для питья, пусть и немного солоновата. Полным ходом шла

перепись. С людьми дело обстояло просто, со скотом — чуть сложнее, но труднее всего — с материальными запасами. Прав был мой дядя, когда говорил: «Меня здесь, конечно же, знают, но я для них тут никто — не мэр и даже не муниципальный советник».

Из подсчетов вытекало, что население деревни и окрестностей составляет 943 мужчины, 1007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет, итого — 2847 человек. Скота, похоже, было много, особенно рогатого.

Ознакомившись с докладом, Луи сказал:

— Завтра утром нужно провести общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему клочок бумаги, на котором карандашом был написан некий текст. Этот листок до сих пор у меня, весь пожелтевший и едва уже не рассыпающийся.

Вот полный текст воззвания:

Гражданки и граждане: завтра утром на площади у колодца состоится общее собрание. Мсье Бурна́, астроном, объяснит причины катастрофы. Луи Морье и его товарищи расскажут о результатах разведки. Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять несколько важных решений на будущее. Присутствие обязательно.

Я как сейчас помню это первое собрание. Сначала слово взял Луи.

— Прежде чем мсье Бурна́ объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, я сам скажу пару слов. Вы, должно быть, уже осознали, что мы больше не на Земле. Теперь, когда со спасением раненых покончено, нам придется решать трудные задачи. Первым делом нужно организоваться. Ни одно человеческое сообщество не может жить без законов. За нами последовала часть Земли длиной примерно тридцать километров и шириной километров семнадцать, этакий неправильной формы ромб площадью около пятисот квадратных километров. Но обольщаться не сто́ит: только четверть этой площади пригодна для обработки, все остальное там — развороченные горы. Думаю, чтобы прокормиться, земли нам хватит, хотя по итогам переписи наше

население может значительно возрасти. Но главная проблема заключается не в земле — ее любой желающий сможет получить хоть по несколько тысяч гектаров, потому что нас ждет целая планета. Главная проблема — рабочая сила. Теперь нам понадобится каждый человек, и работать придется всем. Нам неслыханно повезло с тем, что здесь вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно, нам придется рассматривать себя как пионеров и проникнуться их менталитетом. Тот, кто вместо помощи соседу вредит ему, — преступник, и таковым и будет считаться. Хотим мы этого или же нет, отныне таков наш закон, и нам придется либо ему подчиниться, либо сдохнуть! После собрания, вместе с добровольцами, я проведу перепись профессий. Те, кто явились сюда, предоставят сведения об отсутствующих. Послезавтра общее собрание выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь я передаю слово мсье Бурна́.

— Дорогие друзья! Как вы знаете, беспрецедентная катастрофа оторвала нас — боюсь, что навсегда — от нашей старушки Земли, забросив в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не могу вам этого сказать. Вы уже могли заметить, что здесь два солнца и три луны. Пусть это вас не пугает. Мсье кюре и ваш учитель, которые не раз заходили ко мне в обсерваторию, могут вам подтвердить, что подобные вещи можно наблюдать в небе довольно-таки часто. По некоей ниспосланной Провидением случайности (здесь кюре одобрительно кивнул), мы попали на планету, воздух которой, по правде сказать, мало чем отличается от земного и вполне нам подходит. Согласно моим предварительным расчетам, эта планета должна быть чуть больше Земли. Луи Морье только что объяснил, и вполне доходчиво, что нам остается делать. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал *нашим* миром, я вам об этом сообщу.

Реакция аудитории в целом оказалась хорошей. Крестьяне с отдаленных ферм явно уже примирились с катастрофой: семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, а прочим не очень-то и интересовались. Жители деревни оказались куда более недоверчивыми.

— Да что он нам, старик-то, тут заливает про этот его иной мир!.. Туда и попадают-то только после смерти, а мы еще живы!

— И однако же здесь и вправду два солнца!

— Ну, второе-то совсем маленькое. И потом, с этой их наукой мы еще и не такое увидим. Если хотите знать мое мнение, все это происки китайцев, как тогда с атомной бомбой!

Семейные драмы также разыгрывались в основном среди деревенского населения. Один юноша никак не мог свыкнуться с мыслью, что больше никогда не увидит свою невесту, которая уехала погостить к кузине, и потому во что бы то ни стало хотел послать ей телеграмму. У многих в результате обвалов гор или под развалинами домов погибли родные.

Утром следующего дня — это было воскресенье — нас разбудил колокольный звон. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, и теперь, подвешенные к большой ветке дуба, они вовсю трезвонили. Когда мы подошли, он уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славный человек был этот кюре, и позднее он доказал, что в его упитанном теле жила героическая душа. Я подошел к нему.

— Что ж, монсеньор, поздравляю. Ваши колокола напомнили нам о родной Земле. До чего же приятные воспоминания!..

— Монсеньор? — вскинул брови кюре.

— Ну да, вы же теперь епископ. Да что я говорю? Папа!

— Боже милостивый, об этом я и не подумал! Это же колоссальная ответственность, — добавил он, бледнея.

— Полноте! Все будет в порядке!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился к Луи, уже обосновавшемуся в школе. Ему помогали учитель с женой, оба еще — совсем молоденькие.

— Как твоя перепись? Продвигается?

— Ну да, потихоньку. Что скрывает один, за него всегда готовы сказать другие. Предварительный подсчет таков:

2 учителя.

2 каретника.

3 каменщика.

1 плотник.

- 1 ученик плотника.
- 1 автовеломеханик.
- 1 кюре.
- 1 пономарь.
- 3 владельца кафе.
- 1 булочник.
- 2 пекаря.
- 2 галантерейщика.
- 3 бакалейщика.
- 1 кузнец с двумя подручными.
- 6 каменоломов.
- 2 жандарма.
- 350 рабочих завода.
- 5 старших мастеров.
- 5 инженеров.
- 4 астронома.
- 1 геолог — ты.
- 1 хирург.
- 1 врач.
- 1 аптекарь.
- 1 биолог.
- 1 историк — твой брат.
- 1 антрополог.
- 1 ветеринар.
- 1 часовщик, он же — радиомастер.
- 1 портной с двумя учениками.
- 2 швеи.
- 1 сельский участковый.

Остальные — земледельцы. Что касается папаши Борю, то он настоял, чтобы его записали как «браконьера». Ах да, совсем забыл! Еще владец замка с сыном, дочерью, любовницей и по меньшей мере дюжиной сбиров, не считая прочей челяди. От этих, кроме неприятностей, ничего другого ждать не приходится.

— Каковы материальные ресурсы?

— 11 машин на ходу, плюс автомобиль твоего дяди и двадцатисильный железный конь Мишеля, потребляющий слишком много бензина; 8 тракторов, один из которых гусеничный; 18 грузовиков, из них 15 — заводские; 10 мото-

циклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось лишь 12000 литров бензина и 13600 литров дизельного топлива. Запасных шин тоже маловато.

— В крайнем случае, обойдемся и без бензина — будут ездить на дровяных газогенераторах.

— И где ты их возьмешь, эти газогенераторы?

— На заводе сделаем.

— Нигде нет электричества! Правда, есть аварийные генераторы с паровыми двигателями, но у нас крайне мало угля, да и дров недостаточно.

— Тут в горах неподалеку этого угля были целые залежи. Они должны были перенестись сюда вместе с нами. Они, конечно, не слишком удобные для разработки, но другого выхода у нас нет.

— Найди их. Это твоя работа. Что касается продовольствия, то им мы вполне обеспечены, но до следующего урожая нужно будет вести строгий учет. Может быть, даже придется ввести продовольственные карточки, хотя, по правде сказать, я даже не представляю, как народ отнесется к подобному предложению.

Первые выборы на Теллусе прошли уже на следующий день. Какой-то конкретной программы не было: собравшимся просто объявили, что они должны избрать Совет, или Комитет общественного спасения.

Предполагалось, что комитет этот будет состоять из девяти человек: каждому избирателю нужно было подать список с девятью именами, и в Совет проходили набравшие больше всех голосов.

Результаты выборов удивили многих. Первым избранным, с 987 голосами из 1302 голосовавших, стал первый заместитель мэра, Альфред Шарнье, богатый крестьянин. Вторым, 900 голосами, был избран некий школьный учитель, его дальний родственник, третьим, набрав 830 голосов, прошел кюре. Далее последовали Луи Морье (802 голоса), Мари Прэль, бывшая муниципальная советница, крестьянка, но притом женщина весьма образованная (801 голос), мой дядя (798 голосов), Этранж (780 голосов) и, как ни странно, Мишель (706 голосов) — оказалось, он весьма популярен среди женской половины населения! — и даже я сам (700 голосов).

Позднее я узнал, что своим избранием обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, говоря всем, что только я смогу отыскать столь необходимые железо и уголь. Зато владелец самого большого в деревне кабака, к его величайшему разочарованию, получил всего 346 голосов!

Что нас удивило больше всего, так это малое число избранных крестьян. Возможно, в этих необычных обстоятельствах избиратели решили довериться тем, кто, по их мнению, за счет своих знаний мог извлечь пользу из чего угодно, а может быть, они просто не слишком доверяли друг другу и предпочли выбрать людей, далеких от деревенских склок.

Мы предложили должность председателя Альфреду Шарнье как получившему больше всех голосов, но он отказался, и в конечном счете ее по очереди занимали кюре и учитель. В тот же вечер Луи, деливший одну комнату со мной и Мишелем, сказал нам:

— Нам нужно сформировать блок. Ваш дядя будет с нами. Думаю, мы можем рассчитывать также и на учителя. Нас будет пятеро, а это уже большинство. Конечно, придется навязывать свои взгляды, что будет не всегда легко. Но нас поддержат рабочие и даже, возможно, часть деревенских жителей, быть может, даже инженеры. И дело здесь не в личных амбициях — я действительно полагаю, что только мы отчетливо понимаем, что именно нужно делать для управления этим клочком планеты.

— То есть, — сказал Мишель, — ты предлагаешь нам установить диктатуру?

— Диктатуру? Да нет — всего лишь сильное правительство.

— Особой разницы я между ними не вижу, — проговорил я, — но думаю, что это действительно необходимо. У нас появится оппозиция...

— Кюре... — начал Мишель.

— Совсем не обязательно! — прервал его Луи. — Он умен, и так как в религиозные дела мы вмешиваться не будем, полагаю, мы и его сможем привлечь на свою сторону. Крестьяне? Они получают столько земли, сколько смогут обработать. В том крайне умеренном коллективизме, который я для нас наметил, нет ничего такого, что может их встревожить. Нет,

трудности придут, когда мы начнем ломать старые привычные представления. Вначале, в ближайшем будущем, уж точно будет непросто. Позднее, через несколько поколений, возникнут новые проблемы, сейчас же речь идет исключительно о выживании. И если мы начнем изводить себя по пустякам или позволим воцариться здесь беззаконию...

— Так и быть, я с тобой.

— Я тоже, — промолвил Мишель. — Хотя если бы мне кто-то предсказал, что когда-нибудь я стану членом правления!..

Первое заседание Совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

— Начнем с народного просвещения, — сказал Мишель. — Предлагаю избрать министром мсье Бурна́. Мы во что бы то ни стало обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из нас, «ученых», должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников. Сначала мы передадим им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, отличникам, если таковые найдутся. Одновременно с этим нужно будет написать книги, чтобы пополнить библиотеку обсерватории — к счастью, там сохранилось достаточное количество самых разнообразных научных трудов — и библиотеку школы.

— Прекрасно! — согласился Луи. — Министром промышленности предлагаю назначить мсье Этранжа, сельское хозяйство поручить господину Шарнье. Ты, Жан, будешь министром геологии, — это очень важный пост. Мсье кюре станет нашим министром юстиции, господин учитель, на досуге изучавший политическую экономию, — министром финансов. Нам придется запустить в оборот деньги, чтобы было хоть какое-то средство обмена.

— А я? — спросил Мишель.

— Ты займешься организацией полиции.

— Хочешь, чтобы я стал легавым?

— Да. Правда, придется потрудиться — на твои плечи лягут всевозможные описи, реквизиции, поддержание порядка и т.д. и т.п. Ты здесь пользуешься популярностью, это тебе поможет.

— Так я быстро все симпатии растеряю! А сам ты что будешь делать?

— Погоди. Мари Прэль будет министром здравоохранения, доктора Массакра и доктора Жюльена определим ей в помощники. Что касается меня, то я, если позволите, займусь армией.

— Армией? Почему бы тогда еще и не флотом?

— Кто знает, что нам уготовила эта планета? К тому же я буду весьма удивлен, если в самое ближайшее время так или иначе не проявит себя тот мрачный тип из замка.

Луи как в воду глядел. Уже на следующий день на наших стенах появились десятки листовок, отпечатанных типографским способом. Говорилось в них следующее:

Горожане и крестьяне!

Так называемый Комитет общественного спасения захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов — пятеро чужаков! Рабочий, трое «интеллектуалов», инженер, учитель — вот уже шесть голосов против трех крестьян и голоса господина кюре, втянутого в эту авантюру вопреки его воле. Что могут понимать все эти люди в ваших законных чаяниях? Кто лучше, чем я, крупный землевладелец, сумеет постичь ваши стремления и разделить их с вами? Вставайте на мою сторону, разгоните эту клику! Приходите к моему замку в Долине!

Иоахим Оннегёр.

Луи торжествовал.

— Я же вам говорил! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала реквизиция всего оружия и раздача его гвардии, набранной среди наиболее надежных элементов. Гвардия состояла из пятидесяти человек и была поставлена под командование Симона Бевэна, лейтенанта запаса. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, тем не менее, представлял собой уже довольно-таки значительную полицейскую силу.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам, коим помогали Мишель и мой дядя, удалось собрать весьма мощный передатчик, Радио-Теллус. В память о Земле мы назвали нашу новую планету Теллус —

такое было латинское имя нашей родины. Большая луна стала Фебом, средняя — Селеной, маленькая — Артемидой. Голубое солнце получило имя Гелиос, красное — Соль. Под этими именами знаете сейчас их и вы.

С вполне объяснимым волнением Симон Бевэн отправил в эфир первые позывные. Пробуя волны самой разной длины, мы повторяли передачи на протяжении двух недель, но так и не получили никакого ответа. Так как угля было мало, дальнейшие передачи мы вели уже только раз в неделю, но и на эти наши призывы никто не откликнулся. В конечном счете мы вынуждены были смириться с тем, что отныне обречены на одиночество. Кроме нас самих, людей на Теллусе не оказалось — разве что, возможно, какие-то отдельные группки, не имеющие радиоприемников.

глава 3 Гидры

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Оннегёр нас больше не беспокоил. Поймать расклейщиков пока не удавалось. Но вскоре владелец замка напомнил о своем существовании самым трагическим образом.

Вы помните Розу Феррье, ту самую девушку, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Несмотря на молодость — ей едва исполнилось шестнадцать лет, — она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за ней усиленно приударял Шарль Оннегёр. И вот однажды — (была красная ночь) — мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно вскочили, однако Луи оказался еще быстрее, и мы выбежали за ним на улицу. Навстречу нам из багрового полумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу ар-

мию в прежнем чине аджюдана. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь, как пули засвистели над нашими головами и послышались автоматные очереди: у нападавших были автоматы! Ползком добрались мы до папаши Борю.

— Одного снял, — сообщил он нам, светясь от гордости. — Прямо на бегу, как когда-то серн сбивал!

— Одного — кого? — спросил Мишель.

— А я почему знаю! Одного из тех мерзавцев, что напали на нас.

Прозвучали еще несколько выстрелов, и сразу же вслед за ними — отчаянный женский крик:

— Ко мне! Кто-нибудь! Помогите!..

— Это Роза Феррье, — сказал Луи. — Похоже, этот подлец Оннегёр вздумал ее похитить.

Автоматная очередь заставила нас пригнуть головы. Крики затихали вдали. Заурчал мотор автомобиля.

— Ну, погоди немного, свинья! — прокричал Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удалился. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили своим глазам, — это был деревенский портной! Картечь пробил ему икры. В кармане у него мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Оннегёра, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой давно тщетно домогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Оннегёра расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми, шестеро были ранены. Исчезли три девушки — Роза, Мишель Оудуй и Жаклин Прэль, племянница Мари. Но зато после ночью-

го налета все жители деревни и окрестных ферм встали на нашу сторону. Бандиты оставили на месте двух убитых, два автомата, револьвер и довольно значительное количество патронов. На рассвете, еще до восхода голубого солнца, Совет единогласно объявил Шарля и Иоахима Оннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на изолированной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру, из-под которой словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десяток непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестьянин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что упал на землю и прохрипел:

— Эти паразиты несут смерть! Они — что-то вроде летучих осьминогов, и убивают одним ударом!..

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив полный стакан водки, он смог рассказать нам, что произошло:

— Значит, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Пьер, мой сынишка, погнал их на пастбище. Я видел, конечно, в небе зеленое облачко, да кто же, черт его, знал, что это за штука! В этом мире два солнца и три луны, думал я, так почему бы не быть зеленым облакам? Ну и вот. Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых осьминогов, и у всех присоски болтаются вроде рук. Они упали прямо на стадо, и бедные коровы попадали замертво. Я кричу Пьеру: «Прячься!» — только он уже не успел, бедняга. Один осьминог полетел к нему и сверху, метров с трех, ударил его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть сидят и не выходят, а сам вскочил на мотоцикл — и сюда! Они за мной

гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, едемте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе, угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, никого не спрашивая, устроился на заднем сиденье, Бевэн с целым взводом своих гвардейцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра — так Мишель окрестил этих тварей, и это название за ними осталось. Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцами. Мы сбили ее жаканом и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

— Нужно узнать своего врага, прежде чем с ним сражаться, — объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра четыре с могучим плоским хвостом. Спереди у него болталось шесть полых щупалец с роговыми когтями на концах, из-под которых выделялась слизь. У основания каждого щупальца было по глазу. В середине в кругу, образованном щупальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговый конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

— Жало наверняка ядовитое, — сказал Вандаль. — Советую стрелять, не выходя из грузовика: брезент — толстый, возможно, и защитит вас. Такую же тварь мы видели и тогда на болоте, только эта гораздо крупнее и способна летать. Вот только за счет чего они это делают?

Вдоль всей верхней части туловища у гидры висели какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной, заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше. Мишель вел машину. Приспустив со своей стороны стекло, я высунул наружу ствол автомата; второй автомат взял Вандаль и охранял левую сторону. Грузовик шел за нами.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от

земли, свободно свесив чуть шевелящиеся щупальца. От неожиданности первой очередью я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью — километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колеи. За стеклом окна мелькнули испуганные лица крестьянки и ее второго сына — мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой одно-два щупальца были погружены в тело жертвы.

— Тут только что были и другие, — прокричал нам фермер, — так что будьте осторожны!

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов коров и отправлялись к воде — по-видимому, пить. Во всяком случае, в тот момент мы разглядели только, как гидры, подлетев к большой луже, погружали в нее особое, более толстое щупальце, и жадно сосали воду. После этого они заметно раздувались, но движения их, как ни странно, становились явно легче.

Мы выбрали каждый по цели. Я тщательно прицелился в ближайшую группу, состоящую из шести тварей, присосавшихся к одной и той же корове.

— Огонь! — скомандовал Бевэн.

Протрещал залп, словно лопнуло, раздираясь, шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелю, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули наземь, как продырявленные мешки, — я косил их в упор. Вандаль, более удачливый или более меткий, чем я, ухитрился снять сразу двух одной очередью. Картечь охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вы-

лезли из машины. Остальные на грузовике были настороже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили рваные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

— Пищеварение внешнее, — пояснил Вандаль, — как у личинки жука-плавунца. Гидра убивает своим ядовитым жалом, потом через щупальца впрыскивает в тело жертвы желудочные соки, которые превращает плоть в питательную слизь, и затем уже высасывает эту массу.

Чтобы рассмотреть чудовище получше, он нагнулся, присел на корточки, но задел при этом рукой зеленую кожу и вскрикнул от боли.

— Осторожно! Не прикасайтесь. Она обжигает.

Его левая рука покрылась беловатой сыпью.

— Будто какая-нибудь медуза! Вы ведь знаете, какие ожоги они вызывают? Здесь результат тот же, пусть способ и другой. При малейшем прикосновении уколет так, что мало не покажется.

Рука его быстро раздулась и два дня отзывалась острой болью, но затем все прошло.

Тем временем зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму! Остаться? Но что, если Оннегёр без нас захватит деревню? Гидры сами вывели нас из нерешительности.

— В укрытие! — закричал вдруг наблюдавший за ними Мишель.

Мы бросились к машине; первым в нее вскочил Вандаль, за ним мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собой дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная стрельба. Наши гвардейцы не жалели пороха! Раненые гидры, корчась, шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись

в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль — очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Грузовик сразу тронулся с места. Теперь мы тоже открыли огонь и на сей раз стреляли весьма удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но, поскольку на нас никто не нападал, мы целились не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а всего в общей сложности более семидесяти штук. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и, наконец, улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накинули на нее петлю и отбуксировали по воздуху в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидр, лишь одну по просьбе Вандаля обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати, выяснилось, что наше беспокойство было напрасным: в грузовике никто не пострадал, просто один из гвардейцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, сколь грозную опасность представляет для нас мир неведомых чудовищ Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Гвардейцы пели. Рабочие распевали боевые революционные песни, а мы с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь сделать побольше шума. Новости, которыми встретил нас Луи, слегка охладили наш безудержный энтузиазм.

глава 4

Сила против насилия

Разведка у замка, проведенная двенадцатью гвардейцами, была встречена очередью крупнокалиберного (20-мм) пулемета. В доказательство они принесли неразорвавшуюся пулю.

— Вот вам и факт, — спросил Луи. — Вооружены эти мерзавцы гораздо лучше, чем мы. Против вот этого, — он подбросил на ладони разрывную пулю, — у нас только ружья для охоты на кроликов да сарбаканы... Единственное наше серьезное оружие — винчестер папаши Борю.

— И два автомата, — добавил я.

— Пригодные для боя на расстоянии не более чем в тридцать метров! Да и потом, много ли к ним патронов? А сражаться все равно придется: так мы этого оставить не можем. По сути, Мишель, ваша сестра в обсерватории тоже не в безопасности.

— Негодяи! Если они посмеют...

— Посмеют, старина, посмеют! У нас — человек пятьдесят, вооруженных абы как, тогда как у них порядка шестидесяти и прекрасное оружие. А тут еще эти мерзкие зеленые осьминоги, черт бы их побрал! Ах! Был бы здесь Констан...

— А это еще кто?

— Инженер, специалист по ракетам. Ах, ну да, ты же не в курсе! Помимо всего прочего, наш завод должен был выпускать боевые ракеты для самолетов. Мы их наделали целую кучу, но там только обычные металлические корпуса, зарядов к ним нет. В химической лаборатории, конечно же, осталось все то, что нужно для начинки, но персонала, способного этим заняться, у нас нет.

Я схватил его за руки и завертел в неистовом круговороте.

— Луи, старина, мы спасены! Тебе ведь известно, что мой дядя — майор артиллерии в запасе?

— Ну да, но что из этого? Орудий-то у нас все равно нету!

— Дело все в том, что в последние годы он служил в ракетных противовоздушных частях! В ракетах он сечет как никто другой! Если у вас там действительно сохранились необходимые химические вещества, все в порядке! Дядя и Бевэн со всем справятся. Если понадобится, зарядим ракеты черным порохом, — этого будет вполне достаточно!

— Прекрасно, но ведь это займет дней десять — пятнадцать. А тем временем...

— Да-да, тем временем нужно чем-нибудь занять этих парней, что засели в замке. Постой-ка!

Я рванул в госпиталь, где в компании Бреффора все еще продолжал отлеживаться мой брат.

— Послушай-ка, Поль. Ты смог бы построить римскую катапульта?

— Ну да, без проблем. Но зачем?

— Для обстрела замка. Далеко она бьет?

— О! Все зависит от веса посылаемого снаряда. От тридцати до ста метров — влегкую.

— Отлично! Набросай-ка чертеж.

Вернувшись к Луи и Мишелю, я изложил им свой план.

— Неплохо, — заметил Луи. — Но сто метров — это сто метров, а 20-мм пулемет бьет куда дальше!

— Возле замка, если память меня не подводит, есть ложбина, к которой можно подъехать по укрытой рельефом местности дороге. Там, в этой ложбине, мы и установим катапульта.

— Если я правильно тебя понял, — сказал Мишель, — ты хочешь метать в них самодельные бомбы, начиненные железным ломом. Но где ты возьмешь взрывчатку?

— В карьере есть килограммов триста динамита. Его завезли перед самой катастрофой.

— С этим замок не захватишь, — покачал головой Мишель.

— А нам это и не нужно! Главное — выиграть время, заставить их поверить в то, что мы расходует боеприпасы на бесполезный обстрел! А тем временем подспеют и ракеты.

И я рассказал Мишелю о том, что узнал от Луи.

По приказу Совета, Бевэн направил патрули прощупать оборонительные порядки врага. Одновременно эти же патрули должны были сообщать и о появлении гидр; мы снабдили их небольшим передатчиком, который собрал на досуге Этранж. После этого мы приступили к сооружению катапульты: сколотили раму, выточили ложку, на которую пришлось пожертвовать молоденький ясень, и опробовали это допотопное орудие, метнув несколько каменных глыб. Дальность боя оказалась вполне удовлетворительной.

Вскоре наша небольшая армия во главе с Бевэном выступила в поход на замок: впереди, на трех грузовиках, ехали гвардейцы, следом три трактора тащили катапульти. Первая

неделя прошла в незначительных стычках. На заводе тем временем кипела лихорадочная работа. На девятый день я отправился на фронт вместе с Мишелем.

— Ну что, — спросил Бевэн, — готово?

— Первые ракеты придут сегодня или завтра, — ответил я.

— Уф! Признаюсь, я сильно волновался. Если бы они вздумали предпринять вылазку...

Мы направились к аванпостам.

— Не высовывайтесь, — предупредил нас папаша Борю́, который, на правах бывшего аджюдана и ветерана войны 1939-1945 годов, теперь командовал авангардом. — За гребнем все простреливается пулеметами. Насколько мне известно, их там четыре: два по 20-мм и еще два, вероятнее всего, 7,5-мм. Есть и автоматические ружья.

— Можно их накрыть катапультами?

— Пока еще не пробовали, — ответил Бевэн. — Мы тщательно старались не обнаруживать дальность боя наших орудий.

— Что с другой стороны замка?

— Они укрепили все вокруг стволами деревьев. Плюс держат дорогу под обстрелом, так что катапульты не подтащишь.

— Подождем.

Ползком мы добрались до гребня. Его обстреливал тяжелый пулемет.

— Этот можно было бы попытаться и подавить, — заметил Мишель.

— Возможно. Вот только пока не подвезут ракеты, атаковать не будем. Думаю, они будут тут уже к следующей голубой заре.

В указанный час из деревни прибыл грузовик, в котором сидели мой дядя, Бреффор и Этранж. Они выгрузили несколько ящиков.

— Гранаты, — пояснил Этранж.

Они представляли собой обрезки чугунных труб, снабженные детонаторами.

— А здесь ракеты, — сказал дядя. — Мы их уже испытали. Дальность — 3 км 500 м; точность — вполне достаточная. В головках — с килограмм чугунных обломков и тринитрото-

луол, ровно столько, сколько и нужно. Сейчас подойдет еще один грузовик с направляющими подставками и остальными ящиками. Всего у нас пятьдесят ракет этой модели, но на заводе уже готовят другие, более мощные.

— Хе-хе! — просиял Бевэн. — Наша артиллерия пополняется!

Едва он произнес эти слова, как в лощину скатился один из наших людей.

— Они машут белым флагом! — сказал он.

— Сдаются? — недоверчиво пробормотал я.

— Нет, хотят выслать парламентёра.

— Ответьте: «Пусть присылают», — приказал Бевэн.

На стороне противника поднялся человек и двинулся к нам, размахивая носовым платком. Папаша Борю встретил его на полпути на нейтральной территории и привел к нам. Это оказался Шарль Оннегёр собственной персоной.

— Чего вы хотите? — спросил Бевэн.

— Поговорить с вашими командирами.

— Здесь их аж четыре.

— Во избежание бесполезного кровопролития предлагаем следующее: вы распускаете ваш Совет, складываете оружие и передаете власть нам. Тогда вам ничего не будет.

— Ну да, вы просто превратите нас в рабов, — сказал я. — Вот наши контрпредложения: вы возвращаете похищенных девушек и сдаетесь. Ваших людей мы берем под наблюдение, а вас и вашего отца сажаем до суда в тюрьму.

— Наглости, я вижу, вам не занимать! Что ж, продолжайте и дальше — с вашими-то охотничьими пугачами.

— Предупреждаю, — вмешался Мишель, — если мы победим, но с нашей стороны погибнет хоть один человек, вы будете повешены!

— Постараюсь запомнить!

— Раз вы не желаете сдаться, — продолжал я, — предлагаю вам вот что. Поместите похищенных девушек, а также вашу сестру и мадемуазель Дюше в безопасное место, хотя бы вон на тот горный пик.

— Ну уж дудки! Ни Мад, ни моя сестра ничего не боятся, а на остальных мне наплевать. Если убьют этих, после победы найдутся другие — например, ваша сестричка...

В ту же секунду негодяй повалился на землю с разбитой физиономией — Мишель оказался более быстрым, чем я.

Бледный от ярости, Шарль Оннегёр поднялся на ноги.

— Вы ударили парламентаря, — прошипел он.

— Вы не парламентар, а гнусный мерзавец. Мотайте отсюда, да поскорее!

И его выпроводили под усиленным конвоем. Не успел Оннегёр скрыться за гребнем, как прибыл второй грузовик, и мы быстро установили подставки для запуска ракет.

— Через десять минут открываем огонь, — сказал Бевэн. — Жаль только, что у нас нет наблюдательного пункта!

— Как насчет вон того пригорка? — спросил я, показывая на крутую, метров в пятьдесят высотой, возвышенность, поднимавшуюся в сотне шагов позади нас.

— Он весь простреливается.

— Да, но оттуда должен быть виден даже сам замок! Зрение у меня отличное, поднимусь на него с этим вот телефоном. Провода должно хватить.

— Я с тобой, — сказал Мишель.

Мы полезли вверх, разматывая на ходу телефонный провод, но не успели добраться и до середины склона, как слышались резкие щелчки и во все стороны полетели осколки камней: нас заметили. Прижимаясь к земле, мы обогнули вершину и начали пробираться дальше по противоположному склону. Сверху вражеские линии просматривались лучше некуда. От выдвинутого вперед небольшого дота с тяжелым пулеметом к тылам тянулась глубокая траншея. По флангам были разбросаны гнезда автоматчиков. То тут, то там, в одиночных окопах шевелились люди.

— По словам портного, их здесь должно было быть человек пятьдесят — шестьдесят, но, судя по линиям укреплений, может оказаться и больше, — заметил Мишель.

Примерно в километре от нас по прямой, на склоне горы, виднелась поляна, посреди которой стоял замок. Рядом с ним сновали туда-сюда маленькие черные фигурки.

— Досадно, что Вандаль разбил свой бинокль!

— Увы! Теперь у нас остались одни лишь телескопы. Аппараты, конечно, мощные, но ведь их с места не сдвинешь!

— Почему бы нам не снять с телескопа маленький «видоискатель»?

— Время на это у тебя еще будет. Я сильно удивлюсь, если мы возьмем замок уже сегодня.

— Алло! Алло! — загундосил телефон. — Через минуту открываем огонь по замку. Наблюдайте!

Я бросил взгляд на наш лагерь. Половина гвардейцев, развернувшись цепью, залегла под самым гребнем лощины. Остальные суетились вокруг катапульта. Этранж и мой дядя тщательно отлаживали направляющие подставки ракет. Грузовики уже уехали.

Ровно в половине девятого шесть огненных струй вырвались из наших укреплений и взмыли высоко в небо, оставляя за собой дымные хвосты. Потом след оборвался: ракеты израсходовали горючее. На лужайке перед замком сверкнули шесть вспышек, тут же превратившиеся в шесть небольших облачков дыма. Через несколько секунд до нас донеслись сухие разрывы.

— Недолет тридцать метров, — сообщил я в трубку.

Снова взлетело шесть ракет. На сей раз они упали точно: одна взорвалась прямо на крыльце, и находившиеся на нем маленькие фигурки попадали; потом три поднялись и потащили четвертую внутрь. Еще одна из ракет угодила в окно замка. Остальные взорвались от ударов о стены, которые, похоже, не особо от этого пострадали.

— Попали! — прокричал я.

Одна за другой, взмыли вверх еще восемнадцать ракет. Первая же из выпущенных попала в машину Оннегэра, стоявшую справа от дома, и та загорелась.

— Отставить ракеты, — послышался в телефоне голос Бевэна. — Корректируйте катапульты.

Три первых снаряда взлетели в воздух, но совсем чуть-чуть разминулись с фортом.

— Небольшой перелет, — сообщил Мишель.

Я стащил его вниз. Будучи не в силах поразить наших людей, укрывшихся в лощине, враг начал поливать из одного тяжелого и нескольких ручных пулеметов нас. В течение нескольких минут мы не осмеливались даже пошевелиться: рой пуль с жужжанием проносился над нашими головами,

заставляя прижиматься к камням. Очереди 20-мм пулемета ложились совсем рядом, чуть ниже по склону.

— Хорошо еще, что у них нет снарядов дистанционного действия!

— Нужно будет укрепить этот наблюдательный пункт. А пока давай спустимся ниже.

Тяжелый пулемет смолк, ручные пулеметы тоже прекратили огонь.

— Открываем беглый огонь по территории противника! — сообщил телефон. — Наблюдайте!

Ракеты разрывались где попало на открытой местности или исчезали в пихтовой роще, не причиняя заметного ущерба, если не считать загоревшейся копны соломы.

Неприятель снова открыл огонь, но теперь уже по гребню лощины. Один из наших людей, раненый, скатился вниз. Подъехал еще один грузовик — с ракетами уже более крупного калибра. Из кабины выскочил Массакр.

— Катапульты, внимание... залп!

На этот раз все бомбы взорвались прямо на вражеском доте. Оттуда послышались крики боли, стоны, однако пулемет продолжал стрелять.

— Вот тебе и пример явного превосходства навесного огня в позиционной войне, — заметил Мишель. — Рано или поздно мы уничтожим их халупу, тогда как они нам ничего сделать не могут.

— Странно, что они даже не попытались захватить гребень лощины.

— Подобную атаку легко отбить... Ну вот, что я тебе говорил! Внимание! — крикнул Мишель в телефон. — Слева ползут шесть человек!

Четверо гвардейцев переместились на левый фланг. Неприятель поливал гребень лощины из автоматов с такой яростью, что удерживаться там стало для нас невозможно, и папаша Борю со своими людьми отступил. Из вражеских окопов выскочило человек тридцать. Они бежали, ложились, снова вскакивали.

— Атака по фронту!

Слева уже вспыхнула перестрелка. Бевэн подпустил противника метров на пятнадцать метров к лощине, а затем

отдал приказ гранатометчикам. Обрезки чугунных труб, начиненные взрывчаткой, отлично справились с отведенной им ролью, уложив зараз одиннадцать человек убитыми и ранеными. Прежде чем враг отошел, папаша Борю снял еще двоих из своего винчестера. На левом фланге у нас был один убитый и двое раненых, тогда как со стороны противника погибли трое и один был ранен. Этого мы захватили в плен, но у него вся правая рука была буквально разворочена картечью, и он истек кровью, прежде чем Массакр успел наложить ему жгут.

Катапульти не успокаивались еще с четверть часа. Двенадцатый залп оказался особенно удачным: одна из бомб угодила в дот, и тяжелый пулемет умолк, теперь уже окончательно. Три гнезда пулеметчиков также были подавлены, а четвертый ручной пулемет замолчал сам по себе: судя по всему, заело затвор. Наши люди пошли в атаку и, ценой двух человек ранеными, ворвались во вражеские окопы и захватили трех пленных. Остальным удалось убежать.

Пока разведчики осторожно продвигались вперед, мы обстреливали замок. Примерно с десятка ракет достигло цели. Я с любопытством следил за траекторией первых шести ракет крупного калибра. На этот раз стены не выдержали, и целое крыло дома обрушилось.

Быстрый допрос пленных позволил установить силы противника. Они потеряли семнадцать человек убитыми и двадцать ранеными, но в замке оставалось еще около пятидесяти защитников. После первой победы мы захватили два ручных пулемета, неповрежденный 20-мм пулемет и большое количество боеприпасов. Наша небольшая армия тотчас же стала представлять собой серьезную силу.

В ожидании разведчиков мы продолжали обстрел, и вскоре в замке вспыхнул пожар.

Наконец вернулись разведчики. Вторая линия вражеской обороны в двухстах метрах от замка состояла из окопов с тремя пулеметными гнездами и небольшим количеством автоматических ружей. Закончив рапорт, папаша Борю добавил:

— Вот только непонятно, что они собирались делать со всем этим оружием? Не могли же они знать наперед, что с ними случится! Надо будет сообщить о них в полицию.

— Так ведь мы теперь и есть полиция, старина!

— А ведь и правда! Ну, это всё упрощает!

Бевэн вместе с нами поднялся на вершину холма, тщательно осмотрел местность и попросил Мишеля, превосходно рисовавшего на досуге, наскоро набросать план окрестностей.

— Вы останетесь здесь с двумя бойцами и артиллерией. Я заберу с собой остальных, а также катапульты и пулемет. У меня тут три сигнальные ракеты, как увидите их — сразу же прекращайте огонь. Вражеские рубежи тянутся вон по тому невысокому валу, внизу поляны. Стреляйте поточнее!

— Массакра вы тоже берете?

— Нет, он останется здесь. Он единственный хирург на этой планете!

— Хорошо. Но вы и сами не забывайте, что вы — инженер!

Волоча за собой пулемет и катапульты, их отряд двинулся к замку.

Я отдал артиллерии приказ открыть огонь по окопам. Обстрел продолжался сорок пять минут, по две ракеты в минуту — приходилось экономить боеприпасы, так как у нас было всего-то двести десять ракет, а завод и так творил чудеса. За неимением бинокля нам не удавалось точно определить из нашего наблюдательного пункта нанесенный врагу урон. В общем и целом, мы лишь старались сосредоточить огонь в центре или по самым краям окопов, там, где разведчики засекли пулеметные гнезда. Мы выпустили уже тридцать пять залпов, когда наконец заговорил и *наш* пулемет. Сорок пятый угодил прямо на вал. Спустя пару мгновений я увидел дымный хвост сигнальной ракеты.

— Прекратить огонь! — прокричал я.

По ту сторону замка вспыхнула перестрелка. Наши атаковали и с фронта, и с тыла. Я с облегчением отметил, что вражеские пулеметы молчат. Яростное сражение продолжалось минут двадцать. То и дело слышались разрывы гранат; глухо рвались бомбы катапульт. Потом вдруг все стихло. Мы обменялись обеспокоенными взглядами, спрашивая себя, успешно ли прошла атака, много ли жертв с нашей стороны.

Наконец из лесу, размахивая листком бумаги, показался один из гвардейцев. Буквально скатившись по склону, он подбежал к нам.

— Все в порядке, — проговорил он, с трудом переводя дыхание, и протянул донесение. Мишель лихорадочно развернул листок и прочел вслух: «Окопы захвачены. Пятеро убитых, двенадцать раненых. Противник понес большие потери. Человек двадцать забаррикадировались в замке. Возьмите грузовик, подвезите реактивные минометы и доктора. Остановитесь у домика егерей. Будьте осторожны, в лесу еще могут скрываться вражеские элементы».

Мы нашли Бевэна в охотничьей сторожке.

— Схватка была горячей, но закончилась быстро. Ваши ракеты, — сказал он дяде, — дали превосходный результат! Без них... и без ваших катапульт... — добавил он, поворачиваясь ко мне, — даже и не знаю, что бы мы делали.

— Кого именно из наших убили?

— Трех рабочих — Салавена, Фрэ и Робера. И двоих крестьян — их имен я не знаю. Тут, в соседней комнате, трое тяжелораненых.

Массакр тотчас же направился к ним.

— Легкораненых девять, — продолжал Бевэн, — и я один из них (он указал на свою забинтованную левую руку). Ерунда: осколок у основания большого пальца.

— А с их стороны?

— Много убитых и раненых. Три последних залпа угодили прямо в окопы. Пойдемте посмотрим.

То была действительно «чистая работа». Даже настоящая артиллерия вряд ли смогла бы сработать чище. Едва мы высунулись из окопа, как просвистевшая над нашими головами автоматная очередь напомнила нам об осторожности.

— Им удалось унести легкий пулемет и одно автоматическое ружье, — сказал Бевэн, — так что, мсье Бурна́, вам придется показать парочке наших парней, как управлять этими вашими подставками для ракет.

— Зачем? Я займусь этим сам!

— Я не позволю вам рисковать!

— Во-первых, в сорок третьем я прошел всю итальянскую кампанию, а эти бандиты не страшнее гитлеровских фрицев. Во-вторых, астрономов тут и без меня хватает! А в-третьих, я майор запаса, а вы всего лишь лейтенант, так что вы можете идти, больше вас не задерживаю! — закончил он шуткой.

— Хорошо. Но будьте осторожны.

Мы установили ракетные подставки в окопах, метрах в двухстах от замка. Величественное здание сильно пострадало: все правое крыло сгорело, окна и двери были забаррикадированы. На поляне виднелась куча рваного, почерневшего железа — все, что осталось от роскошного авто Оннегэра.

— Вы не знаете, что стало с нашими девушками? — спросил Мишель.

— Один из пленных заверил нас, что еще в самом начале наступления их заперли в глубоком сводчатом подвале. Похоже, мадемуазель Оннегэр не разделяет идей своих родственников. По всей видимости, она тоже там — за то, что хотела предупредить нас о замыслах своего папаши и братца. Цельтесь в дверь и окна, — закончил Бевэн, обращаясь к моему дяде.

Приветствуемые новой очередью всякий раз, как кто-нибудь из нас поднимал голову, мы навели направляющие подставки.

Дядя включил электрический контакт. Коротко взвыли ракеты, и последовал оглушительный взрыв.

— Попал!

После второго залпа ракеты исчезли в разбитых окнах и разорвались внутри. Пулемет противника замолчал. Мы дали еще три залпа. Из-за наших спин гвардейцы поливали пулеметным огнем зияющие окна замка. Из слухового окошка под крышей высунулась чья-то рука и замахала белой тряпкой.

— Сдаются!

Внутри замка раздалось еще несколько выстрелов. По-видимому, сторонники сдачи утихомиривали тех, кто желал сражаться до конца. Белое полотнище исчезло, потом появилось снова. Перестрелка смолкла. Опасаясь подвоха, мы не вылезали из окопов, но огонь тоже прекратили. Наконец в проеме выбитой двери возник человек с развернутым новым платком.

— Подойдите ближе! — скомандовал Бевэн.

Человек повиновался. Это был совсем молоденький блондин с приятным, но измученным лицом и запавшими глазами.

— Вы сохраните нам жизнь, если мы сдадимся?

— Вас будут судить. Но если вы не сдадитесь, не пройдет часа, как все вы погибнете. Выдайте нам Оннегеров и выходите на поляну с поднятыми руками.

— Шарль Оннегёр мертв. Его отца нам пришлось вырубить, но он жив. Он стрелял в нас, когда мы выбросили белый флаг.

— Где девушки?

— Они в подвале вместе с Идой — пардон, с мадемуазель Оннегёр — и Мадлен Дюше.

— С ними все в порядке?

Парень пожал плечами.

— Понятно... Что ж, выходите.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЗАВОЕВАНИЕ

глава 1 Суд

Двенадцать выживших безропотно выстроились на поляне — руки за головой, оружие брошено на землю. Двое последних вынесли все еще пребывавшего в бессознательном состоянии Оннегэра, и его тотчас же взяли под строгую охрану. С автоматами в руках мы с Мишелем прошли в замок вслед за одним из пленных. Внутри царил полный разгром. На стенах гостиной абы как висели изрешеченные пулями полотна известных мастеров. Два пустых пенных огнетушителя свидетельствовали о том, что здесь был потушен уже начавший разгораться пожар. В вестибюле, пол и стены которого были усеяны осколками, мы обнаружили обезображенный труп Шарля Оннегэра. По каменной винтовой лестнице мы спустились в подвал, железная дверь которого сотрясалась от ударов — кто-то стучал изнутри. Едва мы отодвинули засов, как в коридор выскочила Ида Оннегэр. Мишель схватил ее за запястье.

— Куда это вы?

— Где мой отец? Брат?..
— Ваш брат мертв. Отец... пока еще жив.
— Но вы же его не убьете?
— Мадемуазель, — сказал я, — из-за него погибли с десятков наших людей, не говоря уж о ваших.

— О! Это так ужасно! Зачем, зачем они это сделали? — пробормотала она, заливаясь слезами.

— Для нас это все еще пока загадка, — ответил Мишель. — Где девушки, которых они похитили? И мадемуазель... ну, эта, как там ее... кинозвезда!

— Мад Дюше? Там, в погребке. Остальные заперты в другом, том, что слева, полагаю.

Мы спустились в тускло освещаемое керосиновой лампой подземелье. Мадлен Дюше, очень бледная, сидела в углу.

— Не похоже, что у нее чиста совесть, — сказал Мишель и грубо добавил: — Поднимайтесь — и на выход!

Затем мы освободили трех деревенских девушек. Поднявшись на первый этаж, я обнаружил там Луи, прибывшего вместе с остальными членами Совета.

— Старик Оннегёр пришел в себя. Пойдем, мы собираемся его допросить.

Оннегёр сидел на поляне, рядом с дочерью. Увидев нас, он поднялся.

— Я вас недооценил, господа. Мне следовало самому подумать о том, чтобы привлечь на нашу сторону инженеров. Тогда бы мы наверняка завладели этой планетой!

— Но для чего? — спросил я.

— Как — для чего? Неужели вам не понятно, что в этом заключался единственный наш шанс на контроль над человеческой эволюцией? За несколько поколений мы могли бы создать расу сверхлюдей!

— Это из вашего-то человеческого материала? — саркастически спросил я.

— У моего человеческого материала хватало положительных качеств, таких, как мужество, настойчивость, пренебрежение жизнью. Вас в своих планах я тоже учитывал. Моя ошибка заключалась в одном: я полагал, что смогу захватить власть *без* вас. Нужно было сделать это *вместе* с вами.

Он наклонился к плачущей дочери.

— Не будьте к ней жестокими. Она ничего не знала о моих планах и даже потом пыталась нам помешать. А теперь прощайте, господа.

Быстрым движением он поднес что-то к своему рту.

— Цианид, — пробормотал он и рухнул наземь.

— Что ж, одним подсудимым меньше, — сказал Мишель вместо надгробного слова.

Наши люди уже грузили на машины трофеи: четыре пулемета, шесть автоматических ружей, сто пятьдесят обычных ружей и автоматов, пятьдесят револьверов и большое количество боеприпасов. Замок представлял собой настоящий арсенал, но самой ценной из всех находок оказался небольшой печатный станок, совершенно новый.

— Интересно, что они собирались делать со всей этой техникой на Земле.

— По словам одного из пленных, Оннегёр возглавлял некую фашистскую лигу, — сказал Луи.

— Впрочем, для нас оно даже и к лучшему. Теперь будет с чем сразиться с гидрами!

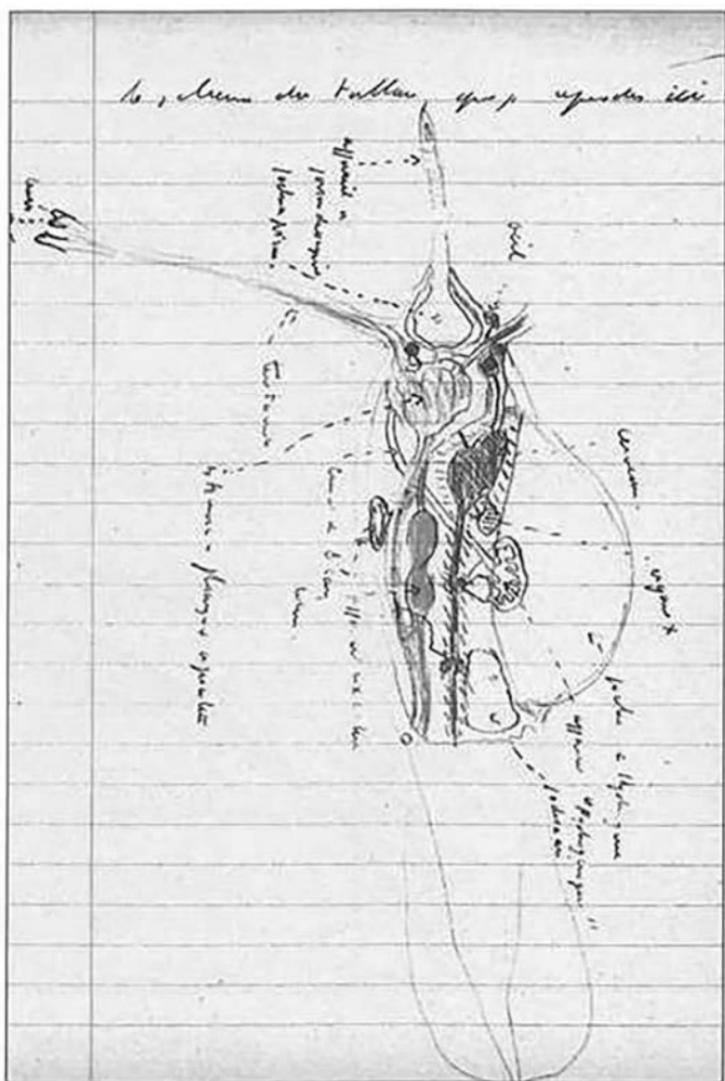
— Кстати, их больше пока не видели. Вандаль и Бреффор как раз таки заканчивают препарировать маленькую, которую поместили в бочку со спиртом. Этот парень, Бреффор, просто незаменим! Он уже научил молодежь лепить глиняную посуду на манер южноамериканских индейцев.

Когда мы вернулись в деревню, было шестнадцать часов ровно. Сражение продлилось менее суток! Добравшись до дому, я тут же уснул, совершенно обессиленный. Мне снилась моя старая бордосская лаборатория, лицо моего «патрона», желавшего мне приятного отпуска («Уверен, там, куда вы направляетесь, для вас найдется немало того, что стоило бы изучить...») О! Какая ирония! Действительно «немало» — целая планета!.. Потом я увидел широкоплечую фигуру моего кузена Бернара в дверном проеме, гору, срезанную на сотни метров подо мной...

Около восемнадцати часов меня разбудил брат, и я отправился к Вандалю. Он был в одном из кабинетов школы: на столе перед ним, распространяя удушливый запах спирта, лежала наполовину препарированная гидра. То на классной

доске, то на листках бумаги Вандаль делал какие-то зарисовки. Бреффор и Массакр помогли ему.

— А! Это ты, Жан, — бросил мне Вандаль. — Я бы отдал десять лет жизни, чтобы иметь возможность продемонстрировать этот образчик в нашей Академии! Поразительное строение!

Анатомия гидр

Он подвел меня к своим схемам.

— Я только еще начал изучать анатомию этих животных, но уже узнал много интересного. Судя по целому ряду признаков, они относятся к самым низшим организмам. В них есть что-то от наших кишечнополостных — как минимум те многочисленные нематоцисты, вызывающие ожог кожи клетки, что содержатся в их оболочке. Система кровообращения очень простая: сердце с двумя желудочками, голубоватая кровь. Всего одна разветвленная артерия, а дальше кровь идет по лимфатическим путям и возвращается к сердцу по одной толстой собирающей вене. Очень большую роль играют подкожные полости; у гидр даже после смерти плотность тела остается крайне незначительной. Пищеварение внешнее; желудочный сок впрыскивается в добычу, а затем питательная масса всасывается в желудок-глотку. Кишечник предельно простой. Но вот что удивительно! Во-первых, нервные центры: у гидр они необычайно сложны и развиты; у основания щупалец в хитиновой оболочке расположен настоящий мозг, под ним находится любопытный орган, напоминающий электрический аппарат ската. Этот орган и сами щупальца снабжены богато разветвленными нервами. Глаза столь же совершенны, как у наших млекопитающих. Если выяснится, что эти животные в какой-то степени разумны, я ничуть этому не удивлюсь. И вторая интересная вещь — водородные мешки. В этих огромных перепончатых мешках, занимающих всю верхнюю часть гидры, четыре пятых объема занимает водород, и вырабатывается этот водород в результате разложения воды при низкой температуре. По пористому каналу в специальном щупальце вода поступает в особый орган, где происходит ее химический распад. Полагаю, кислород переходит в кровь, так как этот орган сплошь опутан артериальными капиллярами. Ах! Если бы нам только удалось разгадать секрет этого катализа воды! Когда водородные мешки наполнены, удельный вес гидры меньше веса воздуха, и она свободно плавает в атмосфере. Мощный плоский хвост служит ей плавником, но главным образом — рулем. Передвигается она в основном за счет сокращения особых полостей, выбрасывающих воздух, смешанный с водой. Эта смесь с огромной силой вылетает назад

через настоящие дюзы. Я возбудил током мускулы одной полости, поместив в нее железное кольцо. Посмотри, что с ним стало!

Он протянул мне толстое кольцо, скрученное восьмеркой.

— Сила этих мышечных волокон просто невероятна!

На следующее утро меня разбудил стук в дверь. То был посыльный от Луи, сообщивший, что вот-вот начнется суд над теми из пленных, которые не были ранены, и что как член Совета я должен в нем участвовать.

Я вышел. Уже поднималось голубое солнце.

Суд собрался в большом сарае, превращенном в зал заседаний. Трибунал состоял из членов Совета и наиболее влиятельных граждан, среди которых были Вандаль, Бреффор, мой брат Поль, Массакр, пятеро крестьян, Бевэн, Этранж и шестеро рабочих. Мы — члены Совета — расположились за столом, установленном на небольшом возвышении, остальные расселись слева и справа от нас. Перед нами осталось свободное пространство для обвиняемых; дальше стояли скамьи для публики. Все выходы охраняли вооруженные автоматами люди. Прежде чем ввели обвиняемых, мой дядя, избранный председателем в силу его возраста и авторитета, поднялся на ноги и сказал:

— Еще никому из нас не доводилось судить себе подобных. Сегодня же нам пришлось стать членами чрезвычайного трибунала. У обвиняемых не будет адвокатов, так как мы просто-таки не можем терять время на бесконечные споры. Поэтому мы должны быть столь справедливыми и беспристрастными, сколь это вообще возможно. Двое главных преступников мертвы, и я вынужден вам напомнить: на этой планете, где так мало людей, нам дорог каждый. Но не будем забывать и о том, что по вине обвиняемых погибли двенадцать наших парней, а три наших девушки долгое время подвергались грубому и постыдному обращению. Введите обвиняемых.

— Где Менар? — шепнул я ему.

— Работает с Мартиной над теорией катастрофы. Это очень интересно. Вернемся к этой теме позднее.

Один за другим, в сопровождении вооруженной охраны, вошли уцелевшие пленные — тридцать один человек. Иду

Оннегёр и Мадлен Дюше ввели последними. Мой дядя снова взял слово:

— Вы все обвиняетесь в убийствах, грабежах и вооруженных нападениях, а также в заговоре против безопасности Государства. Есть среди вас кто-то главный?

Обвиняемые с пару секунд колебались, потом вытолкнули вперед рыжеволосого великана.

— Когда хозяев не было, командовал я.

— Ваше имя, возраст, профессия?

— Жан Бирон, тридцать два года. Раньше был механиком.

— Вы признаете те факты, в которых вас обвиняют?

— Признаю я их или же нет, это не имеет значения. Вы все равно меня расстреляете!

— Не обязательно. Вы могли заблуждаться. Да и потом, вы ведь были не один! Что заставило вас поступить таким образом?

— Что ж... После того переворота патрон толкнул речь, сказав, что деревню захватила — вы уж извините — всякая шваль, что мы теперь на другой планете и нужно спасти цивилизацию, и что если... — тут Бирон на мгновение запнулся... — все пройдет хорошо, мы будем жить, как сеньоры былых времен.

— Вы участвовали в нападении на деревню?

— Нет. Можете спросить у других. Все, кто участвовал, мертвы. Это были люди сына хозяина. Сам патрон тогда жутко разозлился, буквально рвал и метал. Шарль Оннегёр заявил, что взял заложников, а на самом деле он давно хотел эту девушку. Патрон был против. Да и я тоже. Это Леврен его надоумил.

— Чего же добивался ваш хозяин?

— Я вам уже сказал. Он хотел быть властелином этой планеты. В замке у него была куча оружия — на Земле он занимался его контрабандой, — и потом, у него были мы. Вот он и рискнул. Что до нас, то нам просто некуда было деваться. Когда-то, в прошлом, мы все наделали немало глупостей. Патрон знал, что у вас почти нет оружия. Он не думал, что вы его изготовите так быстро!

— Хорошо. Уведите! Следующий!

Следующим оказался тот самый блондин, который выкинул белый флаг.

— Ваше имя, возраст, профессия?
— Анри Бельтер, двадцать три года. Учусь в политехе.
— А вы-то какого черта во все это ввязались?
— Я знал Шарля Оннегэра. Как-то вечером я проиграл в покер все свое месячное содержание. Он выплатил мои долги, пригласил меня в замок и во время горной прогулки спас мне жизнь. А потом произошла катастрофа. Я не одобрял ни планов его отца, ни его собственного поведения. Но я не мог предать Шарля. Ему я обязан жизнью. Однако и в вас я не стрелял ни разу!

— Это мы еще проверим. Следующий. Ах да, еще один вопрос! Что вы изучали?

— Я занимался аэродинамикой.

— Как знать, может когда-нибудь это и пригодится...

— Я вот еще что хотел сказать... Ида Оннегэр... она сделала все, что могла, чтобы вас предупредить.

— Мы знаем... и обязательно это учтем.

Допрос продолжился. Здесь были представители практически всех профессий. В основной своей массе обвиняемые принадлежали к организации более или менее фашистского толка.

Не знаю, что в тот момент думали остальные, но я, по правде сказать, пребывал в замешательстве. Многие из этих людей, казалось, искренне раскаиваются, а некоторые и вовсе производили впечатление честных парней. Ясно было, что главных виновников уже нет в живых. Бельтер, в его преданности другу, вызывал у меня симпатию. Никто из обвиняемых не сказал о нем ничего плохого; наоборот, большинство из них подтверждало, что в сражении он не участвовал. Вошел двадцать девятый обвиняемый. Он заявил, что его зовут Жюль Леврен, что он журналист и что ему сорок семь лет. Это был невысокий тщедушный мужчина с костлявым лицом. Луи сверился со своими бумагами.

— Согласно показаниям свидетелей, вы не принадлежите к подручным Оннегэра. Вы были гостем, и некоторые даже полагают, что вы и есть главный босс. Думаю, вы не станете отрицать, что стреляли по нам. Кроме того, свидетели жалуются на... скажем так, определенную жестокость с вашей стороны.

— Это ложь! Я никогда не видел этих людей. И я ни в чем не участвовал. Просто был там в гостях!

— Вот же наглец! Врет как сивый мерин! — не выдержал один из парней, стоявших на карауле у дверей. — Я собственными глазами видел его у центрального пулемета, того самого, из которого убили Салавена и Робера. Трижды я брал этого сукиного сына на мушку, да всякий раз упускал возможность его снять!

Многие из присутствовавших в зале гвардейцев, явившихся в качестве зрителей, поддержали сделавшего это заявление парня. Журналист пытался протестовать, но его выволокли наружу.

— Введите мадемуазель Дюше.

Несмотря на обилие косметики, выглядела девушка неважно. Она казалась испуганной и растерянной.

— Мадлен Дюше, двадцать восемь лет, актриса. Но я ничего не сделала!

— Вы ведь были любовницей папаши Оннегёра, не так ли?

— Да обоих сразу! — выкрикнул кто-то из зрителей. Зал содрогнулся от хохота.

— Неправда! — выкрикнула мадемуазель Дюше. — О, это ужасно! Выслушивать такие оскорбления!

— Хорошо, хорошо. Тишина в зале! Это мы проверим. Следующая.

— Ида Оннегёр, девятнадцать лет, студентка.

Несмотря на заплаканные глаза, выглядела девушка куда лучше актрисы.

— И что изучали?

— Право.

— Боюсь, здесь вам это не очень-то пригодится. Мы знаем, что вы сделали все, что могли, чтобы предотвратить эту драму. Жаль, что вам это не удалось. Тем не менее вы старались облегчить страдания трех захваченных в плен девушек. Вы можете предоставить нам какую-либо информацию об остальных подсудимых?

— Большинство из них я вообще не знаю. Бирон не был плохим человеком, да и Анри Бельтер заслуживает вашего снисхождения. Он сказал мне, что не стрелял, и я ему верю. Правда, он дружил с моим братом... — она подавила рыда-

ния. — Мой отец и брат тоже, в глубине души, не были злодеями, просто они были вспыльчивы и тщеславны. Когда я только родилась, мы были очень бедными. Богатство пришло внезапно и вскружило им голову. О! Во всем виноват этот человек, этот Леврен! Это он подсунил Ницше моему бедному отцу, и тот вообразил себя сверхчеловеком. Это он подсказал ему безумный план завоевания планеты! Он способен на все! О! Я его ненавижу!

Она разрыдалась.

— Садитесь, мадемуазель, — мягко проговорил мой дядя. — Мы посоветуемся, но опасаться вам нечего. Мы рассматриваем вас скорее как свидетеля, нежели как обвиняемую.

Члены Совета, а также вошедшие вместе с ними в состав трибунала влиятельные граждане, удалились за занавес. Обсуждение было долгим. Луи и крестьяне настаивали на самых суровых наказаниях. Мишель, мой дядя, юре и я сам стояли за более мягкие, — людей и так не хватало, да и вообще было очевидно, что обвиняемые, мало что понимая в происходящем, просто-напросто последовали за своими главарями. Наконец мы пришли к согласию. Обвиняемых ввели, и мой дядя зачитал им вердикт.

— Жюль Леврен. Вы признаны виновным в предумышленном убийстве, грабеже и насилии и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор будет приведен в исполнение незамедлительно.

Бандит сохранил самообладание, разве что ужасно побледнел. По рядам подсудимых пробежал ропот.

— Анри Бельтер. Вы ничего не сделали во вред обществу и признаны невиновным. Но поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас ...

— Я не мог...

— Тишина! Повторяю: поскольку вы ничего не сделали и для того, чтобы предупредить нас, вы лишаетесь избирательных прав и будете считаться гражданином низшего ранга до тех пор, пока не искупите свою вину.

— Стало быть, я свободен?

— Да, так же свободны, как и все мы. Но если вы хотите остаться в деревне, вам придется работать.

— О! Лучшего я и не желаю!

— Ида Оннегёр. Вы признаны невиновной, но на десять лет лишаетесь возможности быть куда-либо избранной. Мадлен Дюше. За вами не установлено никаких проступков, за исключением сомнительной нравственности и, скажем так, сентиментальной привязанности, — в зале послышались смешки, — к главным преступникам... Тишина! Вы лишаетесь всех избирательных прав и получаете назначение на работу на кухне. Все остальные! Вы приговариваетесь к принудительным работам на срок не свыше пяти земных лет, который вы сможете сократить своим примерным поведением. Также вы пожизненно лишаетесь всех политических прав, но они будут возвращены тому, кто этого заслужит, совершив героический подвиг во имя общества.

По рядам осужденных, судя по всему, опасавшихся гораздо более тяжкого наказания, волной прокатился радостный ропот.

— Да вы, оказывается, классные парни! — прокричал нам Бирон.

— Заседание окончено. Уведите осужденных!

Кюре подошел к пожелавшему исповедаться Леврену. Зрители — одни довольные приговором, другие, напротив, разъяренные — разошлись. Спустившись с помоста, я направился к Бельтеру. Юноша утешал Иду.

— Ну вот, — бросил я мимоходом дяде. — Теперь понятно, почему они так защищали друг друга!

Я подошел к молодым людям.

— Где собираетесь поселиться? Дюше придется жить при кухне, хочет она того или нет, с вами же все обстоит иначе. О том, чтобы вернуться в наполовину разрушенный замок, куда в любой момент могут прилететь гидры, не может идти и речи. Здесь у нас тоже полно разрушений, и потому тесновато. Да и потом, вам нужно подыскать себе работу. Лениость и ничегонеделание теперь запрещены законом!

— А где он прописан, этот закон? — спросила Ида. — Мы хотим быть честными гражданами, но для этого нам нужно его знать.

— Увы, мадемуазель, закон еще не составлен. У нас есть лишь набор разрозненных текстов, принятых на заседаниях Совета. Кстати, вы же учились на юриста?

— Как раз оканчивала второй курс.

— Вот и для вас нашлось дело! Займетесь составлением нашего Кодекса. Я поговорю об этом в Совете. Что касается вас, — сказал я Бельтеру, — то вас я возьму к себе. Поможете мне в моей работе министра геологии. С вашей научной подготовкой вы быстро станете приличным изыскателем. Жалованье: питание в столовой и крыша над головой, всё, как у меня самого.

К нам присоединился Мишель.

— Если ты хотел ангажировать Бельтера, — сказал ему я, — то, увы, опоздал. Я с ним уже договорился.

— Тем хуже для меня! Придется взять сестру. Астрономия подождет. Кстати, она и Менар сейчас здесь — специально спустились из обсерватории. Вечером он должен ознакомить нас со своими теориями.

Я взглянул на Гелиос — тот стоял высоко в небе.

— Ну, до вечера еще навалом времени! А скажи-ка, Мишель, твою сестру не слишком стеснит, если эта девушка поживет у нее, пока мы ей что-нибудь подыщем?

— Да вот и она! Можешь спросить у нее самой.

— Я был бы тебе признателен, если ты сделал это за меня.

Она меня немного смущает, твоя сестра-астроном!

— Тут ты не прав! Она отличная девушка, да и к тебе относится с большой симпатией.

— Тебе-то откуда это известно?

— Да она сама то и дело мне об этом твердит!

И, посмеиваясь, он удалился.

глава 2

Организация

После полудня в школьном зале собралась Академия наук Теллуса — Менару предстояло выступить с докладом. Присутствовали Мишель и Мартина, Массакр, Вандаль, Бреффор, мой дядя, инженеры, кюре, учитель, Анри и Ида, Луи, мой брат, сам я и несколько любознательных жителей деревни. Менар поднялся на кафедру.

— Я хочу изложить результаты своих расчетов и наблюдений. Как вы уже знаете, мы оказались на другой планете — будем называть ее Теллус, поскольку это имя за ней утвердилось. Ее окружность по экватору составляет примерно 50000 километров; сила тяготения на поверхности — около 0,9 земного тяготения. У Теллуса есть три спутника; расстояние до них вычислено мной пока очень приблизительно: до Феба, самого маленького, но который нам кажется самым большим, — около 100 000 километров; до Селены, превосходящей по величине нашу старую Луну, — около 530 000 километров; до Артемиды, которая больше Луны раза в три, — около 780 000 километров. Сначала я полагал, что наша планетная система принадлежит к числу систем с двумя солнцами. Но я ошибся. В действительности Соля, маленькое красное солнце, всего лишь очень большая, еще не остывшая планета на внешней от нас орбите. У Соля оказалось одиннадцать спутников. Гораздо дальше Соля есть другие планеты; они все вращаются вокруг Гелиоса. Сейчас период противостояния: когда заходит Гелиос, восходит Соля. Но некоторое время спустя, примерно через четверть теллусийского года, начнется период, когда мы будем одновременно видеть два солнца, потом — только одно, а иногда — ни одного, что будет гораздо удобнее для астрономических наблюдений, — добавил он с явным удовлетворением.

— Длительность дней и ночей была и остается одинаковой. Следовательно, мы на планете, ось которой имеет очень малый наклон к плоскости орбиты. Умеренная температура позволяет предполагать, что мы находимся где-то на сорок пятом градусе северной широты. Если принять склонение за нулевое, широта обсерватории будет равна сорока пяти градусам двенадцати минутам.

А сейчас я изложу вам единственную более или менее разумную гипотезу катастрофы, гипотезу, которую мне удалось разработать. Она пришла мне в голову сразу же после того, как мы оказались на Теллусе.

Вы, несомненно, знаете, что некоторые астрономы рассматривают Вселенную как некую гиперсферу или, точнее, как некий гиперсфероид с четырьмя измерениями, округленный в четвертом измерении и имеющий в этом измерении

толщину в одну молекулу. Такой сфероид парит в гиперпространстве, которое мы можем представить лишь очень смутно, по аналогии. Большинство теоретиков утверждало даже, во всяком случае, последнее время, что помимо континуума пространство-время ничего не существует, даже пустоты, ибо пустота — это пространство. Мне эта теория всегда казалась несовершенной, и теперь я, кажется, смогу ее опровергнуть. Согласно моей гипотезе, в гиперпространстве существует множество гиперсфер-вселенных, плавающих в нем, как, скажем, могло бы летать в этом зале множество детских воздушных шаров. Возьмем два таких шара. Один — это наша старая Вселенная, и там наша солнечная система, затерянная где-то в необъятности галактики. Второй — это вселенная, в галактике которой заключен Теллус. По неизвестным причинам две вселенные соприкоснулись. Произошло частичное взаимопроникновение двух миров, во время которого Земля и Теллус очутились в одном месте, где взаимодействовали два Пространства-Времени! По столь же неизвестным причинам кусок Земли был переброшен в иную вселенную; возможно, что и Теллус потерял в этой встрече часть своей массы, и тогда наши земляки, должно быть, охотятся сейчас на гидр где-нибудь в долине Роны. Ясно только, что обе вселенные двигались почти с одинаковой скоростью и в одном направлении и что скорости обращения Земли и Теллуса на орбитах также почти совпали, ибо иначе мы с вами вряд ли смогли бы уцелеть. Этим же объясняется и тот факт, что межпланетная экспедиция, в которой участвовал кузен присутствующего здесь Жана Бурна́, отметила признаки катастрофы вблизи Нептуна, но обогнала ее и успела вернуться на Землю. Возможно, что некоторые дальние планеты нашей солнечной системы тоже «вылетели» в другую вселенную — представляю, в каком смешном положении оказались бы тогда мои земные коллеги! Впрочем, я в это не верю.

Остается еще много необъяснимого. Почему не произошло внутриатомного взаимного проникновения, которое, по-видимому, вызвало бы чудовищный взрыв? Почему в результате катастрофы на новую планету была выброшена всего какая-то частица Земли? Этого мы не знаем и вряд ли сможем скоро узнать. И еще одно таинственное обстоятельство:

каким-то чудом мы попали на планету, где есть органическая жизнь. Мсье кюре видит в этом руку Провидения. Не знаю, не знаю...

Почти одновременно мне пришла в голову вторая гипотеза, еще более фантастическая. Я подумал, что произошел сдвиг во времени и мы очутились в далеком прошлом нашей собственной планеты, где-то в докембрии. Если во времени завязался какой-то узел, тогда наш Соль — это просто Юпитер. Однако эта теория не разрешает целого ряда проблем как физического, так и метафизического порядка, а наблюдения над Теллусом и другими планетами ее окончательно опровергают. Возможно также, что правы Мартина и Мишель, которые полагают, что мы на планете нашей Вселенной, с которой соприкоснулись в результате того, что произошел сдвиг пространства в его четвертом измерении. В таком случае мы можем оказаться на планете одной из солнечных систем — скажем, в туманности Андромеды, или, попросту, на другом краю нашей старой галактики. Будем надеяться, что дальнейшие наблюдения разрешат наш спор.

В заключение я хочу воздать должное пророческому гению некоторых романистов и напомнить вам, что Рони-старший в своей «Таинственной силе» предвидел аналогичную катастрофу. Но там речь шла о вселенной, состоящей из иной материи, нежели наша. Тех, кто интересуется математической стороной изложенной теории, прошу обращаться ко мне...

Менар сошел с кафедры и через несколько секунд уже горячо спорил о чем-то с моим дядей, Мишелем и Мариной. Я было приблизился, но, услышав, что речь идет о тензорах, полях тяготения и т.д. и т.п., поспешно отступил.

Луи увлек меня в сторону.

— Теория Менара, конечно, крайне интересна, но с практической точки зрения ничего нам не дает. Ясно ведь, что нам суждено жить и умереть на этой планете. Стало быть, нужно как следует все здесь организовать. Дел еще непочатый край! Ты как-то говорил, что где-то здесь неподалеку мог находиться уголь. Как думаешь, он тоже последовал за нами?

— Возможно. Я даже буду удивлен, если после всей этой встряски на поверхность не выскочил какой-нибудь стефанский или вестфалийский пласт. Что ты смотришь? Это

просто названия угольных пластов, которые можно было встретить в этом районе. Но должен тебя предупредить: ничего хорошего не жди! Несколько прослоек толщиной от пяти до тридцати сантиметров, и уголь тощий, не антрацит.

— И то будет неплохо! Главное, чтобы завод дал электричество. Ты ведь знаешь, на изготовление ракет мы истратили почти все запасы угля. Стали у нас совсем нет. Хорошо еще, что остался алюминий и дюраль.

Последующие дни прошли для меня в сплошной горячке. Совет принял ряд оборонительных мер. В нескольких километрах вокруг деревни мы оборудовали шесть сторожевых постов с герметическими убежищами; каждый из них был снабжен всем необходимым на случай осады и связан примитивной телефонной линией с центральным постом. Теперь, едва заметив гидр, наблюдатели должны были поднимать тревогу. Мы эвакуировали четыре слишком удаленные фермы, переведя их обитателей и весь скот в деревню. Отныне крестьяне работали на полях только под прикрытием пулеметов, установленных на грузовиках; чтобы сберечь горючее, в машины впрягали животных, которые и довозили охрану до места, где потом паслись или работали под ее защитой. Мы усовершенствовали ракеты и создали настоящую противовоздушную артиллерию. При первом же налете она вполне себя оправдала: из полусотни гидр было сбито штук тридцать.

Однажды утром мы с Бельтером и двумя вооруженными бойцами отправились разыскивать уголь. Как я и предполагал, месторождение оказалось недалеко — частично на уцелевшей территории, но главным образом в мертвой зоне, где отдельные пласты выходили прямо на поверхность.

— Удобнее всего начать отсюда, — сказал Бельтер.

— Да, вот только в таком хаосе проследить пласт, вероятно, будет невозможно. Осмотрим нетронутый участок.

Я не ошибся: большинство пластов едва достигало толщины пятнадцать сантиметров, и лишь один — пятьдесят пять.

— Не завидую шахтерам, — сказал я. — Придется им тут повозиться.

Воспользовавшись своим правом министра геологии, я мобилизовал тридцать человек на разборку путей, которые некогда шли к ближайшей железнодорожной станции. Точно

так же мы сняли вторую колею с ветки от завода к глиняному карьеру, откуда шло сырье на завод. Благодаря открытию Муассака и Уилсона алюминий с 1967 года добывали не только из бокситов, и мы на Теллусе вернулись к старому способу лишь потому, что здесь оказались богатейшие залежи боксита поразительной чистоты. Разумеется, Этранж запротестовал:

— И как же, по-вашему, я должен доставлять сырье на завод?

— Во-первых, я оставляю вам один путь из двух. Во-вторых, нам сейчас не понадобится такое количество алюминия, во всяком случае, на первое время. В-третьих, ваш завод все равно не сможет работать, пока не будет угля. И в-четвертых, когда я отыщу руду, мы начнем выплавлять железо, которого хватит на все. А пока соберите железный лом — его здесь немало — и переплавьте на рельсы. В конце концов это ваша работа!

Кроме того, я реквизирувал на заводе два маленьких паровозика из шести и достаточное количество вагонов. В известковом карьере я забрал три отбойных молотка и один компрессор.

Несколько дней спустя шахта уже работала, а в деревне снова появилось электричество. Семнадцать «каторжников» стали шахтерами. Они работали под охраной, которая не столько стерегла их, сколько защищала от гидр. Довольно скоро эти люди забыли о том, что они осужденные, да и мы, признаться, тоже. Они стали просто шахтерами и под руководством бывшего штейгера быстро освоили свою подземную профессию.

Так в организационной работе незаметно пролетело два месяца. Мишель и мой дядя с помощью часовщика изготовили часы теллусийского времени. Нам очень мешало то, что сутки состоят из двадцати девяти земных часов; каждый раз, чтобы узнать время по своим часам, приходилось делать сложные подсчеты. Поэтому сначала мы выпускали часы двух типов: с циферблатом, разделенным на двадцать четыре «больших» часа, и с циферблатом, размеченным на двадцать девять земных часов. Позднее, через несколько лет была принята система, существующая до сих пор, — вы только с ней и знакомы. Сутки делятся на десять часов по сто

минут, причем в каждой минуте — сто секунд, которые в свою очередь делятся еще на десять миггов. Секунды почти не отличаются от земных. Кстати, одним из первых результатов катастрофы было то, что все часы с маятниками разладились, к великому недоумению крестьян. Ведь сила притяжения на Теллусе меньше, чем на Земле!

Запасы продовольствия, пополненные за счет трофеев из подвалов замка, полностью обеспечивали нас на десять земных месяцев. Мы оказались в умеренном поясе Теллуса, в поясе вечной весны, и, если пшеница приживется в этом климате, могли рассчитывать на несколько урожаев в год. В долине было достаточно пахотной земли; нам ее должно было хватить, пока население не увеличится чрезмерно. К тому же и почва Теллуса выглядела плодородной.

Мы отремонтировали большое число домов и уже не ютились в прежней тесноте. Школа снова работала. Совет заседал теперь в большом металлическом ангаре. Здесь Ида властвовала над архивом, и здесь я обычно находил Бельтера, когда он мне бывал нужен. Мы составляли кодекс — основу нашего законодательства, стараясь по возможности не отходить от привычных на Земле норм, лишь упрощая их и приспособлявая к новым условиям. Эти законы действуют до сих пор. Кроме архива, в том же ангаре помещались зал собраний и библиотека.

Обе железные дороги — от шахты и от глиняного карьера — действовали нормально, завод работал по мере необходимости, выполняя наши заказы. Мы все были заняты, потому что рабочих рук не хватало. Жизнь в деревне кипела! Она напоминала скорее оживленный земной городок, чем одинокое селение на неведомой планете, затерянной в пространстве или, может быть, даже среди пространств. Выпали первые здешние дожди — грозные ливни, затянувшиеся дней на десять. Настали первые темные ночи, пока еще очень короткие. Трудно описать, что я почувствовал, когда впервые разглядел созвездия, которым суждено было стать нашими навсегда!

У членов Совета вошло в привычку собираться для полуофициальных бесед в деревенском доме моего дяди, либо — чаще, у него же в доме при обсерватории, который к тому

времени отремонтировали. Там мы встречали Вандаля и Мас-сакра, корпевших вместе с Бреффором над изучением гидр, там я видел Мартину, Бевэна с женой, своего брата, а иногда и Менара, когда его удавалось оторвать от вычислительной машины. Если на официальных заседаниях, где решались практические вопросы, всем заправлял Луи, то здесь, где больше говорили о науке и философии, признанным главой нашего кружка благодаря своей колоссальной эрудиции был мой дядя. Изредка брал слово Менар, и каждый раз мы поражались глубине мыслей, которые высказывал этот маленький человек с козлиной бородкой. У меня сохранились об этих встречах самые светлые воспоминания, потому что именно тогда я по-настоящему узнал и оценил Мартину.

Как-то вечером я поднимался к обсерватории в чудесном настроении; в трех километрах от мертвой зоны, уже на почве Теллуса, мне удалось обнаружить на дне ложины первоклассную железную руду. Собственно, нашел ее не я, а один из моих людей, который принес мне кусок руды и спросил, что это такое. Но какая разница? На повороте дороги мне повстречалась Мартина.

— А вот и вы! Я как раз спускалась за вами.

— Я что, опоздал?

— Нет, остальные еще в обсерватории, где Менар рассказывает о новом открытии.

— И однако же вы пошли меня встречать? — проговорил я, немало польщенный.

— О! Невелика заслуга. Просто мне там неинтересно, так как именно я его, это открытие, и сделала.

— И что же вы открыли?

— Ну, если в общих чертах...

В тот день я так ничего и не узнал. Мартина подняла глаза — да так и замерла с открытым ртом и округлившимися от ужаса глазами. Я обернулся: прямо на нас пикировала гигантская гидра!

В последний момент я все же сумел овладеть собой, толкнуть на землю Мартину и упасть рядом с нею. Гидра едва нас не задела, но все же пронеслась мимо. По инерции она пролетела еще метров сто, прежде чем смогла развернуться. В один прыжок я вскочил на ноги.

— Бегите к деревне! Там вдоль дороги деревья, спрячьтесь под ними!

— А вы?

— А я займусь ею. Из револьвера мне, несомненно, удастся ее снять...

— Нет, я остаюсь!

— Бегите же, бога ради!

Но бежать было уже поздно. И я знал, что мне с моим револьвером вряд ли удастся убить чудовище. Рядом в скале была расщелина. Я силой толкнул туда Мартину и заслонил ее своим телом. Прежде чем гидра выбросила свое жало, я выстрелил пять раз подряд; должно быть, пули попали в цель, потому что чудовище заколебалось в воздухе и отлетело немного назад. У меня оставались еще три патрона и нож, длинный финский нож, всегда острый как бритва. Гидра повисла напротив нас, ее щупальца извивались, словно щупальца спрута, и шесть глаз смотрели на меня тускло и зловеще. По легкому сокращению конуса гидры я понял, что сейчас она метнет жало. Выпустив последние три пули, я нагнул голову и с ножом в руке бросился к чудовищу. Мне удалось проскользнуть между щупальцами, ухватиться за одно из них. Боль от ожога была ошеломляющая, но я повис на гидре всем телом; она метнула жало в Мартину, промахнулась от моего толчка и расщепила роговое острие о скалу. Прижавшись к боку гидры, я кромсал ее финкой. Что было после, я уже плохо помню. Помню свою нарастающую ярость, помню лохмотья омерзительного мяса, хлещущие меня по лицу, потом почему-то земля ушла у меня из-под ног, падение, удар — все.

Очнулся я уже в постели, в доме дяди. Надо мной хлопотали Массакр и мой брат. Мои руки были красными и вздувшимися, левую сторону лица пронзала стреляющая боль.

— Как Мартина? — спросил я.

— С ней все в порядке. Легкое нервное потрясение, — ответил Массакр. — Я дал ей снотворное.

— А со мной?

— Ожоги, вывих левого плеча. Вам повезло. Вас отбросило метров на десять, и, если не считать плеча, вы не получили

ни единого серьезного ушиба. Удар смягчили кусты. Плечо я вам вправил, пока вы были без сознания, — потому-то вы и очнулись. Недели через две максимум все пройдет!

— Две недели! Но у меня столько дел! Я только что нашел железную руду...

Резкая боль пронзила мои руки.

— Скажите, доктор, у вас ничего нет против этого яда? Жжет просто-таки невыносимо.

— Минут через пять вы почувствуете себя уже лучше: я наложил успокаивающую мазь.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвался Мишель. Он бросился ко мне с протянутыми вперед руками, но, увидев, что мои забинтованы, остановился.

— Доктор, что с ним?

— Пустяки!

— Ах, старина, старина! Если бы не ты, моей сестре пришел бы конец!

— Ты же не хотел бы, чтобы я позволил этого летающему спруту, ошибившемуся в выборе пищи, сожрать нас? — попытался пошутить я. — Кстати, он мертв?

— Мертв? Еще бы! Ты разорвал его в клочья! Ах! Я даже не знаю, как мне тебя отблагодарить...

— Не беспокойся! На этой планете у тебя еще будет возможность отплатить мне тем же.

— А теперь, — прервал нас Массакр, — позвольте больному уснуть. Сейчас его, вероятно, начнет лихорадить.

Все покорно направились к выходу. Когда Мишель был уже у порога, я попросил его:

— Пришли ко мне завтра утром Бельтера.

Почти тотчас же я забылся беспокойным сном, из которого вышел через несколько часов обессиленным, но зато без малейших признаков лихорадки. Потом я снова мирно уснул и проспал часов до одиннадцати следующего дня. Руки и лицо болели уже гораздо меньше. Рядом, на стуле, согнувшись вдвое, спал Мишель.

— Он присидел тут всю ночь, — проговорил голос моего появившегося в дверях брата. — Как себя чувствуешь?

— Лучше, намного лучше! Как думаешь, когда я уже смогу встать?

— Массакр сказал, что дня через два-три, если жар не вернется.

Позади Поля, с подносом, на котором стоял дымящийся кофейник, внезапно возникла Мартина.

— Завтрак для Геракла! Доктор сказал, что он может поесть!

Она поставила поднос, помогла мне сесть, подложив под спину подушки, и быстрым поцелуем коснулась моего лба.

— Это вам в знак благодарности, пусть она и крайне незначительная! Подумать только: если бы не вы, я бы сейчас была бесформенным трупом. Бр-р-р!

Она потрясла Мишеля за плечо.

— Вставай, братец! Тебя ждет Луи.

Мишель поднялся на ноги, зевнул и, осведомившись о моем самочувствии, ушел вместе с Полем.

— Луи тоже обещал днем зайти. А теперь, господин Геракл, я вас покормлю.

— Почему — Геракл?

— Черт возьми! Когда сражаются врукопашную с гидрами...

— А я-то думал, что это из-за моего авантажного телосложения, — проговорил я с деланной обидой.

— Прекрасно, раз вы шутите, значит, скоро поправитесь.

Она накормила меня как ребенка, затем заставила выпить чашку кофе.

— Кофе просто восхитительный! — похвалил я.

— Я рада — сама готовила. Но вы только представьте: мне даже за какой-то несчастной порцией кофе пришлось обращаться в Совет! Теперь он проходит у нас как лекарство.

— Боюсь, придется нам от кофе отвыкать. Маловероятно, что на Теллусе есть кофейные деревья. Но это еще полбеды, а вот как быть с сахаром?..

— Полноте! Найдем какое-нибудь сахароносное растение! А не найдем — в деревне остались ульи. Будем есть мед, как в старину.

— Да, но если на нашей клочке Земли есть цветы, то на теллусийских растениях мы до сих пор не нашли ни единого.

— Будет видно. Что касается меня, то я — оптимистка. У нас был всего один шанс уцелеть из миллиарда, и все-таки мы уцелели!

Нашу беседу прервал стук в дверь: явилась неразлучная парочка, Анри и Ида.

— Пришли взглянуть на героя! — сказала последняя.

— Хо! Героя! Когда тебя загоняют в угол, героизм неизбежен!

— Вот уж не знаю, — заметил Анри. — Я бы, наверное, позволил себя съесть.

— Даже если бы с тобой была Ида?

— Что-что?

Я покраснел.

— Нет, я вовсе не это хотел сказать. Предположим, что ты был бы там с Мартиной или с какой-нибудь другой девушкой...

— По правде сказать, я ничего об этом не знаю.

— Ты просто на себя клеветешь! Впрочем, я вызвал тебя не для этих разговоров. Возьми двух парней, которые были со мной, и разведай поподробнее рудное месторождение. Принеси мне различные образцы. В тот день, когда мы нашли железо, было уже поздно и я не смог подробно осмотреть месторождение. Если оно окажется стоящим, постарайся сразу наметить удобную трассу для железной дороги. Но не забывай про гидр: оказывается, они не везде летают стаями, я в этом убедился! Они могут напасть и по две, и по три, так что ты лучше возьми человек десять охраны и грузовик. А как там вы, Ида, работа продвигается?

— Уже начала кодифицировать ваши декреты. Довольно интересно: прямо на твоих глазах рождаются новые законы. Правда, ваш Совет присвоил себе диктаторские полномочия.

— Надеюсь, это временно. Иначе пока нельзя! Что нового внизу, в деревне?

— Луи в ярости. Он нашел наблюдателей, которые пропустили вашу гидру, — это ребята с третьего поста. А те оправдываются, говорят, что гидра была одна.

— Вот ведь мерзавцы!

— Луи предлагает их всех расстрелять!

— Ну, это уж слишком. У нас и так людей мало.

Через пять дней, когда я впервые вышел из дому, опираясь на Мишеля и Мартину, мне рассказали, чем кончилось дело: ротозеев просто выгнали из охраны и приговорили к двум

годам работы на шахте. Постепенно я поправился и все вошло в нормальную колею.

Мы проложили к рудному месторождению железную дорогу и построили примитивную домну. Руды — гематита — мы обнаружили не очень много, зато она оказалась богатой, да и на наши скромные нужды ее должно было хватить. Первая плавка, несмотря на все знания Этранжа, прошла кое-как. Настоящего коксующегося угля у нас не было, поэтому чугун получился неважный, но все же мы его переварили в сталь. По совести говоря, на ближайшее будущее железа у нас было достаточно, и эту плавку мы поспешили выдать главным образом для того, чтобы испытать свои силы. Мы отлили рельсы и вагонные скаты. Возле рудника построили каменные убежища, где рабочие могли укрываться в случае нападения гидр, а кабины паровозиков мы переделали так, что при случае в них можно было запереться наглухо.

Погода не менялась: казалось, здесь царит нескончаемая, очень теплая весна. «Черные ночи» постепенно удлинились. В обсерватории мой дядя и Менар открыли уже пять планет на внешних орбитах; на ближайшей к нам планете были обнаружены атмосфера и облака. Сквозь разрывы облачности можно было наблюдать моря и материки. Спектроскоп показал наличие кислорода и водяных паров. Наша соседка была примерно такого же размера, как Теллус, и имела два больших спутника. Удивительно, как глубоко сидит у нас в душе страсть без конца расширять свои владения! Даже мы, несчастные крохи человечества, не уверенные и в завтрашнем дне, даже мы обрадовались, когда узнали, что рядом с нами есть планеты, где смогут жить люди.

Недалеко от рудника мы для пробы распахали под защитой гарнизона около гектара теллусийской целины. Почва оказалась легкой, хорошо удобренной перегноем сероватых трав. Я немедленно приказал ее засеять различными сортами пшеницы, несмотря на протесты крестьян, которые твердили, что сейчас не время для сева. Мишелю пришлось целых полдня втолковывать им, что на Теллусе нет обычных времен года, а потому сеять или жать можно всегда, и лучше это делать сейчас, чем потом.

Когда началась пахота, мы снова столкнулись с плоскими змеями вроде той, что мы нашли во время первой разведки. Но та была уже мертвой, а этих пришлось убивать. Крестьяне прозвали их гадюками, и это имя за ними осталось, хотя с земными гадюками у этих созданий не было ничего общего. Длинной они были от пятидесяти сантиметров до трех метров. В сущности, их нельзя назвать ядовитыми, но они достаточно опасны: мощные полые зубцы на нижней челюсти впрыскивают в жертву необычайно сильный пищеварительный сок, который разжижает ткани, вызывая своего рода гангрену, и, если помощь не оказать немедленно, дело может кончиться ампутацией или даже смертью. К счастью, эти очень злобные и ловкие твари попадались нечасто. Одна укусила быка, который тут же подох, а другая — человека. Оказавшиеся на месте Вандаль и Массакр немедленно наложили жгут и ампутировали пораженную ногу. Это были единственные жертвы.

Вслед за растениями Теллус начали осваивать земные насекомые, и в первую очередь крупные рыжие муравьи, название которых я позабыл. Неподалеку от рудника Вандаль нашел целый муравейник! Муравьи с жадностью пожирали смолку, сочившуюся из серых растений, и размножались с удивительной быстротой. К тому времени, когда на опытном поле показались первые зеленые всходы, они уже кишели везде, легко справляясь с маленькими насекомыми Теллуса, которые пытались бороться с пришельцами.

После бурного начала это были дни мира и тишины. Постепенно, понемногу мы преодолевали даже то, что казалось непреодолимым. Месяцы шли за месяцами. Мы собрали первый урожай, обильный на «земных» полях и просто великолепный на распаханном участке Теллуса. Похоже было, что пшеница акклиматизировалась на славу. Стада множились, но пастбищ пока хватало. Земные растения, по-видимому, были сильнее местных, и вокруг уже появлялись пятна смешанных степей. Странно было видеть, как знакомые наши травы окружают какой-нибудь пыльно-серый кустик с цинковыми листьями.

Лишь теперь, на досуге, я смог поразмыслить о самом себе. Сразу после катастрофы мной овладела растерянность, граничащая с отчаянием: я знал, что осужден на вечное из-

гнание, навсегда разлучен с друзьями, отрезан от них непреодолимой пропастью, которую не измерить никакими земными мерами. И я испытывал ужас перед неведомой планетой, населенной чудовищами. Затем необходимость немедленных действий: война с бандитами, организационная работа, ответственный пост министра, который мне навязали, — все это полностью захватило меня, и теперь я с удивлением замечал, что от прежних настроений не осталось и следа. Мной овладела жажда приключений, радостная и неутомимая страсть открывателя неведомых горизонтов.

Однажды я заговорил обо всем этом с Мартиной по дороге к обсерватории; теперь она и Мишель бывали там лишь изредка, посвящая большую часть своего времени общественным работам и обучению молоденького пастуха Жана Видаля, у которого оказались блестящие способности. Я тоже преподавал ему геологию, Вандаль — биологию, а мой брат — историю Земли. Впоследствии Видаль стал крупным ученым и, как вы знаете, был избран вице-президентом республики. Но не будем забегать вперед.

— Подумать только, — говорил я Мартине, — что когда мой кузен Бернар хотел взять меня в межпланетную экспедицию, я наотрез отказался под тем предлогом, что сперва, мол, должен доучиться. В действительности же я просто боялся! Я, который ради какой-нибудь окаменелости готов был пойти хоть на край Земли, испытывал настоящий ужас от одной лишь мысли о том, чтобы эту Землю покинуть! И вот теперь я на Теллусе — и весьма этому рад! Забавно, не так ли?

— Для меня все обстоит еще более забавно. Я работала над диссертацией, в которой доказывала несостоятельность теории изогнутого пространства. И вот получила красноречивое доказательство ее достоверности!

Мы прошли уже половину пути, когда взвыла сирена тревоги.

— Черт, опять эти мерзкие твари! В убежище!

Такие убежища от гидр стояли теперь почти всюду, и ближайшее было от нас метрах в тридцати. Мы припустили бегом, не думая о самолюбии, хотя на этот раз у меня, кроме ножа и револьвера, был с собой автомат. Заставив Мартину войти внутрь, я остался на пороге, изготовившись для стрель-

бы. Сверху покатались камешки, а следом за ними передо мной появилась черная фигура кюре.

— А, это вы, мсье Бурна́! Откуда летят гидры?

— С севера, полагаю. Сирена подала лишь один сигнал. Входите!

— Боже, когда же мы наконец избавимся от этих адских созданий?

— Боюсь, что не скоро. А! Вот и они! Входите-входите, вы же безоружны!

Высоко над нами появилось зеленое облачко. Совсем рядом с ним, но немного ниже в небе вспухли черные клубочки — разрывы ракет.

— Недолет! Ага! Вот так уже лучше!

Следующий залп угодил прямо в середину стаи, и через несколько секунд сверху начали падать клочья зеленого мяса. Оставив дверь полуоткрытой, я нырнул в убежище: даже после смерти гидры кожа ее причиняет жестокие ожоги.

В убежище Мартина беседовала с кюре, поглядывая в окошко с толстым стеклом. Гидры, словно сообразив, что в стае им оставаться опасно, пикировали группами по две-три штуки. Сквозь полуотворенную дверь я видел, как они вились над паровозом нашей узкоколейки; машинист в своей закрытой кабине был в безопасности. Внезапно я расхохотался: струя пара взвилась над паровозиком, и перепуганные гидры бросились врассыпную. Я все еще смеялся, оглядываясь вокруг. Внизу, в деревне, трещали выстрелы и на площади, у колодца, уже валялось несколько сбитых гидр. Внезапно какая-то тень закрыла небо. Я прыгнул в убежище и захлопнул за собой дверь; гидра пролетела над самой крышей. Прежде чем я успел просунуть свой автомат в бойницу, она была уже далеко.

Вопль Мартины заставил меня вздрогнуть.

— Жан! Сюда, скорее!

Я бросился к окошку: к нам со всех ног бежал мальчик лет двенадцати, а за ним гналась гидра. До убежища оставалось еще метров полтора. Несмотря на смертельную опасность, мальчишка, видимо, не растерялся: он бежал зигзагами, умело используя деревья, которые мешали его преследователю. Вся эта сцена мелькнула передо мной, как при вспышке

молнии; в следующее мгновение я уже был снаружи. Гидра набрала высоту и теперь пикировала.

— Ложись! — закричал я.

Мальчик понял и прижался к земле; гидра промахнулась. Я дал по ней очередь в десять выстрелов на расстоянии пятидесяти метров. Чудовище подскочило в воздухе и снова развернулось для нападения. Я вскинул автомат, взял прицел на тридцать метров; после второго выстрела ствол заклинило. В чехле у меня был запасной ствол, но поставить его я бы уже не успел. Отбросив автомат, я выхватил револьвер. Гидра приближалась.

И тогда мимо меня пронесся, пыхтя, наш толстячок кюре в своей развевающейся сутане. Так быстро он, должно быть, не бегал ни разу в жизни! Гидра спикировала, но кюре успел раскинуть руки, прикрыть малыша и принять смертоносный укол на себя...

За эти секунды я сменил ствол и с расстояния десяти метров выпустил очередь за очередью, пока мертвое чудовище не рухнуло на тело своей жертвы.

Я огляделся: других гидр поблизости не было, да и в деревне стрельба затихла; лишь высоко в небе плыло несколько зеленых пятен. С трудом освободил я труп кюре — один грамм яда гидры убивал быка, а чудовище за раз впрыскивало кубиков десять, если не больше! Мартина легко подняла мальчугана, потерявшего сознание, и мы пошли к деревне. Жители опасливо отпирали забаррикадированные изнутри двери. Мальчик очнулся, и, когда мы его передали матери, он уже мог идти сам.

Я нашел Луи на площади у колодца — он был мрачнее тучи.

— Скверный день, — сказал он. — У нас тут двое убитых — Пьер Эвре и Жан-Клод Шар. Не пожелали укрыться, чтобы удобнее было стрелять...

— Трое убитых, — проговорил я.

— Кто третий?

Я объяснил.

— Что ж, я не слишком люблю священников, но этот погиб смертью храбрых! Предлагаю всем троим, погибшим сегодня, устроить торжественные похороны.

— Поступай как хочешь. Им от этого легче не станет!

— Нужно поднять моральный дух. Слишком многие бо-
ются, пусть мы и убили уже тридцать две гидры!

Из зала Совета я позвонил дяде, чтобы он о нас не бес-
покоился. На следующий день состоялись похороны, на ко-
торых Луи произнес надгробную речь, прославляя героизм
погибших.

С кладбища мы ушли с Мартиной и Мишелем. На по-
левой тропинке, куда мы свернули, чтобы сократить путь,
нам попался труп гидры; огромная тварь длиной более шести
метров, не считая щупалец, загромождала дорогу. Пришлось
ее обойти. Мартина была бледна как мел.

— Что с тобой, сестричка? — спросил Мишель. — Опас-
ность уже миновала.

— Ох, Мишель, мне так страшно! Этот мир слишком же-
сток к нам, слишком безжалостен! Эти зеленые чудовища
убьют нас всех!

— Не думаю, — сказал я. — Наше оружие улучшается
с каждым днем. Вчера, будь мы чуть более осторожными,
все обошлось бы и вовсе без жертв. В сущности, мы здесь
подвергаемся не бóльшим опасностям, нежели индусы с их
тиграми и змеями...

— От змеиноного яда помогают противоядия. А тигры...
что ж, это тигры, звери, не слишком-то и отличающиеся от
нас самих. Но эти зеленые полипы, которые переваривают
тебя в твоей собственной коже... Ужас, просто ужас! Мне так
страшно... — чуть слышно повторила Мартина.

Мы утешали ее как только могли, но, придя в деревню,
увидели, что в утешении нуждается не одна она. Подъехал
состав вагонеток с рудой, и машинист вышел поболтать
с каким-то крестьянином.

— Тебе-то бояться нечего, — говорил тот. — Заперся
в своей кабине, сидишь себе и в ус не дуешь... А мы... пока рас-
пряжем быков и забежим в убежище... нас эти твари успеют
убить раз десять! И пусть воют эти сирены — они всегда воют
слишком поздно! Клянусь тебе: как идти в поле, я теперь каж-
дый раз молюсь! Только дома спокойно, да и то не слишком...

Подобных разговоров мы в тот день наслушались вдоволь.
Слабину давали даже некоторые рабочие завода, хоть они

и работали в укрытии. Если бы гидры нападали ежедневно, даже и не знаю, чем бы все это закончилось. Но, к счастью, до великой битвы они больше не появлялись, и мало-помалу напряжение у людей ослабло, да до такой степени, что время от времени нам приходилось даже строго наказывать слишком беспечных наблюдателей.

глава 3

Разведочные работы

К тому времени, когда я разработал план экспедиции, мне стало ясно, что я люблю Мартину. Каждый вечер мы с ней поднимались к дому моего дяди, где вместе обедали. Иногда нас сопровождал Мишель, но обычно он приходил один, раньше. Я делился с Мартиной своими замыслами, и она мне дала немало полезных советов. Незаметно от деловых разговоров мы перешли к воспоминаниям. Я узнал, что Мартина в тринадцать лет осталась без родителей, их целиком ей заменил Мишель. Он был астрономом, а потому, когда выяснилось, что у девочки явная склонность к точным наукам, привлек сестру к своей работе. Я случайно был хорошо знаком с членами первой экспедиции «Земля — Марс» (ее глава Бернар Верильяк был моим кузеном) и мог рассказать Мартине немало интересных подробностей об этом межпланетном полете. Какой-то восторженный репортер даже сфотографировал меня между Бернаром и Сигурдом Ольсеном как «самого юного участника экспедиции», а потом на факультете насмешники не давали мне прохода. Тем не менее, когда мне предложили принять участие во втором перелете, я отказался, наполовину из-за того, чтобы не огорчать свою мать, — какое благородство! — а наполовину просто из трусости — вот тут уже благородством не пахло! Отыскав в дядиной библиотеке газеты того времени, я показал Мартине «знаменитую» фотографию. Она в свою очередь показала мне другой снимок: на докладе начальника экспедиции Поля Бернадака в пятом ряду слушателей слабой карандашной чертой были обведены головы юноши и девушки.

— Это Мишель и я. Как астроному, ему были выделены одни из лучших мест. Я запомнила тот день на всю жизнь!

— А знаете, я вас там, возможно, видел! Я помогал Бернару демонстрировать диапозитивы!

Через увеличительное стекло я смог рассмотреть на снимке лицо Мартины, тогда еще немного детское.

Так от вечера к вечеру мы становились друг другу все ближе и однажды, уже не помню как, перешли на «ты». А в один из вечеров, когда Мишель ожидал нас на пороге дома, мы появились перед ним рука об руку. С лукавой усмешкой он простер свои руки над нашими головами и торжественно произнес:

— Дорогие мои дети, в качестве главы семьи даю вам свое благословение!

Немного смущенные, мы переглянулись.

— А что? Неужели, я ошибся?

Практически одновременно мы ответили:

— Спроси у Мартины!

— Спроси у Жана!

И все трое покатались со смеху.

На следующий день я изложил на заседании Совета свой давно уже вынашиваемый план экспедиции.

— Вы сможете, — спросил я у Этранжа, — переделать грузовик в своего рода легкий танк с дюралевой броней и башней для пулемета? Это помогло бы нам исследовать хоть какую-то часть поверхности Теллуса.

— Так ли уж это необходимо? — вмешался Луи.

— Еще как необходимо! Ты знаешь, что сырья у нас в обрез. Железной руды едва хватит на два года, и то если мы будем экономить. Нас окружают болота и степь, где рудные выходы искать очень сложно. Нам надо добраться до гор. Кстати, там мы, может быть, найдем и леса, которые поставят нам дешевую древесину, иначе мы скоро вырубим здесь все деревья, а их и так осталось немного. Может быть, мы встретим полезных для нас животных, может быть, отыщем уголь — кто знает! А может быть, найдем такое место, где нет гидр. Вряд ли они улетают далеко от своего болота!

— Каков будет, по-твоему, расход газойля?

— А сколько потребляет лучший грузовик?

— Двадцать два литра на сто километров. С грузом и по бездорожью выйдет около тридцати.

— Тогда, скажем, тысяча двести литров. В этом случае наш радиус действия составит две тысячи километров. Так сильно удалиться я не намерен, но мы ведь не по прямой ездить будем.

— Сколько человек тебе нужно?

— Семеро, считая меня самого. Я думаю взять Бельтера, которого я уже научил распознавать основные минералы. Мишеля, если он пожелает...

— Конечно же пожелаю! Наконец-то займусь астрономией, так сказать, «на месте событий», а не в телескоп...

— Ты мне будешь особенно полезен в том, что касается определения местоположения и топографических высот. Насчет остальных я подумаю.

План экспедиции был утвержден практически единогласно — воздержался лишь Шарнье. И на следующий день Этранж дал рабочим указания приступить к переделке грузовика. Мы выбрали машину со сдвоенными задними баллонами. Слишком хрупкие стекла заменили плексигласом, позаимствованным из запасов обсерватории, проверили все замки и поставили на стеклоподъемники листы дюрала, которые могли в случае необходимости наглухо закрыть окна. Перегородку между кабиной и кузовом мы разобрали, кузов расширили и превратили в каюту с полукруглой крышей, обшив каркас из прочных стальных дуг толстыми дюралевыми листами. Над крышей поставили вращающуюся башенку с автоматическим пулеметом двадцатимиллиметрового калибра; стрелок мог поворачивать ее с помощью педалей. Кроме пушки наше вооружение состояло из пятидесяти дальнобойных ракет длиной сто десять сантиметров, двух ручных пулеметов и четырех автоматов. Для пушки мы взяли восемьсот снарядов, для пулеметов — по шестьсот патронов, и для автоматов — по четыреста на каждый. Шесть дополнительных баков по двести литров вместили запас горючего. В кузове установили шесть откидных коек в два ряда, по три друг над другом, маленький складной столик и ящики с продовольствием, которые одновременно должны были служить стульями. Инструменты, приборы, взрывчатка, баки

с питьевой водой и маленький приемник-передатчик заняли все свободные углы внутри, а то, что не уместилось, мы привязали снаружи на крыше. Там же, вокруг башни, легли шесть новых шин для нашего броневика. Каюта освещалась двумя лампочками и тремя закрывающимися изнутри окнами. Бойницы в броне позволяли вести круговой обстрел. Мы заново перебрали весь мотор, всю ходовую часть, и в моем распоряжении оказалась достаточно мощная боевая машина, которой не страшны никакие гидры. Горючего нам должно было хватить на четыре тысячи километров, а запаса продовольствия — на двадцать пять дней. Во время испытаний грузовик легко шел по дороге со скоростью шестьдесят километров в час, но по пересеченной местности нужно было рассчитывать самое большее на тридцать.

Я тем временем продолжал подбирать экипаж. В него должны были войти:

Начальник экспедиции и геолог: Жан Бурна́.

Заместитель начальника: Бреффор.

Зоолог и ботаник: Вандаль.

Штурман: Мишель Соваж.

Изыскатель: Бельтер.

Механик и радист: Поль Шеффер.

Шеффер — бывший авиамеханик — был другом Луи.

Кого взять седьмым, я не знал. Я с радостью позвал бы Массакра, но его присутствие в деревни было как минимум столь же необходимым. Оставив незаконченный список на столе, я куда-то вышел, а когда вернулся, внизу дерзким почерком Мартины уже было приписано:

Кухарка и санитарка: Мартина Соваж.

Сколько мы с Мишелем ни бились, нам так и не удалось ее отговорить. В конечном счете я был даже рад, когда Мартина заставила меня сдаться: она была сильна, смела, превосходно стреляла, и, кроме того, я был уверен, что в нашем броневике мы, в сущности, можем ничего не опасаться.

Последние приготовления подходили к концу. Каждый как мог рассовал свои книги и личные вещи, каждый выбрал себе койку. Мартина заняла самую высокую справа, а я — слева. Подо мной были Вандаль и Бреффор, ниже Мартины — Мишель и Бельтер. Шефферу предстояло спать

на сиденье водителя: для его ста шестидесяти сантиметров кабина была достаточно широка. Боясь, что внутри будет слишком жарко, мы установили дополнительный вентилятор. Люк в крыше и лесенка позволяли выбраться наверх, но при малейшей опасности все должны были немедленно прятаться в кузов.

И вот настало утро голубого дня, когда мы заняли свои места. Я сел за руль. Мишель и Мартина — рядом со мной, Шеффер, Вандаль и Бреффор вылезли на крышу, а Бельтер забрался в башню к пушке; со мной он был связан телефоном. Перед отъездом я убедился, что водить машину, исправлять обычные поломки и стрелять из пулемета может каждый из нас.

Пожав руки друзьям и обняв на прощание дядю и брата, я тронул грузовик. Мы свернули на дорогу к замку. Бельтер из люка башни долго еще махал рукой Иде, которая в ответ размахивала платком.

Я был взволнован, счастлив и распевал во всю глотку. Мы проехали мимо развалин, потом вдоль полотна узкоколейки и по новой, едва намеченной дороге, выбрались к руднику. Наблюдатели были на местах. Несколько рабочих прохаживались группами перед началом смены, другие закусывали. Дружески простившись с ними, мы двинулись дальше, в степь, прямо по серой теллусийской траве.

Сначала то здесь, то там еще попадались земные растения, но вскоре они исчезли. Через час последняя колея, самая крайняя точка, куда мы доезжали во время наших разведок, осталась позади. Перед нами была неведомая планета.

Легкий западный ветерок волновал траву, которая с шумом шелестом ложилась под колеса грузовика. Почва была твердой и удивительно ровной. Серая степь расстилалась вокруг, насколько хватал глаз. На юге собирались редкие белые облака, «обыкновенные облака», как заметил Мишель.

— В каком направлении рванем? — спросил он, раскладывая на планшете свои штурманские приборы.

У Теллуса оказалось такое же постоянное магнитное поле, как у Земли, и наши компасы действовали превосходно, с той лишь разницей, что здесь все было наоборот и северный конец стрелки указывал на юг.

— Сначала — прямо на юг, потом — на юго-восток. Так нам удастся обогнуть болото. По крайней мере, я на это надеюсь. Затем — к горам.

В полдень мы остановились и первый раз позавтракали «под сенью грузовика», как выразился Поль Шеффер, сенью, скорее воображаемой, чем реальной. Хорошо еще, что нас освежал слабый ветерок.

Мы весело попивали вино, когда трава рядом с нами вдруг зашевелилась и оттуда выскочила плоская гадюка. Не дав нам опомниться, она ринулась вперед и впилась... прямо в левую переднюю шину грузовика, которая тотчас начала оседать с характерным шипением.

— Мать твою! — выругался Поль, прыгнул в кабину и выскочил обратно с топором в руках.

— Не испортите ее, прошу вас! — кричал Вандаль, но Поль не обращал внимания; одним ударом он рассек змею, да так, что лезвие топора ушло в почву по самую рукоятку. Мы покатались со смеху.

— Не уверен, что эта добыча показалась ей достаточно сочной, — проговорил Мишель, пытаясь разжать челюсти гадюки.

Но для этого понадобились клещи. Размонтировав шину, мы убедились, что желудочный сок этой твари обладал невероятной силой: резина уже сморщилась, а корд вокруг прокола растворился бесследно.

— Прошу прощения, — сказал Мишель, поворачиваясь к останкам рептилии. — Не знал, что вы способны переваривать каучук!

Мы поехали дальше, держа среднюю скорость двадцать пять — тридцать километров в час. К вечеру позади осталось триста километров. Несколько раз я пытался свернуть влево, но там все еще тянулось болото. Ночь прошла спокойно. Лишь на следующий день после трех часов быстрой езды мы смогли наконец изменить направление. По-прежнему вокруг шелестела серая трава, изредка попадались кусты, да несколько раз нам пришлось объезжать овраги. Мы двигались к горам, возвышающимся на линии горизонта.

Часов в десять погода начала портиться, и, когда мы остановились для полуденного завтрака, дождь всюю барабанил

по дюралевой броне. Поели, не выходя из машины, кое-как, в тесноте. Тем временем дождь превратился в ливень, видимость была отвратительной, и я решил переждать.

Мы приоткрыли окна, чтобы в машине было свежее, и расположились кто как хотел — одни на койках, другие вокруг стола. Я полулежал на переднем сиденье, Мишель и Мартина сидели на пороге проема, соединявшего кабину с кузовом. Лениво текла беседа. Мы с Мишелем дымили трубками, остальные покуривали сигареты. Благодаря какой-то счастливой случайности в деревне помимо большого запаса табака у одного из жителей оказалась табачная рассада, и теперь мы сами выращивали табак, не опасаясь вмешательства акцизных чиновников.

Дождь лил семнадцать часов подряд и, по словам дежурных, не прекращался ни на минуту. Когда мы утром проснулись, он все еще шел, хотя и не так сильно. Вся равнина была покрыта водой: плотный перегон медленно впитывал влагу. Мишель попробовал тронуться с места; грузовик забуксовал, но потом покатился, осторожно набирая скорость.

К концу третьего дня пути мы проехали уже шестьсот пятьдесят километров и заметно приблизились к горам. Местность менялась: теперь вокруг были цепи холмов, вытянутые с юго-запада на северо-восток. Между двумя такими цепями мне удалось сделать очень важное, открытие.

Уже вечерело. Мы остановились у подножия красноватого глинистого холма, на котором даже трава не росла. Захватив автомат, я вылез из грузовика и отправился прогуляться. Шел я не торопясь: поглядывал время от времени на небо и раздумывал над тем, можно ли применять на Теллусе законы земной геологии. Когда я уже склонялся к положительному ответу, мне почудилось в воздухе что-то странное, необъяснимое, но очень знакомое! Я остановился. Передо мной было небольшое маслянистое болотце со скудной растительностью: пучки рыжей, ржавой травы лишь кое-где торчали из воды, затянутой радужной пленкой. От неожиданности я чуть не подскочил: от болотца тянуло нефтью!

Я приблизился. Там, где болото слегка вдавалось в берег, на поверхность вырывались пузырьки газа. От огня зажигалки они легко вспыхивали, но это еще ничего не доказыва-

ло — обыкновенный болотный газ тоже горит. Но радужная пленка... По всем признакам здесь была нефть, и, очевидно, на незначительной глубине. Я обследовал местность. Слой глины, из которой состоял холм, здесь переходил в темный сланец, а в ста метрах от болотца сланцевый пласт упирался в обрыв из белого известняка. Все признаки сброса были налицо! Это меня обеспокоило. В результате сброса нефть могла разлиться по поверхности — тогда месторождение было бы для нас потеряно, — но могла и остаться где-то совсем неглубоко. Одно, во всяком случае, было несомненно: нефть на Теллусе есть и так или иначе мы сможем ее добывать.

Тщательно отметив на маршрутной карте это место, мы двинулись дальше, огибая с юга гряды гор, вернее, высоких холмов, так как они не поднимались выше восьмисот метров. Это была известняковая гряда, по-видимому, совсем недавнего происхождения: следы эрозии на ней почти не были заметны. В одной отвалившейся глыбе я нашел окаменелую раковину, похожую на нашу земную брахиоподу. Значит, на Теллусе кроме бескостных гидр есть или были существа с твердым панцирем.

Растительность по-прежнему оставалась унылой и однообразной, серая трава да серо-зеленые «деревья», то есть просто кусты. На остановках Вандаль превращал стол в лабораторию и склонялся над микроскопом, но до сих пор ему не удалось обнаружить ничего сенсационного. Клетки растений были такими же, как на Земле, если не считать того, что многие имели всего по одному ядру. У этих растений не было цветов: они размножались спорами, как на Земле в палеозойскую эру.

Сразу же за цепью холмов перед нами предстала могучая горная гряда со снеговыми вершинами. Центральная была особенно хороша! Ее гигантские размеры поражали глаз. Черная как ночь, под ослепительной снежной шапкой, эта гора стояла на равнине огромным конусом с геометрически правильными очертаниями. Мы назвали ее «Mont-Ténébre» — гора Тьмы.

Мы покатали прямо к ней. Мишель сделал прикидку, произвел простейший подсчет и даже присвистнул от удивления:

— Ого! Почти двенадцать семьсот!

— Двенадцать километров! Выходит, она выше Эвереста на...
— Да, на три с лишним тысячи метров.
— Но почему так хорошо видно вершину? Ведь она должна быть над облаками...

— Да потому, что облаков тут как раз таки и нет. Они вообще, судя по всему, на Теллусе встречаются редко. Зато уж если польет дождь!.. Вспомни, что было позавчера!

— Похоже, однако, дожди здесь бывают гораздо чаще, чем ты думаешь. Без воды вся эта растительность давно бы уже погибла!

Мы двигались к подножию горы Тьмы без происшествий, как вдруг перед нами возникло почти непреодолимое препятствие. Местность резко пошла на уклон, и мы увидели внизу на дне широкой долины реку. Берега ее покрывали древоподобные растения: из всего, что нам до сих пор попадалось, ничто еще так не походило на наши земные деревья. У них были даже соцветия, которые Вандаль сравнил с пестиками некоторых голосемянных.

Но как переправиться через реку? Не очень широкая, всего метров двести, она была глубока и стремительна, с черной, жуткой водой. В память о родном крае я назвал ее Дордонью. Гидры вряд ли могли обитать в ее быстрых водах, но на всякий случай следовало держаться настороже.

Мы двинулись вверх по течению, надеясь отыскать более подходящее место для переправы, и к вечеру неожиданно для нас самих достигли истоков реки: уже глубокая и полноводная, она вытекала из-под известнякового обрыва, поросшего кустарником. Нелегко было провести машину по этому скалистому мосту, заваленному крупными обломками и пересеченному рытвинами, но в конце концов нам это удалось. По противоположному берегу мы спустились немного ниже и повернули теперь уже прямо к пику Тьмы.

Благодаря какому-то обману зрения нам казалось, что этот пик примыкает к горной гряде, но на самом деле он одиноко возвышался на равнине далеко впереди остальных гор. Базальт и черная лава сверкали на монолитном теле великана — еще одно доказательство недавней вулканической деятельности. Жидкие лавы обычно сглаживают неровности склонов, пока сами не начинают трескаться и разрушаться.

Широкие потоки застывшего вулканического стекла — обсидиана — спускались к самому подножию горы. К одному из них я подошел, даже не подозревая, что здесь меня ждет поразительная находка. Куча обсидиановых осколков лежала на выступе. Один из них привлек мое внимание. Казалось, ему была искусственно придана форма лаврового листа. Точно такие же наконечники для стрел делали наши далекие земные предки в солютрейскую эпоху.

глава 4
ССВИ

Я отвел Вандаля, Мишеля и Бреффора в сторону и показал им свою находку.

— А ты уверен, — спросил Мишель, — что это не какая-нибудь игра природы?

— На все сто. Взгляни на общую форму, на подгонку. Это точная реплика солютрейского наконечника.

— Или индейских наконечников из обсидиана, — добавил Бреффор. — Ты мог их видеть в Музее человека, если, конечно, ты там бывал.

— Стало быть, — проговорил Мишель, — нам придется признать, что на Теллусе есть люди.

— Не обязательно, — сказал Вандаль. — Разум может расцвести и в отличных от нашей формах. До сих пор мы ничего сходного с земной фауной в теллусийской не встречали.

— Вот именно! — заметил я. — Если мой кузен и его спутники обнаружили гуманоидов на Марсе, отнюдь не факт, что мы найдем их и здесь.

— А не могут это быть, — продолжал Мишель, — такие же земляне, как и мы сами? Что, если у них просто нет тех средств, которые есть у нас, и потому они вынуждены были вернуться к орудиям каменного века?

— Не думаю. На Земле сейчас лишь очень немногие умеют обрабатывать камень так, как это делали в доисторические времена. А изготовление подобной штуковины, ты уж поверь мне, требует высочайшего мастерства — мастерства,

которое приходит лишь после многих лет практики. В любом случае, нужно быть начеку и предупредить остальных!

Так мы и поступили. Я проверил фары и прожектор, связанный с вращающейся башней. Ночные дежурства были на всякий случай удвоены, первыми встали на вахту я и Мишель. Он сел на место стрелка, а я на переднее сиденье, просунув в бойницу дуло автомата и положив рядом заряженный магазин.

Через пару минут я позвонил ему по телефону:

— Думаю, будет лучше, если мы станем время от времени переговариваться, — так хоть не задремаем. Если захочешь покурить трубку, позаботься о том, чтобы пламя зажигалки не было видно снаружи.

— Договорились! Если что-нибудь увижу, сразу же выйду на связь и...

Внезапно где-то во тьме, совсем рядом, прозвучал странный и громкий крик. Это был даже не крик, а какой-то трубный, клокочущий звук, переходящий в пронзительный визг, от которого сжималось сердце. Я оцепенел. Должно быть, у гигантских ящеров вторичной эры были такие же душераздирающие голоса. Неужели мы оказались в краю, населенном тираннозаврами?

— Ты слышал? — прошептал в микрофон Мишель.

— Еще бы!

— Что, черт возьми, это могло быть? Может, включить прожектор?

— Ни в коем случае! И вообще помолчи!

Странный крик прозвучал снова, теперь уже ближе. При бледном свете Селены я различил над стеной деревьев движение какой-то огромной черной массы. Еле дыша, я вставил магазин в автомат; легкий щелчок прозвучал для меня как гром. Надо мной, чуть скрипнув, развернулась башня: Мишель тоже увидел это и прицелился. В наступившей тишине слышалось только безмятежное похрапывание Вандаля. Здорово же они все вымотались, если даже такие крики не могут их разбудить!

Пока я раздумывал, не поднять ли остальных по сигналу тревоги, темная масса задвигалась и вышла из-за деревьев. В полутьме я с трудом различил увенчанную гребнем спину, короткие массивные лапы и рогатую плоскую голову с очень

длинной мордой. Какая-то странность в походке чудовища привлекла мое внимание: у него было шесть лап! В длину монстр достигал двадцати пяти — тридцати метров при высоте метров пять-шесть.

Я сдвинул предохранитель, но не решился положить палец на гашетку, боясь, что нервы у меня не выдержат и я дам очередь.

— Внимание! Приготовься, но не стреляй, — сказал я.

— Это еще что за гадина?

— Не знаю. Внимание!

Чудовище снова зашевелилось. Теперь оно шло на нас. Голова его была увенчана плоскими развесистыми, как у лося, рогами, сверкавшими при лунном свете. Неспешно, полуползком и чуть не волоча по земле брюхо, гигант протаскился мимо, снова ушел за деревья, и я потерял его из виду. Это были страшные минуты! Когда монстр снова вышел из-за деревьев, он был уже далеко и вскоре совсем растворился во тьме. Облегченное «уф!» послышалось в телефоне. Я ответил тем же.

— Осмотрись кругом, — сказал я.

По скрипу педалей я понял, что Мишель выполняет указание. Внезапно до меня донеслось его приглушенное «ах!».

— Иди сюда!

Поднявшись по лестнице, я примостился рядом с Мишелем, по другую сторону от пулемета.

— Прямо перед тобой, вдали!

Еще вечером мы заметили в том направлении скалистый склон; теперь на этом склоне мерцали огни, изредка заслоняемые чем-то темным.

— Костры! В пещерах! Так вот где живут эти резчики по обсидиану!

Мы так и сидели, словно загипнотизированные, лишь изредка отрываясь, чтобы оглядеться вокруг. Когда, несколько часов спустя взошло красное солнце, мы все еще не могли оторваться.

— Что, нельзя было разбудить нас? — возмутился проснувшийся Вандаль. — Когда я еще увижу этого зверя?

— Действительно, не очень-то красиво с вашей стороны, — заметила Мартина.

— Да как-то не подумал, — ответил я. — Пока этот монстр был рядом, я не хотел, чтобы вы вскакивали и шумели спротонок, а потом он ушел. Теперь мы с Мишелем поспим немного. Вандаль и Бреффор — на карауле. О том, что следует смотреть в оба, вы и сами знаете. Стреляйте только в случае крайней необходимости! Ты, Шарль, — обратился я к Бреффору, — возьми второй автомат и поднимись в башню. Пулемет используйте лишь тогда, когда иначе будет нельзя: патронов у нас маловато. Но если понадобится — не жалей их! Выходить из машины запрещаю. Когда взойдет Гелиос, разбудите меня.

Но поспать нам удалось только час! Сон внезапно прервали выстрелы и резкие толчки рванувшейся с места машины. В мгновение ока я соскочил с койки, и тут же мне на голову свалился полусонный Мишель. Я увидел Поля за рулем и спину припавшего к автомату Вандаля; Мартина подавала ему перезаряженные магазины. Сзади, со старым автоматом в руках, не отрывался от бойницы Бреффор. Башня поворачивалась в разные стороны, и тяжелый пулемет бил короткими очередями по четыре-пять выстрелов.

— Мишель, заряжай новую ленту!

Я перебрался на переднее сиденье.

— Что случилось? Почему едем?

— Трава горит!

— И по кому стреляете?

— По тем, кто ее поджег. Смотри, вот они!

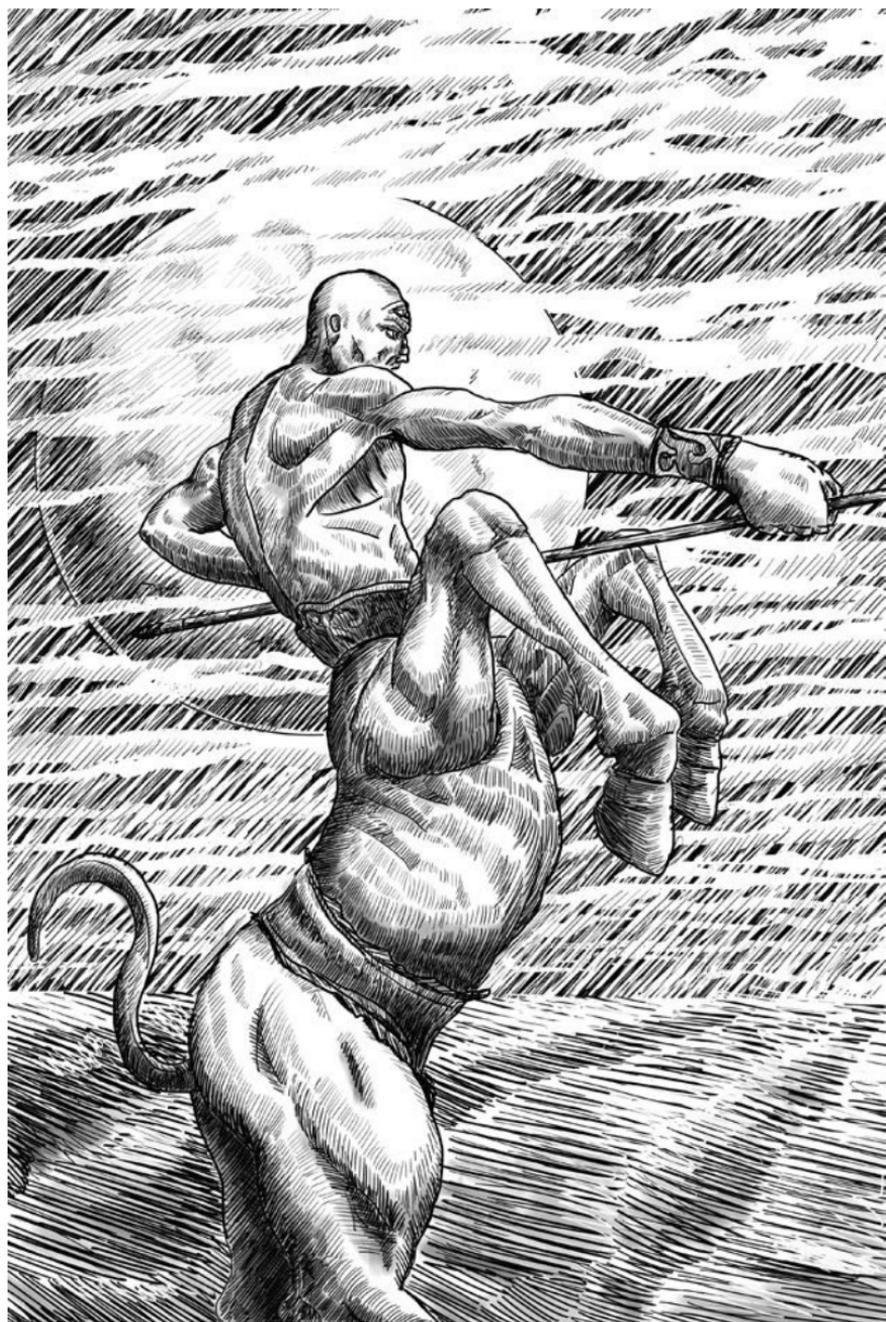
Над высокой травой я мельком заметил силуэт, смутно напоминавший человеческий, — кто-то несся параллельно нам на огромной скорости.

— Всадники?

— Нет, кентавры!

И словно для того, чтобы оправдать меткость определения Вандаля, одно из этих существ выскочило на открытый участок метрах в ста впереди.

С первого взгляда казалось, что это действительно легендарный кентавр. Четыре тонких ноги несли его горизонтально расположенное туловище, а спереди поднимался на высоту двух метров перпендикулярно почти человеческий торс с лысой головой и двумя длинными руками. Коричневая

кожа этого существа лоснилась, как только что очищенный индийский каштан. В левой руке оно держало пучок длинных палок. Схватив одну из них правой рукой, существо устремилось к нам и метнуло свою палку.

— Дротик! — изумился я.

Орудие воткнулось в землю в нескольких метрах перед нами и с треском переломилось под колесами. Из грузовика послышался чей-то встревоженный крик:

— Быстрее! Быстрее! Огонь настигает!

— Едем на максимуме — пятьдесят пять километров в час! — отозвался я. — Далеко огонь?

— Метрах в трехстах, не больше. Ветер гонит его за нами!

Мы продолжали мчаться по прямой. «Кентавры» исчезли.

— Как это произошло? — поинтересовался я у Мартины.

— Мы как раз говорили о том звере, которого вы видели ночью, когда Бреффор вдруг сообщил Вандалю, что позади нас загорелась трава. И не успел он это сказать, как появилось с сотню этих существ. Они принялись забрасывать нас дротиками. У некоторых, кажется, были даже луки. Мы ответили очередью и рванули вперед. Вот и все.

— Огонь догоняет! — прокричал Бельтер. — Он уже в ста метрах!

Справа все уже было затянуто дымом. Над грузовиком пролетали искры, зажигая новые очаги, которые приходилось объезжать.

— Попытайся еще немного прибавить газу, Поль, — попросил я.

— И так выжимаю по полной — шестьдесят в час! А если полетит ось...

— ...то мы поджаримся заживо. Но они выдержат!

— Забирай влево, Поль, влево! — закричал Бреффор. — Там голая земля!

Шеффер круто свернул, и через несколько мгновений мы уже мчались по широкой голой полосе рыжеватой глины. Горы были недалеко, и Гелиос поднимался все выше. Я взглянул на часы: с того времени, как мы с Мишелем улеглись поспать, прошло всего полтора часа.

Теперь наше положение было лучше. Вокруг, может быть на несколько километров, расстилалось обнаженное

пространство, лишенное всякой растительности. С нашим вооружением здесь нам нечего было бояться. Ни дротики, ни стрелы не могли пробить броню грузовика, единственным уязвимым местом были шины. Мы остановились.

Скоро огонь подступил к нашему спасительному острову и обогнул его слева. Целый поток неведомых странных зверьков устремился к нам, спасаясь от пламени.

Вандаль выскочил наружу, и ему удалось поймать несколько штук. Самых разных размеров: одни не больше землеройки, другие с небольшую собаку; все они имели по шесть лап и по три или шесть глаз.

Справа от нас огонь натолкнулся на влажные заросли и начал угасать. Слева пламя ушло вперед. Оно достигло группы деревьев, которые затрещали и вспыхнули, словно облитые бензином. Раздался ужасающий рев. Огромное тело мелькнуло среди огня и устремилось раскачиваясь прямо к нам! Это было ночное чудовище или его собрат: очевидно, в роще находилась его лежка. Метрах в пятистах от нас, уже на голом пространстве, зверь остановился. В подзорную трубу я мог теперь рассмотреть его во всех подробностях. Если не считать шести лап, чудовище в общем походило на динозавра. Увенчанная гребнями спина, длинный хвост, утыканный колючками, морщинистая кожа, покрытая блестящей зеленой чешуей. Огромная, длиной метра три-четыре, голова была усажена рогами, два верхних разветвленных рога нависали над тремя глазками — двумя боковыми и одним средним, на лбу. Когда «динозавр» повернул голову, зализывая ожог, я увидел ряд острых длинных зубов и красный язык, выскальзывающий из фиолетовой пасти.

И тут появились «кентавры», вооруженные луками. На чудовище посыпался дождь стрел. Зверь бросился на охотников. Они увертывались от него с поразительной ловкостью, движения их были точны и грациозны, а в скорости бега они превзошли бы любого скакуна. Кстати, только это их и спасало: чудовище оказалось на удивление подвижным для своего веса. Затаив дыхание наблюдали мы за этой сценой эпической охоты, не решаясь вмешаться. Да и стрелять было рискованно, потому что охотники вихрем кружились вокруг своей добычи. Я уже собирался дать приказ продолжать дви-

жение, когда произошло несчастье. Один из «кентавров» поскользнулся. Зубастая пасть сомкнулась над ним и перекусила его пополам.

— Вперед! Приготовиться к стрельбе!

Мы шли на средней скорости, чтобы можно было лучше маневрировать. Как это ни странно, «кентавры» заметили нас лишь тогда, когда мы были от них всего в ста метрах. Но, увидев нас, они тотчас перестали атаковать чудовище и отступили группами по трое. По мере того, как мы приближались, они отступали все дальше, оставляя нас один на один со зверюгой. Нужно было любой ценой избежать столкновения: этот монстр смял бы нас в лепешку.

— Огонь! — скомандовал я.

Чудовище ринулось на броневик. Казалось, ни пули, ни разрывные снаряды не смогут его остановить! Шеффер круто свернул налево. Мне показалось, что зверь скользит куда-то вправо, и тут удар хвоста вмял броню. Башня развернулась, и снова заработал тяжелый пулемет. Зверь преследовал нас. Но вот наконец он споткнулся и рухнул. Чудовище было мертво. «Кентавры» наблюдали за нами, держась в отдалении.

Видя, что «динозавр» не шевелится, я вылез из броневика, не выпуская автомата из рук. Мишель и Вандаль последовали за мной. Мартина тоже хотела выйти, но я ей запретил. И оказался прав.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как «кентавры» бросились на нас с пронзительным, свистящим кличем: «Сви-и-и! Сви-и-и!» Затрещал автомат и тут же умолк; очевидно, заклинило патрон. Пулемет из башни дал всего два одиночных выстрела: нападающие были уже слишком близко. Теперь мы стреляли в упор. Меткая очередь скосила сразу трех «кентавров», еще двое, по-видимому, были ранены и повернули назад. Остальные продолжали атаковать, осыпая нас дождем стрел, которые, к счастью, летели мимо.

Еще миг — и началась рукопашная! Отбросив автоматы с расстрелянными магазинами, мы взяли за револьверы, но я своим не успел воспользоваться: кто-то обхватил меня сзади, оторвал от земли и понес. Могучие руки прижимали меня к маслянистому туловищу, от которого исходил резкий запах

прогорклого жира. Кисти мои были притиснуты к бокам, и револьвер бесполезно болтался в левой руке. Я слышал за спиной выстрелы, но не мог обернуться. Сухая земля звенела под копытами моего похитителя.

Я понимал, что медлить нельзя. Более тридцати «кентавров» уже спешили на помощь нападающим. Если я не вырвусь сейчас, потом меня уже ничто не спасет. Отчаянным усилием мне удалось на миг разжать объятия и высвободить правую руку. Перехватив револьвер, я нащупал дулом голову существа, которое меня уносило, и выстрелил пять раз подряд. Страшный толчок швырнул меня на землю.

Когда я приподнялся, сильно помятый и еще наполовину оглушенный, «кентавры» были от меня всего метрах в трехстах, а с другой стороны ко мне на полном ходу приближался грузовик. Его автоматы и пулемет почему-то молчали. Почти ни на что не надеясь, я бросился к нему навстречу. Все мое лицо и тело были залиты оранжевой кровью «кентавра». Я задыхался, в боку у меня колело, а галоп преследователей слышался все ближе и ближе за моей спиной. Мишель, выскунувшись из люка башни, делал мне отчаянные жесты.

«Слишком поздно, — подумал я. — Но почему они не стреляют?»

И только тут вдруг понял: друзья боятся попасть в меня! Я тут же бросился наземь, повернувшись лицом к врагу: в моем револьвере оставалось еще три патрона. В то же мгновение первые очереди пронеслись над моей головой, разом срезав десяток преследователей. Ошеломленные «кентавры» остановились; лишь двое продолжали скакать ко мне. Я уложил их двумя выстрелами с расстояния метров в десять. Грузовик закрипел тормозами возле меня. Дверца открылась, я одним прыжком вскочил внутрь и захлопнул ее за собой. Стрелы забарабанили по броне, царапая плексиглас смотровых окон. Одна из них влетела прямо в бойницу и воткнулась, дрожа, в спинку сиденья. Пришлось снова открыть огонь, и только тогда уцелевшие «кентавры» бежали. Поле боя осталось за нами. Мишель спустился из башни.

— Ну, старина, ты счастливо отделался! Какого черта ты не лег раньше?

— Да как-то сразу не подумал!.. Потерь нет?

— Вандалю во время заварушки угодила в руку стрела. Рана пуштячная... если, конечно, стрела не отравлена. Впрочем, Бреффор осмотрел наконечник и уверяет, что нет.

— До чего ж страшные твари!

— Ну и что будем делать теперь?

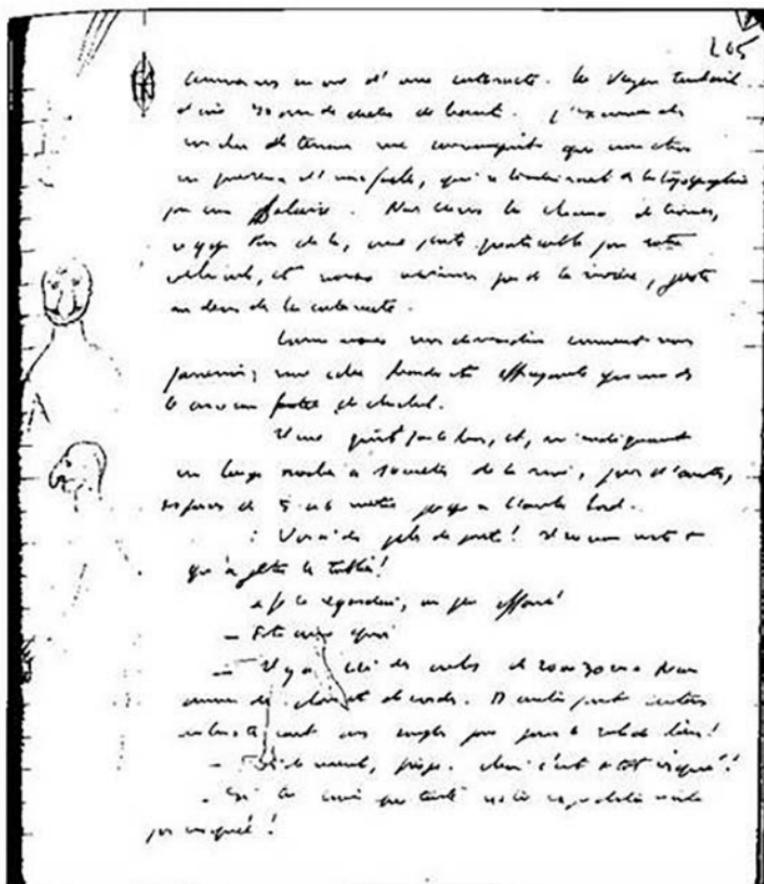
— Вернемся, посмотрим на поврежденного нами голиафа.

Мишель, Вандаль и я во второй раз вылезли из грузовика, чтобы рассмотреть чудовище, а заодно и трупы «кентавров», оставшихся на месте схватки.

Вандаль сказал, что броня голиафа, как мы окрестили монстра, напоминает хитин земных насекомых, но с рядом отличий: во всяком случае, она несравненно тверже. Для того чтобы отпилить один разветвленный рог, который Вандаль решил взять с собой, нам пришлось пустить в ход ножовку, после чего полотно совершенно затупилось. У меня еще было несколько пленок для «лейки», которые мы берегли как зеницу ока, но тут уж мы сфотографировали чудовище и «кентавров».

Удивительные создания эти «кентавры», или ссви, как мы начали называть их позднее. Кстати, сами они называют себя точно так же. У них почти цилиндрическое тело, четыре тонкие ноги с маленькими твердыми копытами и короткий чешуйчатый хвост. Спереди тело под прямым углом выгнуто вверх, образуя почти человеческий торс с двумя длинными руками. На руках по шесть пальцев неравной длины; два из них противостоящие. Голова круглая, безволосая и безухая — уши заменяют перепонки, закрывающие внутренние слуховые раковины. У них три глаза светло-серого цвета; средний, самый большой, расположен посередине лба. Широкий рот вооружен острыми, как у ящера, зубами, нос, длинный и мягкий, спускается почти до самых губ. Вандаль наскоро произвел вскрытие одного «кентавра». У того оказался большой развитый мозг, защищенный помимо черепа хитиновой оболочкой, и гибкий, но достаточно прочный благодаря обилию минеральных веществ, костяк. Несмотря на значительные различия, анатомия «кентавров» несравненно ближе к человеческой, чем строение гидр.

В вертикальном торсе у них расположены два могучих легких, похожих на наши, но более простых, да сердце с че-

Страница рукописи, на которой Франсис Карсак изобразил сви
(10 сентября 1945 г.)

тырмья отделениями; желудок, кишки и прочие внутренние органы занимают горизонтальную часть тела. Некоторые трупы были еще теплыми, из них сочилась густая кровь оранжевого цвета.

— У этих существ много общего с людьми, — проговорил наконец Вандаль. — Они пользуются огнем, обрабатывают камни, изготавливают луки; словом — это разумные создания. Жаль, что наше знакомство началось столь печально!

Действительно, у «кентавров» кроме оружия — луков и дротиков с искусно обточенными обсидиановыми нако-

нечниками — было даже нечто вроде одежды; вокруг верхней части туловища они носили широкие пояса из растительных волокон тончайшего плетения с подвешенными к нему такими же плетеными мешочками, в которых оказались самые разнообразные орудия из обсидиана. Все они поразительно напоминали орудия людей позднего палеолита.

Покинув поле сражения, мы поехали дальше. На сей раз для ночлега мы выбрали открытое место, где не было ни травы, ни деревьев.

Такие странные голые участки попадались довольно часто. Они подходили нам сейчас как нельзя лучше, и на одном из них мы остановились, развернув грузовик вниз по склону, чтобы его можно было завести с ходу, если вдруг откажет стартер. Впрочем, все эти предосторожности оказались излишними; ночь прошла спокойно, если не считать трубных криков голиафа, доносившихся издалека. Утром, однако же, разбудивший меня Мишель имел весьма озабоченный вид.

— Взгляни, — сказал он, показывая мне барометр.

Столбик ртути вместо привычного для нас девяносто одного сантиметра давления сейчас едва доходил до семидесяти шести.

— Похоже, вскоре здесь будет веселенькая погодка!

— Ты уверен, что дело тут не в высоте над уровнем моря?

— Вчера вечером он показывал девяносто. — Подтащив меня к левому окну, он добавил: — И потом, посмотри на горы!

Цепь «неведомых гор», вдоль которых мы продвигались, исчезала в тумане. На западе по небу бежали серо-черные тучи.

— Здесь оставаться нельзя, — решил я. — Вперед! Нужно найти какое-нибудь естественное укрытие.

Поль сел за руль. Устраиваясь поудобнее, взглянул на горизонт и коротко присвистнул с видом знатока.

— Круто! Видел такое только лишь раз — во время циклона над Южной Атлантикой!

Весь западный горизонт сделался уже свинцово-серым, зловещим. Контраст был разительный: на востоке всеми своими огнями сверкало восходящее солнце, тогда как здесь стремительно поднималась в небо эта ужасающая мгла.

— Бери левее, — сказал я. — Чем дольше будем оставаться на возвышенности, тем меньше шансов, что нас затопит.

Мы мчались по безжизненной равнине на юго-запад. Тучи закрыли уже почти половину неба. Внезапно первые тяжелые капли застучали по броне. Но ветра не было, он бушевал где-то в высоте, перемешивая громады туч, а здесь, внизу, нас обволакивала удушающая жара.

Оставив Мишеля рядом с водителем, я вместе с Мартиной забрался в башню, надеясь оттуда заметить какое-нибудь убежище. Чтобы скорее добраться до гор, мы свернули на юг, потом на юго-восток. Местность постепенно повышалась. Дождь продолжал идти крупными, редкими каплями; гроза глухо ворчала где-то западнее. Мы приближались к скалам, в которых я с трудом различал многочисленные пещеры: свет мерк и становился все тусклее. До скал оставалось еще добрых два километра, когда буря обрушилась на нас. Страшный порыв почти развернул грузовик, и я услышал, как Поль ругается за рулем, стараясь взять прежнее направление. Хлынул ливень невероятной силы; длинные, жидкие стрелы косо падали с неба, и скалы казались нам то дальше, то ближе в зависимости от наклона колеблемой ветром водяной завесы. Оглушительно загрохотал гром. Нас окутала тьма. Лишь вспышки ярко-фиолетовых молний прорезали мрак, слепя глаза. Я поспешил втащить пулемет внутрь и заткнуть бойницу. И все равно даже в закрытом кузове приходилось кричать во все горло: гром грохотал теперь беспрестанно, заглушая голоса.

Грузовик выбивался из сил. Шины, не встречая сопротивления, буксовали в разжиженной почве. Ветер то стихал, то снова обрушивался внезапными шквалами, снося автомобиль, и, чтобы не рисковать, мы едва плелись со скоростью около десяти километров в час. Молнии трепетали, казалось, целыми минутами; потом началась настоящая фантазмагория вспышек и мрака, из которого рядом со мной на мгновение возникало бледное и немного испуганное лицо Мартины.

Когда я нагибался, я видел внизу под ногами кабину броневика: Бреффор у столика вносил записи в путевой журнал, Вандаль приводил в порядок свои заметки, и только Бельтера нигде не было видно. Наконец я разглядел его ногу, свешивающуюся с койки, — он спал. После безмятежного покоя

кабины бушующая снаружи стихия казалась еще ужаснее. Ливень и шквалы состязались в ярости. При вспышках молний казалось, что капот машины с трудом разрезает морские волны. Вода низвергалась потоком, крыша дрожала, натянутая до предела антенна вибрировала, и я слышал ее жалобный звон в перерывах между раскатами грома.

— Да уж! — прокричал я. — Вот это гроза! Всем грозам гроза!

— Она восхитительна! — отозвалась Мартина.

И действительно, то было восхитительное, хотя и жуткое, зрелище. На Земле я часто попадал в грозу в горах, но никогда не видел такой, которая могла бы сравниться с этой своим неистовством и красотой.

Когда метрах в двухстах от нас сверкнула молния, я прокричал Мишелю:

— Что там с барометром?

— По-прежнему резко падает.

— Мы уже близко! Вижу пещеры. Включите фары!

И в самом деле, скалистая гряда была рядом. Несколько минут мы ехали вдоль нее, пока не отыскали возвышенную и достаточно ровную площадку, на которой мог уместиться наш грузовик. Скала повисла над нею, образуя укрытие. Опасаясь встретить здесь ссви или голиафа, я снова поставил пулемет на турель; сквозь открытую бойницу внутрь врывался холодный сырой воздух и шум дождя. К счастью, убежище оказалось свободным, и вскоре наш грузовик стоял уже на сухом месте, защищенном по крайней мере тридцатиметровой толщей каменного навеса. Мы развернули машину передом к выходу и вылезли из бронированного кузова. У пулемета остался Бельтер — была его очередь дежурить.

Наше убежище достигало пятидесяти метров в длину, уходило под скалу метров на двадцать, а свод поднимался метров на двадцать пять. Кое-где по нему стекала вода, продолбившая своего рода водостоки, но там, где пол повышался, было совершенно сухо. В одном углу мы обнаружили кострище, пепел, кости и орудия из обсидиана: здесь были ссви, и, по видимому, совсем недавно. Значит, придется бодрствовать. Кроме того, мы нашли в расщелине заботливо припрятанные куски необработанного обсидиана и запас сухих веток.

Может быть, с нашей стороны это было неосторожностью, но мы не удержались и развели костер позади грузовика. Здесь же мы и поели, выкинув банки из-под консервов в кучу мусора, оставленную ссви.

— Представляю, какие глаза будут у наших друзей-«кентавров», когда они найдут эти странные сосуды, — сказал я.

— Особенно, когда увидят этикетки, — добавил Мишель.

Одну из банок сосисок украшала цветная картинка «Тетушка Ирма», на которой упомянутая дама была представлена в виде дородной кухарки.

— Думаю, они получат не самое лестное представление о нашем искусстве, — заметила Мартина.

Все эти реплики нам приходилось выкрикивать, чтобы перекрыть шум низвергающегося водопада.

Когда к пулемету встал Мишель, я попросил освободившегося Бельтера помочь нам с Бреффором вырыть небольшую траншею. Мне хотелось узнать, кто и когда жил в этом гроте. Наши старания были вознаграждены: в песчаной почве мы обнаружили два слоя золы и всяких остатков толщиной по двадцать сантиметров каждый. В обоих слоях были одинаковые орудия; насколько мы могли судить, они сильно отличались от тех, которыми пользовались теперешние ссви. Все предметы были значительно примитивнее, наконечники стрел представляли собой просто заостренные с одной стороны осколки обсидиана, а не изящные «лавровые листья». Кроме того, мы откопали один скелет ссви, но так и не могли решить, был он здесь похоронен намеренно или нет. В тех же слоях оказалось множество различных костей; некоторые, по-видимому, принадлежали голиафам. Три живых представителя этого рода нанесли нам под вечер визит. Они были относительно невелики, самый большой достигал в длину метров десяти. Мы отказались их принять и довольно невежливо выгнали под дождь. Голиафы заупрямились; пришлось угостить их очередью, которая уложила одного наповал. Остальные обратились в бегство.

Ливень продолжался еще двое суток с короткими перерывами. Все это время мы занимались раскопками, больше не-

чего было делать. Я углубил траншею. Вместо песка верхних слоев внизу лежал слой неровных известняковых обломков — след более ранней эпохи, когда климат был явно холоднее. Должно быть, на Теллусе, как и на Земле, был свой период оледенения, и я решил про себя поискать в горах древние ледниковые морены. Кучку костей и обточенных камней мы погрузили в машину; это была наша первая коллекция, основа будущего музея.

Утром третьего дня солнце встало в безоблачном небе. Однако двигаться с места было еще нельзя: в низинах стояла вода, а местами почва настолько размокла, что превратилась в грязевые болота глубиной до четверти метра. К счастью, дул сильный ветер и все быстро просыхало.

Мы воспользовались вынужденным отдыхом для того, чтобы связаться по радио с Советом. На вызов ответил мой дядя. Я рассказал ему о встрече со ссви и об открытии нефти. Он в свою очередь поделился новостями: последние дни гидры все время пролетают над «земной» территорией, но не нападают. Ракеты сбили уже штук пятьдесят. Я предупредил Совет, что мы намерены продвинуться дальше на юго-запад, а потом повернем обратно. Грузовик был в отличном состоянии, у нас еще оставалось почти половина горючего и вдоволь продуктов и боеприпасов. Пока мы проехали тысячу семьдесят километров.

Едва почва подсохла, мы двинулись дальше. Вскоре нам встретилась еще одна река, которую я назвал Везер. Она была меньше Дордони и местами суживалась до пятидесяти метров. Однако пересечь ее оказалось нелегко, так как после недавних ливней река вздулась, течение было стремительное и глубина порядочная. И все же мы ее переехали, но об этой переправе я до сих пор не могу вспоминать без дрожи.

Поднимаясь вверх по реке, мы доехали до водопада; здесь Везер низвергался с уступа почти тридцатиметровой высоты. Осмотрев местность, я решил, что этот уступ и скалы на берегу возникли в результате геологического сброса. На несколько километров выше нам посчастливилось найти подходящий для нашей машины пологий спуск, и грузовик осторожно съехал под прямым углом к речке до самой воды,

чуть выше водопада. Но что было делать дальше? И тут в голове Мишеля зародилась отчаянная мысль, которая сначала привела меня в ужас.

— Смотри! — сказал он, показывая на широкий плоский утес, выступавший из воды метрах в десяти от берега, и еще на два-три таких же камня, расположенных почти в одну линию с перерывами пять-шесть метров между ними. — Ты видишь? Вот быки моста. Остается только положить настил!

Я немного даже оторопел.

— Настил? Но из чего?

— Здесь рядом я видел деревья высотой от десяти до двадцати метров. У нас есть топоры, веревки, гвозди. Найдутся и кусты, достаточно гибкие для связок.

— А ты не думаешь, что это немного рискованно?

— А вся наша экспедиция — она что, не рискованная?

— Ну ладно. Посмотрим, что скажут остальные.

Бреффору сей план показался вполне выполнимым.

— Придется, конечно, попотеть, но мы делали и не такое!

Под прикрытием грузовика, посадив Мартину за руль, а Вандаля к пулемету, мы превратились в дровосеков. Свалив и очистив от ветвей стволы деревьев, мы грубо обтесали их, а потом грузовик оттащил бревна метров на пятьдесят выше водопада. Теперь нужно было занести конец одного бревна на первый утес. Я ломал себе голову, как это сделать, когда увидел, что Мишель быстро сбрасывает одежду.

— Ты же не собираешься добраться туда вплавь?

— Как раз таки собираюсь. Перевяжи меня веревкой.

Я нырнул здесь, и течением меня снесет прямо на камни.

— Да ты сошел с ума! Ты же утонешь!

— Не волнуйся! Я был чемпионом по плаванию — сто метров за пятьдесят восемь и четыре десятых секунды. Скорее, пока сестра не видит! Я-то не боюсь, а ей волноваться незачем.

Войдя в воду, Мишель сильными гребками устремился к середине реки, пока не отплыл метров на десять от берега, а потом отдался во власть течению. Мы с Бреффором держали веревку, второй ее конец опоясывал Мишеля. В нескольких метрах от утеса пловец бешено заработал руками и ногами, борясь с потоком, который увлекал его к пропасти.

Без особого труда он ухватился за выступ, одним толчком подтянулся и встал на камень.

— Бр-р-р! А вода-то холодная! — прокричал он нам в гроте водопада. — Привяжите к одному концу бревна мою веревку, а ко второму — другую, ту, что осталась у вас. Вот так! Спускайте, только не спешите! Держите крепче, не давайте бревну сплывать вниз!

Огромная балка уткнулась одним концом в камень, а другим, который удерживали мы, заскребла по мелководью. Не без труда занесли мы свой конец на берег, потом Поль, Бреффор и я переправились на камень: Поль и я ползком, оседлав бревно и спустив ноги в воду, а Бреффор прошел поверху, балансируя над потоком в пяти метрах от водопада. Он сказал, что не выносит, когда у него мокрые ноги.

Вчетвером мы вытащили второй конец бревна на огромный камень и укрепили стальными скобами. Первая балка моста была положена.

Чтобы положить вторую, все пришлось проделать сначала. К вечеру мы поставили на место третью. Ночь прервала работу. Я устал, Мишель и Поль измучились основательно, и только Бреффор был еще довольно свеж. Вместе с ним я встал на первую вахту, до полуночи. Во вторую смену дежурили Вандаль и Бельтер, в третью, уже после восхода Соля, одна Мартина.

С утра работа возобновилась. На следующий день мы уложили балки через все пролеты между каменными опорами и добрались до противоположного берега.

Еще четыре дня ушло на то, чтобы положить настил.

Наша стройка имела самый живописный, хотя и странный вид. Погода стояла ясная, чуть прохладная, воздух был по-молодому свеж и прозрачен даже в сумерках, настроение у всех веселое. Последний день во время полуденного завтрака я откупорил пару бутылок старого вина, которое вдохнуло в нас безграничный оптимизм. Расположившись на серой траве подле грузовика, мы благодушно смаковали последнее сладкое блюдо, когда в воздухе засвистели стрелы. К счастью, никто не был ранен, только шина грузовика оказалась пробитой. Схватив лежащий рядом со мной автомат, я приник к земле и начал щедро поливать очередями

полосу деревьев, откуда летели стрелы. До рощицы было метров сорок, и пули достигли цели. Из-за деревьев сразу выскочила группа ссви — многие были ранены — и обратилась в бегство.

Уже не так весело — ведь все могли погибнуть! — поспешили доделать настил, и Поль сел за руль. Грузовик осторожно въехал на мост. Наверное, ни один инженер, даже построивший величайший в мире мост, не испытывал такой гордости и... такого облегчения, как мы, когда все наконец перебрались на противоположный берег!

День закончился без происшествий. Перед закатом я наметил маршрут на завтра. Мы решили ехать прямо на юг, держа курс на гору, которая хоть и была много ниже пика Тьмы, но все же достигала добрых трех тысяч метров. В полночь — была моя очередь дежурить — я заметил на вершине этой горы светящуюся точку. Что это, вулкан? Но свет скоро погас. Истина предстала передо мной, когда огонек зажегся снова, но теперь много ниже, на склоне. Это была световая сигнализация! Я оглянулся. Позади, на холмах по ту сторону реки, вспыхивали ответные огни. Не в силах скрыть беспокойства, я поделился своими опасениями с Мишелем, который меня сменил.

— Да уж, приятного мало, — согласился он. — Если ссви объявят всеобщую мобилизацию, мы окажемся в тяжелом положении, пусть и вооружены значительно лучше. Ты заметил, что они не боятся огнестрельного оружия? Да и боеприпасов нам надолго не хватит...

— И все же я хочу добраться до этой «Сигнальной горы». Ведь только в горах — или рядом с ними — мы сможем найти руду. Проведем быстрый рейд.

Утром перед отъездом пришлось сменить проколотую стрелой шину: пробоина расширилась. Наконец мы двинулись в путь. Местность незаметно повышалась, потом стала холмистой, изрезанной ручьями, через которые машина не всюду могла пройти. В одной маленькой долине я заметил в скалах зеленоватые прожилки: это был гарниерит — довольно богатая никелевая руда. И вообще долина оказалась настоящей рудной сокровищницей. К вечеру у меня уже были образцы никеля, хрома, кобальта, марганца и железа, а глав-

ное — великолепного каменного угля, который мощными слоями выходил прямо на поверхность. О такой удаче можно было только мечтать!

— Здесь будет наш металлургический центр, — сказал я.

— А как же ссви? — возразил Поль.

— Придется уподобиться американцам героических времен. Почва здесь, как мне представляется, плодородная. Будем сражаться, если потребуется, занимаясь распашкой земель и добычей руды. В любом случае, со второго дня нашего путешествия мы больше не видели гидр. Одно это компенсирует все остальное.

— Да будет так! — воскликнул Мишель. — Ура! Да здравствует Кобальт-Сити! Проблема только в одном — как нам перетащить сюда все наше оборудование и машины?

— Как-нибудь с этим справимся. Сначала надо наладить добычу нефти, а это тоже так-то и просто.

Мы повернули на север, потом на запад. В шестидесяти километрах от долины я обнаружил залежи бокситов.

— Определенно, эти места — настоящий рай для изыскателей! — заметила Мартина.

— Нам повезло. Надеюсь, будет везти и дальше, — ответил я, думая уже о другом.

Все это утро я ломал себе голову над одной задачей: нельзя ли как-нибудь заключить союз со ссви или хотя бы с некоторыми из них?

Вероятно, здесь обитало множество враждующих между собой племен. Нельзя ли привлечь хоть часть ссви на свою сторону? Но для этого прежде всего нужно было завести с «кентаврами» какие-то иные отношения — помимо обмена выстрелами.

— Если снова придется сразиться со ссви, — проговорил я громко, так, чтобы все услышали, — не мешало бы взять хотя бы одного пленного.

— Зачем? — спросил Поль.

— Чтобы узнать их язык или, наоборот, научить их нашему. Это может пригодиться.

— Вы полагаете, ради этого сто́ит рисковать жизнью? — осведомился Вандаль, хотя и сам, по-видимому, многое бы отдал за такую возможность.

Я изложил свой план. А вскоре случай помог его осуществить. На следующий день, едва тронувшись с места, мы вынуждены были остановиться из-за неполадки в машине. Пока Поль возился с мотором, на наших глазах произошла короткая схватка между тремя красно-коричневыми ссви, каких мы уже встречали, и десятком других, меньшего роста с черной блестящей кожей. Красные защищались отчаянно и уложили пять нападающих, но сами пали под градом стрел. Победители, не подозревая о нашем присутствии, принялись терзать поверженных.

Я дал по ним очередь из автомата, трое черных ссви упали, остальные обратились в бегство. Тогда я вышел из-за деревьев, которые нас скрывали. Один из красных ссви попробовал подняться, но тут же упал: в его конечностях сидело пять стрел.

— Вандаль, дорогой мой, постарайтесь его спасти!

— Сделаю все, что смогу, но я ведь очень плохо знаю их анатомию. Впрочем, — добавил он после беглого осмотра, — ранения не представляются мне тяжелыми.

Ссви лежал недвижимо, все три его глаза были закрыты, и только по тому, как ритмично поднималась и опускалась грудь «кентавра», можно было понять, что он жив. Вандаль начал извлекать стрелы. Ему помогал Бреффор, который, прежде чем стать антропологом, изучал медицину.

— Анестезии не даю, — заметил Вандаль. — Не знаю, выдержит ли.

В течение всей операции ссви не шевельнулся, лишь короткая дрожь временами пробегала по его телу. Бреффор наложил повязку, на которой быстро проступили желтые пятна. Потом мы перенесли раненого в грузовик (он был не очень тяжел: пожалуй, килограммов семьдесят, как определил Мишель) и уложили на импровизированное ложе из травы и одеял. Все это время ссви не открывал глаз. Зато когда поломка была устранена и мотор завели, он заволновался и... впервые заговорил! Это был поток щелкающих, странно ритмичных слогов, которые, казалось, состояли из одних свистящих согласных. Ссви пытался встать, и нам пришлось его удерживать вчетвером: так он был силен. Тело его на ощупь казалось очень твердым и в то же время было

удивительно гибким. Постепенно пленник успокоился, и мы его отпустили. Я сел к столику кое-что записать в свой дневник, захотел пить и налил себе стакан воды. Приглушенный возглас Вандаля заставил меня обернуться: приподнявшись наполовину, ссви протягивал руку.

— Он хочет пить, — сказал Вандаль.

Я протянул стакан. Ссви взял его, недоверчиво осмотрел, потом выпил воду. Тогда я решил сделать опыт. Наполнив стакан, я произнес: «Вода». Ссви сразу же понял и с поразительной точностью повторил: «Вода».

Я показал ему пустой стакан: «стакан». Он повторил за мной: «такан». Я отхлебнул глоток и сказал: «пить». Он повторил: «пить». Я растянулся на кушетке в позе спящего, закрыл глаза и сказал: «спать». Ссви переделал это слово в «пать». Я показал на себя: «я». Он повторил мой жест: «Взлик». Я озадаченно почесал затылок. Был ли это перевод местонаименения «я» или же его имя? В итоге я все же склонился ко второй гипотезе. Должно быть, он решил, что меня зовут «Я».

Дабы чуть усложнить опыт, я проговорил:

— Взлик спать.

Он ответил:

— Вода пить.

У нас всех поотвисали челюсти от изумления. Это существо демонстрировало невероятную сообразительность! Я налил ему воды, и он выпил целый стакан. Я бы продолжил урок, но Вандаль заметил, что ссви ранен и, вероятно, истощен. И правда, ссви сам сказал: «Взлик пать», и вскоре уснул.

Вандаль буквально-таки излучал радость:

— Если они все такие способные, мы быстро передадим им многие из наших знаний!

— Пожалуй, — признал я с кислой миной. — И лет через пятьдесят они перестреляют нас из ружей! Нет, так далеко мои намерения не простираются. Но они, безусловно, станут нам бесценными союзниками, если мы сможем с ними договориться.

— В конце концов, — вмешался Бреффор, — мы спасли ему жизнь. Так почему бы нам и не договориться?

— Ну да, спасли, но только после того, как убили множество представителей его расы, а может быть, даже и племени.

— Но ведь это же *они* на нас напали!

— Мы были на их территории. И если они пожелают войны... то мы, *mutatis mutandis*, окажемся в том же положении, в котором оказался бы Кортес, если бы ацтеки не боялись ни его ружей, ни его лошадей. В общем... нужно о нем как следует позаботиться. Такой шанс упускать нельзя.

Я перебрался вперед. Мишель вел машину, Мартина сидела рядом с ним.

— Что ты обо всем этом думаешь, Мартина?

— Они ужасно умные!

— Я тоже так считаю. Но с другой стороны, я чувствую и некоторое облегчение: теперь мы не единственные мыслящие существа на этой планете.

— А я вот облегчения не чувствую, — сказала Мартина. — Все-таки это не люди.

— Ну разумеется! А ты что скажешь, Мишель?

— Пока не знаю. Подождем... Но взгляни-ка налево. Видишь эту полосу деревьев? За ней, вероятно, река. Опять придется переправляться.

— И справа тоже деревья. Чуть дальше они, эти полосы, сходятся. Наверное, здесь сливаются две реки.

И действительно, мы находились на узком язычке суши между двумя реками. Левую, новую для нас, мы назвали Дронна. Но что за река была справа: Везер или Дордонь? Из-за ее ширины — как минимум метров триста — я склонился ко второму варианту. Река казалась глубокой. Ее воды, серые и мрачные, бежали лениво и медленно. Уже вечерело.

— Здесь и разобьем лагерь. Тут, если что, будет проще держать оборону.

— Да, но и выбраться отсюда в случае чего будет весьма затруднительно, — заметил Бреффор. — Идеальная ловушка!

— В самом деле, — добавил Вандаль, — отступить будет уже некуда.

— Тот, кто окажется способен отрезать нам отступление, без труда сможет и просто нас уничтожить. Зато здесь придется защищать лишь одну сторону — тыл. В случае нападения сосредоточимся все в одном месте. Переправу поищем уже завтра.

Этот вечер остался в моей памяти как один из самых спокойных и тихих за всю экспедицию, во всяком случае, за всю ее первую часть. Перед закатом мы поужинали, сидя на траве. Погода стояла чудная, и если бы не оружие рядом с нами да не странный силуэт Взлика, можно было бы подумать, что мы где-нибудь на Земле в туристском походе. Как на родной планете, солнце, прежде чем скрыться за горизонтом, залило небо феерическим водопадом золотых, янтарных и пурпурных тонов, на фоне которых в высоте лениво плыли редкие розовые облака. Все мы проголодались и ели с аппетитом, не исключая Взлика. Раны его уже начали затягиваться. Ссви особенно нравились морские сухари и солонина, но, вздумав попробовать вина, он тотчас выплюнул его с отвращением.

— Похоже, к алкоголю у них нет такой склонности, как у наших земных дикарей, — заметил Вандаль.

Солнце село. Три луны давали достаточно света, чтобы можно было читать. Подложив под голову свернутую палатку, я растянулся на спине лицом к небу, где сверкали уже знакомые нам созвездия. Здесь они были ярче и больше, чем у нас на Земле. Я покуривал трубку, о чем-то раздумывал и краем уха прислушивался, как Вандаль и Бреффор дают ссви урок французского языка. Мартина улеглась слева от меня, Мишель справа. Бельтер и Шеффер, оказавшиеся заядлыми шахматистами, разыгрывали очередную партию на разграфленном карандашом куске картона; фигуры тоже были самодельные.

Уже засыпая, я подсунул руку Мартины под голову и привлек ее к себе. Сквозь дремоту до меня доносился свистящий голос Взлика, редкие возгласы шахматистов, объявлявших ходы, и мирное похрапывание Мишеля.

Трубный рев заставил меня вскочить. В полукилометре от нас к воде спускалось целое стадо странных животных. Они были меньше голиафов, но все же достигали восьми метров в длину и четырех в высоты. Длинные, сильно вытянутые и свисающие до земли носы, круглые спины, короткие хвосты и массивные ноги — все напоминало в них слонов, даже трубные голоса! Только ног было шесть. Выстроившись на берегу, животные подогнули передние ноги и приникли к воде. Вандаль, показав на них пальцем, с вопросительной миной повернулся к ссви.

— Ассек, — проговорил тот. Потом, открыв рот, сделал вид, что жует.

— Полагаю, он хочет сказать, что у этих животных вкусное мясо, — сказал биолог.

Мы смотрели, как животные утоляют жажду; при свете трех лун это было впечатляющее зрелище. Я подумал, что судьба подарила мне то, о чем я мог только мечтать в тиши лаборатории: я увидел первобытную силу! Мартина тоже была взволнована. Я услышал, как она прошептала:

— Девственная земля...

Животные ушли. Одна за другой, побежали минуты.

— А это еще что? — спросил вдруг Бельтер, отодвигая шахматы, от которых его не могло оторвать даже зрелище водопоя гигантов. Я повернулся в ту сторону, куда он смотрел. Там, освещенный сзади лунным светом, двигался странный силуэт. Все движения зверя, быстрые, упругие, гибкие, говорили о том, что это хищник. Несмотря на сравнительно небольшой рост — около полутора метров, — он производил впечатление невероятно сильного зверя. Я показал его ссви. Тот сразу заволновался и быстро что-то залопотал, делая резкие жесты. Сообразив, что мы ничего не понимаем, он сделал вид, как будто натягивает лук, потом показал на наше оружие, повторяя одно слово: «Бизир! Бизир!» Я понял, что зверь опасен, и, не торопясь — хищник был от нас в добрых двухстах метрах, — вставил магазин в автомат. Все остальное произошло с ошеломляющей быстротой. Зверь прыгнул, скорее, взлетел в воздух. Первым прыжком он преодолел метров тридцать пять! И снова взвился над землей, устремляясь прямо на нас. Мартина вскрикнула. Все остальные вскочили. Я дал очередь, не целясь, и промахнулся. Зверь подобрался для третьего прыжка. Еще один автомат затрещал рядом со мной, но кто стрелял — я не понял. Еще одна очередь — и снова впустую; я зря израсходовал все патроны. Растянувшийся возле меня Мишель быстро сунул мне новый магазин.

— В грузовик! Скорее! — прокричал я, возобновляя огонь.

Мельком я увидел, как Бельтер и Вандаль нырнули в бродневик, втащив за собой ссви.

— Теперь ты, Мишель!

Из броневика над нашими головами навстречу чудовищу пронеслась трассирующая очередь тяжелого 20-мм пулемета. Должно быть, она достигла цели, потому что хищник остановился. Теперь я один оставался снаружи. Вскочив в кузов, я захлопнул заднюю дверцу. Мишель выхватил у меня из рук автомат, просунул дуло в бойницу и повел огонь. Пустые гильзы со звоном падали на пол. Я огляделся: все были в сборе, кроме Мартины.

— Мартина! — крикнул я.

— Я здесь, — отозвалась она в перерыве между двумя пулеметными очередями.

Внезапно Мишель поспешно отступил назад, возопив:

— Хватайтесь за что-нибудь и держитесь покрепче!

Страшный удар потряс машину. Броня затрещала, прогибаясь внутрь. Меня отбросило на Вандаля, а сверху всей тяжестью своих восьмидесяти пяти килограммов рухнул Мишель. Пол затрясся, и я уже думал, что он проломится. Пулемет смолк, свет погас. Мишель с трудом поднялся и зажег карманный фонарик.

— Мартина! — прокричал он.

— Я здесь. Все кончено. Подайте чуть вперед, а то задняя дверца заблокирована.

Труп хищника лежал, привалившись к грузовику. Он получил двадцать одну пулю, из которых пять были разрывные; наверное, он умер в последнем прыжке, на лету. Его изуродованная голова была отвратительна, а пасть с клыками длиной сантиметров по тридцать наводила ужас.

— Как все произошло? Ты единственная это видела.

— Очень просто. Когда ты вошел, последним, зверь остановился. Я выпустила в него всю ленту. Он прыгнул. От удара я вылетела из башни вниз, а когда поднялась обратно, то увидела, что он лежит мертвый прямо на грузовике.

Ссви кое-как подполз к двери.

— Взлик! — сказал он. Потом сделал вид, что натягивает лук, и показал два пальца.

— Да ну? Он утверждает, что убил двоих стрелами!

— Я бы не сказал, что это невозможно, — заметил Бреффор. — Особенно если стрелы были пропитаны достаточно сильным ядом.

— Но ведь они не пользуются ядом! К счастью, потому что в противном случае Вандаля, возможно, здесь бы уже и не было!

— Быть может, они отравляют только свои *охотничьи* стрелы? На Земле ведь тоже есть племена, которые считают, что использовать яд на войне бесчестно.

— Так или иначе, если в окрестностях Кобальт-Сити водится много таких созданий, — проговорил Бельтер, стоя одной ногой на мертвом звере, — то мы еще от них натерпимся. Хотел бы я посмотреть на них здесь — на всех этих наших охотников на тигров! Какие прыжки! А какая живучесть! А клыки... а когти... — продолжал он, осматривая лапы хищника.

— Зато умом они, должно быть, не блещут, — заметил Вандаля. — Даже интересно, где в таком сплюснутом черепе может располагаться мозг?

— Ты только что говорила, — шепнул я Мартине, — «... девственная земля со всеми ее красотами... и опасностями». По этому поводу я должен тебя поздравить: ловко ты управлялась с пулеметом!

— Хвалить за это нужно, скорее, не меня, а Мишеля, который в свое время настоял на том, чтобы я регулярно упражнялась в стрельбе. По его словам, это всегда может пригодиться, а если и не пригодится, все равно окажется полезным для укрепления нервов.

— Только я, разумеется, не думал, что тебе придется применить эти навыки в таких вот условиях, — улыбнулся Мишель.

глава 5

Возвращение

Короткая красная ночь прошла без тревог. Наутро мы решили все-таки переправиться через реку. Для этого пришлось соорудить большой плот, на постройку которого ушло целых шесть дней. Мы видели за эти дни немало странных животных, но ни одного хищника.

Впервые отведали мы теллусийского мяса; небольшое животное — сильно уменьшенная копия здешних «слонов», которые приходили на водопой, — поставило нам вырезку на жаркое. Из осторожности мы съели по маленькому кусочку, так как опасались отравления и вообще не знали, сможет ли наш организм усвоить незнакомую пищу. По вкусу мясо напоминало телятину, только было слегка красноватым. Почти поправившийся к этому времени Взлик поглощал его с явным удовольствием. Никаких желудочных расстройств не последовало, и с этого дня до самого возвращения в зону гидр мы все время разнообразили наше меню, правда, каждый раз ограничиваясь небольшими порциями. Зато попробовать плоды с деревьев, сваленных для плота, мы так и не решились, хотя Взлик уписывал их за обе щеки. Он мог немного ходить и, казалось, совсем к нам привык. Накопленный запас французских слов уже позволял ему выражать простейшие мысли.

Переправа прошла благополучно. Сняв с плота веревки и вытащив гвозди, мы двинулись вниз по течению и ехали так два дня. Река то привольно разливалась, образуя почти озерную гладь, то стремительно рвалась сквозь теснины между холмами. Я отметил, что глубина у нее повсюду была довольно значительной, без отмелей и перекатов.

Жизнь кипела на берегах реки. Мы встречали многочисленные стада «слонов», иногда видели голиафов, которые паслись парами или в одиночку, то и дело натыкались на незнакомых животных — и маленьких, и огромных. Два раза вдалеке появлялись тигрозавры. Это название, придуманное Бельтером для хищника, который на нас напал, так за ним и осталось, несмотря на протесты Вандаля, уверявшего, и не без оснований, что у зверя нет ничего общего ни с тигром, ни с ящером. На это Мишель ему возразил, что главное — понимать друг друга, а как назвать хищника — тигрозавр, левиафан или, скажем, каракатица — не столь важно!

В реке было полно рыбы и прочих водяных созданий, но все они держались в отдалении от берега, и мы не смогли их как следует рассмотреть. К вечеру второго дня снова прошел дождь. Как и прежде, вокруг расстилалась саванна, и лишь вдоль ручьев и речек тянулись полосы деревьев. Температура

в полдень доходила до тридцати пяти градусов в тени, но ближе к ночи спускалась до десяти градусов.

На рассвете третьего дня после тревожного сна, все время прерываемого трубным ревом голиафов, первое, что мы заметили, выглянув наружу, был столб дыма. Он поднимался далеко на юге на другом берегу Дордони. Что это было — костер ссви или лесной пожар, нам так и не удалось узнать.

Почва становилась все более неровной; низкие холмы составляли нас то и дело искать объезды. Перевалив последний подъем, мы почувствовали в воздухе терпкий и сильный запах — пахло океаном.

— Тут где-то рядом море, — сказал Бельтер.

Вскоре он первый увидел его из башни, а через несколько минут море предстало перед всеми нами. Оно было темно-зеленое, бурное. Дул западный ветер, и волны, увенчанные пеной, с ревом обрушивались на берег. Спуститься к нему мешали утесы, но в двух-трех километрах южнее Дордонь впадала в море широким устьем с песчаными откосами.

Мы съехали вниз и остановились на пляже, усеянном гранитной и гнейсовой галькой, почти у самой линии прибоя. Вандаль выскочил из машины первым, горя нетерпением исследовать морское побережье — этот рай биологов. Здесь лужицы кишели тысячами невиданных существ! Одни приближались к земным формам, другие совершенно ни на что не походили. На каждом шагу попадались пустые раковины, напоминавшие раковины Святого Жака, как мы их называли во Франции, но здесь они были огромных размеров; самые крупные достигали трех метров в поперечнике! Другие раковины, поменьше, крепко держались на скалах. Мишель с большим трудом оторвал одну и принес ее Вандалю. Оказалось, что это существо стоит гораздо ближе к земным брахиоподам, чем к пластинчатожаберным моллюскам. Далеко в море между волнами мелькнула черная спина и снова исчезла.

— Я бы не прочь искупаться, — сказала Мартина.

— Нет, — решил я. — Кто знает, какие чудовища водятся у этих берегов! Рисковать не сто́ит.

Но скоро Шеффер обнаружил за гнейсовым барьером изолированную заводь длиной в сотню шагов и глубиной около двух метров. Вода в ней была так прозрачна, что можно было

все камешки пересчитать, а единственными ее обитателями оказались маленькие ракушки, да несколько водорослей. Мы плескались как дети! Вандаль взялся нас охранять с автоматом в руках, а я затеял соревнование по плаванию. Мишель доказал, что он превосходный пловец, и оставил всех далеко позади. За ним финишировали Мартина, Шеффер и Бреффор. Я пришел предпоследним, опередив Бельтера всего на полголоты. Зато потом, отыскав круглый булыжник весом около пяти килограммов, я побил всех в толкании ядра.

Взлик долго смотрел на нас, потом сам влез в воду. Плыл он странно, по-змеиному изгибая вытянутое во всю длину тело и почти не шевеля ногами, но довольно быстро. На мой взгляд, от Мишеля он отстал бы на этой дистанции всего метров на десять.

Я сменил Вандаля, который тотчас отправился собирать образцы прибрежной флоры и фауны. А потом мы поехали дальше на север, держась от моря на расстоянии нескольких сот метров. Путь был сложный, пересеченный старыми трещинами, круто спускавшимися к воде. Через три с половиной часа езды мы наткнулись на болото, в котором кишели гидры. Они были коричневыми, довольно мелкими (около полуметра) и не обратили на нас внимания. Чтобы обогнуть болото, пришлось взять восточнее. Лишь к вечеру оно кончилось, а мы смогли повернуть на запад и снова выехать к морю. Берег здесь тянулся низкий, песчаный. Против обыкновения мы не остановились на ночлег и продолжали двигаться вперед при лунном свете. Идеально ровная полоса твердого песка позволяла идти со скоростью до пятидесяти километров в час.

Незадолго до восхода красного солнца побережье сделалось скалистым и нам опять пришлось свернуть в глубь материка. Так, случайно, мы открыли озеро. Его юго-западный берег, к которому мы выехали, был низким, а с востока озеро защищала цепь скал и холмов. Густые заросли темной рамой окаймляли водную гладь, чуть сморщенную темной рябью; вода при лунном свете переливалась и флуоресцировала. Все было настолько мирным, настолько успокаивающим, что казалось почти нереальным. Опасаясь гидр — лишь позднее мы узнали, что для этих тварей подходит только солоноватая

вода болот, — мы не стали приближаться и остановились на холме примерно в километре от озера.

Мишель сменил меня на посту. Я настолько устал, что заснул мгновенно, а когда открыл глаза, мне показалось, что спал я всего несколько секунд. Однако сквозь окна уже просачивался свет голубой зари, и Мишель стоял надо мной, приложив палец к губам. Потом, стараясь не шуметь, он разбудил свою сестру.

— Сейчас вы увидите зрелище, достойное богов!

Мы вышли и не смогли сдержать крик восхищения. Озеро лежало перед нами густо-синее с прозеленью, как толща льда на леднике, в пурпурно-золотой оправе. Прибрежные скалы оказались изумительного красного цвета, а деревья, трава и кустарник играли всеми оттенками желтизны. Лишь кое-где в этой гамме виднелись зеленые пятна, а холмы на востоке, над которыми вставал Гелиос, розовели, словно затопленные цветущим вереском.

— Как же красиво! — воскликнул я.

— Волшебное озеро, — подхватила Мартина. — В жизни не видела ничего подобного!

— Волшебное озеро — прекрасное название, — заметил Мишель.

— Мы его за ним и оставим, — сказал я. — Давай будить остальных.

Мы ехали по берегу озера весь день. Поверхность его слегка волновалась от доносившегося сюда морского ветерка. Недалеко от северной оконечности озера за высокой скалистой грядой снова оказалось болото, сообщавшееся с морем. Пока мы его объезжали, я решил связаться по радио с Советом. В этот момент Бреффор заметил гидр. Маленькие гидры коричневой породы налетели целой стаей и закружились над грузовиком, как пчелиный рой. Впрочем, они не думали нападать, а только все время следовали за нами. Убедившись, что опасности нет, я попробовал вызвать деревню, но безуспешно. И не то чтобы аппарат молчал, наоборот, в жизни еще я не слышал в эфире такого свиста, шипения и треска! Не зная, чем объяснить все эти помехи, я временно отказался от своего намерения. Внезапно без всяких видимых причин рой коричневых гидр оставил нас в покое.

Мы катили весь день и всю ночь. Когда занялась голубая заря, до нашего земного островка оставалось километров сто пятьдесят, не более. Но в деревню мы рассчитывали вернуться только вечером, так как я хотел обследовать еще и ближайшие окрестности. Внезапно по радио нас вызвал Совет, и мы узнали новости, которые спутали все мои планы.

глава 6

Сражение с гидрами

Говорил со мной Луи. Вот уже три дня гидры совершали непрерывные налеты. Накануне они убили троих крестьян и двух быков. Теперь они пикировали поодиночке и летали над самой землей, где ракеты против них были бесильны. Положение было критическим.

— Думаю, лучшим решением станет эвакуация с этого клочка земли, — ответил я. — За пределами болотистых зон мы не встретили ни единой гидры.

— Это будет не так-то и просто, но... Ну вот, возвращаются! Из приемника отчетливо донесся вой сирены.

— Оставайся у микрофона, — сказал Луи. — Постараюсь держать вас в курсе. Возможно, будет лучше...

Серия оглушительных взрывов оборвала его на полужазе, затем послышались выстрелы. Все, кроме сидевшего за рулем Мишеля и устроившегося в башне Бреффора, сгрудились вокруг меня, у приемника. Ссви, крайне удивленный, также прислушивался, но радио молчало. Обеспокоенный, я начал вызывать. Послышалось хлопанье двери, потом, с трудом переводя дыхание, заговорил Луи:

— Поторопитесь! Постарайтесь, если это возможно, оказаться здесь еще до наступления темноты. Теперь эти гадины держатся ближе к крышам, и нам очень трудно стрелять в них из жилищ. А выйти наружу сродни суициду! Их тут по меньшей мере три тысячи! Прокатившись по улицам, вы сможете снимать их одну за другой. Но поспешите! Кое-где они уже срывают черепицу!

— Ты слышал, Мишель? Жми!
— И так уже выжимаю максимум, шестьдесят в час!
— Мы будем в деревне часа через два с небольшим, — проговорил я в микрофон. — Держитесь!
— Вы так близко? Повезло. На моей крыше сидят штуки две или три, но потолок тут крепкий. Досадно только, что я ни с кем не могу связаться по телефону.

— Ты один?
— Нет, со мной шестеро гвардейцев и Ида. Она просит передать Бельтеру, чтобы не беспокоился.

— А мой дядя?
— Заперся в обсерватории вместе с Менаром. Ему там ничего не грозит. Твой брат и инженеры — в убежище № 7. У них ручной пулемет, и, похоже, они неплохо с ним управляют. Ну все, отбой. Нужно связаться с другими группами.

— Только никуда не выходи!

— Не волнуйся, не выйду.

Бреффор, наклонившись к нам из башни, прокричал:

— Тревога! Гидры!

Я взобрался к нему. Впереди, примерно в километре от нас, на высоте пятьсот — шестьсот метров плотной зеленой тучкой парило с сотню довольно-таки крупных гидр.

— Скорее ракеты, пока они не разлетелись!

По бокам башни поднялись трубы ракетных подставок. Нагнувшись, я увидел, что Вандаль и Мартина уже укладывают ракеты на мобильные лотки с одной стороны, а Бельтер и Поль — с другой.

— Бреффор, вниз! Займись наводкой ракет. Я останусь у пулемета.

Я прицелился и скомандовал:

— Огонь!

Трассирующие снаряды улетели в направлении гидр, и тут же вслед за ними, оставляя белые хвосты, в небо взвились ракеты. К счастью, они взорвались в самой середине зеленого облачка, и сверху черным дождем на землю посыпались клочья мяса. Уцелевшие гидры ринулись на нас, и с этого момента стрелял уже я один, сбив с десятков этих монстров. С минуту-другую остальные еще кружили над нами, потом,

осознав свою беспомощность, они метнулись в сторону и умчались прочь над самой землей.

Уже без происшествий мы добрались до рудника. Там не было ни души. Через несколько секунд дверь одного из убежищ приоткрылась, и кто-то помахал нам рукой. Мишель подвел грузовик вплотную к убежищу, и я узнал старшего мастера, Жозефа Амара.

— Где остальные?

— Уехали в поезде. Они переделали его в бронепоезд и забрали с собой все оружие.

— А вы?

— Остался, чтобы предупредить вас. Звонили из Совета, сказали, что вы должны подъехать. Парни из паровоза сварганили брандспойт, поливающий кипятком.

— Хорошо. Давайте к нам. Давно они уехали?

— И часа еще не прошло.

— Вперед, Мишель!

Амар изумленно уставился на Взлика.

— А это еще что за гражданин?

— Туземец. Объясню чуть позже.

Через десять минут до нас начали доноситься детонации. Наконец мы увидели деревню. Все окна и двери были забаррикадированы, крыши некоторых домов были сплошь покрыты гидрами. Эти монстры летали на незначительной высоте от земли. Поезд рудника стоял на «вокзале»; его тяжелый пулемет палил по каждой отделившейся от крыш гидре.

— По местам! Поль — за руль. Мишель и Бреффор — берите ручные пулеметы. Мартина, Вандаль, подавайте мне ленты. Бельтер и вы, Амар, будете вторыми номерами при пулеметчиках. Взлика уложите в угол, где он не будет мешать. Готовы? Отлично! Давай, Поль, подъезжай к паровозу!

Рудокопы поработали на славу. С помощью металлических листов, бревен и досок они превратили свой поезд в настоящую крепость на колесах. Вокруг него на земле валялось уже около сотни вздувшихся мертвых гидр.

— Как, черт возьми, вы их столько насбивали? — спросил я у машиниста, которым оказался Бирон.

— Моя идея! Мы их ошпариваем. Впрочем, вот и другие пожаловали. Сейчас всё сами увидите. Не стреляйте! — крикнул он тем, кто сидел в первом вагоне у пулемета.

— Не стреляйте! — повторил я для находившихся в грузовике.

Приближалось десятка три, может, чуть больше, гидр.

— Как только скажу, включай насос, — бросил Бирон своему кочегару.

Он подхватил нечто вроде шланга и просунул в бойницу снабженный деревянной ручкой медный наконечник этого устройства.

— Пусть ваш грузовик сдст чуть назад!

Монстры были уже метрах в тридцати, приближаясь с огромной скоростью. Внезапно навстречу им ударила струя кипящей воды и пара, сразу сбив штук десять, не меньше. Остальные, развернувшись, унеслись прочь. Тут же застрочил поездной пулемет, и я тоже открыл огонь.

— Ну вот! Ничего сложного, — сказал Бирон. — Мы бы убили и больше, если бы в первый раз я решился подпустить их поближе. Но я не осмелился, а теперь они вроде как осторожничают.

— И кто это придумал?

— Говорю же — я сам. Но без Сиприана, моего кочегара, мне вряд ли удалось бы все это исполнить.

— Отличная находка! Она сбережет нам немало пуль. Нужно только будет попробовать усовершенствовать это ваше изобретение. Но я доложу о нем Совету, и, полагаю, благодаря нему вам вернут ваши политические права. Сейчас мы двинем в деревню. В каком доме может находиться Луи Морье, не знаете?

— Думаю, на почте.

— Значит, начнем с почты! Все на своем посту? Тогда — вперед, не спеша. Цельтесь получше и стреляйте только наверняка!

До площади мы доехали, ни разу не будучи атакованными. Крыша почты была зеленой от гидр. Каждая пуля попадала в цель, но для того чтобы убить чудовище, одного выстрела порой оказывалось мало. Пустить в ход ракеты или пулемет я не решался, опасаясь ранить наших друзей. Вцепившись шу-

пальцами в черепицу и глупо тараща глаза, гидры оставались недвижимыми. Эта их неподвижность нас немного удивила: раньше они казались более сообразительными.

Мы начали целиться тщательнее, стараясь сразу поразить нервный центр, и по истечении какого-то времени почта очистилась от своего живого покрова.

То здесь, то там над деревней взрывались ракеты. Раза два или три я слышал свистки локомотива, торжествующего новые победы кипятка. Освободив забаррикадированную изнутри дверь, Луи выскочил из дому и запрыгнул к нам в грузовик.

— Ну что? — спросил я.

— Как только вы появились, дела пошли лучше, но эти мерзкие твари проникли в три дома. У нас с дюжину погибших.

— Кто именно?

— Альфред Шарнье, его жена, одна из их дочерей. Пятеро крестьян, их имен я не знаю. Мадлен Дюше, актриса, и трое рабочих. Телефонная линия повреждена где-то между почтой и заводом. Постарайтесь ее восстановить, а то я не знаю, что там, наверху, творится. Я возвращаюсь на почту.

Мы поехали вдоль телефонной линии. Метрах в пятидесяти от места обрыва на крыше дома притаились три гидры. Подхватив кусок медного провода, я спрыгнул на землю и начал сращивать оборванные концы. Едва я закончил, как застрекотал пулемет: гидры ринулись на меня. Пользуясь уже привычной тактикой, я бросился плашмя на землю, а когда гидры проскочили мимо, запрыгнул в грузовик. Мне пришлось еще дважды возобновлять эту необычную игру, в которой я рисковал жизнью.

Затем мы приступили к очистке крыш. Действуя по заранее намеченному плану, мы начали с площади, и уже через час здесь все было кончено. Мы выехали на главную улицу, но не успели сделать и нескольких выстрелов, как все гидры, словно по сигналу, поднялись в небо. Тотчас же захлопали двери, мужчины и женщины выскакивали из домов с реактивными минометами, и в течение следующих пары минут вслед чудовищам взлетело как минимум полторы сотни ракет. Все небо было усеяно зелеными — от гидр — и черными — от

разрывов — пятнами. Поднявшись еще выше, гидры перестроились в облако и скрылись из виду.

— Я должен сообщить тебе об одном любопытном факте, — сказал Луи. — Как только появились гидры, тебя стало практически не слышно. Помехи были просто ужасные.

— Странно, — заметил я. — Нечто похожее я замечал, когда над нами кружили маленькие коричневые гидры. Неужели эти гадины подают друг другу что-то вроде радиосигналов? Это могло бы объяснить их необычайную координацию действий. Нужно будет поговорить об этом с Вандалем.

Совет собрался тем же вечером. За вычетом погибших старика-кюре и Шарнье, нас осталось всего семеро. Я вкратце рассказал об экспедиции и, в присутствии других членов нашего экипажа, находившихся на заседании в качестве консультантов, представил Совету Взлика. Затем Луи ввел нас в курс тех проблем, что возникли в наше отсутствие, — самой серьезной из них была новая тактика гидр. Теперь они прилетали ночью и укрывались в зарослях, откуда внезапно сбрасывались на прохожих. Это привело к тому, что поодиночке люди практически перестали выходить куда-либо — лишь вооруженными группами.

— По радио ты предложил, — добавил он, — переселиться поближе к Сигнальной горе. Я только «за», но как это сделать? Если переезжать на грузовиках, нам не хватит горючего, а пройти пешком такой путь между гидрами и ссви... И тогда ведь нам придется оставить здесь всю технику! Даже на грузовиках мы не сможем перевезти локомотивы, станки и т.д.

— Я представляю себе все совсем по-другому.

— Но как тогда? Может, самолетом?

— Нет, кораблем.

— И где ты его возьмешь, этот корабль?

— Думаю, Этранж сможет сделать нам чертежи. Я не прошу у него сверхмощный эскадренный миноносец со скоростью пятьдесят узлов — нет, нам хватит и небольшого грузового суденышка. Наша территория расположена у самого моря. Именно так — морем — мы доберемся до устья Дордони. Саму реку я исследовал от устья до одного места, расположенного в двухстах километрах от Кобальт-Сити, и она бесспорно судоходна. Всюду, где я делал замеры, глубина

была более десяти метров. Море показалось мне спокойным. В конечном счете, нам придется пройти не более семисот километров и еще двести пятьдесят — по реке.

— И за счет чего он будет ходить, этот корабль? — спросил мой дядя.

— Поставим большой дизель с завода или паровую машину. Но вот горючее... Будь у меня оборудование для буровой, я и сам бы проверил, глубоко ли здесь нефть.

— Да есть оборудование, — заметил Этранж. — Все, что нужно. Когда проектировали вторую плотину, тут бурили пробные скважины, после чего весь буровой инструмент остался на заводском складе. Как раз перед самой катастрофой я получил письмо с предупреждением о том, что оборудование вскоре заберут.

— Вот как! Похоже, нам повезло больше, чем швейцарскому робинзону*! И на какую глубину добывает ваша буровая установка?

— Доходила метров до шестисот — семисот.

— Черт возьми! Но к чему такой зондаж при постройке плотины?

— Мне всегда казалось, что компания, которая вела работы, заодно искала что-то другое. Но нам это только на руку. Кстати, среди моих рабочих есть трое парней, которые когда-то работали на Аквитанских нефтяных приисках.

— Прекрасно! Завтра же приступаем к работе. Все согласны покинуть эти места?

— Я — за голосование, — заметила Мари Прэль. — Принимаю, здесь оставаться опасно, но отправиться в страну этих

* Имеется в виду главный герой романа швейцарского автора немецкого происхождения Иоганна Давида Висса «Швейцарский робинзон» (написан в 1794–98 гг., вышел в свет в 1812). Завязка романа такова: швейцарская семья Церматтов, направлявшаяся в австралийский Порт-Джексон для получения наследства, в результате кораблекрушения оказывается выброшенный на один из необитаемых индонезийских островов.

Эту книгу с самого детства очень любил Жюль Верн, на исходе своей карьеры написавший ее своеобразное продолжение — роман «Вторая родина», являющийся, как и его прообраз, гимном человеческой инициативе, созидательному труду, умению в любых ситуациях сохранять самообладание и волю к жизни.

вот... — она указала на ссви, который молча прислушивался к разговору.

— О! С ними, я думаю, мы сможем ужиться, — возразил Мишель. — Но, конечно же, лучше будет проголосовать.

Подсчет голосов выявил два «против» — так проголосовали Мари Прэль и учитель — и пять «за».

— Знаете, дядя, я не могу вам гарантировать, что нам удастся перевезти обсерваторию, — предупредил я. — По крайней мере — сразу.

— Понимаю. Но если мы останемся здесь, то все здесь и сгинем.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ ГОРОДА

глава 1 Исход

Через несколько дней мы отправились на разведку нефти: впереди ехал я на нашем броневике, за мной — три машины с оборудованием и еще один грузовик с горючим для мотора буровой. Мы приступили к работе немедленно. Как я и предполагал, нефть оказалась неглубоко: мы дошли до нее, пробуив скважину всего в восемьдесят три метра. Не без труда наполнили мы цистерну наскоро оборудованного нефтевоза и отправили его в деревню, где уже сооружалась установка для перегонки нефти. Несмотря на свою примитивность, она дала бензин приличного качества.

Я пробыл на буровой два месяца. Взлик совершенно выздоровел и приехал ко мне; он делал удивительные успехи во французском языке, и мы болтали с ним, как земляки. Кроме того, он оказался прекрасным разведчиком; зоркий и неутомимый, он мог развивать скорость до девяноста километров в час.

Каждый вечер я связывался по радио с Советом. Чертежи судна были уже готовы, завод приступил к изготовлению от-

дельных частей, но жить в деревне становилось день ото дня страшнее. Гидры нападали постоянно, бороться с ними было трудно, и мы потеряли еще семнадцать человек и большое количество скота. Новости и письма на буровую привозили шоферы нефтевозов, которые проклинали все на свете каждый раз, когда им приходилось возвращаться с грузом на земную территорию.

Затем, оставив вместо себя на скважине бурового мастера, я вместе с Взликом перебрался в деревню. За два месяца здесь многое изменилось. По краям полей всюду стояли легкие, но достаточно прочные убежища, чтобы крестьяне могли без особого риска собрать урожай. Завод выпускал большое количество рельсов, у нас не было прокатного стана и приходилось их отливать; рельсы получались грубые, но достаточно прочные. Большая часть их пошла на сооружение железной дороги к побережью, где работала корабельная верфь. Киль судна уже стоял на месте. Оно должно было иметь сорок семь метров в длину, восемь в ширину и, по расчетам Этранжа, ходить со скоростью семь-восемь узлов. Рядом с верфью возвышались резервуары для горючего. К тому времени у нас было в запасе уже сорок тысяч литров.

Восемь месяцев работа шла с предельным напряжением.

За это время мы закончили корпус корабля и благополучно спустили его на воду. Теперь нужно было оборудовать судно внутри и построить мол для погрузки. К концу второго года пребывания на Теллусе наш первый корабль отправился в пробное плавание. Он хорошо принимал волну, имел незначительную бортовую качку, однако его крейсерская скорость не превышала шести узлов. Мишель и Бреффор совершили быстрый рейс до окрестностей Кобальт-Сити; они взяли с собой семена земных трав, чтобы к тому времени, когда мы перевезем скот, на месте уже было достаточно привычного для наших животных корма. С ними поплыл Взлик, которому мы поручили переговоры с его племенем. Потом он должен был нас встретить у слияния Дордони с Дронной. Перед отплытием Взлик открыл нам одну интересную подробность: оказывается, в Дронну впадает узкий, но довольно глубокий приток, который протекает всего километрах в тридцати от облюбованного нами места. Мишель исследовал эту речку:

наш корабль не дошел до Кобальт-Сити на пятьдесят километров, но ниже по течению река была вполне судоходной.

Тем временем мы построили баржу с небольшой осадкой, которую можно было вести на буксире. И вот через два с половиной земных года жизни на Теллусе начался великий исход: на юг отплыл первый караван. На судне было семьдесят пять человек, оружие, инструменты, рельсы, листы дюрала и стали. Я был капитаном, Мишель и Мартина — моими помощниками. На баржу мы погрузили заводской паровозик, разобранный подъемный кран и горючее. Плыли осторожно, ощупью, все время измеряя глубину. Иногда приходилось удаляться от побережья, но море оставалось спокойным.

Обычно я находился на носу корабля или на капитанском мостике. Вода была удивительно зеленой. Неясные тени мелькали в ней вокруг судна, и сердце мое каждый раз сжималось от беспокойства: кто знает, какие чудовища могут обитать в этих глубинах! «Победоносный» — так мы окрестили нашего первенца — был вооружен крупнокалиберным и малокалиберным пулеметами, но все облегченно вздохнули только тогда, когда наконец дошли до устья Дордони.

Мы двинулись вверх по течению самым малым ходом, и, как оказалось, не зря. Несмотря на небольшую осадку, я дважды наткнулся на мели в устье реки — к счастью, было время отлива, и с приливом судно пошло дальше.

Члены нашего экипажа, кроме Мишеля и нас с Мартиной, еще не сталкивались с животным миром Теллуса, если не считать гидр. Легко представить, с каким изумлением смотрели они на невиданных зверей. Как-то вечером одному тигрозавру удалось перепрыгнуть с берега прямо на палубу и ранить двух людей, прежде чем его расстреляли в упор из пушки. А когда мы были недалеко от устья Дронны, по берегу галопом промчались два ссви. Несколько минут спустя в том направлении, куда они скрылись, поднялись три столба дыма: условный сигнал Взлика.

Он ожидал нас один на мысу при слиянии двух рек. Около пятидесяти ссви его племени, построившись клином, стояли метрах в ста позади.

— Привет! — проговорил он свистящим голосом.

— Привет, Взлик, — ответил я.

«Победоносный» остановился, но якорь не бросил, — возможны были любые неожиданности.

— Поднимайся на борт, — предложил я.

Взлик бросился в воду и взобрался на борт по пассажирскому трапу. В этот момент механик высунулся из люка машинного отделения и разинул рот.

— Стало быть, вот с этими гражданами нам и придется жить? — пробормотал он.

Взлик повернулся и ответил:

— Они не злые, вот увидишь.

У механика была такая изумленная физиономия, что невозможно описать.

— Ну и ну! Да он говорит по-французски!

Его поведение меня удивило, но потом я вспомнил, что большинство жителей деревни видели ссви лишь мельком: он почти все время проводил со мной, а я большую часть времени пропадал в экспедициях.

Ко мне присоединились Мишель и Мартина.

— Ну что, Взлик, — сказала Мартина, — каким будет ответ на наши предложения?

— Мы выбрали мир. Мы уступаем вам Сигнальную гору, которую называем Нсса, и территорию между Везером, Дордонью и Дронной до Неведомых гор — по-нашему Бссер, — но сохраняем постоянное право прохода через эти земли. Взамен вы даете нам железо, сколько понадобится для нашего оружия, и будете помогать нам в борьбе с черными ссви, или сслвирами, с тигрозаврами и голиафами. Вы можете проходить через наши земли и рыть в них свои ямы, но не охотиться. Для этого нужно спрашивать разрешения у совета племени.

— Мы согласны, — сказал я. — Что касается железа, то нам понадобится время для его добычи.

— Это мы знаем. Я уже рассказал ссви, как вы достаете его из земли. Совет вождей хотел бы вас видеть.

— Хорошо, идем.

Мы спустили на воду ботик и сели в него втроем: Взлик, Мишель и я. Мартина осталась на судне, незаметно приблизившись к пушке.

— *Be quiet, but careful**, — сказал я ей на скверном английском, чтобы Взлик не понял.

Четыре хороших гребка — и ботик ткнулся носом в берег. Дюжина сви приблизилась, разглядывая нас. Нам казалось, что все они совершенно похожи друг на друга, и, если бы Взлик смешался с остальными, мы уже не смогли бы его найти. Позднее, попривыкнув к их виду, мы, конечно, отличали знакомых сви, хотя, по совести говоря, разница между ними была гораздо меньше, чем между людьми.

Взлик в нескольких словах передал, что мы приняли все условия. Сви ответили традиционным приветствием, которое нисколько не напоминало цветистой речи земных дикарей из приключенческих романов моего детства. Тогда в залог дружбы я вручил каждому по отличному стальному ножу, какой уже был у Взлика. Судя по словам благодарности, подарок им понравился, но ни одна черточка не дрогнула в их лицах.

Мы вернулись на судно вместе с Взликом и медленно двинулись вверх по течению. Там, где Изель — так я назвал эту новую речку — изгибается широкой излучиной, нам пришлось остановиться: дальше начинались пороги. Здесь река образовала спокойную заводь шириной метров двести; в северный берег вдавалась небольшая бухточка, словно наметка будущего порта. Лучшего места было не сыскать. Я решил приступить к разгрузке, но уже темно; мы бросили якорь и переночевали посредине реки.

Весь следующий день мы валили деревья для постройки пристани. Через неделю она была готова. Уложив рельсовый путь, мы приступили к самой сложной операции — выгрузке подъемного крана. Даже в разобранном виде он был невероятно тяжел, и нам не удалось избежать несчастья: около полудня молодой рабочий (всего двадцати пяти лет) Леон Белльер поскользнулся и был раздавлен упавшей на него балкой. Но даже горевать нам было некогда; мы похоронили юношу и в память о нем назвали эту бухту Порт-Леон.

Когда кран встал на место, работать стало сразу легче. Тем не менее выгрузка паровозика и трех вагонов доставила

* Не дергайся, но будь начеку (*англ.*)

нам немало хлопот. Зато потом все остальное мы разгрузили играючи.

Мишель принял от меня команду судном, и «Победоносный» уплыл, а мы, оставшиеся шестьдесят человек, приступили к постройке бревенчатого форта, в котором можно было бы укрыться от тигрозавров и даже от ссви, если те почему-либо вздумают на нас напасть. Мы держали постоянную связь с Советом по радио. Бригада дорожников сразу начала укладывать рельсы железнодорожной ветки длиной пятьдесят километров, которая должна была связать Порт-Леон с Кобальт-Сити.

Мы успели уложить всего четыре километра пути, используя на это весь запас рельсов, когда «Победоносный» вернулся с новым грузом. Этот рейс продолжался двадцать три дня. Нам доставили большое количество горючего, рельсов и маленький экскаватор. На судне прибыло также пятьдесят человек рабочих. С третьим рейсом приплыли первые семьи, женщины с детьми. Положение в деревне к тому времени немного улучшилось, однако гидры продолжали прилетать каждый день.

Со следующим рейсом прибыло несколько коров и овец, которых мы выпустили на участок, засеянный земными травами. Каждый вечер их загоняли в хлев при форте, опасаясь бродивших поблизости тигрозавров. Нам пришлось убить штук пять-шесть, прежде чем удалось их отвести от наших пастбищ.

По мере того, как прибывали новые переселенцы, для них сразу строили временные хижины из расчета две комнаты на семью. Холостяки, которых, кстати, становилось все меньше и меньше, жили в общежитии. Постепенно Порт-Леон приобретал облик типичного городка американских пионеров Дикого Запада, только без стрельбы из револьверов и без салунов.

Настроение у всех было приподнятое: все были счастливы избавиться наконец от гидр. Железнодорожная ветка удлинялась с каждым днем. Сначала был отвоеван двадцатый километр, потом тридцатый, потом сороковой. На крайней точке железнодорожного пути выросла целая деревушка-крепость, которая двигалась вперед вместе с дорогой.

И вот пришел день, когда дорога дошла до долины, где должна была вырасти наша столица. К тому времени в земной деревне осталось всего человек полтора; в основном это были рабочие, разбиравшие под руководством инженеров заводское оборудование. С ними были мои дядя и Менар: зная, что перевезти обсерваторию невозможно, они решили уехать только с последним рейсом. Перед объездом все здания были тщательнейшим образом законсервированы до поры до времени, пока у нас не появятся более совершенные транспортные средства.

Мы, разумеется, не могли взять с собой большой телескоп с зеркалом пять с половиной метров диаметром, но два других телескопа, в полметра и метр восемьдесят сантиметров, нам все-таки удалось перевезти.

О тех днях новоселья у меня остались самые светлые воспоминания.

Наши дома, построенные наполовину из бревен, наполовину из дюрала, стояли по склонам долины в живописном беспорядке. Многочисленные животные бродили вокруг, но среди них не было ни тигрозавров, ни голиафов: чаще всего мы видели мирных травоядных или мелких хищников, напомиавших наших лисиц или кошек. Кстати сказать, земные деревенские кошки размножались необычайно и очень помогли нам, уничтожая маленьких грызунов, покушавшихся на посевы.

Мы начали добывать цемент из мергелей ближайших скал. В первую очередь построили цеха металлургического завода в трехстах метрах от выходов каменного угля. Как только прибывали станки, их немедленно устанавливали на подготовленные места. И скоро завод заработал.

В тот памятный день я женился на Мартине. Свадьба была очень простой, чисто гражданской, потому что ни я, ни она не верили в бога. И это была не первая свадьба на Теллусе: Бельтер и Ида поженились в Кобальт-Сити на два месяца раньше нас. Но поскольку наша женитьба была, по словам Взлика, «свадьбой вождей», ссви прислали целую делегацию с подарками. Взлик рассказал им, что я больше всего люблю камни, и передо мной высыпали целую кучу всевозможных образцов, среди которых оказалось несколько очень краси-

вых полудрагоценных камней и кусок превосходной медной руды. Последняя меня обрадовала больше всего. Я спросил, где ее нашли, и ссви показали мне место к юго-востоку от пика Тьмы. Месторождение оказалось необычайно богатым.

Давно уже я хотел посетить племя Взлика, да все не было случая, а тут свадьба, и мы решили отправиться к ссви «в свадебное путешествие» на нашем верном броневике. Мост, который мы построили когда-то через Везер, сохранился: ссви пользовались им и берегли его. К вечеру мы добрались до пещер. Они были расположены под самым гребнем довольно крутого, обращенного на запад обрыва, у подножия которого струился ручей.

Взлик заранее предупредил соплеменников о нашем приезде. Нас встретили и провели к вождю племени — очень старому ссви с зеленоватой от времени кожей. Он лежал на толстой подстилке из сухих трав в большой открытой пещере, все стены которой были покрыты удивительно живыми изображениями голиафов и тигрозавров, пронзенных стрелами. Среди этих изображений, наверняка имевших магическое значение, мы вдруг увидели себя: люди и грузовики были нарисованы довольно точно. Однако стрелы здесь были тщательно стерты! Эта деталь нас позабавила и одновременно обрадовала.

Я был поражен чистотой, царившей в пещерах ссви. Входы в них довольно плотно закрывались щитами из кож, натянутых на деревянные рамы. Внутри горели светильники, заправленные растительным маслом.

— Их цивилизация мало чем отличается от человеческой! — заметила Мартина.

— Так и есть. И я даже полагаю, что их образ жизни практически во всем схож с тем, как жили наши предки времен палеолита. Разве что ссви более чистоплотны.

Старый Слиук — так звали вождя — при виде нас встал и через Взлика обратился к нам со словами приветия. За спиной Слиука на каменной стене висело его оружие: большой лук, стрелы и дротики. На вожде не было никакой одежды, если не считать ожерелья из сверкающих камней.

Я вручил ему нож и стальные наконечники для стрел, а также маленькое зеркальце, которое поразило ссви боль-

ше всего. В продолжение всего ужина — теперь мы знали, что теллусийская дичь съедобна, и ели без опаски — он не выпускал зеркало из рук.

Ссви очень внимательны к своим женам и вообще проявляют о них заботу, даже удивительную для такого примитивного уровня развития. «Женщины»-ссви меньше ростом, более коренасты, и кожа у них светлее, чем у «мужчин». Мне показалось, что Взлик и дочь вождя, Ссуай, знают друг друга более чем хорошо, и это меня искренне порадовало. Если Взлик после смерти своего «тестя» станет вождем племени, наш союз должен упрочиться.

Мы побыли у ссви восемь дней. Я подолгу разговаривал с Взликом, расспрашивая обо всем, о чем не успел спросить раньше.

Постепенно я уяснил себе устройство их общества. В отличие от сслвилов, черных ссви, коричневые ссви придерживаются единобрачия. В племени четыре рода с родовыми вождями; роды объединяются только в случае войны или для большой охоты. Всего племя насчитывает около восьми тысяч ссви, включая «женщин» и детей. Племя входит в союз, насчитывающий еще десять племен, однако все они собираются вместе лишь в случае особой опасности. Основное занятие ссви — охота, но они занимаются также примитивным «земледелием», которое заключается в том, что они разбрасывают семена и собирают урожай два раза в год. Они умеют коптить мясо и могут таким образом делать запас впрок.

Со всех сторон, кроме северной, племя ссви окружают их исконные враги — черные сслвины. Далеко на юге обитают другие племена красных ссви. Легенды говорят, что когда-то там была их прародина.

Ссви относятся к разряду яйценосных. Самки откладывают в год по два яйца величиной со страусиное. Через тридцать дней из насиженного яйца появляется совершенно сформированный маленький ссви, который сразу может питаться самостоятельно.

Родственные связи за пределами семьи у ссви практически отсутствуют. Живут ссви очень долго, по сто-сто десять земных лет, если только не погибают раньше на войне, что, впрочем, случается довольно редко. Как правило, все они от-

личаются беззаветной храбростью. В то же время ссви слишком воинственны. Они свято соблюдают верность союзникам и убивают врагов не из ненависти, а только потому, что это враг. Воровство среди ссви — вещь совершенно неизвестная. По отношению к врагам — другое дело! Здесь они мастера. С точки зрения интеллекта ссви почти ничем не уступают людям и по сравнению с людьми обладают поразительной восприимчивостью. Но прошу меня извинить, я рассказываю о том, что вы давно уже знаете, ибо со временем ссви настолько вошли в нашу повседневную жизнь, что сегодня многие из них стали рабочими, а некоторые даже математиками.

На обратном пути от ссви мы завернули в Порт-Леон. «Победоносный» только что вернулся из последнего рейса с грузом черепицы и кирпича. Он привез также средний телескоп диаметром сто восемьдесят сантиметров и последних жителей деревни. С ними были мой дядя и Менар.

глава 2

Самолет

Прошло более года по земному времени. Если мерить старой мерой, мы жили на Теллусе уже пятый год. По подсчетам Менара, это соответствовало трем теллусийским годам. Кобальт-Сити постепенно преобразался. Теперь это был оживленный поселок городского типа, насчитывающий более 2 500 жителей, с собственной электростанцией, литейными мастерскими и заводом; поселок, окруженный вспаханymi полями, на которых колосились пшеница и *скин*, местный злак. Имелись здесь небольшая больница, где Массакр готовил будущих врачей, школа и даже зародыш университета, где я, в свою очередь, преподавал пять часов в неделю. Тучные стада паслись на ближайших холмах, где земные травы все больше вытесняли теллусийскую растительность. Мы добывали уголь, железо и другие металлы, но ровно столько, сколько нам было необходимо. Железнодорожная ветка соединяла нас с расположенным пятьюдесятью пятью километрами севернее Глиноземным поселком, где

сорок человек работали в карьере, поставляя заводу бокситы. В Порт-Леоне насчитывалось шестьсот жителей. Одержимый мечтами о дальнейших исследованиях, я заложил там верфь, на которой достраивался более быстроходный корабль, чем наш «Победоносный». Первейшей задачей инженеров было изготовить другие, более совершенные, чем уже имеющиеся у нас, станки.

Каждые двадцать дней по уже наезженной дороге к Нефтяному источнику, расположенному в восьмистах километрах, отправлялись два нефтевоза. Скважина быстро истощалась, и я знал, что вскоре можно будет отозвать шестьдесят человек, которые ее обслуживали. Впрочем, в запасе у нас имелось несколько десятков тонн бензина и мазута, к тому же я уже обнаружил новый нефтеносный район всего в сотне километров от города.

Короче говоря, все шло так, что, если бы не случайные встречи с прогуливающимися по нашим улицам ссви, да не два солнца и три луны в небе, можно было бы подумать, будто мы вернулись на Землю. Вот тогда-то и произошло самое значительное — с момента нашего «прибытия» на Теллус — событие.

В тот вечер я засиделся в своем рабочем кабинете на первом этаже нашего небольшого дома, разбирая заметки и приводя в порядок наспех набросанные черновики геологических карт. Прежде чем отправиться спать, я подошел к радиоприемнику и, связавшись с нефтяными скважинами, дал кое-какие инструкции бригадиру, после чего поднялся наверх, позабыв выключить приемник. Проспал я примерно полчаса, когда меня разбудила Мартина.

— Прислушайся, внизу кто-то разговаривает!

— Должно быть, это на улице...

Я подошел к окну, открыл его. Кругом было темным-темно, улица казалась пустынной. Город спал. В окнах не светилось ни огонька. Только прожектор на сторожевой вышке описывал медленные круги, выхватывая из мрака дом за домом.

— Тебе, вероятно, почудилось, — проговорил я и лег обратно в постель.

— Да вот, опять начинается!..

Весь обратившись в слух, я действительно услышал какие-то звуки.

— Ерунда! — пробормотал я уже в полусне и спокойно объяснил полузабытыми земными словами: — Должно быть, просто забыл выключить радио...

И тут сон мой как рукой сняло.

— Черт возьми, но кто может вызывать в такой час?

В два прыжка сбежав вниз, я подскочил к приемнику. Лампы горели, но эфир молчал. Через окно я видел усеянное звездами небо; луны, должно быть, уже зашли. И вдруг из динамика прозвучал голос:

— Here is W.A., calling New-Washington... Here is W.A., calling New-Washington...*

Затем — тишина. И снова:

— Here is W.A...

Звук был очень чистый. Должно быть, передающая станция находилась где-то поблизости.

— Слушай! — снова сказала мне Мартина.

Я замер, затаив дыхание. Послышалось легкое жужжание.

— Неужели самолет?

Я бросился к окну. Среди звезд медленно перемещался крошечный огонек. Метнувшись к аппарату, я начал лихорадочно крутить ручки настройки, пытаюсь найти волну, на которой шла передача.

— W.A. W.A. Who are you ? — прокричал я в передатчик на ломаном английском. Наконец я нашел нужную длину волны.

— W.A. Who are you ? Here New-France!**

Я услышал приглушенный возглас, и чей-то голос ответил мне на прекрасном французском:

— Говорит американский самолет «Вашингтон». Где вы?

— Под вами. Сейчас зажгу свет снаружи.

Теперь самолет кружил над нашими головами.

— Вижу ваши огни. Ночью сесть невозможно. Вернемся позже. Сколько вас и кто вы?

— Около четырех тысяч. Все французы. А вас?

* — Говорит «Вашингтон», вызываем Нью-Вашингтон... Говорит «Вашингтон», вызываем Нью-Вашингтон... (англ.)

W.A. — сокр. от Washigton (Вашингтон).

** — W.A. Кто вы? Говорит Новая Франция! (англ.)

— В самолете — семеро. В Нью-Вашингтоне — одиннадцать тысяч: американцы, французы, канадцы и норвежцы. Оставайтесь на этой волне. Мы продолжим вас вызывать.

— Давно вы вылетели?

— Десять часов тому назад. Это разведочный полет. Вернемся к вам днем. Сейчас направляемся на юг. Не вызывайте нас, но пусть кто-нибудь дежурит у приемника. Сейчас будем вызывать Нью-Вашингтон. Очень рады узнать, что мы здесь не одни. До скорого...

И голос снова перешел на позывные:

— Here is W.A...

Затем последовал долгий разговор, который я плохо понял. Пилот сообщал о том, что обнаружил нас.

Не в силах усидеть дома, мы бросились будить моего брата, проживавшего в одном доме с Луи и Бреффором метрах в ста от нас, потом моего дядю, Мишеля, Менара, всех прочих членов Совета. В конечном счете мы переполошили весь город. Я позвонил даже в Порт-Леон и, сообщив о самолете, приказал ускорить работы на «Отважном». Наконец наступило утро, и мы начали готовиться к достойной встрече летчиков: расчистили обширную площадку с твердой почвой и выложили белую стрелу, указывающую направление ветра. Потом я вернулся к приемнику, у которого постоянно находилась Мартина.

— Ничего?

— Пока ничего.

— Не могло же нам это присниться!

В томительном ожидании прошло два часа. Вокруг приемника собралась целая толпа. Мой рабочий стол, к которому обычно даже Мартина не осмеливалась прикоснуться, бесцеремонно толкали, но мне было не до этого. В мэрии, где стоял такой же приемник-передатчик, происходило то же самое. И вдруг:

— «Вашингтон» вызывает Новую Францию! «Вашингтон» вызывает Новую Францию!

— Новая Франция слушает! Говорите!..

— Мы летим над материком близ экватора. Два мотора из четырех отказали. Не думаем, что сможем вернуться. Связаться с Нью-Вашингтоном невозможно. Вас слышим

очень плохо. На случай, если мы погибнем, вот координаты Нью-Вашингтона: 41 градус 32 минуты северной широты. Долгота — 62 градуса 12 минут к западу от вас.

— Где вы сейчас?

— Примерно на восьмом градусе северной широты и двенадцатом от вас градусе долготы.

— Оружие у вас имеется?

— Да. Бортовые пулеметы и ружья.

— Постарайтесь приземлиться. Мы вас найдем. Будем у вас (я быстро прикинул в уме) дней через двадцать — двадцать пять. У животных, которые похожи на носорогов, мясо съедобное. Не ешьте незнакомых фруктов!

— На строгом пайке нам хватит запасов где-то на месяц. Идем на посадку, еще один мотор начинает глохнуть.

— Остерегайтесь гидр, если таковых увидите! Главное, не подпускайте их близко!

— Что еще за гидры?

— Что-то вроде летающих спрутов. Вы легко их узнаете. Сразу же стреляйте!

— Вас понял. Снижаемся на какую-то равнину, между очень высокими горами и морем. До встречи...

Передача оборвалась. Встревоженные, мы замерли в ожидании. Где-то там, за шесть с лишним тысяч километров от нас, семеро человек сражались за свою жизнь. Мы прождали так целый час, и лишь тогда чей-то произнес:

— Получилось. Самолет частично развалился, но мы все живы. К сожалению, нам пришлось слить почти все топливо, да и наши аккумуляторы сильно разряжены. На связь выходить сможем редко — исключительно для того, чтобы задавать вам нужное направление.

— Мы сообщим, когда тронемся в путь. Связываться с вами будет каждые двадцать четыре часа по земному времени. Сейчас у нас девять тридцать семь. Мужайтесь. До встречи!

Я немедленно выехал в Порт-Леон. «Отважный» был уже на плаву. В тот же день мы провели испытания. То было небольшое суденышко длиной сорок восемь метров при ширине пять, грузоподъемностью около ста сорока тонн. Два очень мощных дизеля с демонтированного завода сообщали ему скорость до двадцати пяти узлов. При средней скорости двенадцать узлов оно могло проплыть без заправки более десяти

тысяч миль. Учитывая наши ограниченные возможности, то был настоящий шедевр кораблестроения!

«Отважный» имел на вооружении тяжелый 20-мм пулемет, а поскольку патронов к нему было мало, еще и ракетную артиллерию. Со времен героического сражения с гидрами мы значительно усовершенствовали это оружие. На носу и корме судна стояли спаренные направляющие установки, с которых могли одновременно взлетать четыре ракеты весом по двенадцать килограммов каждая: с приемлемой точностью они били на пять километров. По бортам располагались орудия меньшего калибра, бывшие, однако же, на семь километров. Наскоро испытал корабль — мы прошли на нем до устья Дордони и обратно, — я распорядился погрузить продовольствие и боеприпасы. Уже на следующий день мы отправились в путь. Команда состояла из двенадцати человек. Штурманом был Мишель, старшим механиком — Бирон. Из остальных пятеро когда-то служили на флоте. Я, в свою очередь, трижды переплыл Средиземное море на маленьком паруснике одного своего приятеля и был знаком с основами навигации. Мы захватили с собой небольшой, специально оборудованный грузовичок — уменьшенную копию нашего броневика — и радиопередатчик.

Тихим ходом мы спустились по реке. На выходе из эстуария я послал позывные. Экипаж самолета коротко отозвался, и тут же «Отважный» закачался на волнах — мы вышли в море.

Как только мы отошли на милю от берега, я приказал взять курс на юг. Побережье здесь представляло собой плоскую, травянистую саванну. По словам тех немногих ссви, которые сумели вернуться с этой вражеской территории живыми, такая же саванна простиралась в глубь материка до высокой цепи гор, невидимой с моря.

Мы с Мишелем стояли на мостике. Судно шло со скоростью двенадцать узлов, моторы работали бесперебойно, море было спокойным. Не найдя себе другого занятия, я взял пробы морской воды и сделал анализ в нашей маленькой лаборатории: вода оказалась богатой хлоридами. Замедлив ненадолго ход, мы выбросили за борт примитивный трал. Когда его вскоре вытащили на палубу, он был полон рыбы всевозможных пород: одни походили на земных рыб, другие имели самые неожиданные формы.

Вечером солнце утонуло в сиянии багряного заката. Несмотря на то, что Гелиос по сравнению с нашим старым земным Солнцем кажется совсем голубым, закаты на Теллусе отличаются обилием красных тонов, потому что слой атмосферы здесь гораздо толще. С наступлением ночи мы сбавили ход до шести узлов, хотя луны светили достаточно ярко — я совсем не хотел, чтобы «Отважный» напоролся на какой-нибудь неизвестный нам риф. К рассвету мы были уже в четырехстах пятидесяти километрах от порта отправления. Берег, к востоку от нас, по-прежнему оставался низким и плоским. К полудню перед нами возник запутанный лабиринт островков и песчаных мелей; не решаясь углубиться в неведомые проливы, я предпочел взять курс в открытое море, и вскоре земля исчезла из виду. Мы установили очередность несения вахты: я дежурил первым, Мишель — вторым, а наш боцман, монтаньяр по происхождению, прослуживший пятнадцать лет во флоте, — третьим.

На четвертый день, хотя мы все время шли одним курсом — прямо на юг, вдали опять показалась земля, изгибающаяся на юго-запад, если только это не был какой-нибудь остров. Мы находились на 32 градусе северной широты. Было жарко, но вполне терпимо. Вечером того же дня мы увидели вдали нечто огромное и черное, резвящееся в морских волнах. На всякий случай я приказал завести ракеты в направляющие желоба и быть наготове, но морское чудище скрылось, так нас и не потревожив. Установив радиоконтакт с Кобальт-Сити, я узнал, что, несмотря на все усилия, связаться с Нью-Вашингтоном им все еще не удалось.

Берег снова скрылся из виду. Утром, когда я уже собирался распорядиться взять курс на восток, впередсмотрящий заметил прямо по носу какую-то землю. Я решил сделать разведку. Вымеряя глубину лотом, мы подошли метров на двести к пустынному голому берегу. Мишель определил координаты: 19 градусов 5 минут 44 секунды северной широты, 18 градусов 22 минуты западной долготы по отношению к Кобальт-Сити. Скорее всего, это был мыс какого-то острова. Сначала я хотел высадиться, но потом отказался от этой мысли, и мы двинулись на юго-восток. Мы снова вызвали самолет и долго не получали ответа. Через два часа они сами связались с нами

и сказали, что только что отбили атаку гидр, только не зеленых, а коричневых, и гигантских размеров — от двенадцати до пятнадцати метров длиной.

Без особых происшествий, если не считать крупной зыби, которая «Отважному» была нипочем, мы достигли земли, где опустился самолет, материка, который, по словам летчиков, был отделен от того, на котором стоял Кобальт-Сити, широким проливом. Дабы отыскать этот пролив, нам пришлось ощупью подниматься на север. Обогнув огромный полуостров, мы прошли вдоль берега как минимум еще десять градусов широты. Стояла невыносимая жара, и нам пришлось надеть широкополые шляпы и то и дело поливать водой металлическую палубу. Временами море исчезало в густом и душном тумане, даже еще более невыносимом, чем ослепительное сияние Гелиоса.

Наконец, уже вечером, мы подошли к той точке берега, откуда, по нашим расчетам, до самолета по суше было ближе всего. Вид берега привел нас в уныние: то был настоящий мангровый лес, где деревья поднимались прямо из моря и теснились на илистых, топких отмелях, где кишмя кишели всякие гады, а воздух был отравлен зловонными испарениями. «И как же тут высадиться?» — подумал я с беспокоемством. Далеко на горизонте виднелся гигантский горный хребет, вершины которого поднимались более чем на пятнадцать тысяч метров.

Мы начали продвигаться вдоль побережья в поисках более гостеприимных мест и через несколько километров достигли мутного эстуария какой-то реки. Несмотря на быстрое течение, нам удалось в нее войти и пройти по лоту километров девяносто. Затем нас остановили илистые наносы. Приведя все наше оружие в полную боевую готовность, мы удвоили посты наблюдателей. Вокруг, на заболоченных берегах, шевелились, хлюпали и кишели в тине омерзительные, почти протоплазменные создания. Странные серые или ядовито-зеленые кучи живого студня амёбовидными движениями переползали из лужи в лужу. Мы задохались от запаха гнили; термометр показывал плюс сорок восемь в тени! С наступлением ночи берега осветились флуоресцирующими пятнами разных цветов, размеров и форм, которые медленно передвигались в удушливом мраке.

После долгих поисков мы обнаружили на правом берегу скалистый выступ, на котором, судя по всему, не было живых существ. Маневрируя двумя винтами, «Отважный» пристал к берегу, и мы пришвартовали судно канатами, вбив в мягкий сланец железные клинья. Тотчас же был сооружен бревенчатый помост, по которому на сушу осторожно съехал грузовичок.

— Кто туда поедет? — спросил Мишель. — Ты, я, а еще?

— Не ты. На «Отважном» должен остаться кто-то, кто сможет, случись что, довести судно до порта.

— Значит, ты и останешься. Ты здесь единственный геолог, тогда как астрономов у нас целая куча.

— Командую здесь я — и потому приказываю тебе остаться! Съездишь во вторую поездку. Свяжись с самолетом. Узнай, как далеко до него и в каком направлении нам ехать...

Связь установили быстро.

— Они километрах в тридцати к юго-западу, — сказал мне Мишель.

Узнав, что мы от них так близко, американцы завопили от радости.

— У нас всего два литра питьевой воды и больше нет концентрата для стерилизации новой.

— Мы будем у вас менее чем через два часа, полагаю, — ответил я. — Приготовьтесь. Если еще есть горючее, разведите костер. Дым послужит нам ориентиром.

Я сел за руль. Андре Этьен, матрос, встал у турели, снабженной двумя реактивными минометами. Немного взволнованный, я обнял Мишеля, помахал рукой остальным, и мы тронулись в путь.

глава 3

Фиолетовая смерть

Не спуская глаз с компаса, я направил броневик на юго-запад. Километра два или три тянулась каменистая полоса, потом пошел мягкий грунт. Этьену пришлось выйти и натянуть на шины цепи. Вопреки моему запрету, он все же попытался схватить какую-то амёбовидную тварь

диаметром сантиметров сорок и обжег руку, словно кислотой. Эти животные буквально кишели вокруг. Некоторые были метровой длины. Они то и дело сходились в, казалось бы, неспешных, но крайне ожесточенных схватках, в результате которых побежденный исчезал, растворяясь в желудке победителя. Мы продвигались с трудом, вода порой ключом била из-под колес. К счастью, редкая растительность послушно сгибалась перед машиной. Запах тухлых яиц, вызванный гниением трав, а также, быть может, желатинообразных существ, преследовал нас неотступно. Лишь через два часа после выезда мы наконец-то увидели вдали столб дыма.

Окружающий нас пейзаж изменился, и мерзкие ползучие твари исчезли. На твердом грунте наша скорость увеличилась, и мы смогли снять цепи. Вдалеке я заметил силуэт самолета со сломанными крыльями. Увидев нас, американцы, забыв о всяческой осторожности, бросились нам навстречу. Все они, кроме одного, одетого в авиационный комбинезон, были в униформе военно-морского флота США. Я открыл заднюю дверцу и впустил их внутрь. Вдвоятером мы едва уместились в маленьком грузовике, но это не помешало бурным излияниям американцев: они едва не переломали мне пальцы своими сердечными рукопожатиями! Вытащив из-под сиденья бутылку, я предложил им коньяку с водой, возможно, не очень свежего, но и в таком виде оцененного ими по достоинству.

Самый старший из них — с виду лет тридцати пяти, он, судя по всему, являлся начальником экспедиции — представил мне остальных, начав с белокурого гиганта, превосходившего меня в росте на целую голову — капитана Эллиота Смита. За ним шел коренастый брюнет: капитан Рональд Брюстер. Высоченного, немного нескладного парня с огненно-рыжей копной волос звали Дональд О'Хара, он был лейтенантом. Инженер Роберт Уилкинс был шатеном лет тридцати с черными глазами и широким, с залысинами, лбом. Сержант Джон Пэри оказался канадцем. Наконец, указав на мужчину в лёгном комбинезоне, американец сказал:

— А это наш вам сюрприз: Андре Бирабан, географ, ваш соотечественник.

— Вот так дела! — воскликнул я. — На Земле мне частенько доводилось слышать ваше имя.

— Наконец, и я сам: Артур Джинс.

Я представил моего механика и добавил:

— Господа, нужно снять с вашего самолета все то, что еще можно спасти, и двинуть обратно. Гигантские гидры не возвращались?

— Нет, — ответил Джинс. — Останки тех, которых мы сбили, валяются по ту сторону самолета.

Мы объехали на грузовике вокруг помятого фюзеляжа: позади него догнивали огромные кучи коричневатого мяса.

— Вам уже доводилось сталкиваться с этими животными? — спросил Бирабан.

— Разумеется! Только наши были зелеными и гораздо меньших размеров, что, впрочем, не мешало им оставаться столь же опасными. Они не могут проникнуть внутрь самолета?

— Да нет, кабина вполне надежная.

— В таком случае, я возьму с собой четверых из вас. Трое останутся здесь с моим матросом. Снимите бортовое вооружение. Патроны у вас еще остались?

— Полным полно.

— Заберем их третьим рейсом.

Джинс отправил со мной Смита, Брюстера, Бирабана и Уилкинса, а сам с остальными заперся в самолете.

Я усадил рядом с собой Смита: по-английски я говорил плохо, но, как выяснилось, он довольно прилично знал немецкий, которым я владел свободно, и по дороге мы смогли обменяться кое-какой информацией. Я узнал, что Нью-Вашингтон представлял собой участок территории Соединенных Штатов, упавший посреди теллусийского океана. Из пятидесяти пяти тысяч человек в живых у них осталось всего десять тысяч. Таким образом образовавшийся остров простирался на тридцать семь километров в длину и двадцать — в ширину. На нем обнаружили наполовину разрушенный катастрофой авиационный завод, который американцам удалось до какой-то степени восстановить, пригодные для обработки поля, большие запасы оружия и продовольствия и — странная штука! — несколько кораблей: французский легкий крейсер «Сюркуф», американский эскадренный миноносец «Поуп», канадский торпедоносец и два торговых судна — норвежское грузопассажирское и аргентинский танкер. На

«Сюркуфе» служил один мой коллежский товарищ, и я с горечью узнал, что во время катастрофы он исчез и значится пропавшим без вести. Все эти суда находились в открытом океане и только со временем добрались до Нью-Вашингтона. Некоторые пришли под самодельными парусами, помятые, растерзанные, как после сражения, но в целом невредимые. На моряков катастрофа обрушилась в виде гигантской донной волны.

— Почему вы так долго тянули с разведкой?

— Имелись дела поважнее! Пришлось хоронить погибших, разбирать развалины, строить дома. Топлива оставалось так мало, что все оно ушло на заправку одного из наиболее хорошо сохранившихся семнадцати самолетов, того самого, что разбился здесь.

— И вы ни разу не слышали наши сообщения?

— Нет, ни единого. А между тем, мы слушали эфир на протяжении целого года.

— Странно! Как же вы жили?

— У нас было много консервов. Пшеница росла хорошо. Рыбу ловили. Кое-какие земные породы выжили и быстро размножились. Вот только молока у нас не было, — добавил Смит с печалью в голосе. — Из-за его отсутствия мы потеряли немало детей.

Я, в свою очередь, рассказал ему о том, чего удалось добиться нам. Часа в три пополудни мы добрались до «Отважного». Я высадил спасенных и тотчас же, несмотря на протесты Мишеля, отправился во второй рейс. От того жуткого зрелища, которое мне довелось увидеть по возвращении, у меня застыла кровь в жилах.

Я уже приближался к самолету, когда заметил чуть справа от себя огромную студенистую массу изумительного фиолетового цвета, которая с большой быстротой — 30 или 40 км/ч — ползла в том же направлении. Амёбообразной формы, она была не менее десяти метров в диаметре и около метра высотой. Заинтригованный, я заглушил двигатель. Не обращая на меня внимания, фиолетовая тварь продолжала ползти к самолету. В этот момент дверца фюзеляжа открылась, и на землю спрыгнул канадец. Он увидел остановившийся грузовичок, помахал рукой и двинулся мне

навстречу. Позади него возникли Этьен, О'Хара и Джинс. Я снова посмотрел на чудовище: его роскошная фиолетовая окраска исчезла, теперь оно было матово-серым, округлившимся, похожим на огромный, покрытый лишайником утёс. Пэри приближался. Предчувствуя опасность, я дал по газам и принялся сигналить. Механик улыбнулся, снова помахал мне рукой и ускорил шаг. Я мчался к нему на полном ходу и все-таки опоздал. Внезапно чудовище снова озарилось фиолетовым светом и ринулось на канадца. Пэри увидел его, на мгновение замер в нерешительности, потом побежал назад к самолету. И тут произошло нечто странное: послышался сухой треск, в воздухе мелькнуло нечто вроде голубоватой искры, и канадец рухнул наземь. Через мгновение он исчез, поглощенный фиолетовыми псевдоподами.

Выпучив глаза от ужаса, я резко ударил по тормозам. Чудовище развернулось и теперь ползло в моем направлении. Я сорвался с сиденья, вскарабкался в башню к направляющим желобам, где еще с утра лежали ракеты, и лихорадочно закрутил ручки наводки. Снова мелькнула голубоватая искра, ударив в радиатор. Меня изрядно потрянуло. Это не было похоже на удар электрического тока — все мое тело, с головы до ног, пронзило ледяным холодом. И тут же я нажал кнопку спуска. Обе ракеты нырнули в живую слизь, находившуюся метрах в десяти от грузовика. Послышались два глухих взрыва, громкий искровой треск разрядов, и в воздух полетели клочья фиолетового студня. Чудовище скорчилось и замерло. Тронув грузовичок, я осторожно подъехал чуть ближе. Фиолетовый студень слабо подрагивал, последние искорки пробегали внутри этой желеобразной массы. От канадца не осталось и следа. Приоткрыв дверцу, я швырнул две зажигательные гранаты. От сильного жара студенистая масса затрещала, как-то сжалась и перестала трепетать. Тем временем подошли остальные.

— What an awful thing! — пробормотал Джинс и тут же перешел на французский: — Какой ужас!

— Боюсь, мы ничего уже не можем сделать для вашего механика, — сказал я. — Разве что похоронить его.

Но когда мы разрубили топором сморщенное и уже практически задеревеневшее тело этой твари, внутри обнаружился лишь золотой перстень с печаткой — и больше ничего!

Опечаленные, мы погрузили в грузовичок два пулемета и пару летчиков, Этьен занял свое место у ракетной установки, и мы вернулись на корабль. На следующий день нам пришлось сделать еще несколько рейсов, чтобы забрать остальное оружие, боеприпасы, электродвигатели — словом, все, что могло пригодиться. Последней экспедиции под руководством Мишель тоже пришлось сразиться с «Фиолетовой смертью». Наши парни уничтожили аж четырех этих мерзких животных.

Как только грузовичок погрузили на судно, мы тотчас же отплыли, приветствовав прощальным ракетным залпом слишком любопытную гигантскую гидру, которая разлетелась на куски. Теперь я чувствовал себя куда увереннее, нежели вначале: во-первых, свою миссию мы выполнили, а во-вторых, отныне я мог доверить управление судном людям, из которых как минимум двое действительно знали, что такое «корабль».

глава 4

Я открыл неведомые земли

Порепоручив техническое командование Джинсу и его офицерам, мы с Мишелем оставили за собой общее руководство экспедицией. Я отправил радиogramму в Кобальт-Сити, потом, по совету Уилкинса, попытался связаться с Нью-Вашингтоном. Как ни удивительно, но мне это сразу же удалось. Сделав короткий доклад, Джинс передал нам благодарность правительства и приглашение посетить остров.

— К моему глубочайшему сожалению, *сейчас* принять ваше приглашение я не могу, — ответил я. — У нас просто не хватит горючего, чтобы преодолеть те десять тысяч километров, что отделяют нас от Нью-Вашингтона. Сначала мы вернемся в Кобальт-Сити.

— Почему вы, французы, назвали так свой город? — поинтересовался О'Хара.

— Потому, что он больше всего походит на ваши города Дальнего Запада 1880-х годов — во всяком случае, как мы их представляли!

Выйдя из реки, «Отважный» взял курс на северо-запад. Дул довольно-таки сильный ветер, и наш кораблик низко кланялся волнам, на беду отдельных желудков. Наполовину по-английски, наполовину по-французски мы продолжали разговор. Когда не хватало того или иного слова, Бирабан выступал в роли переводчика. Первый день морского плавания прошел без происшествий. Ближе к ночи мы чуть сбавили ход, пусть море и успокоилось, однако мы все же сбавили ход. Оставив на мостике Смита, я отправился спать.

Разбудила меня легкая качка. Я прислушался, чувствуя, что что-то идет не так. Потом понял: двигатели не работают. Поспешно одевшись, я поднялся на палубу.

- Что случилось? — спросил я у рулевого.
- Не знаю. Мы только что остановилась, капитан.
- Где американский капитан?
- На корме, с инженером.

Из люка высунулась голова Мишеля:

- В чем дело? Почему стоим?
- Не знаю. Давай сюда.
- Сейчас.

Едва он это сказал, как раздался громкий всплеск, и весь корпус судна вздрогнул. Я услышал звонкое «damn it»*, потом удивленный возглас и крик, страшный крик:

- Все внутрь!

В тот же миг Смит сбил меня с ног, отбросив в этажный коридор. Уилкинс буквально-таки нырнул вслед за нами. Смит высунул голову, убедился, что на палубе никого не осталось, и задраил дверцу. При свете лампы я увидел их бледные, искаженные лица. С грохотом захлопнулась дверь матросского кубрика. Последовал новый толчок, и «Отважный» накренился на правый борт. Споткнувшись, я больно ударился о переборку.

- В чем дело, черт бы вас побрал?

Уилкинс наконец ответил:

- Гигантские кальмары!

Я почувствовал, что холодею от ужаса. Еще в раннем детстве, когда я читал «Двадцать тысяч льё под водой», эти животные наводили на меня панический страх.

* Проклятье! Черт возьми! (англ.)

— Come with me*, — с трудом выдавил я из себя.

На подгибающихся ногах мы поднялись по лесенке на закрытый мостик. Взглянув через большие иллюминаторы на залитую лунным светом палубу, я увидел, что на ней нет ни души. Лишь на носу, за рамой ракетной установки, извивалось нечто вроде толстого каната. Затем метрах в десяти от левого борта из иссиня-черной воды на мгновение поднялась какая-то масса, и на фоне восходящей луны в воздухе закружились длинные — на первый взгляд, не менее двадцати метров — щупальца. К нам присоединился Мишель, потом остальные американцы. Смит рассказал, как все было. Когда застопорило сразу оба винта, он прошел на корму вместе с Уилкинсом и, нагнувшись, чтобы узнать, в чем дело, увидел два огромных, чуть светящихся глаза. Чудовище выбросило вперед один из щупалец, немного до них не доставший, и тогда он закричал...

Мы попробовали перезапустить двигатели. Винты вспенили воду, «Отважный» прополз несколько метров, потом двигатели снова заглохли, и последовала новая серия толчков.

— Подождем, пока рассветет, — предложил Уилкинс.

Казалось, этой ночи не будет конца. На рассвете мы увидели, сколь велика опасность. По крайней мере тридцать монстров окружили судно со всех сторон. Это были отнюдь не кальмары, хотя с первого взгляда можно было решить и так. У этих чудовищ было вытянутое, заостренное сзади, без хвостового плавника, тело длиной от десяти до двенадцати метров и от двух до трех метров в диаметре. Спереди росло шесть огромных щупалец двадцатиметровой длины, каждое — толщиной до полуметра. Щупальца были вооружены блестящими острыми когтями и заканчивались остриём, как и пики. У основания щупалец располагалось шесть глаз.

— Похоже, это двоюродные сестры гидр, — заметил я.

— На это, старина, мне сейчас глубоко наплевать, — отозвался Мишель. — Если они все разом уцепятся за борт «Отважного»...

— Какой же я идиот! Нужно было поставить на турели реактивные минометы!

* Пойдемте со мной (англ.)

— Слишком поздно! Но что, если высунуть из люка один из пулеметов, снятых с самолета? И нужно будет поместить винты в туннель... если только мы выберемся!

Я прокричал матросам:

— Тащите пулемет и ленты! Только не выходите на палубу!

— Осторожно! — вскричал Мишель.

Один из монстров приближался, вспенивая воду щупальцами. Через пару мгновений он уцепился одним из оных за поручень правого борта и вырвал его с корнем.

— Может, если изрешетим из пулемета хоть одного, остальные съедят его и этим удовлетворятся?

Слуховая трубка машины прошипела:

— Капитан, винты свободны!

— Хорошо, будьте наготове. Как только скомандую, давайте полный вперед.

Трое матросов втащили по трапу пулемет. Я приспустил одно стекло, выставил наружу ствол и уже собирался открыть огонь, когда Мишель похлопал мне по плечу.

— Подожди. Пусть этим займется кто-нибудь из американцев: они лучше знают свое оружие.

Я уступил место Смигу: пулемет в его огромных руках казался детской игрушкой. Он тщательно прицелился в кальмара, дремавшего на волнах, и выпустил очередь. Раненое животное буквально выпрыгнуло из воды, потом пошло ко дну. Смит уже целился во второго, как вдруг разразилась настоящая буря: с десяток гигантских рук колотили по палубе, сокрушая все на своем пути. Сорванные поручни летели за борт, щиток носового пулемета был смят, со звоном вылетело стекло, и одно щупальце просунулось в отверстие иллюминатора, сорвав при этом раму. Чудовищный отросток яростно извивался. Мишеля отбросило к перегородке, мы с Уилкинсом, словно пригвозженные, от ужаса застыли на месте. Джинс без сознания валялся на полу. Первым среагировал Смит. Сорвав с крюка пожарный топорик, он широким жестом дровосека начисто отсек щупальце. Через приоткрытую дверцу я бросился к радиопередатчику, чтобы успеть послать сигнал S.O.S., пока еще целы мачты антенны. «Отважный» все сильнее раскачивался с одного борта на другой, и я слышал, как какой-то матрос прокричал: «Тонем! Спасайся»

кто может!» Через иллюминатор я увидел, как от неистовых ударов огромных щупалец буквально вскипает море. И тут случилось *deus ex machina*^{*}, которое спасло нам жизнь.

Метрах в двухстах от нас на поверхность высунулась громадная плоская голова более десяти метров длиной и словно раскололась вдоль, открыв прожорливую пасть, усаженную белыми острыми зубами. Одним взмахом она надвое перехватила первого кальмара и устремила к следующему. Рядом вынырнули еще две такие же головы, и между вновь прибывшими и кальмарами завязалась битва, столь свирепая и жестокая, что я до сих пор затрудняюсь сказать, сколько она продолжалась, час или минуту! Так же внезапно море успокоилось: лишь обрывки щупалец и мертвые туши покачивались на волнах. Прошло минут десять, прежде чем мы наконец осознали, что спасены. И тогда, на предельной скорости, мы понеслись прямо на север.

К вечеру слева по борту показался скалистый архипелаг; утесы его на фоне заката напоминали развалины замков. Мы осторожно приблизились. Когда до берега оставалось совсем немного, я заметил между двумя зазубренными скалами подозрительное волнение. Еще через минуту мы разглядели стаю кальмаров и, резко свернув направо, дали полный ход, оставив чудовищ за кормой.

Очень светлая лунная ночь позволяла идти достаточно быстро. Мы чуть не задели одинокого кальмара, дремавшего на волнах, и тут же разнесли его в клочья ракетным залпом. Утром мы заметили впереди какой-то остров.

О'Хара поднялся на полуют, захватив с собой карту, которую он набросал по аэрофотоснимкам в инфракрасных лучах. Нам удалось отыскать на ней этот узкий клочок земли, вытянутый с востока на запад и расположенный между экваториальным континентом, который мы оставили позади, и северным материком. Фотоснимки, сделанные с большой высоты, были очень нечеткими, однако на них ясно проступали пятна больших лесов и осевая линия горной цепи. На северо-востоке за широким проливом в поле объектива попала оконечность еще какой-то земли. Я решил обследовать

* Буквально: «бог из машины» (лат.) Зд.: Чудо; благоприятно влияющая на исход события случайность.

восточный берег первого острова, дойти до западного мыса второго, а затем повернуть к большому полуострову на юге северного материка.

Мы пошли вдоль южного берега острова. Он был скалистый, крутой и выглядел не слишком гостеприимно. Цепь гор, тянувшаяся в глубине острова, казалась не очень высокой. Ближе к вечеру, добравшись до восточного мыса, мы встали на якорь в маленьком заливе.

Вошло красное солнце, осветив унылое плоское побережье, почти лишенное растительности. Когда в небе засиял Гелиос, мы смогли разглядеть подробнее безрадостную саванну, отделенную от воды узкой полосой белого песка. Когда сделали промеры, выяснилось, что этот узенький пологий пляж через несколько метров почему-то круто обрывается вниз и почти у самого берега глубина достигает примерно восемнадцати метров. «Отважный» подошел вплотную. Мы легко перекинули помост, и грузовичок съехал на берег. Заменяв ракетную установку более подвижным пулеметом с самолета, мы снарядили в разведку Мишеля, Уилкинса и Джинса. Не без тревоги смотрел я вслед машине, скрывшейся за первым подъемом. Хорошо еще, что на примятой траве остались следы шин: в случае чего по ним будет нетрудно отыскать тоvariщей. Под прикрытием бортовых ракет я сошел на берег и осмотрел ближайшие окрестности. В траве мне удалось собрать десятки любопытнейших образчиков теллусийских «насекомых». Следы на песке указывали, что здесь водятся звери и покрупнее. Часа через два шум мотора возвестил о возвращении грузовичка. Из кабины выскочил один Мишель.

— Где остальные?

— Остались там.

— Где это — там?

— Заскакивай, вскоре сам увидишь. Мы кое-что нашли.

— И что же?

— Говорю же — увидишь.

Заинтригованный, я передал командование Смиту и сел в машину. Мы ехали по волнистой саванне с редкими рошицами. Возле одной из них паслось стадо животных, похожих на безрогих голиафов. Еще через час езды я увидел скалу высотой метров десять; на ее плоской вершине стоял Джинс.

Мишель остановил грузовичок у самого подножия. Мы сошли, обогнули скалу и с другой стороны проникли в грот.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — поинтересовался Мишель.

На стенах скального грота были выбиты ряды странных знаков, удивительно напоминающих санскритский алфавит. Сначала я подумал, что друзья просто решили надо мной подшутить, но патина на камне быстро убедил меня в обратном. Здесь могло быть сотни три-четыре знаков.

— Это еще не все. Пойдем дальше.

— Подожди, только возьму оружие.

С автоматами в руках мы двинулись дальше. Метрах в двухстах от скалы оказалась небольшая, словно вымершая, долина, на дне которой громоздилась гора металлических листьев и скрученных балок — остатки какого-то огромного сигарообразного аппарата. Среди обломков бродил Уилкинс.

— Это еще что такое? Самолет?

— Возможно. Но не земной, это уж точно!

Я подошел и протиснулся в щель между нагромождением обломков. Листы обшивки глубоко вдавились в сыпучий песок. Они были из некоего желтоватого металла, который я не признал, но Уилкинс заверил меня, что это какой-то алюминиевый сплав.

Инженер оставил меня скрести основание пластин, а сам направился к тому месту, где должна была находиться носовая часть. Мы услышали его удивленный возглас, потом он нас позвал. Спереди повреждения были не столь значительны, и здесь странный аппарат все же сохранил очертания кончика огромной сигары. В уцелевшей перегородке виднелась дверца без замков. Она легко открылась, и мы проникли внутрь.

В кабине, имевшей форму усеченного конуса, положенно-го на бок, царил полумрак, и сначала я ничего не различал, кроме силуэтов своих товарищей. Постепенно глаза привыкли к полутьме. Я увидел нечто вроде щита управления с такими же знаками, какие были высечены на скале, узкие металлические кресла, порванные медные провода, свисающие с потолка. На рулевом рычаге из белого металла застыла высохшая кисть руки. Она была огромной, черной, все еще

мускулистой, несмотря на мумификацию тканей, и имела всего четыре пальца, по-видимому, с выпускными когтями. У запястья рука была оторвана.

Не сговариваясь, мы склонили головы. Сколько времени эта рука сжимает рычаг управления последним невероятным усилием? Сколько лет прошло с тех пор, как она все-таки посадила корабль на этот затерянный остров? Что за существа управляли кораблем? Может быть, это были исследователи с одной из планет Гелиоса, может быть, пришельцы из космоса, с отдаленной звезды, а может быть, жертвы, выброшенные на Теллус из своей вселенной — такие же, как мы? Лишь много лет спустя нам удалось найти ответ на эти вопросы, да и то далеко не полный.

Мы рылись в обломках аппарата до наступления сумерек. Ничего особенного обнаружить не удалось: несколько пустых банок, части каких-то приборов, книга с алюминиевыми страницами, но, увы, без всяких иллюстраций, да еще молоток вполне земной формы — вот и все наши находки. В кормовой части, где должны были помещаться двигатели, громоздились оплавленные ржавые глыбы, и среди них в толстой свинцовой трубе кусок тяжелого белого металла. Позднее анализ, сделанный в Нью-Вашингтоне, показал, что это был уран.

Мы сделали несколько фотоснимков и вернулись на корабль. Удивляться скудости наших находок было нечего: судя по надписи на скале, часть экипажа спаслась, и, естественно, они забрали все, что могло иметь хоть какую-то ценность. На то, чтобы обойти весь остров, у нас уже не было времени. Назвав его «островом Тайны», мы отплыли к соседнему, расположенному дальше на северо-востоке.

Здесь нам с трудом удалось причалить, но выгрузить машину мы так и не смогли. Небольшая часть побережья, которую мы осмотрели, оказалась безводной и голой. Если не считать «насекомых», на острове кишели одни плоские «гадюки». Впрочем, мы нашли несколько каменных орудий ссви. Исследование южной оконечности северного материка принесло нам куда больше открытий и тревог.

Ранним утром «Отважный» стал на якорь в бухте, защищенной высокими скалами самых фантастических очертаний. Спустить грузовичок оказалось непросто, и когда Мишель,

Смит и я наконец сели в машину и двинулись в путь, солнце стояло уже высоко. Не без труда мы поднялись на плато, простирившееся в северном и восточном направлении до самого горизонта. С юга плато обрамляла цепь невысоких гор, к которым мы и направились по саванне с редкими группами деревьев. Здесь был настоящий звериный заповедник: голиафы, «слоны», а также более мелкие животные то и дело попадались навстречу поодиночке и большими стадами. Мы разбудили парочку тигрозавров, но те, к счастью для нас, были настроены мирно: наш грузовичок не выдержал бы столкновения.

В три часа пополудни, когда мы доедали запоздалый завтрак, вдали показалось многочисленное и какое-то странное стадо. Когда оно приблизилось, мы узнали ссви из большой красной расы, расы Взлика. Я вспомнил, как тот неоднократно говорил мне, что их племя пришло с юга, отделившись от остальных по непонятным причинам. Произошло это не так давно, всего за несколько поколений до нашего «перелета» на Теллус. Эта встреча нас огорчила: ссви преграждали нам путь к горам, а, зная их воинственный характер, ехать напролом было опасно — дело неминуемо закончилось бы сражением. Но ссви, по-видимому, нас не заметили; они свернули влево и скрылись за линией горизонта. Мы устроили короткий военный совет. Я был за немедленное возвращение, так как мы и без того уже слишком удалились от «Отважного» в глубь неведомой страны. Но Смит и Мишель хотели проехать еще немного вперед и вернуться лишь на следующий день. В общем, мы поехали дальше и часов около четырех различили на юге скалу: высотой три десятка метров, она стояла далеко впереди горной цепи. Вершина ее показалась мне покрытой зубцами. Подъехав ближе, мы убедились, что эти зубцы на самом деле были башнями высотой метров по десять, расположенными с интервалами примерно в двадцать шагов. Пространство вокруг скалы в радиусе полукилометра с лишним было совершенно оголено, здесь не росло ни деревца, ни кустика. Между башнями скакали ссви. Казалось, они сильно встревожены, и через бинокль я разглядел, как они показывают на нас пальцами. Не зная, что думать, я замедлил ход.

Внезапно прямо напротив нас с вершины одной из башен, до которой оставалось метров четыреста, взвился в небо

какой-то длинный черный предмет и, описав дугу, с нарастающим свистом ринулся вниз. Гигантское копьё весом килограммов тридцать врезалось в землю всего в трех шагах от нас. Я резко затормозил, потом, опомнившись, выкрутил руль и дал газу.

— Зигзагами, давай зигзагами! — прокричал Мишель.

Оглянувшись, я увидел в небе с десяток черных молний. Они вонзались в почву вокруг машины, и от одной из них мы увернулись буквально чудом. За моей спиной затрещал пулемет: Смит взялся за дело! Нужно сказать, что в свое время он был чемпионом по стрельбе в американской авиации. Позднее Мишель рассказывал, что он в мгновение ока поджег шесть башен.

Я ничего этого не видел. Вцепившись в руль, выжав до предела педаль акселератора, я гнал грузовичок по рытвинам и ухабам, каждую секунду ожидая, что огромное копьё вонзится мне в спину. И, честно говоря, мы были от этого на волосок! Когда вокруг уже мелькали первые деревья, стоящие на краю оголенной зоны, сзади послышался удар, треск и скрежет лопнувшего металла. Я резко вильнул в сторону. Минут через десять, когда Мишель сменил меня за рулем, я увидел, что дротик пробил бронированную крышу, прошел между ног у Смита и засел наконечником в большой банке консервированной говядины, пригвоздив ее к полу. Не останавливаясь, мы отпилили древко и вытащили наконечник: треугольной формы с зазубринами, он был выкован из стали!

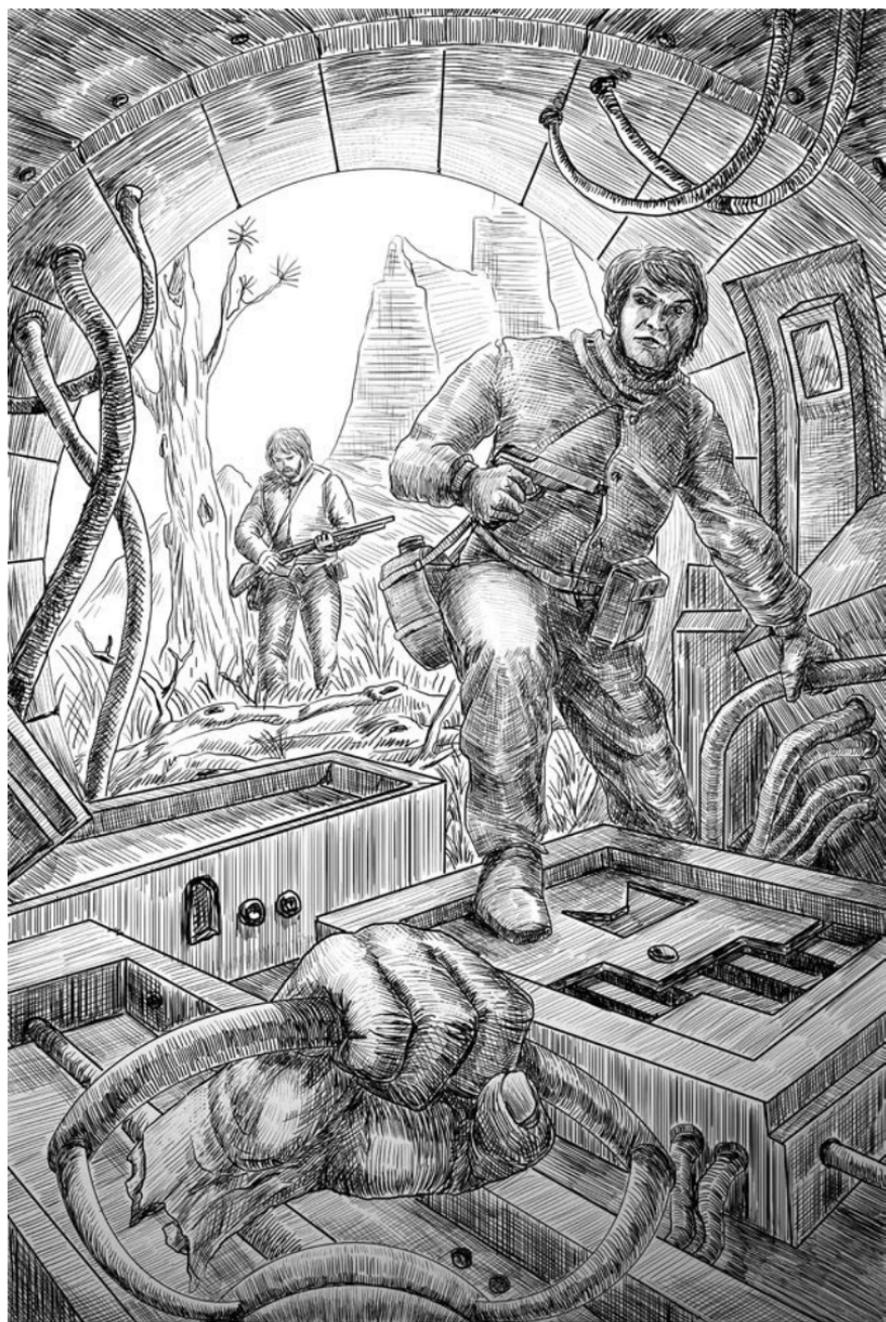
Ночью мы сделали короткую остановку и за едой обсудили случившееся.

— Странно, — сказал я, — что эти ссви знакомы с металлом, но еще более странно то, что сталь у них — отличной закалки! Судя по всему, это и есть тот народ, от которого отделилось племя Взлика, что может означать лишь одно: еще несколько поколений назад они тоже были в каменном веке. Конечно, ссви очень умны, но подобная быстрота прогресса просто поразительна!

Мишель на какое-то время задумался.

— А не связано ли это как-то с нашей находкой на острове?

— Возможно. И у них есть катапульты — точнее, баллисты, — бьющие на пятьсот с лишним метров!

— В любом случае, — проговорил по-английски Смит, — я разрушил им как минимум шесть башен.

— Ну да... Давайте-ка отсюда уматывать. Как-то здесь небезопасно.

Мы ехали всю ночь. Разумеется, я и до этого пережил на этой планете немало тревожных ночей, но с этой ни одна из них не шла ни в какое сравнение! В небе стояли все три луны, и, казалось, вся фауна Теллуса собралась на данном клочке земли. Сперва нам пришлось пробиваться сквозь целые стада слонов, привлеченных светом фар. Потом перед нами возник вышедший на охоту тигрозавр, которого мы встретили очередью из пулемета, впрочем, не причинившей хищнику никакого вреда — он просто перепугался, должно быть, не меньше нашего. Трижды нам преграждали путь голиафы, коих мы вынуждены были объезжать, дважды мы останавливались, чтобы поменять прокусанные гадюками шины, и все же еще до рассвета мы увидели сигнальные ракеты, взлетевшие с палубы «Отважного», и с зарей были уже на борту.

глава 5

Опасность

Спустя несколько дней мы достигли устья Дордони без особых приключений, если не считать выхода из строя двигателей, из-за чего мы сутки вынуждены были идти под парусами. О своем возвращении мы известили Кобальт-Сити по радио и поэтому не особенно удивились, когда в месте слияния Дордони с Изелем нас встретило каноэ, в котором сидели Мартина, Луи и Взлик. Они поднялись на борт, мы взяли каноэ на буксир и спокойно дошли до Порт-Леона. Мы отсутствовали больше месяца! Нечего и говорить, как я обрадовался встрече с Мартиной. Сколько раз за это путешествие я думал, что больше никогда ее не увижу!

Луи протянул мне последнюю радиограмму, пришедшую из Нью-Вашингтона. Я прочел ее с удивлением, потом передал американцам. Бирабан перевел им ее. Суть можно было резюмировать так: по непонятным причинам Нью-

Вашингтон медленно погружался в море, и, если ритм погружения не замедлится, самое большее через полгода остров полностью уйдет под воду. Словом, правительство посылало нам сигнал S.O.S.

Совет собрался в присутствии американцев. Сразу же взяв слово, Джинс сказал по-французски:

— В Нью-Вашингтоне у нас есть французский крейсер, два миноносца, грузовоз и небольшой танкер. Помимо этого, мы располагаем шестнадцатью пригодными для вылетов самолетами, в том числе четырьмя винтовыми и тремя геликоптерами. Но у нас нет ни топлива, ни мазута. Можете продать нам немного? Желательно — с доставкой на место.

— Ни о какой продаже не может идти и речи, — ответил мой дядя. — Прийти вам на помощь — самая элементарная наша обязанность. Проблема лишь в транспорте. Из кораблей у нас есть только «Отважный», а он, увы, слишком мал!

— Есть еще корпус «Победоносного», — заметил я, — и, главное, прицепные баржи, которые, полагаю, будет трудно переделать в нефтеналивные суда. Как, по-вашему? — спросил я у наших инженеров.

Этранж ответил не сразу:

— На изготовление цистерн уйдет от десяти до двенадцати дней. Как минимум столько же — на специальное противопожарное оборудование. Итого месяц. Две цистерны размера 10 м × 3 м × 2 м дадут в общей сложности сто двадцать тысяч литров. Половина мазута, половина авиационного бензина.

— Мы бы предпочли побольше мазута и поменьше бензина.

— Это можно. Каковы наши точные запасы?

— Шесть миллионов литров, — сказал я. — Я пока приостановил добычу, так как все резервуары полны.

— А расстояние от Порт-Леона до Нью-Вашингтона?

— Примерно четыре с половиной тысячи километров.

— Да, — проговорил я, — но это напрямик, через открытый океан.

— Если мы вам доверим «Отважный» и несколько наших парней, как думаете, вы доберетесь? — спросил дядя у Джинса.

— Даже не сомневаюсь. Ваше суденышко превосходно!

— Что ж, тогда можно рискнуть.

Месяц спустя «Отважный» отплыл, ведя на буксире баржу со 145 000 литров горючего. Как мне позднее рассказал Мишель, плавание прошло абсолютно спокойно: ни кальмаров, ни других морских чудовищ они не встретили. Нью-Вашингтон оказался едва возвышающейся над водой равниной с двумя усеянными домами холмами. Прибывших встретили залпами из орудий боевых кораблей. Весь город, расположенный прямо на берегу моря, был расцвечен флагами. Оркестр крейсера сыграл сначала «Марсельезу», затем — американский гимн, и малютка «Отважный», провожаемый удивленными взглядами морских офицеров, проскользнул в порт. Мазут сразу же перекачали в баки аргентинского танкера, который немедленно снялся с якоря. Бензин на грузовике отправили на аэродром.

Мишель был принят президентом Нью-Вашингтона, Линкольном Дональдсоном, после чего проследовал на «Сюркуф», офицеры и моряки которого пришли в восторг от сообщения, что вскоре они снова смогут увидеть кусочек Франции!

Для жителей Нью-Вашингтона настала напряженная пора: чтобы демонтировать и погрузить на суда все, что можно было спасти, люди не покладая рук работали от зари до зари. Потом вернулся «Порфирио Диас», и первый конвой — норвежский грузовоз, «Сюркуф», и два эсминца, все до предела нагруженные людьми и оборудованием, — отплыл на материк.

Об их отбытии Мишель предупредил меня по радио. В ответ я сообщил ему, что мы договорились со Взликом, который после смерти своего тестя стал верховным вождем племени, о том, что ссви уступят американцам территорию, которая в действительности принадлежала черным ссви, но на которую у племени Взлика были права, и часть их исконных земель, от Дронны до Неведомых гор. Кроме того, я добился и для нас самих длинного коридора до самого устья Дордони, рядом с которым мы намеревались построить Западный порт. Все эти дни мы тоже не сидели без дела. У подножия гор мы построили для американцев дома на землях, действительно принадлежавших ссви, главным образом по ту сторону Дронны, как раз напротив нашего маленького поста Хром.

И вот первый конвой прибыл. Наблюдательный пост в устье Дронны сообщил о его приближении рано утром, когда корабли были еще на подходе. Грузовое судно и крейсер «Сюркуф» из-за слишком большой осадки стали на якоря на самой Дронне, а эсминцы поднялись по Изелю. Потом, большим караваном, составленным из крупных лодок, мы отбуксировали переселенцев к их новым владениям. Было решено, что американцы удовлетворятся пока землями ссви, отложив завоевание территории сслвипов — так как ее именно что нужно было завоевывать — до лучших времен.

Мишель вернулся на самолете незадолго до прихода седьмого, и последнего, конвоя. Остров к тому времени почти полностью затонул, но в Новой Америке уже вырос один город и семь деревень, а на полях созрел и был убран первый урожай. Город — Новый Нью-Вашингтон, как его называли в шутку американцы — насчитывал пять тысяч жителей.

Население Новой Франции тоже увеличилось за счет шестисот моряков с «Сюркуфа», шестидесяти аргентинцев, пожелавших жить в «латинской стране» и полусотни канадских французов. Последних сначала отпугнул наше коллективизм, пусть и распространявшийся только на промышленные предприятия, но вскоре они убедились, что никто не мешает им ходить в церковь, если это подсказывает им сердце.

Норвежцы — сразу же после катастрофы они подобрали в море пассажиров тонувшего норвежского лайнера, и теперь их было человек двести пятьдесят — обосновались, по их собственной просьбе, в небольшом анклав нашей территории, близ устья Дордони. Там они выстроили рыболовный порт. В действительности никакой сегрегации наций не существовало, и международные браки были обычным делом. К счастью, у американцев оказалось гораздо больше женщин, чем мужчин, и многие моряки с «Сюркуфа» нашли себе жен еще в Старом Нью-Вашингтоне. Спустя год после Великого Исхода, когда у меня уже родился первенец, Бернар, Мишель женился на восемнадцатилетней красавице-норвежке, Инге Унсет, дочери капитана норвежского грузового судна.

Мы помогли американцам смонтировать заводы. Они, в свою очередь, уступили нам часть своих станков и четыре самолета. Вместе с двумя американскими коллегами я обна-

ружил на их территории, но на землях сслвипов, значительные нефтяные месторождения.

Еще через пять лет мы основали Объединенные Государства Теллуса. Но прежде нам еще пришлось отвоевывать земли у сслвипов, и был момент, когда мы сами были на волосок от войны с американцами!

Боевые действия развязали сслвипы. Как-то вечером около сотни их воинов внезапно напали на небольшой американский пост и истребили десять человек из двенадцати, составлявших гарнизон. Двум американцам удалось спастись, унесшись прочь на машине. Как только об этом стало известно, в воздух поднялись два самолета, но отыскать убийц не удалось: равнины опустели, а леса покрывали слишком обширные пространства. Легкая колонна, снаряженная американцами для миссии мщения, понесла большие потери и вернулась ни с чем. Тогда, учитывая наш богатый опыт, они обратились за помощью к нам и к нашим союзникам ссви.

То была самая странная война, какую только можно себе представить! В центре ехали на грузовиках мы и американцы, над нами кружили четыре или пять самолетов, впереди летел вертолет-разведчик, а вокруг гарцевали существа иного мира, вооруженные луками и стрелами!

Кампания была трудной, не обошлось без потерь. Быстро поняв, что в очередном бою они сразу же будут разбиты, сслвипы начали опустошать приграничные районы, отравлять источники и колодцы, совершать налеты на Новую Америку, на территорию ссви и даже на Новую Францию, пробираясь к нам через горы.

Эсминцы обнаружили на побережье и обстреляли две деревни сслвипов, самолеты разбомбили еще несколько селений, однако все это ничего не дало. Но когда мы углубились во вражескую территорию, перейдя даже будущую границу Новой Америки, сслвипы решили, что настал час решающей битвы.

На рассвете к нашему лагерю сразу со всех сторон галопом устремилось более пятидесяти тысяч их воинов. Джинс, командовавший экспедицией, немедленно вызвал авиацию, и с аэродромов Нью-Вашингтона и Кобальт-Сити тотчас же взлетели самолеты. При скорости в 1000 км/ч они должны были долететь достаточно быстро, но долго ли мы смогли бы

продержаться? Ситуация была критической: 500 американцев и 300 французов, пусть даже хорошо вооруженных, и 5000 ссви против 50000 свирепых врагов, вооруженных луками, легко отсылающими стрелы на четыреста метров! И главное — невозможно воспользоваться маневренностью грузовиков: неприятель окружал нас кольцом глубиной в тридцать рядов. Мы поставили все пятьдесят машин, кроме нашего старого бронированного грузовика, кругом, легли за пулеметы и принялись ждать.

Когда ссви оказались метрах в шестистах от нас, мы открыли огонь. Не следовало нам выжидать так долго — нас едва не накрыло этой черной волной. Тщетно автоматы и пулеметы косили врагов, как спелую пшеницу, тщетно ссви посылали в них стрелу за стрелой! Через минуту-другую у нас было уже десять человек убитых и более восьмидесяти раненых, у ссви — сто убитых и вдвое больше раненых.

Отчаянная отвага ссвипов наводила ужас, их живучесть казалась просто невероятной. Я лично видел, как один из них продолжал мчаться даже после того, как очередь, выпущенной из 20-мм пулемета, ему оторвало всю руку целиком, и свалился замертво лишь в паре шагов от какого-то американца. Лишь когда ссвипы пошли на приступ в третий раз, наконец подоспели самолеты, но вступить в бой уже не могли: все смешалось в невообразимой свалке. В этой фазе сражения Мишель получил стрелу в правую руку, а я сам — в левую ногу, чуть ниже колена; впрочем, оба наших ранения оказались легкими. Как только враг был отброшен, самолеты принялись поливать его пулеметным огнем и забрасывать ракетами и бомбами, обращая в беспорядочное бегство. На открытой равнине ряды ссвипов расстроились, и мы преследовали их на грузовиках, расстреливая в упор, в то время как Взлик, во главе своих ссви, настигал и истреблял одиночек. Кое-где враг еще пытался переходить в контратаки, и вечером мы нашли один из наших грузовиков, в котором были только трупы, сплошь утыканные стрелами.

Под покровом темноты уцелевшие ссвипы бежали. Вместо них нам пришлось сражаться с десятками тигрозавров, привлеченных запахом крови, и в этом бою мы потеряли еще шестерых. Наши общие потери составили 22 американца,

12 французов, 227 ссви убитыми и 145 американцев, 87 французов и 960 ссви ранеными. Сслвипы, по самым грубым подсчетам, оставили на поле боя не менее 20000 своих воинов.

После этого истребления американцы построили целую цепь фортов вдоль всей своей границы, защиту которой облегчал тот факт, что она шла по гребню естественного сброса, протянувшемуся от моря до самых гор на расстоянии почти семьсот километров. Два следующих года прошли спокойно, в мирном труде, но мы с сожалением увидели, что американцы все больше и больше замыкаются в себе. Мы уже почти не общались, за исключением единичных случаев — как тот экипаж самолета и мы, — а если и встречались, то лишь для обмена сырьем или промышленными изделиями. К тому времени американцы открыли у себя угольные шахты, менее богатые, чем наши, но с лихвой покрывавшие все их нужды.

К тому же среди нас мало кто говорил по-английски, ну и все такое. Обычай у нас тоже были разные. Они с подозрением относились к нашему коллективизму, хоть он и был крайне умеренный, и называли наш Совет диктатурой. Кроме того, у американцев сохранялись глупые предубеждения против «туземцев», предубеждения, которые мы ничуть не разделяли: в наших школах училось более двухсот детишек-ссви.

Зато с норвежцами у нас установились превосходные отношения. Мы поставляли им материалы, необходимые для постройки рыбацких судов, а они в изобилии снабжали нас всеми дарами моря. Уцелевшие земные рыбы размножились в невероятном количестве, да и теллусийские были просто великолепны на вкус.

«Героический период» закончился, и дабы больше не давать американцам повода для критики, мы реорганизовали наши институции. После долгих — в чисто французском духе — дискуссий было решено, что отныне Новая Франция будет состоять из:

1) государства Кобальт (5000 человек), со столицей Кобальт-Сити (800 человек) и городом Порт-Леон (324 человека);

2) территории Западный порт, с одноименной столицей (600 жителей);

3) территории Нефтяных скважин, где осталось всего 50 человек;

4) территории Больё-Шахтерский, расположенной у Волшебного озера (с городом Больё (400 человек) и Северным портом (60 человек). Таким образом, население Новой Францции достигло почти шести тысяч человек. В Порт-Леоне, Больё и Западном порту были свои муниципальные советы. Центральное правительство состояло из пятидесяти депутатов парламента, избираемых всеобщим прямым голосованием, и несменяемого Совета, состоящего из семи человек, вначале это были мой дядя, Мишель, Этранж, Бевэн, Луи, кюре и я. Парламент имел право вносить законопроекты, назначать министров и утверждать их решения. Совет помимо законодательных прав имел право вето, приостанавливавшее любые решения сроком на шесть месяцев. В случае объявления чрезвычайного положения, вынесенного не менее чем двумя третями голосов, Совет сосредоточивал всю полноту власти в своих руках сроком на полгода; при необходимости этот период мог быть продлен. Образовались три политические партии: коллективистская, во главе с Луи (27 мест в парламенте), консервативно-крестьянская (27 мест) и либеральная, во главе с Этранжем (10 мест). Последней в обязательном порядке — по доброй старой французской традиции, которая гласит, что править должно меньшинство — доставались и все министерские портфели.

Изменения в управлении никоим образом не отразились на нашей жизни. Если завод, машины, шахты и корабли по-прежнему оставались народной собственностью, то земля во все времена принадлежала обрабатывавшим ее крестьянам. Мы расширили сеть рельсовых и шоссейных дорог. Американцы последовали в этом нашему примеру. У них было больше, чем у нас, паровозов, зато нам удалось создать мощные электродвигатели. Самая длинная железнодорожная линия связывала Кобальт-Сити с Западным портом, проходя через Порт-Леон.

Наши отношения с американцами продолжали портиться. Первая серьезная размолвка произошла из-за канадского эсминца, на котором служили главным образом канадские французы. Решив поселиться с нами, последние, разумеется, захотели привести к нам и свой корабль, что вызвало множество затруднений. В конечном счете мы оставили аме-

риканцам все вооружение и перепрофилировали эсминец в быстроходное грузовое судно.

Вторым поводом для недовольства послужил наш отказ совместно разрабатывать нефтяное месторождение, расположенное на землях ссви близ горы Тьмы. У американцев имелась и своя нефть, пусть и расположенная более глубоко под землей, да и потом, мы знали, ссви не очень-то обрадуются присутствию американцев на их, ссви, территории. И вот, 5 июля 9 года теллусийской эры, произошло открытое столкновение.

В тот день с дюжину ссви захотели, согласно договору о праве беспрепятственного прохода, пересечь восточную оконечность американской территории, которая в этом месте врезалась в их собственные земли. Они направлялись к нашему посту Больё-Горному, чтобы обменять дичь на стальные наконечники для стрел. Словом, они проникли в Америку и уже были видны с нашего поста, находившегося на другом берегу в верховьях Дронны, когда трое вооруженных автоматами американцев остановили их и приказали повернуть обратно — требование совершенно абсурдное, так как до Больё по прямой оставалось метров сто, а до границы в обратном направлении — километров пятнадцать. Глава ссви Авитхц ответил им по-французски, что он на этот счет думает. Придя в ярость, американцы дали три автоматные очереди, убив двух ссви и двух ранив, в том числе Авитхца, которого они захватили в плен. Остальные ссви под градом пуль пересекли Дронну и сообщили обо всем командиру нашего поста, Пьеру Лефрану, который, чтобы разобраться во всем на месте, вместе со ссви спустился к реке. И горько об этом пожалел, так как с противоположного берега ударила автоматная очередь, убив еще одного ссви и ранив самого Лефрана. Взбешенные, его товарищи ответили десятком ракет, которые подожгли и превратили в развалины ферму на американском берегу.

По счастливой случайности мы с Мишелем проезжали в это время неподалеку. Погрузив Лефрана и раненых ссви в грузовик, я погнал машину напрямик в Кобальт-Сити. По прибытии я сразу же побежал в дом Совета, который, срочно собравшись вместе с парламентом, проголосовал за введение чрезвычайного положения. Лежа на носилках, Лефран рассказал о случившемся, и ссви подтвердили его слова.

Мы еще спорили, не зная, что предпринять, когда пришла радиограмма с поста Понт-о-Ссви на Везере: наблюдатели отчетливо слышали грохот боевых барабанов, и по всей территории ссви поднимались дымные столбы сигнальных костров: каким-то непонятным способом Взлик был уже извещен о случившемся и теперь собирал своих воинов. Можно было не сомневаться, что в подобных обстоятельствах на его сторону встанут и другие племена.

Зная мстительный и совершенно беспощадный нрав наших союзников, я тут же подумал об изолированных американских фермах, расположенных вдоль границы, и о том, во что могут превратиться через пару часов. Я незамедлительно отправил к Взлику на вертолете курьера с посланием, в котором я просил подождать один день, а сам вместе с остальными членами Совета бросился на передающую радиостанцию, чтобы связаться с Нью-Вашингтоном.

События набирали ход. Когда мы прибыли, радист протянул мне новую радиограмму: американский эсминец обстреливал Западный порт. «Отважный» и «Сюркуф» отвечали. На всякий случай Совет отдал приказ о всеобщей мобилизации. Самолеты с полными баками и боекомплектом были готовы взлететь по первому сигналу. Установив связь, мы обратились по радио к американскому правительству с просьбой приостановить военные действия и дождаться прибытия полномочных представителей. Американцы согласились и мы узнали, что бомбардировка нашего порта прекратилась. Впрочем, на эсминце, полагаю, были только рады выйти из боя: радиоуправляемая ракета с «Сюркуфа» разворотила им всю носовую часть.

Мишель, мой дядя и сам я незамедлительно сели на самолет и уже через полчаса были в Нью-Вашингтоне.

Переговоры начались бурно. Американцы вели себя так заносчиво, что Мишель вынужден был им напомнить, что без нас они давно бы уже были съедены морскими чудовищами или умерли от голода на своих оставшихся без горючего кораблях. В конце концов была создана комиссия для расследования, в которую вошли Джинс, Смит, мой дядя, я и брат Взлика, Исци. Оба американца, проявив благородство, признали вину своих соотечественников, которые были приговорены к десяти годам заключения каждый. Ссви

в качестве компенсации получили десять тысяч стальных наконечников для стрел.

Странная штука, но после этой стычки, едва не кончившейся трагически, отношения между нами сразу улучшились. К концу 10 года они были уже столь дружественными, что мы выступили с предложением основать Объединенные Государства Теллуса.

Конференция от 7 января 11 года собрала представителей американцев, канадцев, аргентинцев, норвежцев и французозов. Была принята федеральная конституция. Она предоставляла каждому государству широкую автономию, но предусматривала федеральное правительство, резиденцией которого стал новый город Унион, выстроенный в месте слияния Дордони и Дронны, там, где мы когда-то убили первого тигрозавра. Окружающая территория площадью двести квадратных километров была объявлена федеральной землей. Самым сложным оказался вопрос об охотничьих угодьях ссви. Тут американцы показали всю свою несговорчивость. Лишь после долгих споров был принят закон о неприкосновенности земель наших союзников, а также других племен, которые примкнули бы к нам в течение ближайших ста лет. Все будущие колонии, основанные на новых местах, считались бы федеральными землями до тех пор, пока их население не достигло пятидесяти тысяч человек, после чего они перешли бы в разряд государств с правом установления своих собственных законов.

25 августа 12 года состоялось первое заседание федерального парламента, на котором мой дядя был избран первым президентом Объединенных Государств Теллуса. Впервые развернулось федеральное знамя, полуночно-синее полотнище с пятью белыми звездами, символизирующими пять государств-основателей — Новую Америку, Новую Францию, Аргентину, Теллусийскую Канаду и Норвегию. Двумя официальными языками стали английский и французский. Я не стану входить в подробности принятых тогда законов, они действуют до сих пор, и вы их прекрасно знаете. Скажу только, что армия, флот, авиация и производство оружия были целиком переданы в ведение федерального правительства. Заглядывая далеко вперед, мы оставили за ним еще и атомную энергию, которая когда-нибудь появится у нас на Теллусе.

Начертанный путь

С тех пор прошло уже пятьдесят лет, но Теллус по-прежнему вертится! Годы президентства моего дяди — все семь лет — ушли на организационные работы. Мы расширяли железнодорожную сеть, скорее для будущих поколений, нежели для себя, так как общая численность нашего населения не достигала и двадцати пяти тысяч душ. Впрочем, нас становилось все больше и больше. Природные запасы были неисчерпаемы, поля давали великолепные урожаи, и семьи становились все более многочисленными. У меня одиннадцать детей, и все они живы, у Мишеля — восемь. Средняя семья в первом поколении состояла из шести человек, во втором — уже из семи. Одновременно мы констатировали поразительное увеличение человеческого роста. На нашей старушке Земле, согласно статистике, средним считался рост 1 м 65 см. Примерно таким же был средний рост французов. А сегодня для Новой Франции эта цифра поднялась до 1 м 78 см, для Новой Америки — до 1 м 82 см, а для Норвегии — до 1 м 86 см! Только аргентинцы и их чистокровные потомки отстают в этом плане — 1 м 71 см.

При следующих президентах, американце Кроуфорде и норвежце Хансене, главные наши усилия были направлены на развитие промышленности. Мы построили авиационный завод, способный не только выпускать обычные модели, но и разрабатывать новые. Здесь, на Теллусе, американскому инженеру Стоуну удалось осуществить идею, которую он вынашивал еще на Земле, и его самолет «Корнет» побил все рекорды высоты.

Мы стали также и исследователями. Остаток своей жизни я провел в бесконечных экспедициях, составляя геологические и топографические карты, в одиночку или с двумя американскими коллегами, чуть позднее — с тремя моими старшими сыновьями: Бернардом, Жаком и Мартеном. Я облетел всю планету, плавал почти во всех океанах, побывал на бесчисленных островах и многих континентах. А какие великие открытия мы делали! Впрочем, и техника у нас была такая, о какой ни Колумб, ни Васко да Гама не могли даже

и мечтать! В шестидесятиградусную жару я задыхался на экваторе, замерзал на обоих полюсах, сражался или заключал союзы с красными, черными и желтыми ссви, противостоял кальмарам и гидрам, которые по-прежнему внушали мне непреодолимый страх. И всегда меня сопровождал Мишель, а дома, порой по несколько месяцев, ждала Мартина. Я не хочу приписывать славу всех этих открытий себе одному: они были бы невозможны без мужества и находчивости моряков или летчиков, которые участвовали вместе со мной в экспедициях! О неоценимой помощи Мишеля не стоит и говорить, да и без безграничной преданности моей жены я бы, вероятно, не перенес ту ужасную болотную лихорадку, которая приковала меня к постели на целых полгода по возвращении из третьей экспедиции. Мартина трижды сопровождала меня, без единой жалобы разделяя со мной все тяготы и опасности путешествий.

И я был такой не один! Страстное стремление к открытиям овладело всеми нами. Что сказать, допустим, о беспримерном подвиге Пола Брингера и Натаниэля Хоуторна, которые вдвоем на машине отправились на юг, объехали по побережью весь «Старый Материк», разбили автомобиль за семь с лишним тысяч километров от Новой Франции и все-таки вернулись пешком, пройдя все эти тысячи километров среди голиафов, тигрозавров и враждебных туземцев? А что сказать о приключениях капитана Унсета, свояка Мишеля, который со своим сыном Эриком и тринадцатью матросами за семь месяцев и двадцать дней совершил первое кругосветное плавание на борту «Отважного»?

Через двадцать лет после первого визита мы с Мишелем еще раз побывали на острове Тайны. Там ничего не изменилось, только песок еще больше занес обломки странного аппарата. Снова войдя в кабину, где высохшая черная рука все еще сжимала рычаг управления, мы увидели на полу свои собственные следы, сохранившиеся в закрытом помещении. На обратном пути мы посетили город катапульт. На сей раз с нами был сын Взлика, Ссиу, и с его помощью нам удалось вступить в переговоры с красными ссви, знающими сталь. Их вождь показал нам высокие примитивные домны, где ее выплавляли, и согласился рассказать нам легенду.

Пятьсот с лишним теллусийских лет назад к песчаной отмели чуть южнее теперешнего поселения ссви пристала «лодка, которая шла по воде сама». Из нее вышли три странных существа. Будучи атакованными, они защищались, «метая язычки пламени». «Не короткие стрелы, которые делают «бум», как у нас, — уточнил вождь, — а длинные голубые язычки пламени».

Через несколько дней ссви застигли их ночью врасплох и захватили в плен. Из-за этих существ в племени поднялся яростный спор, уже никто и не помнит, по какому поводу, но половина красных ссви откололась и ушла на север. Это были предки Взлика.

Чужаки выучили язык ссви и научили их плавить металл. Дважды они спасали ослабленное племя от нападения сслипов, «метая язычки пламени». Казалось, они все время чего-то ждут с неба. Потом они все умерли, но перед смертью написали большую книгу, которая, как реликвия, хранится вместе с другими принадлежавшими им вещами в священной пещере.

Я попросил описать пришельцев. Вождь не смог этого сделать, но отвел нас в храм. Там очень-очень старый ссви показал нам образцы наскальной живописи: на них были изображены три двуногих черных существа с головой и телом, похожими на человеческие, но с очень длинными руками, свисающими чуть ли не до земли, и всего одним четко прорисованным глазом посреди лба. Если изображенные рядом ссви были взяты в правильных пропорциях, рост этих существ должен был достигать, по моим расчетам, двух с половиной метров.

Мы попросили показать нам их вещи: то были три книги с металлическими страницами, похожие на ту, что мы нашли на острове Тайны, несколько более понятных инструментов и остатки оружия, которое «метало язычки пламени». Это оказались три трубки 70-сантиметровой длины, расширявшиеся на концах и плакированные изнутри платиной. Обрывки проводов на других концах, должно быть, соединяли трубки с исчезнувшей частью. Вероятно, эти существа не захотели оставлять слишком мощное оружие в руках дикарей.

И наконец, мы увидели книгу, написанную на пергаменте, толщиной примерно в пятьсот страниц, испещренных такими

же знаками, что и металлические книги. Когда я посетовал, что вряд ли кто-либо сможет их разобрать, старый ссви заявил, что книга написана на их языке, и он умеет ее читать. После долгих колебаний ссви взял книгу и, держа ее, вероятно, даже вверх ногами, начал декламировать:

— Тилир, Тилир, Тилир! Тем, кто придет слишком поздно, привет! Мы надеялись до последнего часа. Теперь двое уже мертвы. Мы никогда больше не увидим Тилир. Будьте добры к ссви, которые приняли нас хорошо...

Тут Ио — так его звали — умолк.

— Дальше я не умею, — добавил он.

Мне удалось узнать от него, что первые строки книги, выученные им наизусть, передаются от жреца к жрецу вот уже много поколений, и что слово «Тилир» должно было послужить своеобразным паролем, если бы на Теллусе высадились соотечественники чужаков. Он признался мне также, что книга была двойной: первая ее половина написана на языке ссви, а вторая — на языке пришельцев. Как бы то ни было, это давало бесценный ключ к расшифровке, и я тщательно скопировал всю книгу.

Сколько раз я потом предавался фантазиям, склоняясь над потемневшими от времени страницами со странными буквами! Сколько раз я забрасывал повседневные дела, чтобы с помощью Взлика приступить к переводу! Но в конечном счете мне никогда не хватало на это времени. С трудом разобрав то тут, то там отдельные фразы, я разжег свое любопытство, но так его и не удовлетворил.

В книге шла речь о Тилире, чудовищах, катастрофах, льдах и страхе... Теперь она хранится в городе Унионе, где мой внук Анри и внук Взлика, «очеловеченный» ссви Хои, пытаются ее перевести. Существа, которые написали эту книгу, прилетели с ближайшей от нас внешней планеты, названной нами Арес, что соответствует древнему Марсу нашей старой солнечной системы. Быть может, я еще доживу до того дня, когда наши внуки разгадают эту тайну. Но им бы лучше поторопиться!

Нами начертан путь, по которому предстоит идти вам. Мы решили все проблемы, какие только нужно было решить. Двух наиболее важных мы, правда, даже и не коснулись. Первая — это проблема сосуществования на одной планете двух

видов разумных существ. Тут может быть лишь три выхода: *наше* уничтожение — для нас это, естественно, самое худшее; уничтожение ссви — чего мы никоим образом не хотим; и, наконец, самое разумное — признание за ссви полного равенства, что влечет за собой их интеграцию в союз Объединенных Государств Теллуса. Американцы пока противятся этому, для меня же этот вопрос вообще не стоит. Ссви такие же разумные существа, как и мы, а кое в чем они даже нас, возможно, и превосходят. Взять хотя бы математический труд Хои — лишь немногие из нас его понимают!

Второй проблемой является сосуществование, в пределах одной солнечной системы, двух разумных рас, если, конечно, неизвестные существа с острова Тайны действительно явились с Ареса. Если они вернуться на Теллус раньше, чем мы сумеем покорить Космос, мы, вероятно, еще обрадуемся тому, что имеем ссви в качестве союзников!

Эпилог

Вот и весь рассказ. Дневники я только что сжег. В небе сияет Гелиос. Соль уже закатился. Из моего дома на окраине Кобальт-Сити я вижу поля, где колышется все еще зеленая пшеница. Из школы вернулся мой правнук Жан. Вдалеке пролетает самолет, кругом тишь да гладь. На улицах ссви разговаривают (по-французски!) с горожанами. В Кобальт-Сити теперь двадцать пять тысяч жителей. Из окна мне видна расположенная на вершине горы Мон-Пари обсерватория, где моему дяде посчастливилось завершить изучение Ареса с помощью большого телескопа, который мы все-таки перевезли сюда более сорока лет тому назад. Вот мимо прошла внучка Мишеля, Мартина, как две капли воды похожая, пусть она и блондинка, на *мою* Мартину. Она и мой внук Клод... Впрочем, это — будущее. Ваше будущее, граждане Объединенных Государств Теллуса...

О романе «Робинзоны космоса», частичной карте Теллуса, СССВ, ССЛВИПАХ и американцах.

Дело было зимой 1957–58 годов, где-то под Сретение. Я учился в четвертом* классе, где курс естественных наук был направлен на геологию, и мне очень нравились геология и карты. Но не просто абы какие карты: обычные географические, типа «рудниковые бассейны севера Франции», меня ничуть (и вероятно, зря) не интересовали. И напротив, бассейн реки Конго (каким был маршрут Стэнли?), Андийские Кордильеры (где разбился самолет Гийоме? где находился «Храм Солнца»? или Великий Север («Белый Клык», где всё это происходит?) — очень даже...

* Французская система *среднего* образования сильно отличается от нашей, поэтому слово «четвертый» не должно вводить читателя в заблуждение: обучение в колледже у них идет с 6 по 3 классы (именно так, и не иначе), и уже в 5-ом классе ученики получают определенный уровень знаний по языкам, физике, химии. После 3-го класса (периода «профессиональной ориентации») школьники сдают итоговый экзамен и получают диплом, после чего желающие могут поступить в интересующий их лицей.

Грубо говоря, 4-й класс французского колледжа приблизительно соответствует 8-му классу нашей средней школы.

(Примеч. переводчика)

Словом, я попросил отца одолжить мне ненадолго карту, которую он нарисовал к «Робинзонам космоса», и в энный раз начал перечитывать роман о том, как бронированный грузовичок разъезжает по всему Теллусу с исследовательскими целями, но на сей раз я пытался отследить его путь по карте. И очень быстро я осознал, что «что-то не так»: карта оказалась неверной. В первый день исследователи Теллуса проехали 300 км на юг: по карте — 1,5 см... ладно. Но во второй день то были уже 350 км на юго-восток: по карте — почти 7 см... Что-то не стыковалось. И потом, там была такая *гора Тьмы* — «Mont-Ténèbre». Исходя из своих свежеприобретенных геологических знаний, я задавался вопросом: что она делает в полном одиночестве в регионе, начисто лишенном любой вулканической активности? Были и другие мелочи, которые я раньше принимал без особых проблем, но которые теперь вызывали у меня вопросы.

Как-то вечером я рассказал об этом отцу, на что он вначале ответил, что писал «Космическое Приключение» главным образом развлечения ради и что нарисованная им карта являлась своего рода «памяткой», которой он пользовался во избежание серьезных неслучайностей в том, что касалось тех или иных местоположений. Тогда я предложил ему нарисовать «настоящую» карту, то есть соответствующую роману... и геологии. Что я потом и сделал — с его, конечно же, помощью.

С тем, чтобы сделать карту «соответствующей роману», проблем не возникло: достаточно было увеличить к югу «болота гидр», немного переместить холмы и возвышенности, и так далее. Что касалось горы Тьмы, то она своим существованием была обязана разлому, разлому, из-за которого нефтяные скважины находились чуть севернее, а водопады Везера — чуть южнее; выстроив на карте в одну линию нефтяные скважины, гору Тьмы и водопады Везера, мы добились определенного геологического правдоподобия. Также мы немного изменили течение рек, добавили недостающие рельефы и переместили прибрежные болота и Волшебное озеро.

Эта перерисованная карта у меня, увы, не сохранилась, но я прекрасно ее помню, и карты Теллуса, которые я нарисовал

для данного издания, почти полностью ей соответствуют. Я говорю «почти полностью» потому, что спустя несколько лет произошли и другие «изменения», касающиеся Теллуса.

На сей раз это случилось где-то между 1963 и 1965 годами. Я тогда был студентом, и мы с отцом имели обыкновение обсуждать по вечерам вдвоем в библиотеке не только «серьезные» темы, но и научную фантастику. Я в то время уже бегло читал по-английски — почти как по-французски, — и прочел, к примеру, все номера журнала «Astounding» начиная с январского за 1945 год. В тот вечер мы говорили о тщательности, с которой некоторые авторы, вроде Спрэга де Кампа или Пола Андерсона, стараются изобразить «правдоподобными» иные миры, сколь необычными бы эти миры ни были, и внеземные цивилизации, сколь странными бы ни были привычки и обычаи, которыми авторы эти цивилизации наделяют. В итоге мы перешли к разговору о его собственных романах, в частности, о первом таком мире, который он создал *ex nihilo** — о Теллусе.

И тут ссви (да и сслвипы) вызывают определенные вопросы. В «Робинзонах космоса» они описаны бегло, я бы даже сказал, поверхностно, и некоторые их поступки едва ли не противоречивы. К примеру, как объяснить тот факт, что ссви отдали землянам почти треть своей территории? К тому же эту территорию уступил землянам Слиук, являющийся вождем лишь одного из одиннадцати племен, проживающих в данном регионе... «Женщины» ссви откладывают два яйца в год, и потенциально ссви живут до сотни лет, что предполагает довольно-таки долгий период плодовитости. Даже если он длится всего двадцать лет, это может принести каждой супружеской паре ссви сорок потенциальных детей, и, следовательно, огромный потенциальный процент прироста населения! И это не единственные «загадки».

Объясняются эти «противоречия» очень просто: мой отец написал обычную сказку, не задумываясь о проработке деталей.... Он мог бы на этом и остановиться, но все же попытался придумать интересную историю, культуру ссви, которая одновременно и «правдоподобна», совместима с рассказом Жана

* Из ничего (*лат.*)

Бурна, и полна противоречий. Этим-то мы и занимались в тот вечер, да и в другие вечера тоже. Я говорю «мы», но фактически идеи подкидывал мой отец — я был при нем таким Ватсоном. Так что ничто не было записано, мне приходится полагаться на свою память. Но я думаю, что главное я помню.

Отталкиваться здесь нужно вот от чего: все, что мы знаем о ссви, — это то, что нам о них поведал рассказчик, Жан Бурна, и мы берем в качестве гипотезы, даже в качестве постулата — иначе наш демарш был бы бесцельным, — что все то, что относится к ссви в рассказе Бурна, фундаментально точно и соответствует фактам. Но Бурна был прежде всего геолог и человек действия. Если сообщаемые им факты не должны в принципе ставиться под сомнение, то та интерпретация, которую он им дает, является всего лишь интерпретацией, поверхностной и неполной. Впрочем, он находит этому оправдание: его рассказ адресован потомкам, которые день изо дня живут вместе со ссви. Если бы рассказчиком был Бреффор, этнограф, или Поль Бурна, историк, мы узнали бы, вероятно, гораздо больше деталей, и не только сразу же бросающихся в глаза. Вот как — в упрощенном, конечно, виде — представляют себе ссви и сслвилов Бреффор и Поль Бурна:

Примерно за 2000–2500 лет до прибытия землян климат Теллуса был совершенно иным. Как и сейчас, существовала экваториальная зона с удушливым климатом, затем — по порядку, к северу и к югу — зона теплого и влажного климата, благоприятного для лесов, зона более умеренного и более сухого климата, где преобладает саванна, затем степная зона.

Предки ссви жили тогда в зоне саванн, которая простиралась от 25° до 40° северной широты на интересующем нас континенте. Охотничий народ широких просторов, они находили там огромные стада дичи, что позволяло им жить относительно легкой жизнью. Южнее, в лесу, жили предки сслвилов, которые существовали за счет добычи «ссувула», сбора плодов и ловли мелкой дичи капканами во враждебной среде.

Затем климат изменился, что сопровождалось (или же было вызвано?) сильными тектоническими сдвигами (именно тогда и появилась гора Тьмы), и лес начал преобладать над саванной. Так как сама саванна, к северу, смогла отво-

евать лишь крайне незначительную часть территорий у степи, зона саванн сократилась и теперь располагается между 37° и 43° северной широты. Что до леса, который сменил саванну, то он отличался от того леса, который и дал ему рождение. Лишь некоторым растительным видам, некоторым «деревьям» удалась эта «миграция» к северу. В частности, «мох», повсеместно встречавшийся в первоначальном лесу, прижился лишь на 26° северной широты. А ведь этот «мох» жизненно необходим для цикла паразитов, которые нападают на сслипов (и на ссви тоже, так как ссви и сслипы принадлежат к одному и тому же виду) и которые ответственны за чрезвычайно высокий процент смертности, в частности, у молодых сслипов (и ссви) при выходе из яйца.

Общество ссви

Насколько далеко простирается их коллективная память, сотканная из мифов и легенд, ссви всегда жили в соответствии с системой кланов, разбитых на племена, которые сообщество уже и образовывали народ ссви (кстати, «ссви» означает всего-навсего «охотник» или «охота»). В том виде, какой ее описал Жан Бурна, их общественно-политическая система выглядит очень простой. В действительности же она крайне сложна и в нижеследующем обзоре представлена едва ли не чрезмерно упрощенной.

Основой любой системы является то, что, с одной стороны, ссви экзогамны (запрещены браки между «мужчиной» и «женщиной» из одного клана), а с другой стороны, «мужчина» в результате брака покидает свой клан и становится членом клана своей супруги. В любой момент, в любом клане, если все женщины «рождены в клане», все женатые мужчины являются выходцами из других кланов или же других племен. Следует также добавить, что и среди присутствующих в клане холостых мужчин также встречаются выходцы из других кланов: считается, что они просто «охотятся вместе с данным кланом». Речь идет о «женихах» молодых женщин клана (таково было положение Взлика, «жениха» Ссуай, дочери вождя Слиука, когда он повстречался с землянами),

то есть о достигших брачного возраста молодых мужчинах, которые «совершают обход кланов» в поисках спутницы жизни. Вследствие того, что родители молодой женщины должны дать свое согласие на брак, период «помолвки» является испытательным периодом, во время которого юноша демонстрирует (или пытается продемонстрировать), что он станет подходящим зятем, достойным принятия в клан.

Женщины, таким образом, играют главную роль, так как именно от них зависит непрерывность клана, именно они представляют собой самобытность клана. Кстати, выражение «женщины ссви» является ошибочным, так как термин «ссви» применяется только по отношению к мужчинам. Женщины зовутся «вссивссоссва», что можно перевести как «вчера-сегодня-завтра» или же «прошлое-настоящее-будущее». К тому же, они тоже носят оружие, так как именно они должны защищать лагерь и детей, когда мужчины находятся в охотничьих походах, которые порой могут длиться более двадцати дней. Фактически, во время этих походов мужчины должны не только отследить и убить дичь, но и разделать тушу и закоптить мясо прямо на месте забоя. Женщины занимаются еще и выращиванием туземных злаков.

С точки зрения религии ссви, в принципе, монотеисты: они верят в Бога-Создателя, сссс, который в общих чертах «правит ходом мира». Правда, никакого культа сссс — который априори недоступен, невозмутим и в какой-то мере безучастен — не существует. Между сссс и видимым миром пролегал мир могущественных сил, а также мир предков. Эти миры устроены чрезвычайно запутанно. С одной стороны, есть «мужские» могущественные силы, которые влияют на охоту. Внешне все устроено так, что перед ними якобы ходатайствует вождь клана, но в действительности в каждом клане есть «тайный шаман», который и является настоящим посредником. С другой стороны, есть «женские» могущественные силы, еще более скрытые. В том, что касается мира предков, все еще более сложно: женские предки «узурпированы» их кланом, или скорее женщинами их клана, тогда как мужские предки принадлежат всему народу ссви, хотя и женские, и мужские предки «живут» в одном и том же «мире».

Когда вождь клана умирает, его преемником становится не сын, а один из зятьёв, выбранный им же заранее после консультации с «советом», в который входят женщины и главой которого является его жена, дочь предыдущего вождя.

В каждом клане существует «женская династия», так как, априори, мать, бабушка и т.д. жены вождя клана сами были женами и дочерьми вождей клана.

Для вождей племен все происходит примерно так же. В каждом племени есть клан, который называется «клан вождя». В нем сосуществуют вождь клана и вождь племени, который находится «вне клана». Дочери последнего обязаны соблюдать усиленную экзогамию: дочь вождя племени должна найти мужа не только вне своего клана, но, кроме того, и вне своего племени. Стало быть, Взлик был выходцем из другого, нежели Слиук, племени. Как и в случае с вождями клана, преемником вождя племени становится один из его зятьёв. И хотя это не препятствует априори «браку по любви», очевидно, что, для того, чтобы добиться согласия родителей дочери вождя клана или вождя племени, ссви должен быть не просто «обычным охотником».

«Правительство» ссви, которое также является верховным судом и наивысшей «религиозной властью», формирует совет, который состоит из вождей одиннадцати племен и собирается в полном составе лишь по исключительным случаям и тайно, но члены которого контактируют между собой через посыльных или посредством дружеских визитов. Внутреннее устройство этого совета представляет собой одну из наиболее тщательно оберегаемых ссви тайн. В частности, хотя племен всего одиннадцать, и, соответственно, вождей тоже одиннадцать, в совет входят *двенадцать* членов... Неужели существует «вождь среди вождей»? Или же ссви практикуют «поочередное правление»? Или же... Все происходящее на совете за его пределы никогда не выходит. С уверенностью можно сказать лишь одно: помимо «заметных» решений, он принимает и менее «видимые», то есть такие, о которых вообще мало кто знает...

Так как на Теллусе нет смен времен года, биологические ритмы ссви, как и биологические ритмы большинства существ, проживающих на планете, связаны с движением

«лун», движением сложным, потому что лун на Теллусе целых три. В силу того, что перемещения дичи частично также обусловлены этими ритмами (в частности теми, которые связаны с размножением), ссви имеют «лунный» календарь и разработали поразительно прогрессивную — учитывая тот факт, на какой стадии находится их цивилизация — математику. Пусть у них и нет письменности, с помощью которой можно было бы транскрибировать речь, их «математики-астрономы-метеорологи» используют символические нотации. Проводя земную параллель, ссви — они как мадленцы, познавшие «Элементы» Евклида.

Бурна пишет, что женщины ссви откладывают два яйца в год, что в среднем приблизительно верно. Но численность населения — на момент прибытия землян она равнялась примерно 100 000 особей — остается более или менее стабильной по нескольким причинам. Во-первых, ссви практикуют сознательный контроль рождаемости; самый простой способ — не насиживать снесенные яйца. Если в начале брака яйца систематически насиживаются, то затем они либо насиживаются, либо нет в зависимости от судьбы уже родившихся детей. Во-вторых, надежда на то, что новорожденный ссви будет жить, и жить долго, крайне мала, и в процентном соотношении лишь немногие из родившихся живыми ссви доживают до зрелого возраста: мало того, что существует «естественная» детская смертность, так еще и...

Примерно лет до шести (точное число зависит от совпадения лун) детей воспитывает мать. В шесть лет «мальчиков» препоручают замужней сестре матери (за неимением таковой — любой ближайшей замужней родственнице), что становится для них первым разрывом с биологической семьей. Второй происходит, когда они покидают клан, чтобы жениться. Муж сестры активно участвует в их воспитании. «Девочки» остаются с настоящими родителями, в частности с отцом, которому их мужья становятся «сыновьями».

В возрасте (примерном) 12, 18 и 24 лет мальчики проходят обряды инициации, все более и более трудные... и смертоносные. После заключительного, если его проходят, проще говоря — если остаются в живых, они становятся «совершен-

но взрослыми» и могут выбирать себе жену. Это испытание называется «Долгая Охота».

Разукрасив тело традиционными знаками при помощи экстрактов растений, молодой ссви отбывает на север, в степь. Последний встретившийся на его пути клан выделяет ему эскорт из шести охотников, и вместе с ними он продолжает двигаться к северу до тех пор, пока полуденное солнце не создаст определенный угол с горизонтом (угол этот соответствует 52° северной широты). Тогда эскорт его оставляет — совершенно нагого, без еды и без оружия — на широте, которая является для него слишком холодной, и в неизвестной среде, в степи. Суть испытания заключается в том, чтобы вернуться в свой клан без чьей-либо помощи (каковую никто ему, впрочем, и не предоставит: если, к примеру, группа охотников-ссви увидит, что на проходящего данное испытание юношу напал тигрозавр или сслвицы, вмешиваться они не станут). Многие так никогда уже и не возвращаются.

После «Долгой Охоты» молодой ссви становится охотником. Но если он хочет иметь возможность когда-нибудь жениться на дочери вождя, он должен успешно пройти последнее испытание, на которое не многие соглашаются и из которого лишь единицы выходят с честью. Испытание это заключается в том, чтобы, предупредив клан, отправиться в одиночку в саванну и вернуться оттуда лишь после встречи с тигрозавром, которого молодой охотник должен вызвать на бой (что нетрудно: тигрозавр только того и ждет...) и убить.

Это испытание проходят только раз. Но Взлик в определенном смысле прошел его дважды — во второй раз, конечно, сам того не желая, но в обстоятельствах, которые принесли ему непререкаемый авторитет. «Ухаживая» за Ссуай, он должен был по традиции попросить руки девушки у ее отца Слиука, чтобы стать «официально признанным женихом», и подобный демарш должен был сопровождаться «подношением дичи», как правило — вссилвира. Взлик отправился один на охоту, объявив, что он, согласно традиции, идет «искать дичь для Ссуай», и случайно наткнулся на тигрозавра, которого сумел одолеть. Его-то Взлик и принес в качестве «подношения» Слиуку, и это было интерпретировано как знак могущественных сил, чем и объясняется «политический вес» Взлика...

Таким образом, вся общественно-политическая система ссви позволяет сделать вывод о глубоком единстве этого народа и предполагает невозможность клановых или племенных войн.

Общество ссвилов

До климатических изменений предки ссвилов жили скорее даже жалко в лесной зоне, между 20° и 25° северной широты на юге материка. Частично они существовали за счет ловли мелкой дичи капканами и сбора плодов, но основой их питания и их общества был «ссувул».

Ссувул (или скорее «ссувулы», так как их есть несколько видов) — это «дерево», из ствола которого добывают густой и вязкий сок, богатый всевозможными питательными элементами. Внешне ссувулы напоминают графин с очень длинным узким горлышком или же вазу для одного цветка. У наиболее распространенного вида ствол в основании представляет собой цилиндр двух с половиной метров диаметром и высотой четыре — пять метров. Затем он сужается, становясь похожим на усеченный конус, до диаметра 80 см и далее поднимается на высоту в 15–20 м, пробивая лесной свод. На верхушке, подкрепленной толстыми прожилками, развертываются двенадцать больших «листьев», немного похожих на листья бананового дерева, которые на протяжении дня следуют в своем направлении за Гелиосом. Не будучи действительно редким «деревом», ссувул произрастает крайне неравномерно. Он практически никогда не растет изолированно: там, где вы найдете один ссувул, в радиусе 500 м у вас есть все шансы обнаружить, среди прочих деревьев, еще семь или восемь его собратьев. И напротив, подобные средоточия, или скорее «колонии», удалены на несколько километров одна от другой. Их, как правило, находят в тех частях леса, которые, не являясь прогалинами, все же менее густые, тогда как в наиболее низких и влажных зонах они вообще не встречаются. Колония ссувулов живет лет двадцать. По истечении этого времени листья на всех «деревьях» колонии одновременно «хиреют» и сворачиваются

клубком. На верхушке ствола, посреди круга, образованного вновь зарождающимися листьями, возникает шарообразный нарост, который дней через десять уже имеет размеры бильярдного шара и продолжает расти до тех пор, пока не достигнет вдвое большего диаметра, чем сам ствол дерева, то есть почти 1,5 м. Эта сфера имеет двойные стенки, и между двумя такими перегородками находятся миллиарды «спор», в то время как центральная сфера под высоким давлением наполняется углекислым газом. В один и тот же день сферы всех членов колонии взрываются, выбрасывая споры на ветер, и ссувулы умирают. Но вот уже почти как год они больше не давали сслвипам столь необходимого им сока.

Экстракция сока происходит у сслвипов следующим образом. На метровой от земли высоте они срезают крайне толстую «кору» ссувула на поверхности в 10–20 см диаметром, уходя в глубину, если можно так выразиться, сантиметров на десять и добираясь тем самым до «внутренней коры». Затем в глубине этой дыры они снимают своеобразную кожицу до 2 мм толщиной. За этой кожицей «дерево» имеет видимую структуру пемзы, и сок сочится из множества пор. Подобное сокопускание, если его поддерживать — а для этого нужно лишь ежедневно соскребать кожицу и не давать коре ссувула закрыться, — приносит от двух до четырех литров сока в день (а это пищевой рацион пары взрослых особей) на протяжении всей продуктивной жизни дерева, то есть в среднем лет пятнадцати.

Один ссувул не «выдерживает» более трех активных сокопусканий одновременно. При большем их количестве дерево чахнет. Тем не менее с одного ссувула легко можно получать до 200–300 литров сока в день при более глубоком сокопускании, которое достигается за счет дополнительных надрезов (до 10 см глубиной) вокруг кожицы в глубине дыры. Но, как правило, в итоге это приводит к преждевременной смерти дерева, и колония безвозвратно теряет одного из своих членов.

О жизни предков сслвипов до климатических изменений известно не столь уж и многое. Они обитали в лесу, в небольших «фамильных деревнях», по 50–60 особей, причем каждая такая деревня была связана с колонией ссувулов, в центре

которой она и располагалась. Типичное население деревни состояло из «вожака» и трех-четырёх его жен, нескольких его братьев с женами, нескольких его — и его братьев — взрослых сыновей с женами, подростков, детишек и иногда пары-другой стариков. Почти все работы, за исключением ловли дичи капканами и обороны деревни, лежали на плечах женщин и детей. Деревни были объединены в «племена» самой различной численности. Связи между деревнями одного племени, как правило, ограничивались обменом женщинами и взаимопомощью, особенно для защиты от других племен и приобретения колоний ссувулов. По сути, соперничество между племенами за колонии ссувулов, «ссувульная война», шло постоянно.

Деревне приходилось мигрировать, когда колония ссувулов, от которой она зависела, подходила к концу своего цикла и вымирала. Для этого нужно было заранее обеспечить себе владение иной молодой колонией ссувулов, на которую зачастую претендовали и другие племена. Если это не удавалось, члены деревни, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были скитаться как какая-нибудь банда, нападая на другие деревни и промышляя воровством ссувулового сока с чужих деревьев за счет новых, более глубоких надрезов.

Затем произошли климатические изменения. Лесов к северу становилось все больше, и среди деревьев, колонизировавших эту новую среду, находились два вида ссувулов. Пусть они и давали сок достаточно высокого «качества», до сих пор эти «ссувулики» оставались на вторых ролях. Достигая в высоту лишь десяти метров, они не образовывали колоний и росли скорее отдельно, в лесах высокогорий — где они все же встречались не столь часто — или же на опушках. Новый климат был для них крайне благоприятным, и они оказались сверхприспособленными, если можно так выразиться, в своем завоевании сделавшейся более влажной саванны. Избавленные, ко всему прочему, от конкуренции с теми видами, которые *не* мигрировали, они быстро распространялись, став вскоре основным деревом «нового леса». С другой стороны, будучи более разреженным, новый лес изобиливал дичью; главным образом, то были виды средних размеров, которые прежде встречались в пограничной зоне между саванной и лесом.

Не испытывая недостатка в пище и не подвергаясь на этих новых землях давлению паразитов, о которых мы говорили в начале обзора, популяция сслвилов быстро увеличивалась по мере расширения леса. Племенные войны, однако, продолжались еще довольно-таки долго, хотя их основной мотив — соперничество за ссуул — исчез. Но лет за 150 до прибытия землян среди сслвилов появился свой Чингисхан или, если хотите, Аттила. Обладая «магическими способностями» (религиозные верования сслвилов основываются на своеобразном анимизме, а обряды — на «колдовстве»), он провозгласил себя Пророком, стал вождем племени, завоевал и объединил под своим началом соседние племена и начал создавать империю на территориях ссви Запада, между океанским побережьем и Великой Рекой. Его целью было забрать у ссви их богатые охотничьи территории, для чего нужно было их истребить: так началась война между ссви и сслвилами.

Война между ссви и сслвилами

До недавнего времени ссви и сслвилов практически не контактировали. Ссви боялись леса, «территории злых сил», где они в любом случае не смогли бы выжить, и они всегда с легкостью отражали спорадические и дезорганизованные набеги небольших отрядов сслвилов в саванну.

С приходом к власти сслвиловского Вождя-Пророка ситуация изменилась. Продвижение леса закончилось еще несколько поколений назад, и теперь его северная граница проходила по долине реки Исвилсиуул на западе и нижней части огромных склонов, постепенно спускавшихся с гор Бссер (Неведомых гор) на востоке. После того как климат сделался более сухим, в какой-то мере наметилось даже обратное движение. Но популяция сслвилов увеличивалась из года в год. Вторжения сслвилов в саванны в погоне за крупной дичью, ведущей стадный образ жизни — обычной дичью ссви — повторялись все чаще и чаще. Когда Вождь-Пророк объединил несколько племен, эти вторжения превратились в настоящие организованные рейды, с воинами, сопрово-

ждавшими охотников для защиты от ссви. С другой стороны, за последние несколько веков охотничье и боевое вооружение сслвилов заметно улучшилось. Когда они обитали в своем первоначальном лесу, то пользовались коротким луком, посылающим стрелы на весьма небольшие расстояния: такой тип лука лучше всего подходил для густого леса, где в любом случае видимость по прямой линии составляет не более нескольких метров. И напротив, в разреженном лесу, и тем более в саванне, где дичь более крупная и стрелять нужно издали, он приносил мало пользы. Сслвилов пытались подделывать длинный лук ссви, но получалось это у них не слишком успешно. Они не обладали сметливостью и сноровкой ссви, а главное — не располагали «деревьями, из которых делают луки», которые произрастают лишь у северной границы саванны. Но лет за сто до прихода к власти Вождя-Пророка в его племени был изобретен композитный лук. Впоследствии сслвилов его усовершенствовали и в итоге получили луки не менее мощные, чем те, что имелись у ссви.

Как-то ночью полчища сслвилских воинов вплавь пересекли Исвилсувл, в то время как другие полчища устремились на земли ссви, пройдя через южную оконечность Неведомых гор. За несколько дней сслвилов достигли прибрежной реки Ссерсиул и главного притока «Дронны», практически целиком истребив два племени ссви. Захваченные врасплох, ссви быстро пришли в себя и организовали оборону. Первый бой, прошедший рядом с небольшими возвышенностями, у которых берет начало река Ссерсиул, они дали сслвилам, пришедшим с востока. При численном равенстве ссви легко бы одержали победу. Индивидуально более сильные и быстрые, более выносливые (что немало важно при длительных перебежках), они сражались на местности, которую прекрасно знали и из которой умели извлекать выгоду. К тому же, коллективные выезды на охоту научили их координировать свои действия и проявлять инициативу. Наконец, они сражались для того, чтобы защитить свою территорию. Соотношение потерь тоже было для них весьма благоприятным: на одного погибшего ссви приходилось десять-двенадцать расставшихся с жизнью сслвилов. Но неприятель в разы превосходил их численно:

в этом первом — и последнем — бою ссви было всего пять-шесть тысяч против шестидесяти с лишним тысяч сслвилов. Однако, когда в конце дня примерно трем тысячам ссви удалось отойти в глубь своей территории, сслвиловы, потерявшие на поле брани около половины своего войска, решили приостановить продвижение. Но оставалась и другая орда, более многочисленная — 70000? 80000 воинов? — которая переплыла Исвилсиувл и теперь стояла лагерем на южном берегу Ссерсиула, не говоря уж о вражеском подкреплении, продолжавшем прибывать и днем и ночью.

Для обсуждения ситуации собрался совет вождей. Сслвиловы располагали — уже на территории ссви — примерно 100000–120000 воинов, что почти равнялось всему населению народа ссви, включая женщин и детей, поэтому, даже добившись небольшой отсрочки, ссви все равно не могли выставить более 20000 воинов — максимум 30000, если брать еще и умеющих сражаться «женщин». Математически, учитывая индивидуальное и тактическое превосходство ссви, разбить сслвиловские полчища было, в принципе, возможно. Но, даже не зная о кампаниях этого полководца земной античности, совет отдавал себе отчет в том, что такая победа станет не более чем пирровой победой, и что крупное сражение, случись такое, с той же долей вероятности может закончиться для ссви и разгромным поражением. В любом случае, после подобных битв народ ссви еще долго не смог бы оказывать реальное сопротивление агрессорам, а новая такая же волна атак, столь же мощная, что и первая, представлялась практически неизбежной, так как популяция сслвилов при Вожде-Пророке превысила уже миллион особей.

В общем, совет решил практически без боя оставить территорию, простиравшуюся от «Дордони» до Исвилсиувла, южная половина которой и так уже была занята врагом, и сосредоточить силы позади естественных линий обороны, представленных нижним течением «Дордони» и правобережными откосами «Дронны» и ее притока, который американцы впоследствии назовут «Шенандоа». Под защитой воинов, начавших партизанскую войну против врага, два племени ссви, проживавших между Ссерсиулом и «Дордонью», а также жалкие остатки истребленных племен, пересекли «Дор-

донь» и «Дронну», оставив тем самым ссвлипам территорию в 250000 км². Дальше захватчики пойти не решились.

Установился какой-никакой, но все же статус-кво. На деле так и не отказавшись от своих «прав» на утраченные земли, ссви были не в состоянии вернуть их силой. Что до ссвлипов, то последних завоеваний им вполне хватало, тем более что они отлично понимали, какой ценой им может обойтись переправа за эти две реки. После кончины Вождя-Пророка, умершего через несколько лет, основной темой ссвлипской «политики» стали споры за освободившийся «трон», и так все и тянулось еще с сотню лет. Но лет за десять до прибытия землян, ссвлипы снова начали посягать на территории ссви после того, как на их собственных землях разразилась экологическая катастрофа, ими же самими и вызванная.

Охотясь в саваннах вот уже несколько тысячелетий, ссви практикуют выборочную охоту и «управляют» добычей. Каждый клан, каждый охотник знает свои стада — будь то вссилвиры, тссервилы или ссеуссэ, их обычная дичь, — как пастух знает своих баранов. Они не охотятся в репродуктивные периоды, не забивают производителей, самок, сопровождаемых детенышами, и слишком молодых животных. На охоте они убивают ровно столько животных, сколько им требуется для своих нужд, и коптят мясо прямо на месте охоты, мало чего оставляя стервятникам. За исключением «малой охоты» на случайную дичь, на какое стадо охотиться, сколько голов скота нужно забить и т.д., решает вождь клана после совещания с «охотоведами».

Не имея такой традиции, ссвлипы принялись охотиться безудержно и безрассудно. Понятия «репродуктивный период» для них просто-напросто не существовало. Не умея, как это получалось у ссви, приближаться к добыче на расстояние полета стрелы так, чтобы не спугнуть животных и иметь возможность спокойно прицелиться и выборочно убить нужных, они охотились с налету, убивая оставших, то есть, как правило, самок с детенышами и самых молодых животных. Не умея коптить мясо, они уносили с собой лишь некоторые части туши убитого животного, оставляя большую ее часть гнить прямо на месте забоя. На каждой коллективной охоте соперничество между охотниками приводило к тому, что

всякий охотник хотел показать самый впечатляющий результат, что, в свою очередь выливалось в абсолютно ничем не оправданные массовые забои животных. Наконец, там, где проживало 25000 ссви, поселилось около 400000 сслвипов. И всего за 80 лет крупная дичь практически исчезла с правого берега «Дронны». Так как в тот самый момент правнук Вождя-Пророка, согнав с трона узурпатора, пытался выказать хотя бы такую же харизму, какой когда-то обладал его предок, планы по завоеванию территории ссви в какой-то мере снова вернулись в повестку дня. В год прибытия землян новый вождь сслвипов снарядил несколько экспедиций, которые занимались поиском возможных путей прохода через «Неведомые горы» с целью внезапной атаки и протыпыванием оборонительных возможностей ссви. Появление землян стало для сслвипов малоприятной неожиданностью.

Прибытие землян

После короткой атаки на мост на Везере, где они испытали на себе всю мощь автоматического оружия, ссви решили присмотреться к землянам. Присутствие Взлика среди наблюдателей не было случайным: пусть он и не имел какого-то «официального» статуса, ему все же предстояло стать влиятельным вождем. Как рассказывает Бурна, на Взлика и двух его спутников внезапно напала группа сслвипов, и, раненный, он был подобран/пленен землянами. Если, поправившись, он и не пытался бежать, то лишь потому, что сразу же убедился, что никакой опасности он у них не подвергается, да еще в силу того, что теперь, по воле случая, он оказался в привилегированной позиции для осуществления своей наблюдательной миссии. На протяжении всей их поездки до Волшебного озера земляне находились под непрерывным наблюдением ссви, с которыми Взлик время от времени тайно общался знаками.

За время своего пребывания в деревне, в «земной зоне», Взлик смог вдоволь понаблюдать за этими «необычными существами». И, пусть они этого и не знали, те земляне, которые работали на нефтяных скважинах, также находились под наблюдением и защитой ссви.

По возвращении Взлика в племя на протяжении нескольких дней собирался совет вождей. Выслушав долгий доклад Взлика, они завалили его вопросами. После продолжительных дискуссий и споров прошли тайные церемонии, затем — новые дискуссии и споры. Но фактически решение было принято сразу же: ссви не могли позволить себе воевать одновременно и со сслвидами, и с землянами. Война против сслвилов, становившихся все более и более дерзкими в своих набегах, казалась неизбежной. И потом, от Взлика ссви знали, что земляне в любом случае уйдут на юг.

Но главное все же было не это: при подсчете неудобств и преимуществ союза с землянами, вторых оказывалось несравнимо больше. Во избежание войны ссви просто-напросто следовало выделить землянам часть своей территории. К тому же, землян интересовали возвышенности между «Дордонью» и «Неведомыми горами», район не слишком богатый дичью и редко посещаемый самими ссви: обрывистые склоны и зажатые между крутыми берегами равнины не благоприятствовали стадной жизни. А с другой стороны, именно через эту зону на земли ссви проникали сслвицы, именно оттуда следовало ожидать возможного нападения. В какой-то степени, земляне с их мощным оружием предстали для ссви (и для себя самих) своего рода охранниками границ. Заручись ссви поддержкой таких союзников, сслвицы вряд ли бы стали на них нападать.

Словом, решено было заключить союз с землянами, и вскоре те уже начали обживать в «Новой Франции». А затем пришли американцы.

Американцы

Для их размещения ссви уже не располагали столь уж большими свободными территориями. С другой стороны, именно потому, что американцы были гораздо более многочисленны и ссви не имели возможности предварительно за ними понаблюдать, ссви и относились к ним с гораздо большим подозрением. В итоге ссви предоставили им земли, располагавшиеся между «Дронной» и ее главным левобе-

режным притоком, земли, которые представляли собой не что иное, как обычную проходную зону между племенами, проживающими к востоку от Неведомых гор, и племенами Запада. Но главное — учитывая тот факт, что земли эти по-прежнему принадлежали им по праву, пусть их и изгнали с них сслвипы, — они отдали американцам регион, пролегавший между Исвилсиувлом и «Дордонью». В то же время они предоставили французам коридор на правом берегу Дордони и небольшую территорию в устье этой реки.

Со стратегической точки зрения ссви обеспечили себе тем самым двойной «буфер» между собой и западными сслвипами и одиночный «буфер», сформированный наиболее надежным союзником, каковым они полагали французов, между собой и американцами...

Подозрительность ссви в отношении американцев была, как это доказал инцидент, приведший к войне, в какой-то мере оправданной. Часть Соединенных Штатов, унесенная на Теллус Великим Катаклизмом, являлась в действительности частью штата Виргиния, то есть Юга, где значительная часть населения испытывала глубокие расистские чувства по отношению к «цветным». И в конце своего рассказа Бурна явно не преисполнен оптимизма...

Жорж Борд

БЕГСТВО ЗЕМЛИ

TERRE EN FUITE

1960

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ В ОКЕАНЕ ВРЕМЕНИ

глава 1

Странное происшествие

Я знаю: в то, что я собираюсь написать, никто не поверит. Однако же только я сегодня способен пролить хоть немного света на необычную личность Хорка, я хочу сказать — Поля Дюпона, самого одаренного физика, какой когда-либо жил на нашей планете. Как известно, он погиб одиннадцать лет тому назад вместе со своей молодой женой Анной вследствие произошедшего в лаборатории взрыва. По завещанию он назначил меня опекуном своего сына Жана и распорядителем всего имущества, так как родни у него не было. Именно поэтому в моем распоряжении оказались все его бумаги, все его неизданные заметки. Увы, их никогда не удастся использовать, разве что появится новый Шампольон, помноженный на Эйнштейна. И кроме того, мне досталась написанная по-французски рукопись, которую вам предстоит прочесть.

Я знал Поля Дюпона, можно сказать, с самого рождения, потому что я немного старше, и мы жили в одном и том же доме, теперь уже разрушенном, по улице Эмиля Золя в Перигё. Наши семьи дружили, и, насколько я себя помню, я всегда играл с Полем в маленьком садике, общем для наших двух квартир. Мы вместе пошли в школу и сидели за одной партой с первого класса до получения свидетельства о среднем образовании. Затем я выбрал отделение экспериментальных наук, тогда как Поль, согласно воле его отца, занялся элементарной математикой. Я говорю: «согласно воле его отца», инженера-электрика, потому что, как это ни странно для человека, совершившего настоящую революцию в физике, Поль никогда не был особенно силен в математике и вынужден был упорно трудиться, чтобы получить свой аттестат.

Его родители умерли почти одновременно, когда мы с Полем были в Бордо, где я писал свой реферат по естественным наукам, пока он обучался на подготовительных курсах, готовящих к экзаменам во ВТУЗы. Затем он поступил в Высшую электротехническую школу и после ее окончания устроился инженером на одну из альпийских гидроэлектростанций, которой заведовал друг его отца. Я в это время работал над моей докторской диссертацией. По правде сказать, он быстро продвинулся, потому что к тому времени, когда с ним произошло это странное происшествие, перевернувшее всю его жизнь, он был уже заместителем директора. Мы лишь изредка обменивались письмами. Моя должность заведующего сектором на факультете естественных наук в Тулузе не позволяла мне часто навещать Альпы, а каникулы я предпочитал проводить в Западной Африке. Словом, свидетелем этого происшествия я стал лишь по чистой случайности.

Возник проект создания еще одной плотины в соседней долине, и мы с профессором Маро отправились туда, чтобы изучить этот проект с геологической точки зрения. Так я очутился всего в сорока километрах от гидростанции, где работал Поль, и воспользовался этим, чтобы нанести ему визит. Он принял меня с искренней радостью, и мы весь вечер проболтали, вспоминая наши школьные и студенческие дни. Он говорил также и о работе, которая его живо интересовала, о проектируемой гидростанции и даже рассказал

о своем недавнем романе, впрочем, быстро закончившемся. Но ни разу — повторяю, ни разу — он не упомянул ничего, что относилось бы к теоретической физике. На первых порах довольно-таки холодный и недоверчивый, узнав человека получше, он либо совершенно замыкался в себе, либо, напротив, раскрывал перед вами всю свою душу, становясь наименее приятнейшим собеседником, однако я возьму на себя смелость утверждать, что я был единственным его закадычным другом. Я ничуть не сомневаюсь в том, что, если бы тогда он уже занимался теми исследованиями, которым предстояло его обессмертить, он бы дал мне это понять, пусть даже и намеками. На следующее утро я имел возможность наблюдать, как он копается в своих конспектах, и хотя я далек от математики, все же могу утверждать, что они не превышали уровень неплохого, но не более, инженера-электрика.

Я приехал к нему в понедельник 12 августа и намеревался уехать через день, но он настоял, чтобы я остался у него до конца недели. Происшествие произошло в ночь с пятницы на субботу, точно в двадцать три часа сорок пять минут.

Весь день стояла удушающая жара. После полудня я устроился под молодым вязом, затенявшим небольшой сад, и принялся приводить в порядок мои геологические заметки. Часов в пять вдалеке, на востоке, загрохотал гром, небо быстро заволочли тучи, и к семи часам стало совершенно темно, над горами разразилась гроза. Поль прибыл примерно через полчаса под проливным дождем и, как мне показалось, был весьма обеспокоен тем фактом, что не все молниеотводы на станции расположены достаточно высоко. Мы поужинали почти в полном молчании, и он извинился передо мной, сказав, что ночь ему нужно провести на работе. Около половины девятого я помог ему натянуть промокший плащ, затем поднялся в свою спальню. Я слышал, как от дома отъехал его автомобиль.

В десять я лег и уснул. Спал я плохо. Несмотря на прошедший в семь часов ливень, стояла все та же удушающая жара, а воздух, проникавший в комнату через открытое окно, напоминал мне сенегальский. Было двадцать три тридцать, когда меня разбудили необычайно мощные раскаты грома. Дождь еще не начался, но среди бегущих по небу черноватых,

чуть пообтрепанных ветром туч то и дело сверкали молнии. Дом Поля стоял над долиной, и сверху я видел, как молния трижды ударила в опоры как раз перед входом в здание электростанции. Слегка обеспокоенный, я уже хотел было позвонить Полю и поинтересоваться, все ли у него в порядке, но потом отказался от этой мысли, решив не мешать ему в тот момент, когда у него, вероятно, и без меня хватает забот. Я смотрел в окно, любуясь восхитительным зрелищем. По силе и мощи эта гроза превосходила все то, что я когда-либо видел во Франции, — нечто подобное мне доводилось наблюдать лишь в тропиках.

Внезапно прямо на электростанцию с неба опустился язычок фиолетового пламени. На сей раз это была уже не молния, а как бы длинный разряд электричества в трубке с разреженным газом, но усиленный тысячекратно! Фантастический огненный столб поднимался в небо и терялся в подрагивающих на манер расстроенной люминесцентной трубки облаках. Все те секунд десять, что длился этот феномен, вместо мощных и сухих раскатов обычного грома, я слышал нечто похожее на шуршание мнущегося шелка. Словно замороженный, я не мог оторвать от этого зрелища глаз. В тот самый момент, когда огненный столб коснулся крыши электростанции, все огни погасли, и в мертвенно-бледном свете долина наполнилась движущимися тенями. Затем все кончилось, и наступила крошечная тьма, озаряемая лишь вспышками обычных молний. Обрушился проливной дождь, заглушая все прочие звуки своим шумом водопада. Ошеломленный, я так и стоял у окна с добрую четверть часа.

Из оцепенения меня вывел зазвонивший внизу телефон. Я бросился в кабинет Поля и схватил трубку. Звонили с электростанции, и я узнал голос молодого инженера-стажера. С Полем произошел «несчастный случай», и меня просили немедленно приехать, прихватив по дороге доктора Прюньера, которому они не смогли дозвониться, так как обычная сеть вышла из строя. Дом Поля был связан с гидроэлектростанцией особым кабелем.

Я поспешно оделся и натянул плащ; еще несколько секунд у меня ушло на поиски ключа от гаража, где стоял мой мотоцикл. Двигатель завелся с первого же запуска, и я ринулся

в непроглядную тьму, разрываемую теперь лишь редкими молниями. Я разбудил врача, запрыгнул вместе с ним в его машину, и минут через пять мы уже были на месте.

На станции, которую освещали только подсоединенные к аккумуляторам аварийные лампы, царил атмосфера расстроенного муравейника. Молодой стажер немедленно повел нас в небольшой медпункт. Поль лежал на слишком короткой для него — я уже говорил, что он был настоящим великаном: 2 м 04 см? — койке, бледный и бездыханный.

— У него шок, — пояснил стажер. — Когда ударила эта странная молния, он стоял возле генератора переменного тока. Извините, я должен бежать. Тут всё, на станции, вышло из строя, столько всего нужно сделать, а я совершенно один — ни директора, ни инженеров, никого нет! И не позвонишь ведь — телефон-то не работает!

Но доктор Прюньер уже склонился над телом моего друга. Через пару минут он распрямылся:

— Обычный обморок. Но его нужно немедленно перевезти в больницу. Это, несомненно, шок, пульс очень слабый, и я боюсь...

Я вскочил, подозвал двух рабочих, и мы перенесли Поля в какой-то грузовичок, где уложили на наспех сооруженную из всего, что попало под руку, кушетку. Прюньер уехал с ними, пообещав держать меня в курсе дела.

Я уже и сам собирался покинуть станцию, когда вернулся стажер.

— Мсье Перизак, — проговорил он, — вы ведь бывали в тропиках; вам когда-либо доводилось видеть подобное явление? Говорят, там грозы куда более мощные, чем здесь.

— Нет, не доводилось! И я даже не слышал, что подобное вообще бывает. Из окна я наблюдал, как этот огненный столб опускался на станцию, — так, скажу я вам, ничего более невероятного я в жизни не видел!

— Я только что проверил генераторы. Они в полном порядке. Вот только...

Немного поколебавшись, он понизил голос, словно стыдясь и не будучи уверенным в том, что собирается сказать:

— Вот только индукции больше нет.

— Да что вы!

— Какой-то дебилизм, правда? Но что есть, то есть.
— А не подскажите, при каких обстоятельствах с мсье Дюпоном произошло это несчастье?

— Это мы узнаем, когда механик, единственный свидетель, снова окажется в состоянии разговаривать!

— Так его тоже задело?

— Нет, но он буквально обезумел от страха. Бормочет какие-то глупости. По правде сказать, то, что он рассказывает, звучит еще более дебильно, чем моя история с генераторами.

— И что же он говорит?

— Пойдемте, спрósите у него сами...

Мы вернулись в медпункт. Там на койке сидел мужчина лет сорока с бегаящими глазами. Инженер обратился к нему:

— Мальто, извольте рассказать другу мсье Дюпона, *что именно* вы видели.

Механик бросил на меня взгляд затравленного животного.

— Ну да, вы хотите, чтобы я говорил при свидетеле, а потом меня упрячут в психушку! И однако же всё, что я сказал, — это правда! Я видел, видел собственными глазами!..

Он почти кричал.

— Полноте, успокойтесь! Никто вас никуда не упрячет. Нам просто нужны ваши показания для отчета. К тому же, возможно, они окажутся нам полезными при уходе за мсье Дюпоном.

Механик все еще колебался.

— Ну, если так... А, да плевать я хотел на всё это!.. Поверите вы мне или нет — дело ваше. Тем более, я и сам не знаю, — может, я и впрямь свихнулся?

Он глубоко вздохнул.

— Ну вот, значит. Мсье Дюпон попросил меня проверить вместе с ним генератор № 10. Я стоял в метре от него, слева. Вдруг нам показалось, что воздух насытился электричеством. Вы бывали в горах? Тогда знаете, что это такое — когда ледоруб буквально-таки поет в твоих руках. Тут мсье Дюпон мне и говорит: «Сваливайте-ка отсюда, Мальто!» Я бросился в дальний конец машинного зала, но там дверь была заперта, и я обернулся. Мсье Дюпон все еще стоял около генератора, и по всему его телу пробегали синие искры. Я прокричал ему:

«Сюда! Скорее!» И тут весь воздух в зале засиял фиолетовым светом. Вот как в неоновой трубке, только свет был фиолетовым... До меня этот свет не добил примерно на метр...

— А Дюпон? — спросил я.

— Он бросился было в мою сторону, но вдруг замер. Смотрел куда-то вверх, и вид у него был весьма удивленный. Он стоял в самом центре светящегося столба, но это его, похоже, совсем не тревожило. И тогда...

Мальто умолк, несколько секунд колебался и наконец выпалил, словно бросился в воду:

— И тогда я увидел прозрачную человеческую фигуру, едва различимую. Она плыла по воздуху прямо к мсье Дюпону и была такой же огромной, как и он сам. Он, должно быть, тоже ее увидел, так как взмахнул рукой, словно желая оттолкнуть ее, и завопил: «Нет! Нет!» Фигура коснулась его, и он упал. Вот и все.

— А потом?

— Что было потом, я не знаю. От страха я грохнулся в обморок.

Мы вышли, оставив Мальто в медпункте. Инженер спросил меня:

— И что вы думаете обо всей этой истории?

— Полагаю, вы правы: этот парень просто обезумел от страха. В призраков я не верю. Если Дюпон поправится, он сам расскажет, как там всё обстояло.

Было уже пять утра, поэтому, вместо того чтобы вернуться домой, я зашел к доктору, забрал свой мотоцикл и помчался в больницу. Полю стало уже лучше, но в это время он спал. Остаток ночи я провел с доктором, которому рассказал фантастическую историю Мальто.

— Я его хорошо знаю, — заметил Прюньер. — Его отец умер два года назад от белой горячки, но сын, насколько мне известно, спиртного в рот не берет! Однако же...

Незадолго до рассвета сестра-сиделка предупредила нас, что Поль, по всей видимости, скоро проснется. Мы тотчас же прошли к нему. Он выглядел уже не таким бледным, правда, сон его был беспокойным, и он все время шевелился. Склонившись над ним, я перехватил его взгляд.

— Доктор, он проснулся!

Взгляд этот выражал бесконечное удивление. Поль оглядел потолок, голые белые стены, затем пристально посмотрел на нас.

— Ну что? — бодро спросил я. — Тебе уже лучше?

Сначала он не ответил, потом губы его зашевелились, но разобрать слов мне не удалось.

— Что ты говоришь?

— Анак оэ на? — отчетливо произнес он вопросительным тоном.

— Что?

— Анак оэ на? Эрто син балурэм сингалету экон?

— Что-что?

Я едва удержался от того, чтобы не расхохотаться, но в душе у меня уже нарастало беспокойство.

Он смотрел на меня не мигая, и в глазах его стоял смутный страх. С трудом, словно делая над собой отчаянное усилие, он проговорил наконец:

— Где я? Что со мной произошло этой ночью?

— Ну вот, так-то уже лучше! Ты в клинике доктора Прюньера — он здесь, рядом со мной. Ночью тебя поразила молния, но, похоже, все обошлось. Скоро поправишься.

— А где тот, другой?

— Какой еще *другой*? Механик? С ним всё в порядке.

— Нет, не механик. Другой, который со мной...

Он говорил медленно, словно во сне, с трудом подбирая слова.

— Но с тобой больше никого не было!

— Я уже и сам не знаю... Устал.

— Заканчивайте вашу беседу, мсье Перизак, — вмешался доктор. — Ему нужен абсолютный покой. Завтра или послезавтра, полагаю, он уже сможет вернуться к себе.

— Ну, тогда я пошел, — сказал я Полю. — Буду ждать у тебя.

— Да, хорошо... Дождись меня. До свидания, Кельбик.

— Но я вовсе не Кельбик! — изумился я.

— Да-да, точно... Извини, это я от усталости...

На следующий день ко мне заехал доктор.

— Пожалуй, будет лучше перевезти его домой, — сказал он. — Ночь прошла беспокойно, он все время звал вас.

Бредил, произносил какие-то непонятные слова попеременно с французскими. Упорно твердит, что белые стены больницы — это стены морга. Здесь, у себя, в привычной обстановке, он поправится гораздо быстрее.

Старая экономка Поля подготовила его спальню, и вскоре мы уже укладывали его на кровать, подогнанную специально под его рост, — он ей очень гордился. Я остался с ним. Он проспал дотемна, а когда проснулся, я сидел у его изголовья. Он долго рассматривал меня, а потом сказал:

— Понимаю, ты хотел бы узнать, что со мной случилось. Я всё тебе расскажу. Позднее... Видишь ли, это настолько невероятно, что я и сам все еще не могу в это поверить. И это так удивительно! Сначала мне было страшно. Но сейчас! Ха, сейчас!..

Он расхохотался.

— В общем, сам увидишь. Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал. Я в долгу не останусь. Мы еще повеселимся в этой жизни, вдвоем — ты и я! У меня есть кое-какие идеи, и ты мне, вероятно, понадобишься.

Затем он сменил тему разговора и принялся расспрашивать, как идут дела на электростанции, снова расхохотался, когда я сказал, что генераторы вышли из строя. На следующий день он был на ногах даже раньше меня. Через два дня я вынужден был уехать, сначала — в Тулузу, потом — в Африку.

Вскоре я получил от него короткое письмо. Генераторы заработали так же загадочно, как и поломались. Поль общал также, что намерен оставить свою нынешнюю должность и поступить в университет Клермон-Феррана, чтобы «почувствовать» (это слово было в кавычках) у профессора Тьебодара, знаменитого лауреата Нобелевской премии.

По счастливой случайности, едва я защитил в том году диссертацию, как в том же самом университете открылась вакансия, и мне предложили прочесть курс лекций. Тотчас же по прибытии я бросился разыскивать Поля, но ни дома, ни на факультете его не оказалось. Нашел я его в нескольких километрах от Клермона, в центре ядерных исследований, которым руководил сам Тьебодар.

Проникнуть в центр было сложно даже для работника университета, и мне пришлось сделать письменный запрос,

адресованный самому директору. Вахтер не стал от меня скрывать, что шансов на успех у меня практически нет, однако, к его величайшему удивлению, меня тотчас же приняли. Тьободар находился в своем кабинете, где сидел за столом, на котором необычайно аккуратными стопками были разложены всяческие бумаги. Он сразу же, не ходя вокруг да около, принялся расспрашивать меня о Поле.

— Давно вы его знаете?

— С самого рождения. Мы вместе учились.

— Он был силен в математике еще в лицее?

— Силен? Скорее средних способностей. Но почему вы спрашиваете?

— Почему? — взревел он. — Да потому, мсье, что он, несомненно, величайший из современных математиков, а вскоре станет еще и самым великим физиком! Он меня поражает — да что там: просто ошеломляет! Является ко мне какой-то рядовой инженеришка, скромно просит возможности поработать под моим руководством и за полгода делает больше важных открытий, чем я за всю свою жизнь! И с какой легкостью! Словно это его забавляет! Когда мы сталкиваемся с какой-либо сложнейшей проблемой, он улыбается, удаляется домой, а назавтра приходит с готовым решением!

Тьободар немного успокоился.

— Все расчеты он делает только у себя дома. Всего лишь раз мне удалось заставить его поработать в его кабинете, у меня на глазах. Он нашел решение за полчаса! И самое интересное, у меня тогда сложилось впечатление, что он его уже знал и просто-напросто старался вспомнить. Иногда, как мне кажется, он делает все для того, чтобы упростить свои расчеты — лишь бы их смог понять я, я, Тьободар! Я навел справки у его бывшего директора. Тот сказал, что Дюпон, конечно, неплохой инженер, но звезд с неба не хватает! Если этот удар молнии превратил его в гения, то я тотчас отправляюсь на станцию и буду торчать возле генератора во время каждой грозы! Ну да ладно. Вы найдете его в блоке № 4 — там у нас находится беватрон. Но сами туда не входите! Пусть его вызовут. Вот ваш пропуск.

Поль ужасно обрадовался, когда узнал, что отныне я буду жить в Клермоне. Вскоре у нас вошло в привычку наведы-

ваться друг к другу в лаборатории, а поскольку оба мы были холостяками, то и обедали мы вместе в одном ресторане. По воскресеньям я часто выходил с ним по вечерам поразвлечься, а однажды он целую неделю провел со мной в походе по горному массиву Пюи-де-Дом. Именно тогда он разработал теорию вулканизма, в основе которой лежит ядерная физика, — в списке работ эта теория, немало меня изумившая, фигурирует под № 17.

Характер его заметно изменился. Если раньше он был скорее холоден, спокоен и неприметен, то теперь у него появились властность и явное стремление повелевать. Все более и более бурные столкновения происходили у него с Тьебодаром, человеком прекрасным, но вспыльчивым, который, несмотря ни на что, продолжал считать Поля своим преемником на посту руководителя Ядерного центра. Во время одной из этих стычек передо мной и начала приоткрываться завеса тайны.

Меня теперь хорошо знали в Центре, и у меня был постоянный пропуск для входа на территорию. Однажды, проходя мимо кабинета Тьебодара, я услышал их раскатистые голоса.

— Нет, Дюпон, тысячу раз нет! — кричал профессор. — Это уже чистейший идиотизм! Это противоречит принципу сохранения энергии и математически — вы слышите? — мате-ма-ти-чес-ки невозможно!

— С вашей математикой, может и так, — спокойным тоном ответил Поль.

— То есть как это — *с моей математикой*? У вас что, есть другая? Так изложите ее принципы, черт возьми, изложите!

— Изложу, обязательно изложу! — взорвался Поль. — И вы ничего в них не поймете! Потому что эта математика ушла от вашей на тысячи лет вперед!

— На тысячи лет, вы только его послушайте! — слащавым голосом проговорил профессор. — И на сколько же тысяч, позвольте узнать?

— Ах, если бы я только знал!

Хлопнула дверь, и Поль возник передо мною.

— А! Ты здесь. Слышал?

Он выглядел крайне возбужденным.

— Да, у меня особая математика. Да, она ушла от его математики на тысячелетия вперед! И я узнаю, на сколько тысячелетий. И тогда...

Он резко умолк.

— Я слишком много болтаю. Это и там было моим недостатком...

Я смотрел на него непонимающим взглядом. На электростанции у него, напротив, была репутация молчуна, который лишнего слова не скажет. Он, в свою очередь, взглянул на мое изумленное лицо и улыбнулся.

— Нет, я говорю не о станции! Когда-нибудь ты все узнаешь. Когда-нибудь...

Прошел год. В январе в научных журналах за подписью Поля Дюпона появилась серия коротких статей, которые, по словам специалистов, совершили настоящий переворот в физике, переворот даже более значительный, чем квантовая теория. Затем, в июне, как гром среди ясного неба, всех потряс основной труд Поля, поставивший под сомнение принцип сохранения энергии, а также теорию относительности, как общую, так и частную, и попутно ниспровергавший принцип неопределенности Гейзенберга и принцип запрета Паули. В этом труде Поль демонстрировал бесконечную сложность так называемых элементарных частиц и выдвигал гипотезу о существовании еще не открытых излучений, распространяющихся гораздо быстрее света. Против него ополчился весь научный мир. Физики и математики всех стран, все мировые лауреаты Нобелевской премии объединились, чтобы разгромить Поля, но проведенная им серия абсолютно неопровержимых, решающих экспериментов доказала самым заклятым его врагам, что он был совершенно прав! Теоретически, он все еще оставался молодым ученым из Ядерного центра в Клермоне, практически же, он был физиком № 1 всего земного шара.

Он продолжал жить очень скромно в своей небольшой квартире, и каждое воскресенье мы отправлялись с ним на прогулку в горы. Как-то вечером — мы как раз возвращались с одного из таких променадов — Поль наконец заговорил. Он предложил мне подняться к нему. Его рабочий стол был

завален рукописями. Видя, что я направляюсь к столу, Поль хотел было меня удержать, но потом весело рассмеялся.

— Вот! Почитай! — сказал он, протянув мне какой-то листок.

Тот был покрыт некими кабалистическими знаками, причем то были не математические символы, а совершенно незнакомые мне буквы.

— Да, я заказал особый шрифт. Мне гораздо удобнее пользоваться им, чем вашими буквами. К ним я так и не смог до конца привыкнуть.

Я смотрел на него, ничего не понимая. И тогда, очень осторожно и мягко, он произнес:

— Я Поль Дюпон, твой старый друг Поль, которого ты знаешь с пеленок. Я по-прежнему Поль Дюпон. Но я также и Хорк Акеран, верховный координатор эпохи Великих Сумерек. Нет, я не сошел с ума, — продолжал он. — Хотя я прекрасно понимаю, что такая мысль может у тебя возникнуть. Однако выслушай меня, я хочу наконец кое-что тебе объяснить.

На какой-то миг он задумался.

— Даже не знаю, с чего и начать. Ага! Понял... Историю Хорка до того, как он встретился с Полем Дюпоном, ты прочтешь когда-нибудь в этой рукописи. Историю самого Поля Дюпона ты и так знаешь не хуже меня, во всяком случае, вплоть до той знаменательной августовской ночи. Поэтому я начну с того момента, когда в разгар грозы стоял возле генератора.

Рядом со мной был этот славный работяга Мальто. Я хорошо помню, как вдруг воздух резко насытился электричеством и как я приказал Мальто уходить. Если бы он остался, возможно, именно он был бы сейчас великим физиком, а я бы так и остался рядовым инженером. Хотя... достаточно ли развит его мозг, чтобы вместить сознание Хорка? И так, я стоял возле генератора, когда меня внезапно залило потоком яркого света. Ты видел его издали, и он показался тебе фиолетовым. Механику тоже. Для меня же он был синим. Удивленный, я остановился. Свет медленно пульсировал. У меня кружилась голова, мне казалось, что я больше ничего не вешу и могу парить над землей. И вдруг я с ужасом

увидел в воздухе прямо перед собой неясную, прозрачную, расплывчатую человеческую фигуру. Она коснулась меня. О! Как передать тебе это странное ощущение прикосновения изнутри! Вот тогда-то я и прокричал: «Нет! Нет!» Затем все во мне взорвалось, словно я умирал и боролся со смертью. Помню только, как во мне вспыхнуло яростное желание выжить, а затем я погрузился во тьму.

Когда я очнулся, ты был рядом со мной. И у меня было странное чувство, что я тебя вроде бы узнаю и в то же время не узнаю. Точнее, я знал, что ты — Перизак, но одновременно я знал и то, что ты должен быть Кельбиком, на которого, однако же, ты совершенно не похож. В моей памяти боролись два воспоминания, одно — о грозовой ночи, а другое — о ночи великого опыта, который я проводил, когда... когда с Хорком случилось это несчастье, до сих пор для меня необъяснимое. Тебе, наверное, доводилось видеть очень точные, яркие сны, после которых спрашиваешь себя, не является ли реальная жизнь сновидением, а сон — явью? Ну так вот, со мной происходило нечто подобное — с той лишь разницей, что это ощущение не исчезало! Понимаешь, я знал, что был Полем Дюпоном, но в то же время знал то, что я — Хорк. Ты заговорил со мной, и, естественно, я ответил: «Анак оз на?», то есть «Где я?», как и полагается в подобных случаях. И я был крайне удивлен, что ты меня не понимаешь. Однако же Поль Дюпон знал, что ты и не можешь понять. Ты следишь за моей мыслью? Во мне сейчас живут два человека. Я — Хорк-Дюпон, или Дюпон-Хорк, как тебе будет угодно. У меня одно сознание, одна жизнь, но две различные памяти, которые слились воедино. Память Поля, твоего друга, инженера-электрика, встретила с памятью Хорка, верховного координатора. Для Поля это произошло в 1972 году, а для Хорка... Многое я бы отдал за то, чтобы знать это точно. Память Дюпона, когда я к ней обращаюсь, говорит мне, что я родился в Перигё в одном доме с тобой и что никакой родни у меня нет. Память Хорка мне отвечает, что я родился в крупном городе Хури-Хольдэ, что у меня есть брат и жена. Но начиная с той августовской ночи это уже один человек и одна память.

Должен признаться, сначала я испугался. Мои два «я» еще не соединились, и я решил, что сошел с ума. Но кто именно обезумел? Дюпон или Хорк? Мои две личности еще не имели общих воспоминаний. Но мало-помалу я свыкся с тем, что у меня теперь две памяти, — это как если бы я прожил две жизни.

Я быстро сообразил, что если я не хочу угодить в психушку, Хорка нужно в себе приглушить и воскрешать постепенно. Мне надо было подумать, поэтому я симулировал переутомление и взял отпуск. Я решил еще раз прослушать курс физики, чтобы потом понемногу открывать людям свои знания — знания Хорка! — или, по крайней мере, какие-то их крупницы, так как если бы я открыл всё, ваша цивилизация не выдержала бы подобного удара!

На первых порах меня мучили угрызения совести: как знать, вдруг, продвигая человечество слишком быстро по пути прогресса, я бы изменил будущее? Поэтому я тщательно изучил вашу цивилизацию, применяя тот особый метод анализа, которым наши социологи пользуются испокон веков и который входит у нас в курс обязательного обучения во всех университетах как один из элементов общей культуры. Я заметил, что большинство тех открытий, что я собирался обнародовать, так или иначе будут сделаны вашими теоретиками или экспериментаторами в течение ближайших десятилетий, так что, слегка ускорив прогресс, я не нарушу общего закона развития. Остальные знания останутся при мне и умрут вместе со мной. К тому же многого вы просто-напросто не сможете понять, и вовсе не из-за недостатка интеллекта, но из-за отсутствия материальной основы. Таким образом, я ничем существенно не изменю ваше будущее, которое для меня самого является бесконечно далеким прошлым. И потом — и такова, возможно, воля Судьбы, — я не историк, и если я что-то и знаю о прошлом — вашем будущем, — то лишь в общих чертах, за исключением одной-единственной детали, одного-единственного имени. Да, мои знания умрут вместе со мной, — повторил он едва слышно. — Разве что...

— Разве что?..

— Разве что мне удастся туда вернуться!

В последующие годы мне пришлось несколько раз надолго уезжать в Африку. Каждый раз по возвращении я навещал Поля, который больше уже ничего не публиковал, но лихорадочно работал в своей частной лаборатории, построенной по его указаниям. За время моей второй командировки он женился на Анне, тогда еще студентке физмата, за время третьей у них родился сын. Катастрофа произошла, когда я только-только вернулся из четвертой.

Я приехал в Клермон поздно вечером и утром следующего дня отправился напрямик в лабораторию Поля. Она стояла на небольшой возвышенности, в уединенном месте, в нескольких километрах от города. Я уже сворачивал с шоссе на боковую дорогу, когда вдруг мне бросилась в глаза крупная надпись на щите:

ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!

Я не остановился, решив, что ко мне этот запрет не относится. Но едва я выехал на лужайку перед домом, как услышал нечто, напоминавшее шуршание мнущегося шелка, волосы у меня на голове встали дыбом, и длинная фиолетовая искра проскочила между рулем и приборной доской. Я ударил по тормозам. Всю лабораторию заливал дрожащий фиолетовый свет, который я узнал сразу. За стеклом большого окна я мельком заметил высокий силуэт Поля, который махал мне рукой, то ли приказывая остановиться, то ли прощаясь со мной. Фиолетовое сияние сделалось вдруг ослепительным, и я зажмурил глаза. Когда я снова открыл их, все вновь уже было нормальным, но я тотчас же понял, что случилось что-то непоправимое. Выскочив из машины, я плечом высадил запертую на ключ дверь. Изнутри вырвалось густое облако дыма и клубами начало подниматься в безоблачное небо. В горячей лаборатории Поль лежал рядом с каким-то странным аппаратом. Я склонился над ним: он, похоже, был мертв, на губах застыла улыбка. Чуть поодаль я обнаружил бездыханное тело его молодой жены.

Я вынес ее наружу, вернулся за Полем и с большим трудом вытащил из дома его длинный и тяжелый труп. Едва я успел опустить его рядом с женой на траву, как с глухим взрывом пожар уничтожил то, что еще оставалось от лаборатории. Я уложил их в машину и на бешеной скорости помчался в клермонскую больницу, хотя надеяться можно было разве что на чудо. Увы, чудес не бывает! Они оба были мертвы.

Вот и вся история. Гражданские и военные власти произвели тщательное расследование, переворошили и просеяли на пожарище весь пепел, но так ничего и не обнаружили. У себя в лаборатории, среди почтовой корреспонденции, я нашел толстый запечатанный конверт, который накануне Поль сам принес и вручил моему ассистенту. В конверте была рукопись, которую вы и прочтете. Как я уже говорил, Поль оставил мне кое-что из своего имущества, в том числе стереотелевизор, который сам он называл не иначе как «пустышкой», и назначил опекуном своего сына. Жану сейчас двенадцать, — думаю, это объясняет, почему я так долго не решался опубликовать рукопись Поля, или скорее — Хорка. И пусть я наверняка знаю, что наследственность заключена в хромосомах, что Поль Дюпон если и мог передать сыну какие-то достоинства и способности, то лишь свои собственные, а не те, коими обладал Хорк, порой сомнения у меня все же возникают. Жану, повторяю, только двенадцать, но в его библиотеке, между «Швейцарским Робинзоном» и «Борьбой за огонь», стоят, тщательно им же самим и аннотированные, всевозможные научные труды, издававшиеся в различных международных научно-исследовательских центрах ядерной физики.

Сейчас, за пару часов до того, как эта рукопись уйдет в издательство, я хотел бы добавить к вышесказанному еще вот что. Этой ночью мне приснился странный сон, наведший меня на мысль о том, что Хорк действительно преуспел, по крайней мере частично, в своей попытке. Успех и не мог быть полным, раз уж тела Поля и Анны Дюпон покоятся на клермонском кладбище. Мне привиделось, что мою спальню озарил яркий фиолетовый свет. Свет этот образовывал нечто вроде тубуса, в центре которого находился я сам. С другого, очень далекого конца этого тубуса мне улыбался высокий

темноволосый мужчина, с виду совершенно незнакомый и в то же время, по ощущениям, донельзя близкий. Рядом с ним стояла белокурая женщина, также незнакомая, но улыбавшаяся той улыбкой, какую я некогда так часто видел на лице Анны. А утром на ночном столике я нашел небольшой клочок восхитительной бумаги, на котором было написано: *Скажи Жану, что через несколько лет мы, если все будет нормально, его заберем.*

То был сон. Я точно не бодрствовал. Но как тогда объяснить записку?

глава 2

Контурсы будущего

Э то я, Хорк, говорю с вами, Хорк Акеран, верховный координатор эпохи Великих Сумерек, пока еще необъяснимым способом перенесенный в столь далекое прошлое, что мы, люди Геллеры, которую вы называете Землей, почти не сохранили о нем воспоминаний.

Порой, когда я закрываю глаза, все это кажется мне сном. Сейчас я снова окажусь в своем кабинете, в Солодине, в самом центре Хури-Хольдэ, в 600 метрах под землей. Мне кажется, что я слышу рокот этой огромной метрополии, этот рокот, что проходит сквозь покрытые изоляцией стены, это смешение шумов, вибраций, тишины, которое и является сердцебиением самого крупного из когда-либо существовавших городов. Мне кажется, что стоит мне протянуть руку, нажать на столь знакомую мне кнопку, третью слева, как передо мной, на экране, возникнут — как я сам того пожелаю — либо улицы этого города, либо черное небо Великих Сумерек.

Мне кажется — ох, до чего же мучительно это ощущение! Что вот-вот я услышу легкие шаги Рении, она склонится надо мною, заговорит со мной нежным и всегда ровным голосом, так ободрявшим меня в те времена, когда на мне лежала ответственность за судьбу двух планет.

Еще более трагичным представляется мне призрачное присутствие Ареля, нашего единственного сына. Последний раз, когда я его видел, перед тем как отправиться в лабораторию и приступить к этому, столь плохо закончившемуся опыту, он играл с друзьями в антигравитационном парке в тельбирийских пиратов. Странная штука, но единственное, что практически не изменилось и кажется мне почти таким же в этом далеком прошлом, куда меня закинуло, так это игры детей. Я представляю, как вокруг примитивных пещер маленькие кроманьонцы играли в те игры, смысл которых легко уловили бы, наверное, и нынешние дети, и дети эпохи Великих Сумерек.

Но раз уж я решил, сам не знаю почему, приподнять завесу тайны, которая скрывает от глаз моих теперешних современников будущее Земли, самое время начать. И сначала — немного истории, все то, что мне из нее известно, а это не так уж много, потому что мне все время было некогда изучить то прошлое, которое для вас является будущим. Как я уже говорил моему другу Перизаку, эти откровения едва ли смогут изменить ход вещей, если вообще что-то может его изменить, в чем я сильно сомневаюсь.

С геологической точки зрения, вы выживете в конце вашей эры. Я не знаю, угрожает ли вам новая война и разрушит ли она, как вы того опасаетесь, вашу цивилизацию. Эти подробности до нас не дошли. Зато я могу сказать, что вы, помимо Луны, где уже высадились какие-то люди, завоеуете еще несколько планет. Мы действительно обнаружили ваши следы на Марсе и Венере. Я сильно сомневаюсь, однако, что вы укрепились там надолго, потому что таких следов мало — я знаю это, так как лично видел их на Венере. Вы оставили Венеру в ее первозданном состоянии, даже не попытавшись приспособить эту планету для проживания на ней человека. Вероятно, эти ваши путешествия были прерваны войной или же пятым оледенением, которое по времени было близко и наступило внезапно. Я могу легко представить, что произошло в таком случае. Ваша техника была слишком слаба, чтобы бороться с наступлением льдов, хотя вы и овладели на тот момент ядерной энергией, а посеянные мною идеи тоже скоро принесут свои плоды. Должен предупредить вас:

использование ядерной энергии против оледенения без эффективного метеорологического контроля в конечном счете лишь ускорит оледенение. Это вызовет ожесточенные войны за свободные ото льда южные территории и в конечном итоге приведет к краху цивилизации. И тогда начнутся первые сумерки человечества, предшественники тех, которые известны нашим историкам.

Пятый, шестой и седьмой ледниковые периоды, должно быть, будут следовать один за другим с короткими интервалами, если верить тому, что сказал мне когда-то властитель земли, и я сильно сомневаюсь, чтобы за эти небольшие промежутки человечество хотя бы раз достигло уровня вашей цивилизации. Во всяком случае, мы не нашли этому подтверждений. Зато после седьмого оледенения, по причине, которую знают наши геологи, но которая неизвестна мне самому, начнется длительный цикл, который продолжался бы миллионы лет, если бы... Но не будем забегать вперед.

После седьмого оледенения человечество начало практически с нуля, с цивилизации, подобной вашему верхнему палеолиту, разве что с незначительными отличиями. Наши геологи полагают, что все эти ледниковые периоды с промежуточными оттепелями продолжались примерно 200000 лет, и еще около 10000 лет понадобилось людям для того, чтобы перейти от пещерного существования к озерным поселениям и наконец — к настоящей цивилизации. Начавшаяся тогда эра подошла уже к своему 4575 году, когда я родился. Я должен, таким образом, жить примерно через 210000 лет в вашем будущем.

Кто же мы, ваши далекие потомки? Рискую разочаровать многих ваших пророков, скажу, что мы тоже всего лишь люди, почти такие же, как и вы сами. Наш череп не развился чудовищным образом, мы не потеряли ни волос, ни ногтей, ни зубов: все это у нас куда лучше вашего! Мы не превратились ни в невзрачных карликов, ни в полубогов, пусть средний рост у нас и гораздо выше, чем ваш. У нас по-прежнему по пять пальцев на руках и ногах, хотя мизинец на ногах и сделался более атрофированным. Мы не стали ни телепатами, ни телекинезистами, ни ясновидящими. Кое-какие изменения, однако же, произошли: ваши различные расы

слились в одну, так что кожа у нас, как правило, более темная, но скорее смуглая, нежели коричневая, черные волосы и карие глаза. Тем не менее среди нас встречаются, пусть и редко, блондины, да и люди со светлыми глазами порой попадаются: у меня, например, глаза серые. Но основное изменение все же было внутренним: количество и плотность мозговых извилин у нас увеличились, и, в среднем, мы, должно быть, умнее, чем вы, пусть и не превратились в гениев. Просто индивидуумы с действительно низким уровнем интеллекта исчезли, а что касается настоящих гениев, то их у нас не больше, чем в ваше время.

Если мои воспоминания точны, наша цивилизация, в ее развитии, прошла через следующие периоды: после нового палеолита (в конце седьмого оледенения) и нового неолита мы, как и вы сами, перешли в эпоху металла, но, оказавшись более удачливыми, очень быстро вышли (во времена, эквивалентные вашей классической древности), из *националистической* стадии, если можно применить это слово к соперничеству городов. Человечество сохранилось лишь на одном огромном острове, Киобу, который вскоре на долгое время стал единым государством. Затем люди вновь расселились по всей Земле, но у нас всегда сохранялась единая великая цивилизация, разве что с локальными вариантами. Тем самым нам удалось избежать многих конфликтных ситуаций.

Но с другой стороны, однообразие этой цивилизации замедляло прогресс, что приводило к продолжительным периодам застоя, иногда даже с рецидивами варварства, которые наши историки называют «сумерками».

Примерно в 1810 году со дня объединения острова Киобу начался наш первый период великих научных открытий. Мы изобрели тогда паровую машину, затем электричество и наконец где-то в 1923 году (совпадение дат с событиями вашей эры наводит меня на мысль, что, должно быть, существует обычный, естественный ритм человеческого прогресса) начали использовать ядерную энергию. Менее чем через двадцать лет — у нас не было военных тайн, которые так мешают науке! — первая экспедиция отправилась на Луну, где обнаружила, к величайшему своему удивлению, следы человеческого пребывания. Но могу вас заверить, вы были

там первыми! Немного позднее, в 1950 году, мы высадились на Марсе, где тоже нашли свидетельства вашего пребывания, а затем, в 1956 году, достигли Венеры, где долгое время — по правде сказать, до моего собственного открытия, — полагали, что кроме нас на этой планете прежде никто не бывал.

Луна, как вы знаете, бесплодна, не имеет атмосферы, и жизни на ней никогда не было. На Марсе когда-то существовала раса разумных существ, однако даже следов их цивилизации не удавалось обнаружить до тех пор, пока наш археолог Клобор не нашел подземный город. Что касается Венеры, то она оказалась окруженной плотным облаком формальдегида, непригодной для жизни и необитаемой.

Однако это нас не смутило. Наша наука шла вперед гигантскими шагами, и вскоре нам удалось полностью видоизменить атмосферу этой планеты. Так уж вышло, что я и сейчас помню имя человека, который руководил этими работами. Так как он принадлежит к нашему времени, а не к вашему, не вижу никаких препятствий к тому, чтобы упомянуть его здесь. Когда он будет жить, об этой рукописи давно уже все забудут. Его звали Похл Андр'сон, и он оставил подробный отчет о важнейшем труде своей жизни, назвав его «Сильный Дождь».

Став пригодной для жизни, Венера была колонизирована. А Марс остался, главным образом, планетой для исследований, рудных разработок и космодромом для полетов к дальним планетам. Но обо всем этом я расскажу позднее. Сильный Дождь продолжался с 1988 по 2225 год, но колонизация — под сводами — началась задолго до его окончания.

С 2245 до 3295 года длилось то, что мы долгое время называли «Великими Сумерками», и что сейчас известно как «Темное Тысячелетие».

Внезапно — ничто этого не предвещало — на Землю напали пришельцы. Располагавшие ужасным оружием существа вынырнули из космоса, всего за несколько страшных недель сломили всяческое человеческое сопротивление и воцарились на нашей планете более чем на тысячу лет, превратив людей в рабов. Мы не знаем, откуда они явились, как не знаем и того, куда затем делись последние из выживших. Возможно, когда-нибудь мы снова с ними повстречаемся, но теперь мы

уже достаточно сильны для того, чтобы дать им отпор. В них не было ничего человеческого: они походили на бочонки, стоявшие на восьми лапах, с семью длинными щупальцами сверху. Долгое время люди страдали молча, и в жалких подземных лабораториях, где несколько человек поддерживали мерцающее пламя нашей науки, день и ночь искали оружие, которое принесло бы освобождение. Наконец он был найден — штамм вируса, смертельного для захватчиков, но безвредного для человека. Враг так никогда и не узнал, что уничтожившая его эпидемия была делом наших рук. В конце концов он сдался, и в одно прекрасное утро все его звездолеты покинули Землю, унося уцелевших — примерно миллион особей, всего одну тысячную от общего их числа! Перед отлётом они разрушили все, что успели построить, и можно было бы сказать, что в течение тысячи лет человечество жило напрасно, если бы пришельцы не оставили после себя одну неоченимую вещь: представление о космомагнетизме, том самом космомагнетизме, который и стал основой нашего могущества. Позднее я скажу, что это такое. Между датой отлёта драмов (я не без удивления узнал, что на вашем английском языке это слово означает «барабан», и это довольно точно передает представление о внешности пришельцев) и 3600 годом идет период восстановления. Во времена господства драмов человечество понесло значительные потери; люди были по большей части безграмотны, ученых, как и источников энергии, почти не осталось. Однако при помощи колонистов с Венеры, на которых драмы никогда не нападали, наша цивилизация снова устремилась вперед, и в 4102 году мы совершили открытие, которое, как мы полагали, должно было дать нам выход во всю вселенную, — мы открыли гиперпространство.

Сначала при помощи ядерных ракет, затем — космомагнетических кораблей, мы исследовали всю солнечную систему, от Меркурия до... как же мне назвать планету, которая соседствует с Плутоном и которую вы пока еще не знаете? Пусть будет Гадес. Впрочем, это совсем крошечная планетка, примечательная разве что тем, что ею отмечена граница солнечной системы. Но даже космомагнетические не могут достичь скорости света, и уж тем более ее превзойти. И хотя

существуют более быстрые излучения, нежели свет, скорость света действительно является непревзойденным рубежом — тут ваши физики правы — для любого материального предмета электромагнитной природы. Эти более быстрые излучения не являются электромагнитными, и если и существует соответствующая материя, нам она пока не известна. К тому же, мы можем использовать эти волны только в чрезвычайно сложной конструкции аппаратах, через взаимодействие типа «пространство-время-материя», с помощью космомагнетизма и т.д. Я не вправе рассказывать вам больше. У вас тоже есть выдающиеся физики, а мне не хотелось бы рисковать изменением будущего. Довольно уже и того, что пару месяцев тому назад я позволил себе продемонстрировать теоретические возможности этих излучений...

Уже решено было послать на ближайшую звезду космомагнетический корабль с экспедицией, когда Сникал открыл эффект гиперпространства. Это было как гром с ясного неба. Даже драмы не использовали гиперпространство, хотя их научные познания, вероятно, были гораздо обширнее наших. Сначала Сникал доказал сам факт существования гиперпространства, затем — возможность его использования. Все физические лаборатории занялись этой проблемой, и спустя три года мы приступили к строительству первого гиперпространственного звездолета.

Аппарат покинул Землю на тридцатый день 4107 года, с экипажем из одиннадцати мужчин и тридцати трех женщин. Этот звездолет так никогда и не вернулся. Второй улетел в 4109 году, третий — в 4112, а затем ежегодно, до 4125 года, отбывало по одному звездолету. Лишь тот из кораблей, который покинул Землю в 4113 году, вернулся в 4132.

И тогда мы узнали печальную истину: через гиперпространство можно было достичь любой точки галактики и даже выйти за ее пределы, но мы не знали, куда следует направляться, и практически не имели ни единого шанса когда-либо вернуться на Землю!

Одиссея «Тхиусса», звездолета, который вернулся, продолжалась двадцать лет. Он вынырнул из гиперпространства вблизи солнечной системы, которая так и осталась неизвестной. Одиннадцать планет вращались вокруг звезды класса G2;

две из них оказались пригодны для проживания человека, но были населены одними только животными. Небо, совсем не похожее на то, которое мы видим с Земли, по ночам озяряли гигантские звезды. Пять лет разведчики исследовали эту систему, затем задумались о возвращении. Тщательно перепроверив все расчеты, они ушли в гиперпространство.

Вынырнули они почти в абсолютной тьме, где-то между двумя галактиками, нашей и галактикой Андромеды. Судя по всему, что-то пошло не так. Они направились к *нашей* галактике, совершили новый «скачок». На сей раз они вынырнули так близко от некоей гигантской звезды, что были вынуждены тотчас же вернуться в гиперпространство. И так продолжалось в течение долгих лет, с короткими остановками на гостеприимных планетах, попадавших им то тут, то там. Лишь по чистой случайности экипажу, сильно сократившемуся вследствие неведомых болезней и незнакомой пищи с чуждых планет, удалось в конечном счете вернуться на Землю. Собранные ими данные были проанализированы, и ученые пришли к выводу, что в гиперпространстве нарушается связь причин и следствий, что понятие направления, по существу, теряет там смысл. Так на долгое время была похоронена, пожалуй, самая древняя мечта человечества — добраться до звезд! О, мы не оставляли надежды, и поиски были продолжены. Но мы все еще не нашли решения, когда наступили Великие Сумерки.

Что до остальных звездолетов, то о них мы ничего не знали. Погибли ли они в каком-нибудь неведомом мире? Или же их экипажи, изнуренные годами блужданий среди звезд, в конце концов поселились на какой-нибудь планете? Лишь гораздо позднее мы получили ответ на эти вопросы, но и то неполный.

Не желая признавать себя побежденными, мы вновь сосредоточили все наши усилия на космомагнетических двигателях. Они были изобретены — вернее, вновь открыты людьми, потому что они были известны драмам — в 3910 году. Их источником стало то, что, за неимением лучшего термина, мы назвали космомагнетизмом, так как некоторые эффекты отдаленно напоминали магнетизм. Именно космомагнетизм является основной силой, связывающей все, от вселенных до атомов. Наша вселенная изборождена силовыми линиями

этого типа, и, используя их, можно развивать скорость порядка восьми десятых скорости света. Это, если хотите, равносильно созданию однополюсного космомагнита (пример очень грубый, но и его достаточно), с помощью которого*...

Итак, мы вернулись к старому проекту Брамуга. В 4153 году космомагнетический корабль начал разгон в пределах солнечной системы и, пройдя орбиту Гадеса, достиг половины световой скорости. Он направлялся к ближайшей звезде, которой в мою эпоху является не Проксима Центавра, как в ваши дни. Учитывая время, необходимое для разгона и торможения, корабль должен был вернуться через двенадцать лет, но вернулся менее чем через пять, в начале 4158 года. И мы быстро нашли объяснение нашей новой неудачи. Каждая звезда окружена мощным космомагнетическим полем, которое простирается до такого же поля соседней звезды. На месте соприкосновения двух полей возникает нечто вроде барьера потенциалов, который, нисколько не влияя на различные излучения, совершенно непреодолим для материальных тел, не обладающих определенной критической массой. Наш звездолет начал постепенно терять скорость, затем и вовсе остановился, и все усилия прорваться вперед оказались тщетными.

Тем не менее было очевидно, что какой-то способ преодолеть это препятствие все же существует — ведь преодолели же его звездолеты драмов! Но и когда наступили Великие Сумерки мы все еще не нашли этот способ, — над этой-то проблемой я и работал, когда случилось то происшествие, которое забросило меня к вам.

Расчеты показывали, что для преодоления этого барьера звездолет должен обладать разве что чуть меньшей массой, чем масса Луны! Тем самым мы полностью решили и одну старую проблему: кометы, отнюдь не являясь «вечными страницами в бесконечности», как это полагали о некоторых из них, никогда не покидают солнечного космомагнетического поля.

* Низ страницы в авторской рукописи отсутствует (отрезан ножницами). — *Примеч. переводчика.*

Стало быть, до обнаружения способа драмов или какого-то иного, вырваться из нашей космической тюрьмы мы не могли. Если бы смогли подойти вплотную к скорости света, звездолет набрал бы достаточную массу, но при достигаемых нами скоростях, масса его увеличивалась крайне незначительно. С другой стороны, массы, равной хотя бы массе Луны, пусть даже и при минимальном ускорении, оказалось бы вполне достаточно для прохода. Но построить подобный аппарат и придать ему нужное ускорение в ту эпоху, когда мы еще не знали всех свойств космомагнетизма, было нам не под силу. В общем, нам пришлось на какое-то время отказать от планов по завоеванию вселенной. С решением этой проблемы мы преуспели лишь в 4602 году.

Теперь я должен дать кое-какие детали об организации нашей жизни, столь не похожей на вашу. В общем и целом, с географической точки зрения, поверхность Земли не особенно изменилась. По-прежнему существовало два больших континентальных массива, Евразия-Африка с одной стороны, разве что с немного модифицированными контурами, и обе Америки с другой, только более крупные, чем сегодня, так как Мексиканский залив исчез и стал сушей. Но в центральной Атлантике существовал — будет существовать — еще один большой остров, сильно вытянутый с севера на юг, с хребтом невысоких гор по всей его протяженности. Очевидно, он появился довольно неожиданно во время шестого ледникового периода на месте подводного хребта вашего Атлантического океана, и именно на этом острове и выжило человечество. Общее население Земли в наше время достигало пяти миллиардов человек, но распределены они были совершенно иначе, нежели сегодня. Главным образом это население было сосредоточено в 172 гигантских городах, из которых самый большой, Хури-Хольдэ, расположенный примерно на месте теперешней Касабланки, насчитывал 90000000 жителей. Таким образом, обширные пространства на поверхности Земли оставались почти необитаемыми, и на них в изобилии размножались дикие животные, выжившие во время катастроф или же избежавшие гибели во времена доледниковых цивилизаций от рук человека — *ваших* рук! Мы действительно получали продукты питания частично со

своих полей, частично из океанов, но в основном — за счет искусственного фотосинтеза.

Дома в Хури-Хольдэ вздымались на 1000 метров в высоту и уходили на 450 метров под землю. В городе было 580 уровней — вы бы сказали: этажей, — и покрывал он площадь неровного круга диаметром до 75 километров. Здания не теснились друг к другу, а большие парки, разбитые на разных уровнях, позволяли жителям дышать свежим воздухом. На северном краю города у берега моря располагался дворец Совета, где заседали Совет властителей и правительство, в то время как на нижних его уровнях находились университеты. Между этим дворцом и морем простирался на несколько километров обширный парк с многочисленными стадионами и Музеем искусства.

Наша общественная структура показалась бы вам занятой и даже невыносимой. Дело в том, что на Земле тогда жило два различных народа: текны и триллы.

Текнами, составлявшими ничтожное меньшинство населения, были ученые, исследователи, инженеры, врачи больниц и некоторые категории писателей. Я часто спрашиваю себя, не происходит ли это название от вашего слова «техник». Они вовсе не представляли собой какую-то наследственную или закрытую касту. Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей, к шестнадцати годам классифицировался в разряд текнов или же триллов. Любой трилл, который позднее проявлял способности к изучению наук, мог ходатайствовать о переводе его в категорию текнов, однако случалось такое редко.

Базовым принципом нашей цивилизации было представление о науке как о могучем, идущем на пользу обществу и... опасном инструменте! Уж лучше пребывать в неведении, чем быть лишь наполовину ученым, и тайны науки ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. Любой юноша или девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться перед Советом властителей, что они никогда и никому не откроют никаких научных знаний кроме тех, которые разрешалось распространять. Правда, внутри данного класса никаких ограничений не существовало, и между собой текны могли свободно обсуждать любую

проблему, даже если они работали в разных областях. Наказание за малейшее нарушение этого закона было ужасным: пожизненная ссылка на Плутон без надежды на возвращение.

Любой текн отчитывался — за исключением какого-нибудь преступного поступка, разумеется (впрочем, что это такое, мы тогда практически не знали) — лишь перед Советов властителей в последней инстанции и гораздо чаще — перед властителем людей.

Что касается триллов, то они представляли все прочие виды профессий: были механиками — которые довольно часто переходили в разряд текнов, кормильцами (к этой категории вы бы отнесли ваших пекарей, мясников, бакалейщиков и т.д.), актерами, художниками, писателями и т.д. Между двумя классами не существовало ни ненависти, ни соперничества, потому что, помимо того факта, что текн зависел лишь от властителей, этот статус в обычное время не давал ему никаких социальных преимуществ. Редко случалось так, чтобы в семье вовсе не было текнов, и сын пекаря, к примеру, мог занимать пост властителя неба, а его сын, в свою очередь, мог снова стать пекарем. В том смысле, что каждый ребенок от рождения имел одинаковые возможности, мы были *настоящей* демократией — гораздо большей, чем все ваши!

У триллов имелось свое правительство, располагавшее собственным техническим персоналом, в который могли входить в том числе и текны. В случае конфликта между текном и правительством, дело разбирал Большой Совет, образованный Советом властителей и представителями правительства триллов. Если же дело заходило в тупик, Большой Совет обращался к третьему социальному классу, самому немногочисленному, так как он состоял всего из 250 человек, — Верховному суду.

Наши обычаи довольно-таки сильно отличались от ваших, хотя, в общем и целом, наша нравственность была примерно такой же. С тех пор как я очутился в вашей эпохе, я имел возможность проштудировать немало текстов, которые до нас уже не дошли, в частности — буддистских, и я пришел к заключению, что, учитывая человеческую природу, есть лишь одна-единственная возможная нравственность для цивилизованных государств, неоднократно утрачиваемая

и вновь обретаемая, пусть она и варьируется в деталях. Мы были гораздо более либеральными, нежели вы, к примеру, в сексуальных вопросах, и наши нравы допускали полигамию, позволяя человеку самому привести себя в стабильное душевное состояние... если он это мог! У нас существовали различные религии, одна из которых была сродни вашему христианству и, быть может, даже отчасти происходила от него; но большинство наших сограждан были агностиками, — их хватало как среди текнов, так и среди триллов. Мы с давних времен осуществляли контроль над рождаемостью, но контроль этот у нас не носил тиранического характера. Правительство триллов, как и Совет властителей, в обычное время действовало скорее методами воспитания и убеждения, нежели принуждения. И — это вас, вероятно, удивит — в ваш век озлобленного прозелитизма, самым большим пороком, самым дурным тоном, как среди текнов, так и среди триллов, считалась претензия на обладание истиной, единственной Истиной! За исключением, разумеется, научных дискуссий!

А теперь — моя история, которая является одновременно и историей Великих Сумерек.

глава 3

Солнце вот-вот взорвется!

Я родился в Хури-Хольдэ, в доме 7682 по улице Станатин — или Зеленой, как сказали бы вы, — в сто двенадцатый день 4575 года. У меня был старший брат, Сарк, который, хотя он и был распределен в класс текнов, предпочел стать триллом и вскоре сделался одним из наиболее прославленных художников Хури-Хольдэ. Мой отец, Раху, также трилл, был пусть и не гениальным, но довольно-таки известным драматургом. Моя мать, Афия, была текном, астрофизиком обсерватории Тефантиор, что в южном полушарии.

Детство мое было счастливым и прошло без особых приключений. В школе я очень быстро проявил себя благодаря

способности с ходу и жадно усваивать любые научные знания, и к двенадцати годам стало ясно, что я буду текном.

В пятнадцать лет, на год раньше срока, я прошел психотехническое обследование и был распределен в класс текнов. После этого я ушел из общей школы и до восемнадцати лет учился на подготовительных курсах университета, по окончании которых мне предстояло принести клятву текна.

Тот день я буду помнить всегда. Накануне я прошел трудный, слишком трудный экзамен. Вместе с тем это был, хотя я этого и не знал, еще и заключительный, решающий тест — тест на честность. Я сидел совершенно один в аудитории, ломая голову над задачами, которые, как мне стало известно позднее, специально были подобраны для гораздо более высокого, нежели мой, уровня знаний, а рядом на столе небрежно лежал якобы случайно забытый учебник с решениями. Я провел в этой аудитории несколько ужасных часов. Мне сказали, что, если я не решу задачи, мое распределение в класс текнов может быть пересмотрено. Я подозревал, что забытый учебник — ловушка, и в то же время твердо знал (так как мне позволили удостовериться в этом лично), что проследить за мной нет ни малейшей возможности. Я преодолел искушение и сдал экзаменатору практически чистый листок, решив лишь одну задачу из шести, да и то, как сказал позднее властитель чисел, совершенно необычным способом. И хорошо, что я не стал жульничать — в противном случае меня бы тотчас же безжалостно выгнали!

Утром перед клятвой я в последний раз облачился в свою обычную светлую одежду. С тех пор и до конца жизни мне предстояло носить темно-серое одеяние текнов. Меня провели на самый верхний уровень дворца Совета, Солабака, как называли его мы, и я предстал перед Советом властителей. Они все были там, даже марсианские и венерианские властители, восседая за большим, в форме полумесяца, столом из никеля. Зал был огромным, и я чувствовал себя каким-то потерянным — ведь я был совсем один перед собранием величайших умов нашего времени.

Трах, властитель-координатор, встал и медленно произнес:

— Хорк Акеран, вы были сочтены достойным называться текном. Сейчас вы принесете клятву. Тем не менее, прежде

чем вы это сделаете, я хочу в последний раз предупредить вас, что ваше распределение не даст вам никаких преимуществ, ни общественных, ни личных. Подумайте как следует в последний раз. Закон текнов гораздо более суров и требователен, нежели закон триллов, и отныне вам придется ему подчиняться. Из курса специальной истории вы уже знаете, какие ужасные беды обрушились на наших предков, слишком легкомысленно относившихся к науке. Став текном, вы будете нести ответственность перед всем человечеством, нынешним и будущим. Итак, вы решились?

— Да, властитель.

— Хорошо. Произносите клятву!

— Перед памятью тех, кого уже нет с нами, перед всеми ныне живущими, перед теми, кто еще не родился, я, Хорк Акеран, текн, клянусь никогда не разглашать без разрешения Совета властителей никаких научных открытий, которые я могу сделать в своей или в какой-либо иной области. Я клянусь никогда — из гордости ли, из тщеславия ли, из алчности ли, или же по недосмотру, по неосторожности или же по политическим мотивам — не сообщать никому, кроме текнов, ни единого слова, ни единого имени, разглашение которых не будет одобрено Советом властителей. Точно так же я клянусь не разглашать открытий других текнов, и, если, на беду, я нарушу свою клятву, клянусь без возражений принять справедливую кару. Единственным возможным исключением из этого закона станет тот случай, если сообщенные мною сведения смогут спасти человеческую жизнь, но и тогда я всецело отдамся на суд властителей, и только они решат, правильно ли я поступил.

На этом все и закончилось. Я получил серое одеяние текнов и вернулся в университет. Через два года я уже специализировался в астрофизике. После этого еще четыре года мне пришлось работать в лунной обсерватории Теленкор, расположенной в том месте, что вы называете цирком Платона. Наконец, опубликовав в специальных изданиях для текнов несколько статей, которые были сочтены интересными, я попросил перевести меня в астрофизическую обсерваторию Герукои, что на Меркурии, откуда велись наблюдения за Солнцем. Страсть к науке сыграла решающее значение в этой

просьбе, но, по правде сказать, не являлась единственной причиной. Моя жизнь студента, а затем и молодого текна, проходила скучно и без приключений. Как и у любого текна, у меня имелся небольшой космомагнетический корабль, способный осуществить перелет с Земли на Луну. То была не привилегия, но необходимость. Таким образом, я возвращался в Хури-Хольдэ довольно-таки часто. Во время одного из таких перелетов я познакомился с прелестной девушкой, Альтией, которая была триллом, актрисой большого театра. На первых порах у нас все шло лучше некуда, но затем она предпочла мне другого, и, чтобы забыть ее поскорее, я и хотел улететь на Меркурий.

В Герукой я провел два года своей жизни. Мы располагали там целым научным городком, раскинувшимся у подножия горы Теней, на терминаторе, на 10 градуса северной широты. Над поверхностью выступали лишь четыре купола с антитермическим покрытием. Два из них находились в зоне вечных сумерек, почти на границе жаркого пояса; два других — в зоне вечной ночи. Субструктуры, напротив, простирались под знойным полушарием, где, то тут, то там, рядом с зеркалами, улавливающими солнечную энергию, высились различные автоматические обсерватории.

На Меркурии постоянно находилось не более трехсот человек, мужчин и женщин, и все они были текнами. Я прибыл туда в день своего двадцатипятилетия. Космолет доставил меня в астропорт темного полушария. Я едва успел разглядеть голую замороженную почву, поблескивавшую в свете прожекторов, прежде чем спустился в подземелье.

Я никогда не забуду свою первую вылазку, случившуюся несколькими днями позднее. Наша небольшая группа выбралась на поверхность через шлюз блока № 4. Нас окружала ледяная ночь. В небе сверкали неподвижные звезды, ослепительный свет Венеры отбрасывал на почву наши тени. Мы сели в некое массивное транспортное средство, специально сконструированное для малых планет со слабым притяжением. За рулем находился Сни, прибывший в Герукой на полгода раньше меня, а впоследствии ставший моим ассистентом.

Мы двинулись к терминатору. По мере нашего к нему приближения сумерки медленно рассеивались. Вершина горы

Теней, расположенная у границы темной зоны, сверкала на фоне черного неба, освещенная косыми лучами Солнца и казавшаяся нереальной, словно висящей в пустоте над странно переливающимися тенями, благодаря которым гора и получила это название. Мы проехали мимо блоков № 1 и № 2 и оказались в знойном полушарии. Фильтрующие экраны мгновенно оградили нас от слепящего света. Я услышал, как потрескивает от жара кузов машины.

— Расширение, — пояснил Снн. — Внешняя, антитермическая броня — из подвижных пластин, вот они и ходят туда-сюда.

Наша машина не позволяла углубиться в освещенную зону. Без скафандров или специальных транспортных средств, сберегавших полученную энергию, удалиться более чем на двести метров от терминатора не рекомендовалось. В центре освещенного полушария температура превышала 700 градусов от абсолютного нуля. Я побывал там лишь однажды, воспользовавшись подземным туннелем, когда понадобилось осмотреть главную солнечную энергоцентралу, расположенную в глубине долины. Ее мощные генераторы приводились в движение турбинами, работавшими на перегретом ртутном паре.

В тот раз мы добрались только до 30 градуса долготы. Но впоследствии я часто выходил на поверхность. Крайне сухая почва Меркурия представляет собой сплошное нагромождение глыб, растрескавшихся от резких колебаний еще в те далекие времена, когда планета вращалась вокруг своей собственной оси, — хотя, как знать: может, они растрескались и по другой, не известной мне причине? Иногда передо мной вздымались мрачные голые скалы, порой попадались долины, заполненные тончайшим сыпучим пеплом, в котором можно было утонуть, как в воде. Люди погибали в них, засыпанные неведомой высоты горами песка. Никакими словами не описать мертвящий ужас этих равнин, над которыми на фоне безумного неба, озаренного заревом Солнца, вздымаются черные вулканы!

В подземных городах жизнь чем-то напоминала ту, которой живут ваши полярные экспедиции. Нас было достаточно много, чтобы вид одних и тех же слишком знакомых лиц

не вызывал неприязни; напротив, нас всех, или почти всех, связывала тесная дружба. Нас объединял «меркурианский» дух, как мы говорили, дух, который сохранялся даже после возвращения на Землю, возрождаясь на «дружеских встречах бывших меркурианцев». Все меркурианцы были добровольцами, и лишь немногие просили сократить им обычный срок в три земных года. Большинство рано или поздно снова возвращалось на Меркурий. Некоторые здесь даже родились, например, старина Хорам, единственный человек, который действительно знал всю планету. О ее ледяных или раскаленных пустынях он говорил с безмерной любовью.

Проведя на Меркурии год, я написал служебную записку о солнечных пятнах, которая принесла мне должность директора обсерватории, и назначил Сни своим ассистентом. Это был молчаливый, но не унылый парень, великолепный физик, хотя и не гениальный, но главное — абсолютно надежный. Он был старше меня на год, мы познакомились еще в университете. Я весьма ценил серьезность и солидность его рассуждений, пусть они и не были блестящими. Тогда мне казалось, что этого поста он заслуживал уже благодаря одним лишь этим своим достоинствам, но теперь, смотря со стороны, я задаюсь вопросом: а не сыграл ли определенную роль в моем выборе тот факт, что он был кузеном Альтии? Так или иначе, сожалеть о своем решении мне не пришлось.

Мои исследования вынуждали меня проводить почти все свое время в подземной лаборатории, глубоко под блоком № 3 и чуть поодаль от оного. Я обрабатывал данные об активности Солнца, собираемые семью автоматическими обсерваториями знойного полушария, и под моим начальством, помимо Сни, трудилось еще пять молодых физиков.

Каждые два месяца прибывавший с Земли космолет доставлял оборудование, продукты, которые вносили приятное разнообразие в наше меню, состоявшее в основном из плодов гидропонных теплиц, и последние новости. Близость Солнца мешала использованию электромагнитных волн, а пользоваться волнами Хека, теоретическое существование которых я доказал какое-то время назад в *вашу* эпоху, и которые распространяются гораздо быстрее света, мы тогда еще не умели.

Я вот уже полгода работал над развитием своей теории о солнечных пятнах, когда вдруг заметил, что, если мои расчеты верны, скоро наступит конец света. Я и сейчас помню, как впал тогда в оцепенение, усомнился в самом себе, раз двадцать перепроверил расчеты — и в конечном счете пришел в ужас!словно безумный, я выбежал из лаборатории, поднялся на поверхность в освещенном полушарии и уставился на солнце, висевшее низко над горизонтом. Плававшее в небе, оно было таким, каким всегда его видели люди. И однако же, если я не ошибался, в более или менее отдаленном будущем, лет через сто, через десять, завтра, а может, и через секунду, этот чудовищный шар должен был взорваться, уничтожив огненной волной Меркурий, Землю и всю Солнечную систему!

Я стоял так, словно зачарованный, до тех пор, пока мой скафандр не нагрелся настолько, что я просто вынужден был вернуться.

Я уже запрыгнул в антигравитационную трубу, когда в голову мне пришла новая мысль, и, скрутив кнопку контроля на своей грудной клетке, я ушел практически в свободное падение. Оказавшись внизу, я бросился в лабораторию и, никому ничего не сказав, работал более шестидесяти часов — без еды, без сна, поддерживая себя одними лишь психостимуляторами. Человек — забавное существо! Когда я обнаружил наконец, что взрыв Солнца неизбежен, но произойдет лишь через десять — пятнадцать лет, я расхохотался и, несмотря на усталость, бросился в пляс, танцуя и со стульями, и даже со столами. Затем я успокоился. Следовало незамедлительно предупредить Совет властителей. Я попросил директора обсерватории, пожилого текна по имени Брир, сейчас же отправить на Землю вспомогательный космолет с моим докладом. Сначала он ответил отказом, и я вынужден был сказать ему правду. Через несколько дней космолет вернулся, доставив на Меркурий властителя неба собственной персоной.

За исключением моего старого университетского преподавателя, Керта, властителя атомов, я никогда прежде не общался близко со столь могущественными персонами. Хани, властитель неба, был высоким, широкоплечим старцем с холодными голубыми глазами, тщательно ухаживавшим за архаичной длинной седой бородой. Он прошел напрямиком

в мою лабораторию в сопровождении другого, просто-таки восхитительного архаизма — молодой блондинки, которой оказалась его внучка Рения, геолог и геофизик, ученица Снэ, властителя планет. Но в тот момент, должен признать, я не обратил на нее особого внимания. Я ознакомил Хани со своими новыми методами расчета и с результатами, к которым они меня привели. Он неспешно перепроверил мою работу, но ошибок не обнаружил. Подняв глаза, он прошелся взглядом по тихой и пустынной лаборатории, меланхолично посмотрел на внучку, потом на меня.

— Даже жаль, Хорк, что ваши расчеты верны. В должное время вы, несомненно, и сами стали бы властителем...

Мы долго сидели молча. Я взглянул на Рению. Она и бровью не повела, когда я изложил результаты моих трудов. Ее зеленые глаза затуманились, но тонкие, правильные черты лица сохранили выражение спокойной решимости. Она заговорила первой:

— Неужели мы действительно ничего не можем сделать? Неужели человек жил напрасно? И не будет ли лучше отправиться в гиперпространство звездолеты, пусть даже только один из тысячи долетит... хоть куда-то?

— Я думал о другой возможности, — сказал я. — Похоже — во всяком случае, так мне сейчас представляется, — взрыв достигнет только орбиты Урана или, на худой конец, Нептуна. Мы имеем дело не с какой-то новой, или сверхновой, звездой, но с чем-то иным. И если мы сможем отвести Землю на достаточное расстояние...

— Именно это и нужно сделать, — сказал Хани. — Вот только успеем ли мы? Десять лет — слишком маленький срок для подобного предприятия! Я останусь здесь с вами на месяц. В конце концов, все ваши экстраполяции основаны только на наблюдениях последнего полугодия. Я согласен с вами: Солнце не превратится в классическую новую или сверхновую звезду, однако кое-какие общие черты все же просматриваются. Я затребую копии всех докладов, которые касаются Солнца и новых звезд. Мы вместе продолжим вашу работу, а там уже посмотрим.

За исключением Брира, Хани, Рении, моих непосредственных помощников и меня самого, никто на Меркурии,

даже астрономы, не догадывался о жестокой правде. Своих результатов я добился благодаря новой методике расчетов. Все полагали, что Хани явился в инспекционное турне — факт редкий, но не беспрецедентный. Теперь, когда я уже не нес всей ответственности за исследования и бремя тяжелой тайны со мной делили другие, на меня навалилась невероятная усталость, и я был вынужден взять несколько дней отгулов — мои серые клеточки нуждались в небольшой передышке. Я воспользовался этим вынужденным отпуском для того, чтобы показать Меркурий Рении. В космолете Хани мы облетели планету со всех сторон на предельно низкой высоте. Последний день мы провели на вершине горы Теней, где располагалась небольшая станция отдыха. Рения оказалась чудесной спутницей, веселой и оптимистичной. То был ее первый прилёт на Меркурий, но вместе с дедушкой она уже бывала на Марсе, спутниках Юпитера и Сатурна и даже на Нептуне. Что до Венеры, то там она родилась — Хани был венерианином по происхождению, — но покинула эту планету еще в юном возрасте.

Когда-то, за сколько-то тысячелетий или даже миллионов лет до появления на Земле человека, на Марсе — пусть он и являлся в наше время, как и в ваши дни, планетой плешивой, почти такой же бесплодной, как и Меркурий, с его лимонитными песками и чахлыми лишайниками, — проживали марсиане. Их следы были крошечными, едва заметными, но неоспоримыми: несколько полуобвалившихся, порой засыпанных песком туннелей. В одном из них недавно обнаружили обломки веретенообразного летательного аппарата, который, пусть он весь и испытал разрушительное действие коррозии, когда-то, похоже, работал на принципе космомagnetизма. Но вот *ваши* следы, следы вашей будущей колонии, оставленные незадолго до пятого обледенения, были отчетливыми: заброшенные города без сводов, в которых все, за исключением книг, осталось целым и невредимым.

Я возобновил работу вместе с Хани и продолжал практически ежедневно видеться с Ренией. Казалось, старик и часа не мог обойтись без своей внучки. Только она могла его успокоить, когда он был на взводе. Человеку крайне приятному и умному, ему была присуща ярко выраженная маниакаль-

ность, и мне пришлось научиться представлять ему свои расчеты таким образом, чтобы не слышать затем, как он скрежетает зубами, перепроверя их. Мы проанализировали солнечные архивы и все ежедневные наблюдения последних лет. На Земле тем временем целая армия астрофизиков изучала все, что было известно о начальных стадиях новых и сверхновых звезд, и пересылала нам результаты на космолетах особого назначения. Во избежание чрезмерного внимания астрономов, Хани распространил слух, будто он проверяет одну из моих теорий, согласно которой ближайшая к нам звезда, Этанор, рискует вскоре превратиться в сверхновую.

Под довольно-таки неопределенными предложениями Совет властителей снова ввел через правительство триллов закон Алькитта, который позволял в случае необходимости мобилизовать все земные энергоресурсы. Незаметно начались первые приготовления.

Наши расчеты позволили наконец уточнить срок солнечного взрыва: при сохранении нынешнего ритма солнечных ядерных реакций у нас оставалось двенадцать лет и шестьдесят четыре дня. Но следовало учитывать и возможное ускорение, так что наш «запас прочности» не превышал восьми лет. Стало быть, через восемь лет Земля и Венера должны были удалиться от Солнца за орбиту Урана, причем, по возможности, подальше. О спасении других планет не могло идти и речи, и одно время мы даже рассматривали всерьез план, согласно которому в какой-то момент предполагалось переселить на Землю всех колонистов с Венеры. Но в конечном счете выяснилось, что данная операция вкупе с сооружением герметических подземных убежищ еще для семисот миллионов человек, а также сельскохозяйственных ферм, которые должны были обеспечить этих людей питанием, оказалась бы более затратной во всех отношениях, нежели перемещение с орбиты самой Венеры.

Хани улетел вместе с Ренией, и их отсутствие подействовало на меня удручающе. Я уже привык к старику, к его вспышкам гнева и грубому юмору, к неопределимой помощи, которую он мне оказывал. Должен признаться, я привык также и к умиротворяющему присутствию Рении, и теперь не без грусти я поднимался порой на вершину горы Теней.

Спустя полгода после их возвращения на Землю новость о взрыве Солнца была донесена до всего человечества, но лишь в качестве возможного исхода. С согласия Совета правительство триллов приступило к строительству гигантских космомагнетических двигателей, которые, будучи расположенными на полюсах Земли и Венеры, должны были вывести обе планеты в открытый космос. Чуть позднее заработал и закон Алькитта, и с этого момента все на обеих планетах было подчинено одной великой цели. Затем, совершенно неожиданно, я был отозван на Землю. Я в последний раз обошел знакомую лабораторию, которую мне уже не довелось больше никогда увидеть, и улетел, взвалив на Сني всю ответственность за продолжение исследований.

О причине столь срочного вызова я совершенно ничего не знал, — потому, наверное, и удивился больше всех, когда приказом Совета властителей меня вдруг поставили во главе Солодины — организации, которая только что была создана для контроля над всей подготовкой к великому путешествию наших планет сквозь космос, — назначив верховным координатором. Этой тяжелой, но восхитительной ответственностью я был обязан тому докладу, с которым Хани выступил касательно меня по возвращении на Землю. Так, в свои двадцать семь лет, я возглавил организацию, которая в той или иной степени контролировала всю жизнедеятельность двух планет!

Я думал, мне удастся насладиться несколькими днями отдыха, что позволит мне навестить брата, проживающего с семьей в Экнеборе, в южном полушарии. Не тут-то было! Едва я вышел из межпланетного космолета, как вынужден был предстать перед Советом. После принесения клятвы текна мне до того дня бывать в этом зале больше не доводилось. На сей раз атмосфера была менее торжественной, но более напряженной. Присутствовали все властители до единого, в том числе властитель машин и властитель людей, — последний выступал в роли посредника между Советом и правительством триллов. И, чего не было с незапамятных времен: на собрание явились даже три члена этого самого правительства!

Я сел, и Тхар, властитель машин, начал свой доклад. Гигантские космомагнетические двигатели будут готовы через

три года и еще через год смонтированы и установлены. Раньше с этим никак не справиться, потому что колоссальные размеры космомагнитов требуют разрешения множества совершенно новых проблем. Так, например, первым делом необходимо построить станки, способные обрабатывать огромные детали.

Затем слово взял Снэ, властитель планет: установка гигантских космомагнитов на полюсах требует решения сложнейших вопросов из области геологии и геофизики. Можно сравнительно легко растопить ледяной панцирь на Южном полюсе, но это вызовет значительный подъем уровня морей, которые затопят целые страны. Поэтому лучше всего избавиться ото льда лишь на отдельном участке, таком, какой и необходим для космомагнита — не большим, но и не меньшим. Что же касается Северного полюса, то при глубине океана, достигающей почти километра, нечего и думать об установке в такой короткий срок надежного фундамента. Подводный космомагнит слишком сложен, и на постройку его также уйдет немало времени. В общем, Снэ предлагал вместо одного космомагнита на Северном полюсе разместить целую серию менее мощных космомагнитов на суше, в как можно более высоких широтах, опоясав ими всю Землю.

Псил, властитель энергии, ответил на это, что, хотя такой проект кажется ему единственно приемлемым, малейшее расхождение в синхронной работе малых космомагнитов вызовет, однако, избыточные напряжения земной коры, чреватые подземными толчками.

Одни за другими, властители высказывали свои соображения. Я уже начинал понимать, сколь трудная меня ждет задача. Необходимо было предусмотреть эвакуацию всего населения с поверхности в подземные города с герметической изоляцией и автономным снабжением, законсервировать значительную часть атмосферного воздуха, создать подземные поля и гидропонные фермы, способные на протяжении долгих лет снабжать всех этих людей продуктами питания. Разумеется, можно было бы оставить часть автоматических заводов фотосинтеза на поверхности, чтобы они использовали энергию сверхновой, но я надеялся, что к тому времени, когда она вспыхнет, мы будем уже далеко. И все это касалось

не только Земли, но и Венеры. Разумеется, я был бы не один. Я получил бы столько помощников, сколько сам пожелал бы, и в придачу — полную поддержку Совета. Однако же груз ответственности уже начинал давить на мои плечи.

глава 4

Величайшее из дел человеческих

После собрания Хани провел меня в свою лабораторию, где около сотни астрофизиков анализировали всю имевшуюся у нас информацию о новых и сверхновых звездах, накопленную за более чем полторы тысячи лет.

Совпадение первичной стадии новой звезды с моими расчетами было поразительным, хотя обнаружили и отличия, лишь укрепившие меня в моем впечатлении, что в случае с нашим Солнцем мы имеем дело с совершенно особым типом. Я снова повидался с Ренией, возвратившейся с Южного полюса, куда она вместе с другими геологами летала осмотреть установку геокосмоса № 1. Она была со мной мила, но показалась мне немного отстраненной, озабоченной. На следующий день ей предстояло вернуться к работе, и я пообещал себе воспользоваться своим новым положением для того, чтобы заскочить к ней во время своего инспекционного турне.

Как выяснилось впоследствии, на реализацию этого плана у меня ушел практически целый год! Едва приступив к своим обязанностям, я с головой погрузился в тяжелейшую работу по координации действий, которая вынудила меня полностью забросить мои собственные исследования. Я перепоручил их Сни, вернувшемуся на Землю по моей просьбе. Впрочем, основная часть работы была уже сделана Хани и мной самим, а все остальные изыскания, не имевшие прямого отношения к великому путешествию, были приостановлены.

Здание, в которой располагался директорат Солодины, находилось на южной окраине Хури-Хольдэ, и из окна, в редкие минуты отдыха, я мог любоваться красивой долиной Хур с ее полями зерновых культур, лесами и спокойной рекой.

Природа, навсегда избавленная от проволочных ограждений, телеграфных столбов и опор электролиний, которые так уродуют ее в вашу эпоху, была как никогда прекрасна!

Огромная метрополия с 90 000 000 жителей кончалась резко, без всех этих ваших пригородов — язвы на теле города, — и уже в 50 метрах от городских утесов начинался кедровый бор. Всего несколько месяцев назад небо было заполнено легкими планерами, так как планеризм являлся у нас самым популярным видом спорта. Сейчас планеры оставались в ангарах, и только быстрые космолеты земных линий, черными точками возникавшие на горизонте, со свистом зависали над взлетными площадками, причем их пассажиры даже не чувствовали перегрузок благодаря антигравитационным и внутренним антиинерционным полям. И нигде ни одного наземного транспортного средства! Для осмотра полей все до единого агрономы располагали личными небольшими космолетами, которые настоящим роем вылетали часов в семь утра, чтобы вернуться уже поздно вечером.

Мой кабинет находился в башенке на куполе, этаким «фонаре», и, ходя по нему из одного конца в другой, я мог видеть — с северной стороны — убегающие за горизонт висячие сады и небоскребы Хури-Хольдэ. Ни один из них, правда, не поднимался столь же высоко, как 1200-метровый корпус Солодины. На востоке возвышался курган Героль, воздвигнутый более 2000 лет тому назад во время постройки города из отвалов породы, вынутой из подземных этажей. Всего полгода назад он был высотой в 1500 метров, теперь же стал еще на 300 метров выше, так как люди и машины денно и ночью работали над углублением и расширением подземного города, рыли огромные пещеры, где под искусственным солнцем предстояло вызревать хлебам, строили огромные резервуары для сжиженного воздуха и воды. Свежие отвалы светло-коричневого цвета резко выделялись на склонах, буйно поросших лесами. По подземным путям, связывавшим нас с Уром и Лизором, крупными городами-заводами, поступал непрерывный поток металлов, цемента и всевозможных материалов. Подземелье беспрестанно вибрировало от грохота экскаваторов, бурильных машин, всего того мощного инструментария, которым мы располагали. То же самое происхо-

дило во всех земных городах, то же самое было и на Венере, столица которой, Афрой, насчитывала 80 000 000 жителей. И именно на мне лежала ответственность за эту титаническую работу восставшего против своей судьбы человечества.

Немало седых волос мне и моим сотрудникам прибавила проблема океанов. Хотя поверхность океанов в наше время, по сравнению с вашей эпохой, и уменьшилась, они все еще покрывали бóльшую часть Земли. Сами по себе океаны нас не волновали: они либо замерзнут, либо испарятся, чтобы затем выпасть дождями или снегом, только и всего. Но они представляли собой неисчерпаемый резервуар жизни, и эта жизнь была для нас бесценным сокровищем, которое мы хотели попытаться спасти. Очевидным выходом было сооружение подземных водоемов. Но мы столкнулись с серьезными экологическими проблемами, равномерным распределением видов. В конечном счете мы так и не нашли оптимального решения, и какие именно виды следовало спасти любой ценой, определила команда биологов.

Наконец-то я смог отправиться в инспекционный полет для осмотра геокосмосов. Начал я с Южного полюса. По правде сказать, я и так был в курсе того, как проходят работы, благодаря поступавшим каждую неделю докладам, а также телевидению и многочисленным беседам, которые проводил в Хури-Хольдэ с Ренией и другими техническими работниками. Но мне хотелось собственными глазами увидеть эту гигантскую площадку, поэтому я взял свой космолет, постоянно находившийся в моем распоряжении и стоявший на платформе рядом с «фонарем». Вылетел я один. Я не пилотировал космолет со дня возвращения с Меркурия, и потому сел за пульт управления с удовольствием. Проверив регулировку — аппараты, не использовавшиеся на протяжении долгого времени, имели склонность разлаживаться, и хотя мой поддерживали в хорошем состоянии, я предпочитал не рисковать, — я быстро поднялся на высоту в 30 000 метров. На этой высоте я мог не опасаться, что столкнусь с каким-нибудь грузовым космолетом, а межпланетные корабли следовали по строго определенным маршрутам, ни один из которых не пересекался с моим. В общем, я смог немного ускориться и в среднем летел на 10 000 км/ч. Пролетая над

заповедниками Центральной Африки, я решил на пару минут задержаться и спикировал вниз, чтобы полюбоваться дикими животными. Нам удалось сохранить все виды, которые упорно выживали после тех или иных катаклизмов, а также безжалостных отстрелов ваших охотников, — в том числе слонов и хищников.

Примерно в 1000 километров от места назначения я вынужден был сбросить скорость. Небо было забито тяжелыми транспортными кораблями, доставлявшими материал на стройку. Когда я приземлился, стояла чудесная погода, сияло Солнце, и ледниковая шапка ослепительно сверкала в его лучах. Из котлована диаметром около 200 километров лед был удален, и почва Антарктиды впервые за миллионы лет предстала глазам человека. По периферии котлована располагались рабочие лагеря, небольшие дома из изолекса. Я спустился прямо к лагерю № 1, где рассчитывал найти Рению и главного инженера Дилка.

Несколько часов я уделил инженерам, затем вместе с Ренией облетел на небольшой высоте всю стройку. Самая тяжелая работа была уже сделана, и Рения, занимавшаяся ею с самого первого дня, этим по праву гордилась. Теперь лед поддерживали стены из прозрачного резилита более чем пятидесятиметровой толщины, но в первые недели работ происходили несчастные случаи. Как-то ночью миллионы кубических метров льда сошли в шахту, уничтожив два лагеря и убив более 6000 человек. Когда вся эта глыба устремилась к самой оси, одному молодому инженеру, Мору, пришла в голову мысль, сосредоточить на пути прохождения льда все радиаторы, которые поддерживали в шахте температуру в двадцать градусов. За несколько секунд он разрядил всю солнечную теплоту, собравшуюся в радиаторах за долгие экваториальные месяцы. Эффект оказался просто невероятным: лед испарился, практически даже не перейдя в жидкое состояние. Расплата пришла в виде установившихся на две недели туманов и проливных дождей, затопивших стройку, несмотря на помпы и вспомогательные радиаторы.

Как я уже сказал, ось геокосмоса была уже поставлена. Она уходила под землю на двенадцать километров. Грунт из котлована был извлечен весьма элегантным способом:

начиная с верхушки ледниковой шапки, были пробиты во льду широченные пандусы, и земля, насыпаемая в огромные сани, сползала снаружи вниз, иногда до самого моря, от собственного веса.

В отличие от северных геокосмосов, которые должны были быть неподвижными, но с импульсным действием, варьирующимся в зависимости от вращения Земли, геокосмос, установленный на Южном полюсе, один-единственный, должен был крутиться на своей оси. На этой оси необходимо для его функционирования энергию предстояло подавать мощной атомной станции, рядом с которой мы собирались постоянно держать 1200 человек обслуживающего персонала.

Если с механикой все обстояло более или менее нормально, то к монтажу самого гигантского геокосмомагнетического двигателя, который должен был придать скорость звездолету «Земля», еще едва приступили. Первые его части лишь начали выходить с заводов, и сборка должна была занять еще несколько лет. Затем последует критический период испытаний. И наконец, когда все будет готово, человечество спрячется в свои подземные города, и начнется великий путь. Мы переместим нашу планету далеко за орбиту Плутона, а после взрыва вернемся на подходящие орбиты возле Солнца. В тот момент ни о чем другом мы не думали, хотя у меня уже тогда зарождались сомнения.

Я рассчитывал провести на Южном полюсе лишь несколько часов, но в итоге пробыл там два дня. В Хури-Хольдэ вполне тогда могли обойтись без меня, и я не был прочь, помимо удовольствия побыть немного в обществе Рении, погрузиться ненадолго в работу, которая не являлась чисто административной. Я взял Рению в проводники и в небольшой машине мы объехали всю стройку. То был настоящий муравейник, но муравейник, оснащенный средствами, о которых вы не можете даже и мечтать. Тяжелейшие детали, выхваченные из антигравитационных полей, казалось, сами по себе летали над головами, мягко приземлялись в нужное место, управляемые издали человеком, выглядевшим мальчиком-с-пальчик на вершине его металлической башни. Затем молекулярные сварочные машины вытягивали свои длинные руки, и блок намертво приставал к конструкции.

Эти два дня мы с Ренией жили жизнью обычных строителей, рабочих и инженеров. Рискую вас разочаровать, но и здесь тоже отличия в умонастроении на стройках нашего и вашего времени не очень велики. Если сами постройки, домики строителей, столовые и т.д. еще и могли бы показаться чрезвычайно роскошными нынешнему директору предприятия и недостижимой мечтой вашим рабочим, но, как и сегодня, среди нас были люди спокойные и вспыльчивые, энтузиасты труда и откровенные «сачки», синдикалисты, антисиндикалисты и вечно недовольные. Закон Алькитта не применялся уже с незапамятных времен, и многие текны или триллы внезапно получали на руки проездное свидетельство и вынуждены были отправиться за тысячи километров от своих семей.

Но в тот момент недовольство было результатом исключительно расстроенных привычек, а не мятежа.

Я с сожалением покинул Южный полюс, направил свой космолет на север и приземлился в Гренландии, на северном побережье, где строился геокосмос № 3. Гораздо меньшего размера, чем его южный собрат, он был уже почти готов. Нужно было смонтировать десять подобных по периферии Северного полярного круга. Вернувшись в Хури-Хольдэ, я погрузился в повседневную рутину. Так продолжалось до того дня, когда у меня попросил аудиенции властитель людей, Тираи.

Он руководил всеми социологическими исследованиями, был посредником между Советом и правительством триллов, но одновременно — эту тайну знали только члены Совета и я — являлся еще и начальником нашей секретной информационной службы. То был мощного телосложения (студентом он неоднократно выигрывал соревнования по борьбе) все еще физиологически молодой (ему только-только исполнилось 87 лет) мужчина, чрезвычайно гордившийся своей темной бородой и жестким ежиком волос, что у нас встречалось крайне редко — наши волосы, как правило, тонкие и ломкие. До того дня я общался с ним мало, но относился к нему с глубокой симпатией. Он не стал ходить вокруг да около:

— Хорк, вы никогда не сталкивались в своей работе с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим саботаж?

— Нет, — я даже слегка удивился. — Разумеется, недовольных хватает, особенно среди триллов, однако иначе и быть не могло, и мы это предвидели. Но что касается злого умысла, то этого нет. И уж тем более случаев саботажа, — иначе я бы непременно поставил Совет в известность!

— Ну да — если бы у вас имелись на руках доказательства. Но сделали бы вы это на основании одних лишь подозрений? Впрочем, это неважно, раз уж вы ничего не заметили. Вероятно, их движение еще не решилось приступить к активным действиям...

— Какое еще движение?

— Фаталистов. Это шайка придурков, которые утверждают, что если Солнце взорвется, значит, такова судьба, фатум, рок, и Земля должна погибнуть. Похоже, они полагают, что, спасая наши тела, мы губим наши души и что огонь Солнца должен нас очистить. В основе их веры лежат всякие вздорные пророчества, сохранившиеся в священных книгах киристинян, этой религиозной секты, которая, если верить некоторым историкам, восходит, быть может, к эпохе первой, еще доледниковой цивилизации.

— Я думал, что киристиняне были людьми разумными, хотя и не разделял их убеждений, — мне они тоже знакомы... Да что там говорить, моя бабушка была одной из них!

— Эти совсем не такие. Если мои данные верны, это новая, но уже могущественная среди триллов секта. Как назло, один из их проповедников анонсировал конец света ровно за два месяца до того дня, когда Совет намеревался во всеуслышание объявить о нестабильном состоянии Солнца.

— И за счет кого эта секта комплектуется?

— Пока что — исключительно за счет триллов. Но, боюсь, вскоре в нее станут вступать и некоторые текны из тех, что стоят на низших ступенях нашей служебной лестницы, или же те, кому легко задурить голову... Возможно, среди них уже есть и весьма высокопоставленные особы, к примеру, из полиции триллов.

Я смачно выругался. При условии, что все пойдет хорошо, мы еле-еле успеем все сделать. Но если начнутся волнения...

— Что мы можем сделать?

— Пока ничего. Я надеялся, что вы представите мне какие-нибудь подозрительные факты, которые позволят мне действовать. Но в данной ситуации, даже если мы арестуем кого-нибудь из их вожаков — а мы наверняка знаем далеко не всех! — мы рискуем вступить в конфликт с правительством триллов, потому что с юридической точки зрения наши действия будут чистейшим произволом. Наш закон гарантирует свободу мысли и культа. Мы не можем арестовать кого-то только за то, что он верит, будто мы поступаем неправильно, не желая покориться судьбе!

— Понимаю, — сказал я. — Полагаю, у вас *уже* есть агенты на всех стройках.

— Конечно! Но если один из ваших инженеров сообщит вам о каких-то неполадках...

— Договорились! Но и вы тоже, если вдруг что-либо обнаружите...

Тирази ушел, оставив меня в замешательстве... Как всякий техн, я был воспитан на мысли, что человек может и должен бороться с враждебными силами природы, и мне трудно было поверить в то, что кто-то может думать иначе. На уровне интеллекта я пытался принять эту мысль, так как, неся ответственность за все это великое начинание, не мог пренебрегать никакой угрозой, сколь бы отдаленной или маловероятной она ни казалась.

Однако подозрения Тирази оправдались лишь много позднее, и так как все было спокойно и шло своим чередом, я отправился в инспекционное турне на Венеру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КАТАКЛИЗМ

глава 1

Венерианские джунгли

Прежде на Венере я никогда не бывал. Наши отношения с венерианами были довольно щекотливыми. Венеру колонизировали еще до нашествия драмов. Обнаружилось, что планета окружена толстым слоем формальдегида, и прежде чем начать заселение, необходимо было сделать ее пригодной для жизни. Под руководством выдающегося ученого Похла Андр'сона началась физико-химическая обработка Венеры, известная под названием «Сильный Дождь», которая полностью изменила всю атмосферу планеты. По окончании этой операции Венера снова оказалась окруженной облаками, но на сей раз облака эти состояли из водяных паров. Затем был ускорен слишком медленный цикл вращения Венеры, который мы довели с 72 до 28 земных часов. В ту далекую эпоху космомагнетизм нам еще не был известен, и необходимую энергию поставили атомные станции, отличавшиеся от ваших в том, что мы использовали не распад тяжелых или легких атомов, а гораздо более мощную реакцию аннигиляции материи.

И гораздо более опасную! В 2244 году случилась катастрофа. По неизвестной причине семь из одиннадцати атомных

станций одновременно взорвались, и почти над всей Венерой повисло облако радиоактивного газа, — к счастью, период его распада оказался весьма коротким! С Земли уже начала прибывать помощь, когда на нас обрушились драмы.

Так всяческие отношения между двумя планетами прервались более чем на тысячу лет. Все документы, которые могли подсказать драмам, что у нас есть колония на Венере, были спрятаны или уничтожены. Марс уже находился в их руках, если так вообще можно назвать их пальчатые щупальца.

На Венере человечество, все еще обитавшее в городах под куполами, выжило с огромным трудом. Там произошла целая серия дегенеративных мутаций, к счастью, не слишком долгих. Словом, не рассчитывайте, что ядерная война создаст новую расу сверхлюдей! Впрочем, фауна Венеры изменилась довольно-таки занятным образом.

До прихода людей на Венере не было вообще никаких форм жизни, поэтому мы завезли туда земную флору и фауну. В основном это были различные виды из африканских и американских заповедников: крупные и мелкие млекопитающие, травоядные и хищные, насекомые и т.д. За сто лет, сначала под куполами, а затем под открытым небом, нам удалось создать на Венере почти устойчивое экологическое равновесие, аналогичное тому, которое за миллионы лет эволюции установилось на нашей собственной планете. Большая часть земных животных погибла в результате ядерной катастрофы. Из выживших лишь небольшая часть не претерпела изменений, тогда как остальные, менее удачливые, стали жертвами странных мутаций. Но, в отличие от того, что произошло с людьми, у животных эти мутации не всегда приводили к вырождению или смерти. И с тех пор Венера, по большей части все еще необитаемая, так как на территориях, расположенных между сорока и пятьюдесятью градусами северной и южной широты, стоит просто-таки невыносимая жара, располагала кошмарной фауной, о которой у меня еще будет возможность рассказать.

За неимением больших практических возможностей, сильно поредевшее население Венеры, тем не менее, сохранило почти все теоретические знания, забытые на Земле за время владычества драмов, и, когда после отлёта последних к нам

прибыл первый венерианский звездолет, мы сумели быстро наверстать потерянное время. Затем на Земле расцвела новая цивилизация, и, когда мы снова вырвались вперед, венериане вынуждены были, во многом из-за нашего сильно возросшего могущества, признать наше превосходство в знаниях, пусть и скрепя сердце. Их цивилизация в некоторых отношениях была более развитой, нежели наша, особенно в области искусства, а разделение на текнов и триллов — гораздо менее четким. Их столица, Афрои, насчитывала не многим меньше жителей, чем Хури-Хольдэ, хотя все население планеты равнялось лишь ничтожной части земного.

На Венере монтаж гигантских космомагнитов продвигался не так успешно, так как крупных городов-заводов у венериан просто-напросто не было. Тем не менее мы хотели во что бы то ни стало спасти эту весьма плодородную и чрезвычайно богатую минералами планету. Я отбыл туда в сопровождении Хани, Рении и целого штаба технических работников.

Окружавшие планету облака лишь изредка позволяли видеть Солнце, поэтому здесь царил смутный полумрак, не слишком приятный для только что прибывших землян. Рельеф казался каким-то нечетким, размытым. И здесь по-прежнему было невыносимо жарко, поэтому венериане носили минимум одежды. Их приспособленные к полумраку глаза были заметно большими, нежели глаза землян, и гораздо более светлыми, обычно бледно-серыми. Но эта особенность, впрочем, была рецессивной, и дети от смешанных браков между землянами и венерианцами всегда имели обычные глаза в первом поколении.

Рения происходила от древнего венерианского рода. Глаза у нее тоже были большими, но по какому-то капризу наследственности, не серыми, но светло-зелеными, почему она и не страдала от яркого света земного дня. Большинство же венериан, прибывавших на нашу планету, вынуждены были носить фильтрующие линзы. Рения покинула Венеру еще в детстве, но хорошо помнила все ее обычаи и стала для меня бесценным гидом: благодаря ей я не так уж и часто попадал впросак.

Как описать необычную красоту этой планеты? На Венере было пять материков, три северных, из которых самым населенным был полярный, и два южных, простиравшихся

от тропиков до Южного полюса. В северном полушарии, по соседству с экватором, по океану была разбросана цепочка необитаемых островов, где средняя температура равнялась 55 градусам. Там, под почти непрекращающимися проливными дождями, среди занятых желтых деревьев, проживали невероятные создания: *лхерми*, огромное насекомое, способное своими клешнями надвое перерубить человека; *фория*, далекий потомок земного крокодила, одетая в броню рептилия 25-метровой длины, медлительная и тяжелая, но способная на расстоянии убить любого зверя ядовитым плевком; и наконец, происходившая, как полагали, от гориллы *Гери-Куба*, странное обезьяноподобное существо, несшее смерть для каждого, кому доводилось увидеть его вблизи. На северных континентах фауна была менее устрашающей: здесь встречались *слоны* — крупные, с раздвоенным хоботом, чрезвычайно умные и живущие в организованной общине; *триги*, хищники, представлявшие собой нечто среднее между львом и тигром, а по сообразительности превосходившие ваших шимпанзе (на передних лапах у них уже даже начал появляться хватательный палец!); и конечно, *флеи*, летучие ящерицы неизвестного происхождения (размах крыльев — до шести метров!), которых молодые венериане использовали в качестве верховых животных. Венерианский пейзаж под низким сводом облаков, залитых рассеянным сумеречным светом, вызывал у землян щемящую грусть. По серым просторам неглубоких океанов, вспенивавшихся от постоянных ветров, без конца хлестали дожди. Берега почти всюду были скалистыми и крутыми, но широкие мутные реки далеко выносили свои разветвленные дельты, где вызревал необычайно крупный и вкусный венерианский рис. Молодые горы, уже тронутые эрозией, выбрасывали к облакам иглы черных и красных вершин. Впрочем, горы эти были невысокими, за исключением хребта Акатчеван на севере, достигавшего в высшей своей точке 6600 метров. Экваториальные континенты сплошь были покрыты лесами гигантских деревьев, которые более чем на триста метров возносили там вверх свои кружевные душистые кроны.

По контрасту с бледностью тона, который был характерен планете, венерианские города поражали своим блеском

и красочностью. Построенная из мрамора Афрой, с ее широченными авеню, огромными ступенчатыми террасами и роскошными памятниками, привольно раскинулась на берегу Казомирского залива Теплого моря, — в сравнении с ней даже Хури-Хольдэ казался захолустьем.

Я был принят венерианским правительством. В отличие от того, что происходило на Земле, на Венере — как, впрочем, и на Марсе — не было Совета властителей. Разумеется, некоторые властители являлись венерианцами или марсианцами по происхождению, но они состояли в *земном* Совете, который и правил всеми планетами. Подобное положение вещей было направлено на избежание сепаратистских движений. Хотя подобные движения со временем стали крайне маловероятными, законов это не отменяло. Благодаря тому, что на космомагнетических кораблях можно было добраться до Марса или Венеры всего за несколько дней, неудобств практически не возникало. Планетарные правительства никогда не отчитывались перед Советом за то, что могло касаться судьбы человечества, так что посланников этого самого Совета на данных планетах видели довольно-таки редко. Но на сей раз общая опасность приглушила старые обиды, и все сотрудничали со мной без единого возражения.

Как и чуть ранее на Земле, я посетил различные стройки. Оба космомагнита были того же типа, что и у нас на Южном полюсе: на Венере нет ни полярных океанов, ни льдов, зато здесь пришлось вырубать девственные леса, а на Южном полюсе — еще и истреблять опасных животных. Для станций релейной связи, расположенных близ экватора, мы вынуждены были предусмотреть охлаждающие установки. Эти станции оказались необходимыми потому, что здесь, на Венере, не было такой густой сети электроцентральных, какая имелаась на Земле. Всюду работы шли полным ходом. Уже начали прибывать блоки космомагнитов, и на полюсах приступили к их монтажу. Отставали от графика лишь некоторые экваториальные релейные станции.

Во время многочисленных обедов и ужинов, когда за столом нам доводилось общаться с венерианскими текнами — инженерами, физиками, натуралистами, — я слышал много историй о таинственной Гери-Кубе, которую никто

никогда толком не видел. Очень давно, когда на Земле только начинали подходить к концу «сумерки драмов», здесь, на Венере, была организована экспедиция на остров Зен. Исследователи успели сообщить, что обнаружили гигантскую обезьяну, и это было их последнее сообщение: они исчезли все до единого. С тех пор десятки экспедиций безуспешно пытались разгадать эту тайну. Джунгли на острове Зен были поистине непроходимыми. Даже небольшие частные космолеты с трудом могли проникнуть под свод экваториальных деревьев, а о том, чтобы пробраться туда пешком, и вовсе не могло быть и речи, — слишком много опасностей, не говоря уже об убийственной жаре, подстерегало смельчаков, и за сомнительные результаты пришлось бы расплачиваться человеческими жизнями. И так уже немало венериан и землян бесследно исчезло. И, поскольку экваториальные земли для все еще малонаселенной Венеры не представляли особого интереса, поиски их были не то чтобы запрещены, но «отложены» на неопределенное время.

Тем не менее меня снедало любопытство. Вскоре фауна этих островов исчезнет навсегда. Какие необычные формы, какие возможности важных открытий с биологической точки зрения могла она заключать в себе? Нужно было еще установить экваториальный ретранслятор, а для этого оставалось лишь два возможных места: остров Арк, представлявший собой небольшой угрюмый утес, и крупный остров Зен. Я поделился своими планами с Советом властителей, и на его заседании было решено установить ретранслятор на острове Зен. На сей раз, учитывая тот факт, что стояло на кону, были мобилизованы все необходимые силы.

Такое наше решение сначала ошеломило венериан, а затем вызвало у них взрыв энтузиазма. Впервые в истории Венеры посланнику Совета устроили овацию, и даже студенты явились под мои окна выразить свою радость. Народ беспокойный и энергичный, венериане страдали от мысли о том, что какой-то уголок их планеты может остаться неисследованным вследствие решения, принятого на Земле, пусть, как это было в этот раз, в принятии данного решения и участвовали властители-венериане. Всеобщая восторженность еще более возросла, когда на обеде у президента ве-

нерианского правительства я объявил, что сам возглавлю экспедицию. Я спокойно мог уделить ей несколько недель, так как работы шли с опережением графика, да и с Земли поступали обнадеживающие новости. Фаталисты вели себя тихо, и я уже начинал полагать, что Тираи просто-напросто захотел поважничать. Словом, я рассматривал эту экспедицию как небольшой отдых. Фактически же, мое присутствие в ней вовсе не являлось таким уж необходимым.

Оставив за собой общее руководство, я позволил венерианам, гораздо лучше меня знакомым с их планетой, проработать детали. На организацию экспедиции ушло две недели. В ней предстояло принять участие пятидесяти одному человеку, из которых лишь восемь должны были углубиться в лес.

В качестве транспортных средств мы использовали три межпланетных корабля, каждый из которых нес на борту два маленьких космолета-спутника. Вылетали мы на рассвете из астропорта Афрои, стоящего на берегу Теплого моря; тяжелые корабли поблескивали в свете прожекторов. Сразу же вслед за пилотами мы с Ренией поднялись на борт первого космолета, называвшегося «Слик Эффрей», что означает «Сверкающая молния».

Вопреки земной привычке, мы летели низко, под сплошным облачным сводом. Венерианские космолеты были обустроены с роскошью, до которой нашим было еще далеко: даже полы в салонах были инкрустированы дорогим деревом. Впрочем, в салонах я задерживаться не стал, воспользовавшись своими привилегиями для того, чтобы пройти вместе с Ренией в кабину пилота. На экранах перед нами катило свои длинные серо-свинцовые волны, иногда вспарываемые черными телами чудовищно изменившихся потомков наших земных китов или акул, венерианское море. Наша скорость была весьма умеренной, и потому лишь ближе часам к десяти мы заметили вдаль, прямо перед нами, завесу тропической дымки. Два других космолета подлетели к ней раньше нас, и я увидел, как они растворились в тумане.

Плотность тумана — наши радары спокойно его пробивали — была неравномерной, так что иногда сквозь колодцы, образованные потоками теплого воздуха, мы воочию видели поверхность моря. Мы заметили остроконечную вершину

небольшого островка Арк, затем на экране возник расщепленный силуэт гор Зериф, что на острове Зен. Километрах в двадцати от острова просветы в тумане стали учащаться, а над самим островом туман вдруг рассеялся окончательно. Мы вошли в зону экваториальных воздушных потоков, столь мощных, что они порой разрывали завесу облаков; остров Зен оставался одним из немногих мест на Венере, где иногда по ночам можно было видеть звезды.

Остров простирался под нами на добрую сотню километров в длину и километров на сорок в ширину. Сверху он походил на огромное животное с двумя длинными мысами вместо лап и узкой пастью залива. За исключением хребта Зериф, достигавшего в верхней своей точке 4000 метров, весь остров был покрыт сплошным лесом. Мы начали спускаться на плато между двумя безымянными вершинами, примерно на полкилометра выше границы джунглей. Огромные космолеты приземлились с легкостью, недоступной даже вашим самолетам. Ветер доносил до нас дыхание джунглей: тяжелый, пряный аромат крупных белых цветов, смешанный с терпким запахом перегноя. Внизу, за пологим склоном, колыхалось темно-зеленое море сомкнутых крон. Позади нас, поднимаясь на штурм неба, казалось, дефилировали среди низко висящих облаков контрфорсы хребта Зериф.

Мы разбили лагерь под сенью космолетов. Их внушительная масса защищала нас от ветра, иначе долго мы бы там просто не выдержали. Этот ветер дул на плато беспрестанно, извлекая из высокой травы и отдельных кустов странную, монотонную и волнующую мелодию. Техники быстро собрали металлические дома-убежища и прочно укрепили их стальными крючьями, вбитыми в каменистую почву. К концу второго дня все было готово.

На следующий день мы спустились к лесу в небольшом космолете-спутнике. Нас было пятеро: Рения, венерианский биолог Собокол, лет тридцати от роду, два его ассистента, Реум и Тулл, и я. На высоте метров в десять мы долго маневрировали вдоль границы джунглей, прежде чем смогли углубиться под своды леса. Между гигантских стволов здесь рос подлесок, высотой и мощностью подобный земной дубраве, но сплошь окутанный лианами, изъеденный мхами и лишай-

никами. В развилках ветвей гнездились пышные цветы — *эпифиты*. Мы с черепашей скоростью двигались по узкому просвету между деревьями, то и дело останавливаясь перед неожиданными завалами из мертвых ветвей или завесами лиан, которые наш слишком слабый космолет не мог прорвать. Однажды на нас обрушилась настоящая сеть из лиан, и нам с Собоколом пришлось выйти наружу, чтобы, орудуя электропилами, освободить аппарат. Из донесений экспедиции Клена, той самой, что обнаружила Гери-Кубу и исчезла, мы знали, что после дебрей на опушке лес должен был поредеть. И действительно, ближе к вечеру мы выбрались к реке, лететь вдоль которой было уже гораздо легче. Вскоре пришлось включить прожекторы. Уже в полной тьме мы добрались до какого-то озера, казавшегося черным кратером среди нависших над его берегами ветвей.

Мы посадили космолет на один из берегов, где небольшой пляж являл собой благоприятную посадочную площадку. Здесь мы чувствовали себя в безопасности. Космолет, отлитый целиком из самого прочного сплава, перед которым, уж поверьте мне, ваши особые стали — просто мягкий свинец, казался нам неприступным убежищем. И все же нам было немного не по себе: заросли подступали со всех сторон, надвигались, давили, вызывая клаустрофобию. Это чувство исчезло после сытного ужина, и, погасив прожектор, мы затаились в ожидании появления обитателей джунглей, если таковые здесь вообще водились.

О! Эту ночь в венерианском лесу мне никогда не забыть! Едва прожектор погас, мы увидели, как в озере появилось фиолетовое сияние: сначала слабое, оно быстро разгоралось и вскоре достигло яркости тропической луны на Земле. Оно словно всплывало из глубины озера, по которому, как по горячей сере, переливались огни. У самой поверхности замелькали стремительные змееподобные тени. Сидя перед левым экраном, между Ренией и Собоколом, я смотрел на это завораживающее зрелище. Реум и Тулл дежурили у правого экрана, обращенного в сторону джунглей. Волны озера отбрасывали танцующие блики на черные, как уголь, стволы, и молодые венериане несколько раз подзывали нас, когда им казалось, что они видели между деревьями какие-то смутные фигуры.

Это случилось около полуночи. Более чуткая, чем все мы, Рения ощутила *это* первой. Внезапно побледнев, она сказала, что у нее такое ощущение, словно некое чудовище смотрит на нее в упор из темноты. Чтобы ее успокоить, я включил прожекторá, но потом снова их вырубил, дабы не привлекать к нам внимание представителей местной фауны. Через несколько секунд мы все тоже почувствовали, что за нами кто-то следит. Это было странное ощущение, оно то усиливалось, то ослабевало, будто кто-то бродил вокруг, то приближаясь, то удаляясь. Скрывая нарастающее беспокойство, я сел на место пилота, готовый при необходимости подняться в воздух, и положил левую руку на спусковой механизм фульгуратора.

Мы получили лишь несколько секунд передышки. Затем, неясная, сопровождаемая все тем же тревожным сердцебиением, вернулась угроза. Внезапно Рения прокричала:

— Там, Хорк, там!

Она указывала на озеро. Фиолетовое сияние пульсировало в том же ритме, в каком сжимались от боли и отчаяния наши сердца, и мы увидели на отмели продолговатой формы существо, размеренно сжимавшееся и снова разжимавшееся.

Сделавшись мертвенно-бледным, Тулл пробормотал:

— Гери-Куба!

— Говори, — резко бросил ему я. — Что тебе об этом известно?

— О! Ничего... Это наша древняя легенда. Во времена ваших сумерек, Гери-Кубы, как поговаривают, захватили весь континент Тхора.

И, прислонившись к переборке, он забормотал монотонно:

*Если на сердце вдруг стало тревожно,
Вскоре придет за тобой Гери-Куба
И высосет жизнь из тебя, хуба-буба...
И потерял ли ты голову, иль начеку,
Ничто уж тебя не спасет — слишком поздно!
Если на сердце вдруг стало тревожно...*

Он умолк, и в наступившей тишине я слышал наше хриплое дыхание да приглушенные рыдания Рении. Ужас нарастал неотвратимо, и одновременно я чувствовал, как жизнь покидает меня, как с каждым мгновением уходят мои силы.

Это было непередаваемое, невероятное ощущение! Фиолетовый свет в глубине озера быстро угасал, лежавшее на отмели извилистое создание замерло в неподвижности. Все эти детали я отмечал машинально. Рядом со мной Рения едва слышно шептала все те же слова, долетавшие до меня словно из далеких далей:

*И высосет жизнь из тебя, хуба-буба...
И потерял ли ты голову, иль начеку,
Ничто уж тебя не спасет — слишком поздно!
Если на сердце вдруг стало тревожно...*

Я чувствовал, что лечу в бесконечно глубокую дыру. Собокол медленно осел на пол, согнувшись пополам, за ним рухнули Реум и Тулл. Рения мягко упала у моих ног. Сам я все еще находился в сознании, но перед глазами уже стояла пелена, в ушах звенело. Последним усилием воли я нажал кнопку старта и в следующий миг спустил курок фульгуратора. Ослепительная вспышка в миллиарды вольт на миг озарила гигантское обезьяноподобное чудовище, которое грузно повалилось на песок, а затем и вовсе исчезло в огненном вихре. Космолет с ходу врезался в зеленый купол леса, я ощутил удар и потерял сознание.

Очнулся я на своей кушетке в «Слик Эффрей», вокруг хлопотали три врача. Я чувствовал себя безмерно слабым и как только узнал, что Рения вне опасности, тут же погрузился в глубокий сон.

Спустя двое суток Кель, на которого я оставлял командование лагерем, рассказал мне, что произошло. Сначала его внимание привлекла вспышка фульгуратора, затем он увидел наш унесшийся ввысь космолет, отследил его с помощью радара, последовал за нами и, когда мы уже достигли высоты в 100 километров, сумел-таки установить телеконтроль над нашим управлением. Всех нас нашли в бессознательном состоянии, но если меня и Рению удалось вернуть к жизни, то все попытки реанимировать трех венериан оказались тщетными. Они скончались от мгновенной анемии, остановить которую наши врачи не смогли. Думаю, сам я выжил лишь потому, что был землянином, но вот как спаслась венерианка Рения, не смог толком объяснить ни один биолог.

Как бы то ни было, я наконец увидел Гери-Кубу и, если бы это зависело только от меня, оставил бы весь их дьявольский род подыхать от холода, когда Венера удалится от Солнца. Впрочем, мое внимание от этой проблемы отвлекло новое загадочное открытие. Я быстро шел на поправку и чувствовал себя уже вполне сносно, когда Кель сообщил мне, что в котловане одной из релейных станций экскаватор наткнулся на «нечто, похожее на бетон». Оставив еще слишком слабую Рению в лагере, я немедленно отправился на стройку и спустился в котлован.

По образованию я не геолог, однако один мой друг, временно погибший в результате несчастного случая — которые хоть и редко, но все же случались и в наше время, — часто брал меня с собой в геологические экспедиции, так что я довольно неплохо разбирался в петрографии. Материя, на которую наткнулся ковш нашего экскаватора, была явно искусственного происхождения. Я приказал расширить и углубить раскоп. Спустя пару часов нашим взорам предстал бетонный купол, так как это *действительно* был низкий купол с круглыми, помутневшими от времени иллюминаторами! У основания его мы нашли запертую дверь шлюзовой камеры. Нам удалось ее вскрыть, не причинив конструкции особого вреда, и, надев респираторы, мы с Келлем вошли внутрь.

Я быстро осознал все значение этой находки. На Венере никогда не было автохтонной жизни, и, поскольку купол походил на некоторые купола, обнаруженные на Марсе, напрашивался вывод, что обе планеты посетили одни и те же пришельцы. Но что за пришельцы? Предположение о существах неведомой расы выглядело маловероятным. Нет, здесь, как и на красной планете, побывали земляне, жившие на герметической станции, окруженной непригодной для дыхания атмосферой. И так же, как и на Марсе, эта первая колония погибла, когда рухнула породившая ее цивилизация.

Купол был небольшим и, возможно, представлял собой обычный аванпост. В нем сохранились следы борьбы. Металлическая мебель, выполненная в том же стиле, что и мебель позднейших человеческих поселений на Марсе, была вся искорежена и даже оплавлена. Внезапно мне показалось,

что я стал жертвой какой-то галлюцинации: за толстой стеклянной дверью, на диване, лежало превосходно сохранившееся тело молодой женщины или девушки. Глаза ее были закрыты, на губах играла легкая улыбка, длинные белокурые волосы свешивались до пола. В руке она сжимала маленький зеленый флакон.

Не в состоянии промолвить ни слова, мы просто смотрели. Жестом я запретил Келю разбивать стекло; это тело сохранилось столь хорошо лишь чудом, и малейшая вибрация могло разрушить его навсегда.

И действительно, когда позднее ученые проникли в это помещение, анализ показал, что оно было заполнено инертными газами. На столе они нашли полуистлевшую записку, позволившую пролить немного света на эту загадку. Записка была написана на языке, напоминавшем свенский — древний язык эпохи, предшествовавшей объединению. Молодая женщина, которую звали Хильда Свенсон, по какой-то, необъясненной, причине считалась крупной политической фигурой. Она предпочла покончить с собой, нежели попасть в руки врагов. Ее приверженцы, подоспевшие слишком поздно, превратили купол в погребальную камеру. Затем они вернулись на Землю, где бушевала война за обладание все еще свободными ото льдов территориями «Европы».

Мы решили не тревожить покой гробницы, и тело так и осталось лежать на диване, вдали от народного любопытства, в том положении, какое ему придали друзья умершей. Один из наших лингвистов, Нилк, прославился благодаря переводу найденной записки. С ее помощью он доказал, что древние диалекты эпохи, предшествовавшей объединению, несмотря на пролетевшие тысячелетия, происходят непосредственно от языков первой цивилизации. Никто, повторюсь, не тревожил уединение усыпальницы, один лишь я иногда приходил туда и подолгу простаивал перед стеклянной дверью, так как спавшая за ней вечным сном молодая женщина была точной копией Рении!

Мы заложили станцию чуть поодаль, расчистив фульгураторами несколько сотен гектаров леса. А затем я получил радиogramму, в которой Совет просил меня вернуться в Хури-Хольдэ.

Фаталисты

Хани ждал меня в своей лаборатории. Его суровое, осунувшееся лицо свидетельствовало о том, что он смертельно устал. Без лишних слов, он сразу же перешел к сути проблемы:

— Хорк, как вы уже первым это отметили, взрывная эволюция Солнца характеризуется специфическими особенностями, далеко отходящими от классических новых и сверхновых звезд. Так вот, один молодой математик, некто Кельбик — он из Арекнара, — несколько дней назад прислал нам подробный анализ состояния Солнца. Выводы далеко не обнадеживающие. Мы перепроверили все его расчеты — вместе с ним самим, так как он использует новый метод, отличный от вашего. Взрыв Солнца распространится далеко за орбиты Нептуна и даже Плутона. Но это еще не самое худшее. После взрыва Солнце перейдет в состояние черного карлика!

— В черного карлика? Но ведь в радиусе десяти тысяч световых лет мы выявили всего две такие звезды!

— Ну да... Не повезло, что тут скажешь! Вот расчеты. Вы можете сами их проверить, если сумеете быстро усвоить кельбиковский метод анализа. Лично у меня на это ушло два месяца! Зато у нас есть для вас и хорошая новость. Очевидно, до взрыва у нас будет на несколько месяцев больше времени, чем мы рассчитывали.

— Ну, так куда двинем? — спросил я. — К Этанору? Или к Белюлю?

— К Этанору. Сначала попытаем счастья у ближайшей звезды. Но пока у нас новые осложнения. До Этанора мы доберемся, так как на двоих Земля и Венера обладают даже большей массой, чем нужно для преодоления барьера. Меня беспокоит другое: уж и не знаю, как именно, но секрет просочился, и Тирай сообщил мне, что он известен фаталистам. Это может сильно осложнить ситуацию. Похоже, их движение набирает силу, и я в который уже раз задаюсь вопросом, так ли хорошо наше старое правило: как бы нам не пришлось пожалеть о том, что мы не можем в точности обрисовать ситуацию триллам!

Эта ситуация быстро стала еще более серьезной, чем то казалось Хани. Фаталисты поступили крайне ловко: решив не высываться, выдвинули вперед другую партию — экономистов. Эта старая партия заявляла, что, раз уж текны посвящают себя, главным образом, «чистым» исследованиям, от которых триллам нет никакой пользы, нужно значительно сократить число текнов и ориентировать их исследования на непосредственно практические цели. Они не знали, что наши «чистые» исследования могли бы, пожелай мы того, полностью изменить лицо Земли, чего Совет никоим образом не хотел. Мы наконец достигли почти стабильной общественной формы, при которой триллы являлись «рулем», а текны — двигателем, двигателем, сознательно передававшим лимитированную энергию. Каждые пять лет Совет решал, какие открытия могут, без нежелательных последствий, быть приняты всеми. Другие, естественно, не упразднились, но помещались «в резерв». Когда новость о взрыве Солнца была обнародована, старая «протекновская» партия, находившаяся у власти с незапамятных времен, нашла в этом мощный аргумент: пусть внешне изучение звезд и выглядело более чем бесполезным, теперь это изучение — дело, не имеющее какой-либо практической цели — могло спасти планету. И вот теперь экономисты, вероятно, подбадриваемые фаталистами, распространяли слух, что текны лгали, даже если оно и взорвется, отнюдь не станет черным карликом, и что эта ложь направлена на то, чтобы заставить триллов принять фантастическую мысль о путешествии к какой-нибудь другой звезде, путешествии, предпринятом исключительно для удовлетворения любопытства текнов. К несчастью, мы не могли представить четких объяснений: мои собственные методы расчета, приведшие меня к выявлению скорого взрыва Солнца, были доступны для понимания от силы паре десятков математиков на всей планете, а что до кельбиковского анализа, то то немногое, что я из него видел, убедило меня в том, что я и сам пока не могу его усвоить. Являясь жертвами нашей политики сосредоточения знаний в недрах одной политической группы, политики, которая, несомненно, не раз спасала человечество, мы оказались не в состоянии донести до людей тот факт, что опасность реальна! Более того, мало кто даже из самих

текнов мог проследить за ходом наших рассуждений, так что стоило опасаться того, что по крайней мере некоторые из них могут поверить первым выводам, более легко для них поддающимся проверке. Наша мудрая и взвешенная политика, заключающаяся в ограничении видимого ритма прогресса тем темпом, которым смогли бы следовать все без исключения, привела людей — как триллов, так и текнов — к довольно-таки статической концепции жизни, и теперь они без особой радости восприняли бы тот факт, что им довольно-таки долго придется лететь в относительном дискомфорте к Этанору, особенно если мы, в Солодине, не смогли бы доказать им, что этот перелет абсолютно неизбежен.

Через неделю после моего возвращения глава экономистов Ужах развернул против нас кампанию в триллаке, палате депутатов. В яростной речи он обрушился на Совет властителей, обвинив их в непомерной растрате энергии, припомнил несколько смертельных случаев, каковые всегда случаются на больших стройках, какие бы меры предосторожности на них ни принимались, обвинил дирекцию Солодины в неспособности руководить работами и, наконец, потребовал отмены привилегий текнов и возвращения их под общую юрисдикцию, суда над виновными и передачи общего руководства геокосмосами правительству триллов и в заключение вменил в вину Совету распространение сознательной лжи относительно будущего состояния Солнца. Разумеется, Тираи в первые же минуты его выступления включил прерыватель волн, тем самым отрезав зал триллака от остального мира, но это дало отсрочку всего на несколько часов. С некоторым беспокойством мы принялись ждать решения правительства. Наконец оно было объявлено: вынеся порицание Ужаху за его резкий тон, правительство, тем не менее, постановило начать расследование относительно необходимости путешествия к Этанору. Тем временем, президент Тхел обратился ко всем триллам с призывом не замедлять ход работ по сооружению геокосмосов, поскольку сомнений в том, что Солнце так или иначе взорвется, уже не оставалось.

Ободренный первым тактическим успехом, Ужах в ультимативном тоне потребовал, чтобы я его принял. Я уже хотел было ответить ему отказом, когда вмешался Тираи и посо-

ветовал мне его принять. В общем, я согласился, но на всякий случай сунул легкий фульгуратор под папку с бумагами, что лежала у меня на столе.

Вождь экономистов вошел с высокомерным видом. Он оказался невысоким мужчиной — что у нас случается крайне редко! — который компенсировал свой «комплекс неполноценности», как сказали бы ваши психоаналитики, тем, что держался очень прямо и напряженно. Он сел, не дожидаясь приглашения. Я молча разглядывал его, припоминая все, что мне рассказывал о нем Тираи. Отец Ужаха был текном, мать — триллом, сам он сначала был распределен к текнам, однако в 17 лет исключен из этой категории как неспособный заниматься науками: в них он искал не знания, но способ пробиться к власти. Естественно, это исключение нанесло серьезный удар по самолюбию Ужаха. Он принадлежал к почти исчезнувшему классу торговцев антиквариатом и однажды не поделил что-то с полицией из-за неразрешенных раскопок с целью последующей продажи древностей в том районе, где в ваши дни находится Сан-Франциско. После того как полиция взяла его бизнес под особый контроль, Ужах ударился в политику и быстро стал главой экономистов.

— Итак? — произнес я наконец.

Небрежно облокотившись о стол, он ухмыльнулся:

— Ну, я полагаю, вы слышали мою речь...

— Разумеется! Восхитительный набор глупостей, если хотите знать мое мнение...

— Возможно, однако эти глупости все же попали в цель!

— Вам известно, что я мог бы приказать арестовать вас?

— Что ж, валяйте!

Я пожал плечами.

— Пока в этом нет необходимости.

На самом же деле, я был более раздражен, чем хотел то признать. Экономисты оказались более сильными и уверенными в себе, чем мы предполагали. В какой мере полиция все еще была нам предана? За исключением тех кварталов, в которых проживали ученые, она состояла исключительно из триллов и, так как обычно редко сталкивалась с правонарушениями, была не слишком многочисленной. С другой сто-

роны, последняя война прошла так давно (если быть точным, 2359 лет тому назад), что я сильно сомневался в том, чтобы хоть кто-то среди экономистов или фаталистов имел хоть какое-то представление о тактике или стратегии. Впрочем, я и сам в этом мало что смыслил!

— Вы просили о встрече. Хотели что-то сказать мне?

— Откажитесь от этой безумной идеи путешествия к другой звезде, и я обещаю, что все устаканится. Мы могли бы даже отозвать наши требования о сокращении общего количества текнов.

— Идея ничуть не безумная! После взрыва Солнце превратится в черного карлика. Вы знаете, что такое «черный карлик»?

— Звезда, которая больше не испускает излучений?

— Не совсем так. Это звезда, которая столь горяча, что преобладающая часть ее излучений располагается в ультрафиолетовом диапазоне. Кроме того, она будет окружена газовым облаком, которое не позволит нам к ней в достаточной мере приблизиться без нежелательных последствий. А на том расстоянии, на котором нам придется остаться, мы сможем обеспечить жизнь всего нескольким сотням тысяч людей, да и то всего на два-три поколения.

— И кто подтвердит, что все это правда? *Вы* мне можете это доказать?

— И вы еще были текном! — с горечью воскликнул я. — Неужели вы полагаете, что можно вот так просто доказать нечто такое, что я сам еще не успел толком изучить? Чтобы понять все до конца, мне и самому понадобилось бы несколько недель!

— Иными словами, вы отказываетесь?

— Я просто не могу. Уж поверьте, я бы с радостью убедил вас, будь мне это по силам...

— В таком случае мне здесь больше нечего делать. Тем хуже для вас!

И он вышел, прямой как палка. Я вызвал к себе Тирай.

— Может, мне распорядиться, чтобы его арестовали?

— Нет, не сейчас. Мы еще не готовы...

— Что же делать? Этот мерзавец сорвет все наши сроки, если ему удастся развязать на стройках забастовки.

— Попробуем выиграть время. В ваше отсутствие, под предлогом улучшения уличного освещения, я попросил нескольких надежных текнов установить защитные заграждения. Через несколько часов все будет закончено.

— И эти экономисты ничего не заподозрили?

— Ну, среди них же нет текнов... К тому же, мои установки могут еще и давать освещение, если, конечно же, в них кое-что подправить.

— А на самом деле это?..

— Триллеры принимают нас за глупцов! Совет давно уже предвидел возможность восстания. И если наша информационная служба не всегда была на высоте, о нашем оборонном ведомстве этого не скажешь. Вы знаете, что подразумевает план № 21? Ах, ну конечно же не знаете, я и забыл! Вы ведь, несмотря на ваш высокий пост, в Совете не состоите. Выходит, я и не могу ничего вам рассказать без разрешения Совета властителей, которое, впрочем, несомненно, будет дано...

— В таком случае, — раздраженно прервал его я, — у вас всё на сегодня? У меня срочная работа, и если я и не состою в Совете, вся ответственность за подготовку к великому путешествию лежит все же на мне. Я прикажу раздать инженерам фульгураторы.

Как только Тираи ушел, я отдал необходимые распоряжения и снова погрузился в работу.

До первого взрыва прошло, наверное, немало часов, которые для меня пролетели как несколько минут. Грохот докатился издалека, но здание Солодины затряслось — столь велика была сила взрыва. И почти в ту же секунду до открытых окон снизу, со спокойной еще недавно улицы, донесся неясный гул. Я встал, вышел на балкон и взглянул на расположенные далеко внизу террасы: их уже заполонила бушующая толпа. На самой нижней террасе вдруг молнией сверкнула вспышка, по диагонали прорезав в этом сборище людей длинную борозду. Бросившись в кабинет, я схватил бинокль. У самого парапета, забившись в угол террасы, стоял какой-то текн, которого нетрудно было распознать по серой униформе, — в руке у него сверкал фульгуратор. Текн успел выстрелить еще два раза, потом толпа сомкнулась над ним, и тело его перелетело через балюстраду.

Я вернулся в кабинет, недоумевая, почему меня никто не предупредил о таком стремительном и грозном развитии ситуации. И тут же побледнел и мысленно обозвал себя идиотом: чтобы меня не беспокоили, я сам отключил питание, прервав таким образом всякий контакт с окружающим миром. Едва я успел опустить рубильник, как прозвучал второй взрыв, не менее мощный, чем первый. Экран тотчас же осветился, и я увидел встревоженное лицо Хани.

— Хорк, ну наконец-то! Где вы были?

Сгорая от стыда, я объяснил, почему не мог ответить.

— Ладно, это неважно. Мы боялись, что бунтовщики добрались до вашего этажа и вы уже мертвы!

— Но что происходит?

— Переключите экран на Ракорину и увидите сами!

Я повиновался. Центральная авеню была заполнена орущей толпой, вооруженной чем попало: топорами, железными прутьями, ножами и даже фульгураторами. Сметая редких полицейских, толпа шла к перекрестку Кинон.

— Как видите, наши друзья перешли к революционным действиям.

— Кто? Экономисты?

— Эти-то? О нет! Экономисты — всего лишь жалкие болтуны. Нет — фаталисты! Пока что опасность не так велика. Мы ввели в действие план № 21 и перекрыли все подступы к жизненно важным центрам с помощью заграждений из колючей проволоки. Но в Хури-Хольдэ хватает взрывчатки, и даже триллы, при желании, легко могут ее изготовить. Боюсь, что мы получили лишь небольшую отсрочку.

На экране во главе толпы шагал высокий мужчина, размахивавший огромным черным знаменем с изображением земного шара, пронзенного молнией — то была эмблема фаталистов!

— Сколько их?

— К счастью, не так уж и много — на их стороне меньшая часть населения. Быть может, от пяти до десяти миллионов здесь, примерно такая же пропорция — в других городах. На Венере пока все спокойно.

— Что с геокосмосами?

— В данный момент им ничто не грозит. Ах да, я был бы вам признателен, если бы вы пока не пользовались своим космолетом! Мы начали распространять — из физического факультета — волны Книла.

Я побледнел от одной мысли о том, что мог, поддавшись панике, броситься к своему аппарату. Под действием волн Книла любой космомагнетический двигатель высвобождает всю свою энергию за доли секунды. Теперь я понял, откуда взялись эти невероятные по силе взрывы!

— И много жертв?

— Увы, уже порядочно! Погибли все, кто находился поблизости от космолетов, которыми эти придурки хотели воспользоваться, несмотря на наши предупреждения. Теперь они заняты тем, что отлавливают и убивают отдельных текнов. Но довольно слов, время поджимает! Сами мы к вам пробиться не можем, однако же командный пульт обороны города находится в том кабинете, который расположен прямо под вашим. Там должен был оставаться Тираи, но от него нет никаких новостей, и мы боимся, что он уже мертв. Вам придется спуститься и занять его место.

Дверь открыл мне командир поста охраны. Огромный стол представлял собой светящийся план Хури-Хольдэ с красной кнопкой на каждой улице. Я активировал экран, и на нем возникло лицо Хани.

— Теперь, Хорк, вы будете в точности делать то, что я вам скажу. Я говорю от имени Совета, который принял решение, исходя из интересов всего человечества и ради нашего будущего. Нажмите на кнопку, расположенную на плане на Ракорине!

— И что последует? — спросил я.

— Смерть нескольких безумцев и многих идиотов, которые пошли за ними. Увы, но тут уж ничего не поделаешь! Центральную ось авеню зальют волны Тюлика.

Я побледнел. Волны Тюлика, поистине дьявольское изобретение, никогда еще не применялись и являлись одним из тех секретов, которые Совет хранил особенно ревностно. Я и сам узнал об их существовании лишь по чистой случайности, позволившей мне их обнаружить незадолго до моего отлёта на Меркурий. Позднее мне стало известно, что Совет

всерьез обсуждал мою возможную смерть в результате «несчастливого случая». Волны Тюлика вызывали распад нервных клеток.

— Неужели нет другого способа?

— Нет, Хорк. Поверьте, нам это не менее отвратительно, чем вам. Но мы не можем позволить этим баранам отнять у человечества единственный его шанс на выживание ради удовлетворения их прихоти. Надеюсь, после этого они все же сложат оружие. И помните! Если они возьмут верх, нас всех ждет смерть, и начнут они с текнов — с вас, меня... Рении!

Как замороженный, я смотрел на маленькую красную кнопку. Легкий нажим пальцем — и угаснут миллионы человеческих жизней. Я активировал другой экран и снова увидел Ракорину. Теперь черным знаменем размахивала очень красивая молодая женщина. Толпа остановилась. Прислонившись спиной к стене, какой-то мужчина со значком партии экономистов на груди пытался образумить обступивших его полукругом фанатиков. Человеческие существа... Один нажим пальцем — и от них не останется ничего, кроме холмиков инертной протоплазмы. Меня мутило от бессмысленности всего этого, и на мгновение я даже подумал: а может, фаталисты правы? Может, человечество и не стоит спасать? Затем я подумал о молодой женщине с Венеры, которая предпочла покончить с собой, нежели угодить в плен. Была ли она права? Что вообще могло оправдать ее собственную смерть и смерть тысяч таких же, как она?

На экране толпа снова пришла в движение. Нарастая, зазвучала песня:

*Смерти, космической смерти,
Все мы желаем смерти!!!*

— Итак, Хорк? — прозвучал спокойный голос Хани.

Я перевел взгляд на его бесстрастное лицо. Как же я ненавижу его за эту его безучастность! Затем я взял себя в руки. Под маской невозмутимости угадывалось страшное напряжение всего его существа. Я был всего лишь орудием, тогда как он, вместе с другими властителями, — волей.

*Солнце, всех планет отец,
Вскоре их и уничтожит...*

Слова складывались в скверный стишок, но песня звучала мощно и грозно. Последний раз взглянув на экран, я нажал на кнопку. На Ракорине люди попадали, словно скошенные. Красивая молодая женщина медленно осела на мостовую и так и осталась неподвижно лежать под складками черного знамени.

Совсем близкий взрыв сотряс стены, и обломки дождем посыпались на пол. Я подошел к окну, взглянул вниз. На верхней террасе вопящая толпа теснилась возле небольшой металлической рамы. Блеснуло пламя, и под крики фанатиков с рамы соскользнул маленький снаряд. Он взлетел вверх и взорвался на уровне моего личного кабинета, разнеся на куски пластиковые стекла. На этот раз уже не колеблясь, я направился к столу и отыскал на плане кнопку, соответствующую этой террасе. Вопли смолкли. Выглянув из окна, я смотрел на валявшиеся вперемешку, по всей улице, тела — зрелище было тем более волнующим, что я видел его вот так, напрямую, не на экране.

— Они отказываются сдаться, — проговорил Хани.

Я прошерстил весь город, пройдясь по главным улицами и площадям. На Станатине, моей родной улице, мятежники с просчитанной медлительностью живьем сдирали кожу с какого-то текна. Я без раздумий нажал на маленькую красную кнопку... На Колиане они подожгли библиотеку. Еще одно легкое нажатие... На площади Сертин — толпы людей, облаченных в серое. И снова я до предела вдавил кнопку в стол... Так оно и продолжалось. Я сделался бесчувственным, действовал, как во сне; легкое нажатие, огромный косящий луч, падающие на мостовую в самых гротескных позах тела... моя левая рука крутила ручку настройки, а правая жала на кнопку — снова, и снова, и снова...

— Довольно, Хорк! Вы меня слышите? Довольно! Они сдаются!

Я тряхнул головой, выходя из транса. На плане, передо мной, были до предела вдавлены в стол с полсотни красных кнопок. Должно быть, я убил более пятисот тысяч человек!

Бунт был безжалостно подавлен. Правительство триллов, опомнившись наконец, объявило вне закона не только фаталистов, но и экономистов. Главари, когда их арестовали,

вынуждены были выбирать между казнью и психическим моделированием, которое напрочь уничтожало личность и создавало новую, как правило, весьма посредственную. Все фаталисты выбрали смерть, да и большинство экономистов последовало их примеру. Я бы и сам, на их месте, поступил так же.

Если в Хури-Хольдэ и других местах мятежников удалось усмирить довольно скоро, то кое-где события развернулись иначе. В Хориарто фаталисты захватили город, перебили всех текнов и добрую половину триллов, и нам пришлось целых две недели осаждать их по всем правилам этого искусства. До последнего момента мы пытались спасти заложников, но когда бунтовщики начали обстреливать разрывными ракетами один из северных геокосмосов, находившийся как минимум в трехстах километрах, мы были вынуждены разрушить город: из одиннадцати миллионов человек, проживавших в нем, выжило лишь девять миллионов. Затем на Земле вновь воцарилось спокойствие. Беспощадно преследуемые повсюду, фаталисты исчезли, словно их и не было.

Тиран так и не объявился. Мы предположили, что он был убит в самом начале восстания.

глава 3 **Отлёт**

После мятежа фаталистов, который произошел в конце 4604 года, жизнь в течение нескольких лет состояла из одних лишь тяжкого труда и рутины, прерываемых редкими часами досуга. Одно за другим завершались великие начинания. Постепенно население перебиралось в герметические подземные города, проводя дни на поверхности, а ночи — под землей. Все геокосмосы были смонтированы и являли собой внушительное зрелище, особенно тот, что располагался на Южном полюсе, — гигантский купол диаметром в 12 километров, который медленно поворачивался вокруг своей оси в направлении, обратном вращению Земли. И тогда возникла сложнейшая проблема: как вывести с орбит обе планеты, избежав

при этом сдвигов коры, которые грозили неисчислимыми жертвами и полным разрушением всех наших сооружений?

Не без труда, но мы все же справились с расчетами, и наконец настал великий день. В контрольном зале, на глубине семисот метров, вокруг меня собрались все члены Совета; тут же были представители правительства триллов и несколько делегаций текнов и триллов. Перед нами, на приборном щите, светились большие интеграционные экраны, отмечавшие графиками малейшие изменения в напряжении земной коры.

Я подошел к щиту в сопровождении своего штаба специалистов: Совет единогласно доверил мне эту высокую честь. Из застекленной кабины, где находились аппараты-регистраторы, мне ободряюще кивнула Рения, и я сел.

Положив руки на пульт управления, я пробежал пальцами по клавишам. Питание еще не было подключено, и мягкие клавиши с готовностью реагировали на малейший нажим. Старт должен был произойти в полдень, а сейчас было только 11 часов 40 минут. Я сидел, чувствуя страшную неловкость, и не знал, как себя вести. Я активировал межпланетный экран, и передо мной появилось лицо Килнара, которому на Венере предстояло сыграть ту же роль, что и мне на Земле. Выдающийся геофизик, когда-то он был моим университетским товарищем, и мы остались добрыми друзьями, хотя и виделись крайне редко. Он скорчил мне лукавую и непочтительную гримасу, которую почти мгновенно, без временного отставания, донесли до Земли волны Хека — мы лишь недавно начали их использовать для связи.

— Осталось пять минут, — прозвучал голос Сни, моего бывшего ассистента.

Зная его непоколебимое хладнокровие, я настоял на том, чтобы он находился рядом со мной.

— Хорошо. Включить запись!.. Проверить контакты!..

— Все в порядке!

Я пристально смотрел на контрольную лампу прерывателя, который должен был мгновенно отключить энергию в том случае, если бы какой-то геокосмос вышел из фазы. Достаточно было нескольких секунд несинхронизированной работы геокосмосов, чтобы земная кора под влиянием противоречивых импульсов треснула, как скорлупа ореха. За

клавишами управления передо мной бежала по кругу стрелка хронометра. Две минуты... одна... Я бросил последний взгляд на экран, показывавший контрольный зал на Венере. Килнар по-прежнему гримасничал, но теперь его лицо выражало волнение. Тридцать секунд... десять... пять... Ноль!

Я до предела вдавил центральную клавишу, активировавшую робота, который и должен был заняться настоящей работой. Зажглась контрольная лампа. Произошло величайшее событие в истории Земли, и ничто его не отметило, кроме ровного света маленькой зеленой лампочки.

— Север-1! Говорит Север-1! — прогремел из динамика голос. — Все в норме.

— Север-2! Говорит Север-2! Все в норме.

— Север-3! Говорит Север-3! Все в норме.

Переключка продолжалась. И наконец:

— Говорит Юг! Говорит Юг! Все в норме.

На геофизическом экране бежала непрерывная прямая линия с едва различимыми всплесками. Она представляла собой сводный график всех сейсмических станций Земли, а слабые всплески отмечали обычные микросейсмы.

Мало-помалу мы расслабились. По поступавшим сведениям, на Венере тоже все шло нормально. А ведь в это время на обе планеты уже воздействовали титанические силы, которые должны были по спиральной орбите удалить их от Солнца и направить к другой звезде! Они возрастали бесконечно медленно, постепенно, и казались неощутимыми. К двум часам пополудни орбитальная скорость Земли возросла всего на 10 сантиметров в секунду!

Внезапно ровную линию на геофизическом экране прервал резкий зубец. У всех сжалось сердце, но через пару мгновений спокойный голос Рении объявил:

— Сильный подземный толчок на оконечности западного материка. Эпицентр близ Тарогады. Гипоцентр на глубине двенадцати километров. Сейсм обычного типа.

Линия на экране уже выпрямлялась. Нам оставалось только ждать. Ускорение было слишком сложным процессом, чтобы можно было доверить его человеческим рукам, поэтому все команды подавали великолепные машины, непогрешимые точнейшие роботы. Тем не менее мы просидели в зале

управления до самого вечера, наблюдая, как стрелка орбитальной скорости медленно ползет по циферблату, прибавляя новые и новые метры в секунду. Пройдет еще немало месяцев, прежде чем диаметр Солнца начнет зримо уменьшаться.

Впервые за долгие годы, если не считать пребывания на Венере и коротких дней отпуска, я мог наконец свободно вздохнуть и подумать о своих делах. Прежде всего, я с головой ушел в изучение кельбиковского анализа, потому что не мог вынести, чтобы какой-то новый раздел математики оставался для меня недоступным. Это оказалось делом нелегким, и мне неоднократно приходилось обращаться за разъяснениями к самому Кельбику. Он был совсем еще молодым человеком, высоким и стройным, и в жизни имел только две настоящие страсти — математику и планеризм. Довольно быстро между нами завязалась тесная дружба, тем более тесная, что до сих пор только я да Хани сумели проникнуть в этот созданный им новый мир. Он разработал особенную систему символов, позволявшую человеку одновременно запоминать любое количество переменных величин. При использовании кельбиковского анализа знаменитая «задача трех тел» выглядела на удивление простой.

Иногда к нам присоединялась Рения. Хотя она и не пыталась постичь кельбиковский анализ — скорее из-за отсутствия интереса, как мне кажется, нежели из неспособности его понять, — она быстро подружилась с Кельбиком, причем до такой степени, что иногда я даже ревновал ее к нему.

Первое, о чем попросил меня Кельбик, — это отменить запрет на планерные полеты. Такое решение было принято в самом начале великих работ, и вовсе не из аскетизма — наоборот, всевозможные развлечения только поощрялись, поскольку приносили пользу, — а потому, что в окрестностях городов бесчисленные грузовые космолеты уже не придерживались заранее намеченных маршрутов и представляли смертельную опасность для планеристов. Когда геокосмосы были построены, транспортные космолеты вернулись на свои линии, однако запрет так и остался в силе — его просто забыли отменить.

У меня не было случая научиться управлять планером, но Кельбик рассказывал об этом благородном спорте так живо,

так увлекательно, что я и сам загорелся. Совет разрешил полеты, однако обязал применять все необходимые меры предосторожности. Единственным, кто выступил против, оказался новый властитель людей Гелин. «Для фаталистов это прекрасная возможность отыграться», — говорил он. Будущее показало, что в какой-то мере он был прав. Тем не менее, так как основная работа уже была закончена, закон все же отменили.

И вот я начал учиться управлять планером. Моим инструктором стал сам Кельбик, и вскоре я познал неведомую доселе радость свободного парения. Оно ничем не походило на полеты в аппаратах с космомагнетическими двигателями: тут не было ни стремительных подъемов в атмосферу, ни сумасшедшей скорости, ни видов проносящейся под тобою Земли. Наоборот, это скорее напоминало беспечный полет птицы, с медленной сменой пейзажей, равнин, холмов, долин и рек. А как передать наслаждение полетом над вершинами гор, радость борьбы с нисходящими воздушными потоками, величественными ястребиными подъемами по спирали или ленивыми, плавными спусками к земле!

Отныне по несколько раз в неделю мы втроем — Кельбик, Рения и я — отправлялись в свободный полет, каждый на своем планере. Мне пришлось заказать себе один для личного пользования, однако в нем я не чувствовал полного удовлетворения.

Мне казалось, что он более тяжелый и неповоротливый, чем учебный, но я объяснял все своей неопытностью и, скрывая уязвленное самолюбие, старался выжать из своего аппарата все что можно.

Однажды мы спокойно парили над обширным заповедником. Метеостанции пообещали постоянный ветер, и мы действительно легко удалились на 450 километров к югу от Хури-Хольдэ. Без труда преодолели горы, которые вы называете Атласскими. Вдалеке стадо слонов купалось в реке Кераль (в ваши дни ее не существует), которая следует практически тем же руслом, что и ваша марокканская река Драа, но берет начало из внутреннего моря Кхама. Кельбик ушел вперед, Рения держалась слева от меня. Далеко позади нас в небе медленно кружились другие планеристы.

Внезапно Кельбик вызвал меня по радио:

— Хорк, видишь те планеры, прямо перед нами?

— Да, а что?

— Они не из Хури-Хольдэ. На такое расстояние от базы могли залететь только Камак, Атуар или Селина. Однако же я точно знаю, что сегодня они в небо не поднимались. И мы слишком далеко от Акелиоры, чтобы это мог быть кто-то из планеристов.

— А нас-то это как касается?

— А так, что я не прочь бы узнать, за счет чего эти планеры летят так быстро, а главное — против ветра?

Три черные точки действительно росли на глазах, и тем не менее, когда стало возможным различить их силуэты, я безошибочно признал в них силуэты безмоторных самолетов, а не коротких сигар космомагнетических кораблей.

— Осторожно, Хорк! — вмешалась Рения. — Вспомни, что тебе сказал Гелин! Фаталисты...

То, что произошло затем, случилось невообразимо быстро. Три планера, летевших нам навстречу, словно рассыпались в воздухе: их крылья надломились и, вращаясь, начали падать вниз. А прямо на нас устремились три черные, зловещие сигары.

— Вниз, Хорк, вниз! — закричал Кельбик.

Но было уже слишком поздно. Один из космолетов ударил меня по правому крылу, и оно с треском раздираемого легкого металла отломилось. Земля перевернулась подо мной и начала быстро приближаться. Со всех сторон от изувеченного планера свистел воздух.

— Оторви приборную панель! Скорее, Хорк, скорее!

Растерявшись, я потерял несколько драгоценных секунд. Наконец я нагнулся, просунул руки под приборную панель и потянул ее на себя. Она отскочила целиком, и я увидел знакомый щит управления космолета. Теперь я знал, что делать, и попытался замедлить падение. Это мне удалось лишь наполовину. Остатки планера коснулись земли со слабым ударом, впечатав меня лицом в ветровое стекло. Вытерев набегавшую на глаза кровь, я посмотрел на небо. Там оставался только один планер с наполовину отсеченным крылом: он быстро терял высоту. Это был № 1, планер Кельбика. Планер № 2, на котором летела Рения, исчез.

Я спрыгнул на землю и, зацепившись за торчавшую железяку, порвал комбинезон. Планер Кельбика коснулся земли в нескольких сотнях метров от меня, проскользил дальше и разбился о дерево. Чуть поодаль, почти в водах Керала, я заметил обломки планера Рении и, сам не свой, со всех ног припустил к ним. Рения, согнувшись пополам, лежала в искореженной кабине. Она была без сознания. Я попытался вытащить ее, но сразу у меня это не вышло.

— Не так. Сдвинь дверцу чуть назад, она отъедет по пазу, — услышал я спокойный голос Кельбика.

Я обернулся. Через все лицо его тянулся бледный и вздувшийся шрам, из которого уже начинала сочиться кровь.

Вдвоем нам удалось вытащить Рению, и мы уложили ее на песок под уцелевшим крылом. Кельбик, который, как любой пилот, обладал навыками оказания первой помощи, склонился над ней.

— Ничего серьезного, полагаю. Обморок от потрясения.

И действительно, спустя несколько мгновений Рения пришла в себя. С момента появления в небе врага прошло не более пяти минут.

— Что ты думаешь об этой атаке, Кельбик? — спросил я.

— Да такое ни с чем не спутаешь! Есть у них на то основания или же нет, но фаталисты — те, что еще уцелели! — решили, что тебя нужно грохнуть. Возможно, в это же время они пытались покончить и с другими членами Совета, хотя в этом я сомневаюсь. Меня больше тревожит то, что для такого камуфляжа космолетов под планеры требовались определенные технические навыки, которыми обладает далеко не каждый. Должно быть, среди фаталистов есть и текны. Текны-фаталисты... Даже и не верится!

— Может, у них есть *свои* специалисты? В конце концов, для людей, решивших пойти против закона, это не так уж и невозможно. Возможно даже, у них есть свои собственные тайные мастерские...

— Даже не знаю, какая из этих гипотез хуже, — вмешалась Рения. — Что меня удивляет, так это то, что они промахнулись. Почему они не ударили прямо по фюзеляжу? Тогда бы нам точно была крышка!

— Обломки планеров рассказали бы, как все было, Рения, и тогда бы начались поиски виновных. А крыло может и само отломиться, особенно в бурю, которая вот-вот разразится, судя по тому, как затянуло небо, а это уже наводит на мысль, что у наших врагов есть сообщники и в метеорологической службе. В общем, я рад, что сумел предвидеть нечто подобное и распорядился установить на наших планерах небольшие космодвигатели, недостаточные для полетов, но вполне пригодные в качестве парашютов...

— Так вот почему планер казался мне таким тяжелым!

— Да, именно поэтому. А сейчас нам остается только сообщить о своем местоположении в Хури-Хольдэ и ждать, пока нас подберут.

— Не думаю, что они так легко откажутся от мысли разделаться с нами, — сказал я. — Давайте-ка поспешим!

Сначала мы испробовали радиопередатчик Рении, но он вышел из строя. Передатчик Кельбика вообще был разбит всмятку, и к моему планеру мы шли уже с некоторым беспокойством. К счастью, мой аппарат, хоть он и был поврежден, починить было нетрудно, — этим-то я и занялся. Рения чуть отошла в сторону леса. Я уж хотел было крикнуть ей, чтобы возвращалась, но потом резонно решил, что у нее при себе фульгуратор, с которым ей не страшен ни один зверь.

Что до Кельбика, то он вооружен не был. Я попросил его посторожить возле планера, пока я налаживаю радиопередатчик. Я уже почти закончил настройку, когда он окликнул меня:

— Хорк, люди!

Их было семеро, внезапно возникших из густых зарослей. Какой-либо отличительной униформы — строгого серого одеяния текнов, к примеру, или же легких, с напуском, халатов триллов — они не носили: на них были длинные черные тоги, развевающиеся на ветру. Прежде чем выйти из кабины, я проверил свой маленький фульгуратор и взглянул в том направлении, куда пошла Рения. Ее видно не было.

Небо темнело с каждой секундой, синеватый и рассеянный, как при каком-нибудь катаклизме, свет заливал песчаный берег, река с глухим рокотом катила черные волны. Среди туч промелькнула молния.

— Кто вы такие? — прокричал Кельбик. — Вас послал за нами Совет?

Они не ответили, но рассредоточились по пляжу. Я скаптался на землю с дальней от них стороны планера.

Один из незнакомцев отдал короткий приказ, и все они устремились к Кельбику, на ходу выхватывая оружие. В неясном свете я не смог отчетливо определить, к какому типу оно принадлежало, но по отсутствию утолщения конденсора все же понял, что это не фульгураторы. Вдалеке, из-за кустов, едва различимые в опускающихся сумерках, появились другие люди — человек пять-шесть, не меньше. Кельбик отступил ко мне.

— Фаталисты!

Отсылать сообщение в Совет было уже поздно. Я быстрым взглядом окинул горизонт. Мы были зажаты между излучиной реки и лесом.

— Давай в джунгли! — шепнул я. — Бегом!

Кельбик бросился к лесу, и я последовал за ним. Заметив меня, один из нападавших вскрикнул и вскинул руку. Послышался глухой выстрел, и песок у меня под ногами взвился маленьким смерчем. Еще несколько пуль пролетело над самой моей головой, пока я продирался сквозь кусты в ослепительно-ярком свете небесных вспышек. Наконец, добежав до леса, я обернулся, дважды выстрелил, и молнии, созданные людьми, ответили небесным молниям. Черные тени на берегу рухнули на оплавленный песок.

Я нырнул под лесной покров в тот самый момент, когда по листве забарабанили первые капли дождя. Через несколько секунд это был уже глухо ревущий водопад тропического ливня. Мы уже не бежали, утопая во мхах и травах, но продолжали идти так быстро, как только могли. Когда мы пересекали поляну, сзади в нас дважды стреляли — преследователи были близко. Я не соизволил ответить, предпочтя приберечь на крайний случай последние заряды фульгуратора. Продолжая идти, стараясь не упускать из виду едва видневшуюся впереди спину Кельбика, я спрашивал себя, куда же могла подеваться Рения. Позвать ее я не решался, боясь привлечь внимание преследователей и к ней, и к нам самим. Но я поклялся себе: что бы с ней ни

случилось, я не успокоюсь, пока не убью собственноручно последнего фаталиста.

Завал из полусгнивших стволов, опутанных лианами, заставил нас потерять драгоценные минуты. Когда мы преодолели его, шум погони слышался не только сзади, но и справа и слева: нас окружали! Наконец мы выбрались на большую поляну у подножия почти отвесной каменной гряды. Позади, справа и слева, выходили из леса наши преследователи.

Мы бегом пересекли поляну. Несколько пуль просвистело над нашими головами, но мы не обращали на них внимания, надеясь найти спасительный проход между скалами. Увы, каменная стена оказалась сплошной и неприступной, только один-единственный грот зиял перед нами. В отчаянии мы бросились к нему, и я едва успел сразить из фульгуратора великолепного льва, внезапно выросшего перед нами.

В каком-то смысле наше положение улучшилось. Гроза почти прошла, и полная луна, лишь изредка затягиваемая обрывками туч, ярко освещала поляну. Если сумеем продержаться до утра, мы будем практически спасены, так как высланные Советом поисковые команды отыщут нас или, по крайней мере, вынудят убраться наших врагов. Но, взглянув на счетчик фульгуратора, я недовольно скривился. У меня оставалось всего семнадцать зарядов. Ах, как же мне хотелось тогда обладать телепатическими способностями героев тех фантастических рассказов, которые я читал еще ребенком! Ментальный призыв, прошедший через всю галактику, — и на помощь нам уже спешили бы мои отважные воины: бравые земляне, неукротимые марсиане, хитрые венериане, ужасные драконы с Альдебарана IV! Увы, мы были лишь парочкой обычных людей, в промокшей одежде смотревших в лицо смерти!

Мы притаились за грудой каменных обломков, как пещерные люди, ожидающие нападения. Но враги наши медлили. Отдельные пули изредка щелкали по камням, не причиняя никакого вреда или, наоборот, довольно-таки опасно рикошетируя, однако сами нападавшие благоразумно держались в укрытии. Меня снедала тревога за Рению. Я мысленно попытался залезть в шкуру врагов: как бы я действовал на их месте? Попытался бы взобраться на утес, а затем внезапно

спрыгнул бы у входа в пещеру? Это было вполне выполнимо, так как скалистая стена возвышалась тут не более чем на три-четыре метра.... Или дождался бы захода Луны? Нет, его не будет еще долго... Медленно побежали ночные часы.

Горизонт на востоке уже начал бледнеть, когда я заметил в кустах на краю поляны какое-то движение. И сразу же, мчась со всех ног, на нас ринулись враги. Я расстрелял все заряды, но этих чертей было слишком много: оставляя позади обугленные трупы, они добежали до пещеры без единого выстрела.

«Гляди-ка, хотят взять живьем», — успел подумать я.

Я швырнул фульгуратор в голову первого нападающего и схватил толстый сломанный сук. Кельбик встретил их градом камней. Затем началась рукопашная. Какое-то время, размахивая своей узловатой дубиной, я еще удерживал нападавших на расстоянии, но потом они навалились на меня всем скопом. Сбитый с ног, я получил могучий удар по голове и потерял сознание.

Придя в себя, я почувствовал, что крепко связан. Возле меня, с распухшим лицом, неподвижно лежал Кельбик. Рядом, спиной ко мне, стоял часовой; чуть поодаль сидели прямо на земле с полтора десятка мужчин и о чем-то тихо переговаривались. Никого из них я не знал. Внезапно один поднялся и подошел ко мне.

— Безумен тот, — проговорил он, — кто желает воспрепятствовать жребию Судьбы! Или тебя направляла твоя гордость, о текн? Ты должен бы знать, что любого, кто идет против божественных планов, ждет неизбежная смерть. Да и вообще, к чему спасать тело, если при этом ты теряешь душу?

Я не соизволил ответить. Даже тот факт, что все верующие — за исключением разве что фаталистов — высказались за наше величайшее начинание, ничего не значил для этих фанатиков. У них была своя Истина — единственная и исключительная! Они бы скорее допустили, чтобы погиб мир, нежели она!

Внезапно деревья на краю леса раздвинулись, и на поляну вышли четыре слона, за которыми неторопливо выступало все стадо. Фаталисты не обратили на них внимания. Слоны

в заповеднике давно привыкли к посетителям и никогда не трогали людей. Однако эти, видимо, были чем-то заинтересованы. Они обошли группу фанатиков с двух сторон, приблизились к нам. И вдруг я услышал звонкий голос Рении:

— Теперь, Хлларк! Теперь!

Самый крупный слон повернулся, взмахом хобота оттолкнул часового и легко подхватил меня. Другой слон так же аккуратно поднял еще не пришедшего в себя Кельбика. Вожак нес меня, обхватив хоботом поперек туловище так, что голова и ноги мои свешивались. Напрягая шею, я поднял голову: черные фигуры в панике разбежались.

— Сюда, Хлларк!

Мой слон двинулся к лесу, и тогда прозвучали выстрелы. Пуля, предназначенная мне, попала ему в хобот. Затрубив от ярости, слон выпустил меня, и я больно ударился о землю. Вожак развернулся на месте и ринулся на врагов, за ним устремилось все стадо. Крики ужаса, топот, отдельные выстрелы — и все смолкло. Растрепанная, в порванном платье, Рения склонилась надо мной, торопливо развязывая мои путы. Я с трудом поднялся, руки и ноги у меня затекли. Черные бесформенные пятна на поляне — вот и все, что осталось от фаталистов, которых настигли слоны.

— Что с Кельбиком? — спросил я.

— Он жив.

— Как тебе удалось приручить этих слонов, Рения?

— Это не слоны, Хорк, а параслоны!

Я пригляделся к хоботным повнимательнее. Они уже успокоились. С первого взгляда они ничем не отличались от обыкновенных слонов, только головы их показались мне более крупными, а лбы — более выпуклыми. И я вспомнил трагический эксперимент Биолика.

Этот биолог, живший за пять веков до меня, рассчитывал создать сверхлюдей. Он с успехом провел серию опытов над крупными хищниками и слонами; толщина костных тканей черепа у них уменьшилась, а мозг почти вдвое увеличился в объеме и одновременно стал гораздо сложнее. В результате разум параслонов достиг уровня разума пяти- или шестилетнего ребенка. И этот разум, развившийся у них благодаря контролируемым мутациям, стал наследственным. Ободрен-

ный успехом, Биолик, не предупредив об этом Совет, начал ставить эксперименты на собственной семье. Результаты оказались столь ужасными, что он покончил с собой. По всей видимости, *человеческий* разум невозможно было развить таким способом. Однако параслоны, как и паральвы, уцелели и продолжали размножаться. Их присутствие в заповедниках никого не стесняло, но, как правило, они сторонились людей и, благодаря своему уму, умело избегали с ними встреч.

Углубившись в лес, Рения увидела большой космолет, заходивший на посадку. Сначала она решила, что это посланцы Совета, побежала к кораблю, но вовремя поняла, что ошиблась. После этого ей самой пришлось спасаться от преследователей; она заблудилась в лесу, потеряла свой фульгуратор, пробираясь через болота, и, наконец, присела на пенек и заплакала. Там-то ее и нашел уже ночью, после грозы, вожак параслонов Хлларк. Хлларк когда-то дружил — закон запрещал владеть паразитными — с одним химиком из Акелиоры и потому немного понимал человеческую речь. Рения терпеливо объяснила ему ситуацию и в конечном счете уговорила прийти нам на помощь. Должно быть, это было забавное зрелище: юная девушка в лохмотьях, пытающаяся на какой-то залитой лунным светом поляне заключить союз с великолепным животным. В итоге Хлларк собрал свое стадо и, усадив Рению себе на спину, повел сородичей за собой.

Сейчас он возвращался к нам на своих огромных рыжих ногах, с довольным видом помахивая хоботом. Пуля только оцарапала его, и рана была пустяковой. Рения негромко заговорила с ним, выбирая самые простые слова. Хлларк кивнул головой. Мы с Ренией поднялись на его спину, Кельбик забрался на другого слона, и мы двинулись к реке.

Спасаясь от преследователей, мы ушли довольно далеко, и потому у обломков наших планеров мы оказались лишь через час с небольшим. С первого взгляда стало понятно, что фаталисты разбили все, что уцелело после катастрофы. О том, чтобы починить радиопередатчики, не могло быть и речи. Теперь нам оставалось только одно — добираться собственными силами до ближайшего города, если только нас не обнаружат патрульные космолеты, которые теперь уж точно вылетели на поиски.

Уговорить Хлларка и его спутника не составило особого труда, и мы направились прямо на юг, к Акелиоре. Параслоны шли быстро, однако, когда наступил вечер, мы были все еще далеки от нашей цели, а я за весь день не заметил ни одного космолета или планера. Пришлось заночевать на лесной поляне.

Возможно, если бы не состояние Кельбика, с одной стороны, и моя тревога относительно того, что могло происходить в Хури-Хольдэ, со стороны другой, вся эта интермедия меня ничуть бы не расстроила. Наш костер пылал, живой и яркий, у нас было полным-полно фруктов, чтобы приглушить голод, и параслоны несли подле нас неусыпную вахту. Но порез на лице Кельбика уже начал гноиться, и я видел, что подступает лихорадка. Полагаясь в дороге на Хлларка, я разобрал снятый с планера компас и вскипятил в его корпусе воду, чтобы промыть рану. Затем мы уснули, весьма беспокойным сном. Пусть эта ночь в африканском лесу и не могла сравниться с той, которую мы с Ренией провели в венерианских джунглях, все же она тоже отнюдь не несла отдохновение. Несколько раз — мы находились у границы саванны — где-то рядом рычали львы. Одеял у нас не было, и нас окутывал мягкий туман, пронизывая все то, что оставалось у нас из одежды. Несмотря на ложе из веток, земля была слишком жесткой для наших привыкших к удобствам тел. Разбитые в кровь в утренней рукопашной пальцы нещадно болели. Донельзя изнуренная Рения крепко спала, но Кельбик постоянно ворочался и стонал. В итоге уснул и я.

Проснулся я на рассвете. Заря только занималась, небо было затянуто серой дымкой, и удушающая жара предвещала новую грозу. Силуэты слонов, несших вахту, резко выделялись на фоне бледного неба.

Я осторожно высвободил руку из-под головы Рении, с трудом встал и разжег костер. У Кельбика был жар, рана опять начала гноиться. Я снова промыл ее кипяченой водой, и после скудного завтрака, состоявшего из одних лишь бананов, мы снова двинулись в путь. Для бедняги Кельбика день выдался просто ужасным, но к вечеру мы наконец увидели на фоне заката черные силуэты башен Акелиоры. Хлларк еще с полчаса шел прямо на юг, огибая таким образом болото, и мы прибыли в город только ночью, когда уже поднималась луна.

Въехав в город через главные ворота на огромных слонах, мы произвели своего рода сенсацию, но мне было не до этого. Доставив Кельбика в ближайшую больницу, уже через несколько минут мы с Ренией были в теркане — вы бы сказали, мэрии, — и, связавшись по видеофону с Хури-Хольдэ, я попросил переключить меня на Гелина. В столице все было спокойно, однако Гелин удивился, когда я поведал ему о наших приключениях. Он действительно получил подписанную моим именем закодированную радиограмму, в которой говорилось, что мы приземлились в Акелиоре и задержимся там на несколько дней. Тот факт, что фаталисты знали мой шифр, свидетельствовал о том, что измена проникла на самые верхи нашей организации, быть может, даже в Совет властителей! Я решил немедленно вернуться. Перед отлётом мы с Ренией навестили Кельбика. Врач нас успокоил: заражение крови предотвращено, и через несколько дней Кельбик снова будет на ногах. Я приказал начальнику местной полиции выставить у дверей его палаты охрану, после чего мы тепло попрощались с Хлларком и другими параслонами, пошедшими за своим жоаком: отныне в Акелиоре для них был открыт безлимитный сахарный счет.

Тщательная проверка позволила уже через несколько дней обнаружить изменника, передавшего мой шифр фаталистам. Им оказался молодой текн, секретарь открытых заседаний Совета. Он был немедленно лишен звания, но высылки на Плутон сумел избежать: исправительная колония уже была эвакуирована оттуда на Землю.

глава 4

Nova Solis

Один за другим, пролетали дни. Мало-помалу Земля удалялась от Солнца по все более широкой орбите, увлекая за собой Луну. Венера приближалась к Земле: ее космомагниты работали интенсивнее, чтобы компенсировать гандикап ее более внутренней орбиты отбытия. Из-за этого там произошло несколько легких сейсмических толчков,

впрочем, не причинивших особого вреда. По прошествии года видимый в небе диск Солнца уменьшился, средняя температура Земли стала снижаться, и мы вынуждены были переселиться в подземные заповедники наиболее теплолюбивых животных, по крайней мере тех, что были выбраны нами для продолжения рода.

В том же году мы с Ренией поженились. Повсюду царило спокойствие, фаталисты, похоже, были окончательно разгромлены или ушли в глухое подполье. Свадьба наша прошла без особой помпы, как мы оба того и хотели.

Три месяца спустя мы начали запасать воду. Обширные подземные резервуары были заполнены до предела. Мы уже пересекали орбиту Марса, где несколько археологов все еще продолжали разгадывать прошлое обреченной планеты. Затем сила и направление действия геокосмосов были изменены, и Земля в сопровождении Венеры, которая казалась в небе второй Луной, вышла из плоскости эклиптики, чтобы пройти над поясом астероидов.

До этого момента повседневная жизнь людей проходила без особых изменений. Но теперь, несмотря на накопленные океанами запасы тепла, температура начала быстро падать, и над Землей, за двадцать пятым градусом широты, бушевали метели. Все живые существа были постепенно переведены в подземные парки. Уже и в Хури-Хольдэ на поверхности работали только самые необходимые команды техников, но Совет властителей должен был оставаться в Солодине до самого последнего часа. Огромные герметические ворота отделили верхний город от нижнего. В других городах высоких широт все суперструктуры были давно уже эвакуированы; человечество готовилось к великой зимовке.

Когда мы пересекли орбиту Юпитера, один лишь Совет властителей собирался в верхнем городе. Океаны замерзли даже на экваторе, и по ночам температура падала до минус 70 градусов. В чистом небе не было видно ни облачка: вся атмосферная влага давно уже окутала Землю снежным белым саваном. Почти все формы животной жизни исчезли, и только некоторые растения еще сопротивлялись. То же самое происходило и на Венере. Поймать Гери-Кубу не удалось, но команда ретрансляционной станции с острова Зен обна-

ружила несколько замерзших трупов. Высотой около шести метров, то, несомненно, были модифицированные потомки земных горилл, но больше всего биологов воодушевило обнаружение странного органа, развившегося по соседству с их мозгом в уродливой голове.

Наконец, когда мы пересекли орбиту Урана, уже и Совет, в свою очередь, спустился в нижний город, и я тоже окончательно поселился во дворце Планет, на глубине шестисот метров. Большие экраны в моем кабинете создавали иллюзию окон, смотрящих в черное небо. Атмосферное давление быстро падало, сжиженный воздух ложился серым покровом на обычный снег.

Я еще поднимался изредка, обычно вместе с Ренией и Кельбиком, в мой старый кабинет на верхнем этаже Солодины. Маленький терморadiator поддерживал там сносную температуру, а герметические окна были усилены дополнительными рамами для поддержания внутреннего давления. Я хорошо помню тот день, когда мы пересекли орбиту Гадеса. Все трое мы сидели на своих обычных местах, но сейчас мой кабинет, когда-то заваленный всякими документами, был чист и гол, если не считать листа белой бумаги на моем столе, — мы по-прежнему пользовались бумагой, правда, не такой, как ваша, по составу и гораздо более прочной. И на этом листе лежал грубый каменный топор. Давным-давно мне подарил его мой покойный друг, геолог Р'варк. Топор относился к первой доисторической эпохе, и я хранил его как символ непрерывности человеческих усилий и, быть может, как счастливый талисман. Он воплощал в моих глазах дух наших сражавшихся с враждебной природой предков, которые победили, выжили и завещали нам никогда не сдаваться! Возможно также, что это оружие безвестного воина давно забытых времен как-то ассоциировалось у меня с борьбой, в которую вступили и мы сами.

Я сидел возле окна. Снаружи была ночь, усеянная звездами, и среди них, в неизмеримой дали, чуть крупнее других и немного ярче сверкало Солнце, отец всего сущего. У самого горизонта на фоне неба еле выделялся бледный диск нашей старой, верной Луны. Венера была едва видна.

Передо мной простирался мертвый город, освещенный только прожекторами обсерватории. Суперструктуры утопали в снегу в отвердевшем воздухе, напоминая горбатые спины гигантских животных. Под холодным слабым светом лишь отдельные деревья, убитые слишком долгой зимой, еще вздымались с террас оголенные ветви.

Я активировал экран, и на нем возникло лицо Керлы, старшего астронома.

— Как скоро мы преодолеем рубеж? — спросил я.

— Через три минуты и пятнадцать секунд...

Рубеж... Так мы называли *теоретическую* орбиту Гадеса, то есть такую, по которой эта планета бы двигалась, если бы эта орбита имела форму круга, а не ярко выраженного эллипса. Она обозначала для нас границу Солнечной системы.

Минуты неощутимо уходили. Нам следовало бы присоединиться к тем, кто ожидал нас в нижнем городе, но я предпочел более интимную атмосферу моего старого кабинета. В сущности, этот рубеж не имел никакого значения, но все мы, текны и триллы, привыкли к мысли, что настоящий большой путь через космос начнется тогда, когда мы пересечем эту условную черту.

Раздался легкий хлопок. Кельбик торжественно откупорил бутылку маранского вина и наполнил три бокала, поставленные Ренией на стол. Мы ожидали в молчании.

— Десять секунд, — услышал я голос Керлы.

Я встал, взял бокал.

— Друзья, тост Кальра-основателя! За прошедшие века...

— За настоящее! — подхватил Кельбик.

— За вечные дни грядущего! — тихо закончила Рения.

Мы выпили. Сначала тихо, затем все громче и громче, все мощнее и гуще запели сирены города, усиленные динамиками. Вой сирен терзал наш слух, как жалобный стон всей планеты, как безумные голоса машин, изнемогавших от непосильного напряжения. Откуда-то сверху, с купола Солодины, луч прожектора в последний раз осветил террасы, вырывая из темноты отдельные контуры и отбрасывая жесткие тени. Затем отовсюду взвились ракеты. Они взлетали в черное небо, рассыпая разноцветные искры, и тут

же падали маленькими огненными кометами. И сразу все кончилось. Сирены умолкли, прожектор погас. Земля пересекла рубеж.

Мы долго еще сидели молча. Наконец я встрепенулся, взял Рению за руку.

— Ну ладно, пора спускаться! У нас еще много работы.

* * *

Прошло несколько недель, и мы уже удалились на безопасное расстояние, когда однажды в несусветную рань меня разбудил сигнал видеофона. На экране возникло взволнованное лицо Хани.

— Хорк, скорее приходите. На Солнце замечены первые признаки реакции. А, и ты там, Рения? Тоже приходи!

Мы торопливо оделись и бросились к лифту. Через несколько минут мы уже были у входа в центральную обсерваторию, где едва не столкнулись с взъерошенным и тоже полусонным Кельбиком. Хани ожидал нас в окружении целого штаба своих астрономов. Он был в отчаянии. Я не стал тратить времени на утешения.

— Вы сказали — первые признаки реакции. Но почему так рано? Вы уверены?

Не говоря ни слова, главный астроном Керла протянул мне фотоснимок, сделанный автоматической обсерваторией на Меркурии. Я склонился над снимком, Кельбик рассматривал его через мое плечо.

— Что ты об этом думаешь?

— Ты же знаешь, Хорк, я и близко не астроном. Дай мне показания спектрографа и клочок бумаги, и я скажу тебе свое мнение.

— На первый взгляд, дело дрянь. Но ты прав, нужно все как следует рассчитать. А вы что скажете, Р'тхал?

Р'тхал, специалист по Солнцу, мужчина средних лет, взял в руки фотографию.

— Согласно вашим расчетам, Хорк, которые были проверены и уточнены Кельбиком, первым признаком должно быть появление на Солнце особо темного, быстро увеличивающегося пятна с температурной инверсией. Вот серия снимков, на которых зафиксировано это явление.

Р'тхал показал нам, как на снимках сначала появилось крохотное пятнышко, почти незаметное на солнечном диске, как оно быстро росло, а затем вдруг исчезло и сменилось расплывчатым светлым полем, особенно ярким в том месте, где первоначально находилось черное пятно.

— Все цифровые данные в вашем распоряжении, — добавил он.

— Хорошо. Сейчас же установите прямую связь с центральной вычислительной станцией. Нам нужна звукопроницаемая комната...

— Они все здесь такие.

— Тогда сойдет любая. Подъем, Кельбик! Ах, да: еще нам нужна бумага! Да побольше!

Мы заперлись и тщательно проверили данные. Мы давно работали вместе, поэтому я усвоил его систему анализа, а он — мои методы, пусть менее изысканные, но зачастую более быстрые. На протяжении шести часов мы работали порознь, останавливаясь разве что для того, чтобы выпить по чашке питательного бульона, который нам приносила Рения. Закончив расчеты, я поднял голову и взглянул на Кельбика. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Так ты думаешь?..

— Я думаю, что если мы и уцелеем, то только чудом!

— Но, клянусь кишками трилла, как же мы могли так все ошибиться? Мы рассчитывали по крайней мере еще на полгода... А вместо этого имеем всего две недели!..

Кельбик горько улыбнулся.

— Все очень просто, Хорк, и, если тебя это утешит, ни ты, ни я ни в чем не виноваты. Все расчеты мы оба строили, отталкиваясь от константы Кооба, ведь так?

— Да, ну и что?

— Так вот, она неточна, дружище. И неточность начинается с семнадцатой цифры после запятой. Я только что все перепроверил.

— И почти за тысячу лет никто этого так и не заметил?

— А как это могли заметить? Этой константой если и пользовались, то лишь до двенадцатой цифры максимум. Но в нашем случае получился кумулятивный эффект — крохотная неточность вызвала лавину ошибок. И вот вместо шести месяцев — две недели!

Я внезапно почувствовал себя совершенно разбитым.

— Значит, вся наша работа была напрасна? Неужели фаталисты правы?

— Нет, полагаю, мы все же уцелеем. Правда, для отстающей от нас Венеры это будет труднее. Но, быть может, она тоже успеет, если сейчас же ускорится. Я сейчас посчитаю...

— А Марс? — спросил я, бледнея.

На Марсе все еще работали команды археологов, которые должны были вылететь вдогонку за нами лишь через несколько месяцев.

— За две недели, если они не будут терять ни минуты, может быть, им удастся опередить волну взрыва. Предупреди их немедленно посредством волн Хека.

Совет властителей, получив наше сообщение, тотчас же принял все необходимые меры. Геокосмосы заработали с большой нагрузкой, изыскатели на Марсе получили приказ возвращаться. Теперь оставалось только ждать. Через несколько часов Кельбик вернулся с целой серией новых, более точных расчетов. Реальная отсрочка равнялась всего лишь двенадцати дням!

Из четырех археологических экспедиций три сразу сообщили, что вылетают. Четвертая попросила разрешения задержаться на сутки, и я, еще раз предупредив об угрожающей им опасности, дал согласие. Да и как было не согласиться? Они только что обнаружили вход в подземный город и теперь пытались за оставшиеся часы осмотреть его и выяснить, что из находок можно спасти. Я разговаривал на волнах Хека с главой экспедиции. То был глубокий старец с длинными седыми волосами — если не ошибаюсь, он уже разменял третью сотню лет, — звали его Клобор.

— Какое невезение, Хорк! Мы нашли лишь первый, почти неповрежденный город, и у нас всего сутки на то, чтобы его обследовать!

— Да, только сутки, и то на ваш страх и риск, — ответил я. — Впрочем, раз уж вся ваша команда согласна... Но помните: двадцать четыре часа, и ни минуты больше, если вам дорога жизнь!

Сам не знаю почему, но эта находка меня живо заинтересовала: я словно предчувствовал, что она окажется крайне

важной для будущего всего человеческого рода, и весь день поддерживал связь с Марсом. Около пяти часов пополудни Клобор сообщил, что впервые за всю историю мы теперь можем наконец составить представление о физическом облике марсиан. Археологи обнаружили несколько статуй, сфотографировали их на месте, затем тщательно упаковали и погрузили на большой экспедиционный космолет. Затем, в семь часов, грянул гром среди ясного неба: на экране возникло чрезвычайно взволнованное лицо Клобора:

— Хорк! Хорк! Величайшее открытие всех времен! Марсиане бывали в других солнечных системах!

— Откуда вам это известно?

— Мы нашли фотографии, они прекрасно сохранились.

Смотрите, вот они!

И на экране одна за другой начали появляться большие цветные фотоснимки, еще блестящие от закрепляющей эмульсии, которой их предварительно покрыли. Всего их было около пятидесяти, представляющих самые разные планеты и сделанных с большой высоты: относительно большинства из них было очевидно, что ни одна из планет нашей солнечной системы никогда не могла так выглядеть.

— Снимки слишком подробные — такие не выдает ни один гипертелескоп. И речь может идти только о планетах какой-то другой системы. Посмотрите вот на этот!

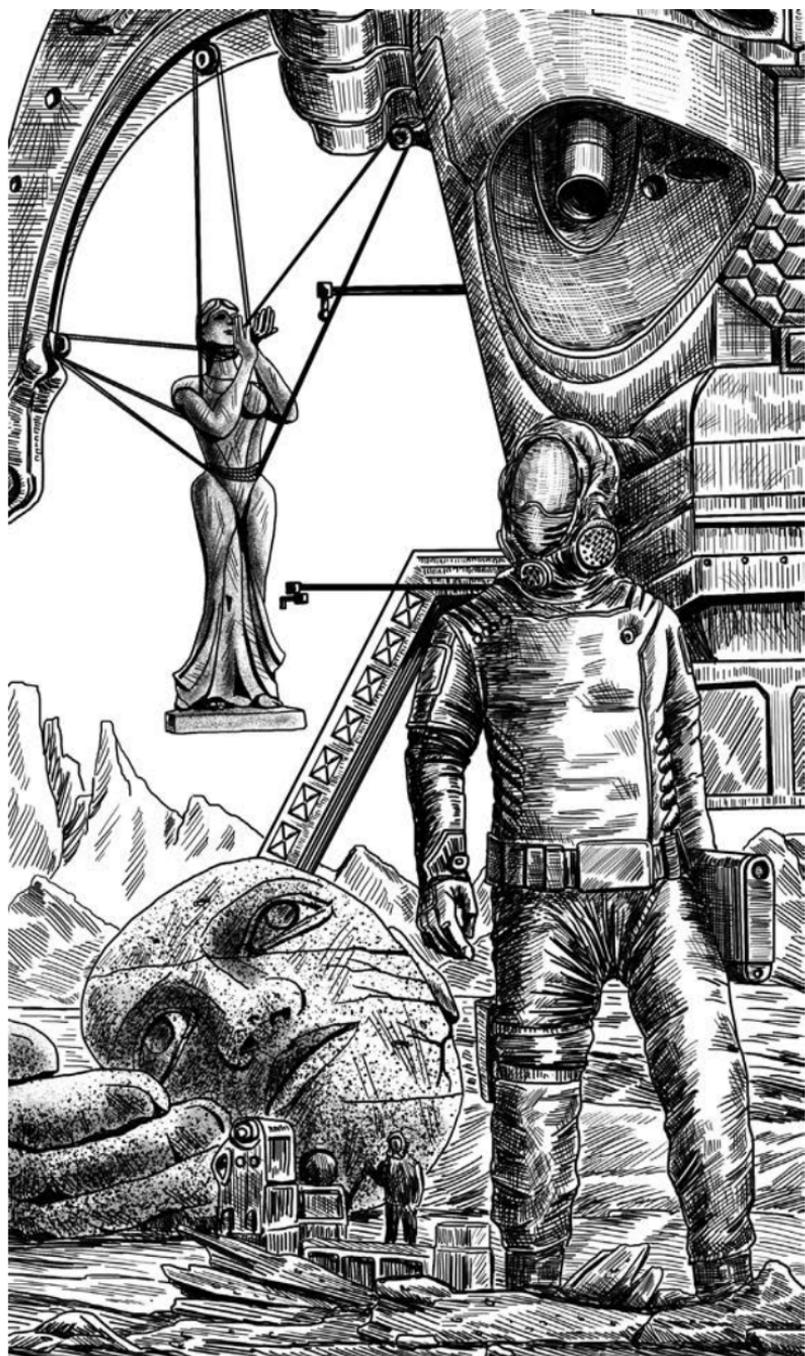
Я увидел зелено-синюю планету, с двумя спутниками. И хотя ничто не давало масштаба, мне она показалась вполне сравнимой по величине с Землей.

— А теперь взгляните на другой снимок — он сделан с небольшой высоты с ночной стороны.

На экране появилась темная равнина, усеянная крошечными светящимися точками.

— Это города, Хорк, города! Планета обитаема. Возможно, мы найдем снимки, сделанные на ее поверхности. Тут кипы документов, которые мы грузим все без разбора. Нет времени!

Экран погас. Какое-то время я просто сидел задумавшись. Итак, помимо Земли и неведомого мира, откуда явились драмы, в нашей галактике существовала и другая разумная жизнь!

Около девяти вечера, обеспокоенный молчанием экспедиции, я решил снова связаться к Клобором. Капитан космолета, все еще стоявшего на поверхности Марса, ответил тотчас же, однако прошло довольно-таки много времени, прежде чем на экране появилось лицо старого археолога.

— Я и сам уже собирался вызвать вас, Хорк! Мне нужны еще одни сутки. Важнейшее из всех открытий...

— А почему не неделя или не месяц? У вас есть ровно пятнадцать часов, и ни минуты больше.

— Но поймите же, это имеет огромное значение...

— Я понимаю, Клобор, понимаю, но Солнце — оно не поймет!

— Капитан сказал мне, что, если потом уходить на максимальной скорости, можно было бы задержаться здесь еще часов на десять...

— Это даже не обсуждается! Вы стартуете точно в назначенный час. Это приказ!

— Но это вопрос величайшей важности! Мы нашли звездолет марсиан! И почти неповрежденный!

— Что? Марсианский звездолет?

— Да, один из тех, которые летали к звездам. Мы делаем чертежи, фотографируем все что можно, демонтируем двигатели, но все это займет *больше* пятнадцати часов! Если бы только среди нас были физики! Так бы мы хотя бы знали, что нужно искать...

Я быстро взвесил все «за» и «против». На одной чаше весов была возможность открыть новые принципы космических полетов; на другой — уверенность в том, что, если экспедиция не покинет Марс через пятнадцать часов, двести ее членов погибнут.

— Сожалею, Клобор, но через пятнадцать — нет, уже через четырнадцать часов пятнадцать минут — вы стартуете.

— Но ведь тем самым я открываю вам путь к звездам, Хорк! Как вы можете отвергать такой дар? Умоляю... Это же величайшее открытие всех времен.

— Знаю. Но я не могу рисковать жизнью двухсот человек ради простой вероятности. Спасите все, что сумеете, главное — постарайтесь демонтировать двигатели, сфотографи-

ровать все и составить чертежи. Вы можете внести в этот аппарат телевизионную камеру?

— Да, это возможно.

— Так сделайте это поскорее, а я тем временем соберу команду специалистов, которые помогут вам советами. Но помните: точно в назначенный час — отлёт! Вы нашли какие-нибудь документы о самих марсианах? Как хоть они выглядели?

— Судя по статуям и фотографиям, они не слишком от нас отличались. Но я должен вернуться к работе, срок так мал... Дайте мне еще хотя бы час!

— Ни единой минуты!

Экран вдруг потускнел. Я активировал внутренний коммутатор, вызвал контрольный пункт. Там дежурил Сни, мой бывший ассистент.

— Ну, какова ситуация?

— Все в порядке, Хорк. Скорость возрастает.

— А что с Венерой?

— Она мало-помалу настигает нас.

Поскольку масса Венеры была меньше, чем Земли, им было легче увеличить ускорение, то есть достигнуть максимальной скорости...

Я связался с Ренией, находившейся в геофизической кабине. Она ответила не сразу, так как была слишком занята своими аппаратами.

— Что у тебя, Рения? — спросил я.

— Возникают сильные напряжения коры на глубине около сорока пяти километров под Тихим океаном. Возможно землетрясение с эпицентром под Кильнскими островами, если мы будем идти с таким же ускорением. Я бы рекомендовала немедленно эвакуировать Кильнор, а на западном побережье — Аслор и Кельнис.

Я быстро посчитал в уме: Кильнор, три миллиона жителей. Аслор — двадцать семь миллионов. Кельнис — тринадцать. Итого сорок три миллиона человек, которых нужно срочно вывезти и хотя бы временно где-то разместить. Слава богу, мы предвидели такую возможность, и все подземные города были бóльших размеров, чем то диктовала строгая необходимость.

— Хорошо, — сказал я. — Я отдам приказ правительству триллов.

— А в твоём секторе? — спросила Рения.

— Дела обстоят неважно. Мы делаем все возможное, но, вероятно, не успеем уйти на нужное расстояние. Следует ожидать потери суперструктур многих городов, особенно тех, которые стоят близ экватора и не покрыты достаточно толстым слоем снега. А значит, увы, и Хури-Хольдэ.

— Не так уж и страшно — город ведь пуст!

— Да, но потом его придется восстанавливать.

Чтобы снять усталость, я заперся в камере дезинтоксикации и через полчаса вышел оттуда посвежевшим и отдохнувшим. Эти камеры были чудесным изобретением, и я сожалею, что мне не хватило ни времени, ни особенно знаний в физиологии, необходимых для создания чего-то подобного здесь.

Затем я принял Гелина, властителя людей.

Эвакуация оказавшихся под угрозой городов проходила нормально, но, эвакуируя Кельнис, полиция обнаружила тайный арсенал, принадлежавший, вероятно, фаталистам и включавший в себя, помимо больших химических пистолетов, несколько фульгураторов, кустарных, но вполне действенных.

— Я не нахожу себе места от беспокойства, Хорк. В народе ходят слухи, что фаталисты, вероятно, все же были правы, что Земля вскоре взорвется. Но предполагалось ведь, что мы будем держать все в секрете! Помимо Кельбика и вашей жены, которые вне подозрений, вас самого и нас, членов Совета, его никто не должен был знать!

— Резкое ускорение геокосмосов не могло остаться незамеченным, Гелин. Их команды в курсе. К тому же, мы сообщили новость марсианским экспедициям. И наконец, вы уверены в вашей полиции?

— Абсолютно! В эти последние дни мы провели психологическое тестирование всех ее агентов. Ни один не провалил тест на лояльность.

Этот тест считался безошибочным, и почти тысячелетний опыт, казалось, подтверждал эту его непогрешимость. Тест был крайне жесток: в нем находящийся под гипнозом или, скорее, под воздействием галлюциногенов подопытный

должен был казнить собственного отца, мать или сына, обвиненного в измене. Эта казнь, разумеется, была всего лишь видимостью, иллюзией, производимой на манекене. Но для подопытного она была ужасно реальной. Психические самописцы позволяли с точностью судить о реакции индивида. Но являлся ли этот тест по-прежнему действенным для фаталистов, фанатиков, готовых пойти на любые жертвы?

— Что меня особенно тревожит, — продолжал Гелин, — так это производство фульгураторов, пусть пока еще и не слишком совершенных. Это довольно-таки сложно проверить без помощи какого-нибудь текна. Я, конечно, не думаю, что кто-нибудь из текнов мог увлечься фаталистской философией, и обычно любое личное тщеславие, любое стремление к диктатуре, использующей фатализм в качестве средства, должно выявляться еще до принесения клятвы, как в случае с Ужахом, но среди текнов есть и такие, кто никогда не проходил тест на лояльность вследствие того, что подобное испытание было сочтено в их случае излишним... быть может, напрасно.

— Вы и сами прекрасно знаете, Гелин, что благодаря нашей миронической подготовке нам не страшен никакой гипноз! Не берите в голову! Что до меня, то я полагаю, что мятеж фаталистов, если таковой случится, обречен на провал.

— Хотел бы я быть в этом так же уверен, как вы, Хорк. Я тоже думаю, что они потеряли все шансы на то, чтобы взять власть, но навредить нам они все же способны. Если, к примеру, у них появится возможность уничтожить лично вас, они этой возможностью воспользуются. Вас и вашу жену охраняет с десятков надежных парней, другие присматривают за Кельбиком и властителями. Но если вы не будете принимать опасность всерьез, это облегчит им задачу!

— Благодарю за заботу. Впрочем, я и сам всегда начеку.

В два часа ночи Рения сообщила мне о новом землетрясении. Подземные толчки необычайной силы отметили все сейсмографы планеты. Архипелаг Киль за полчаса погрузился в океан, и на этом месте началось извержение подводных вулканов. Поскольку эвакуация населения уже закончилась, жертв почти не было, но зрелище этой катастрофы, переданное с космолета, потрясло меня. Гигантский фонтан под-

нимался к черному, усеянному звездами небу из середины темного пятна растаявшего в этом месте океана, а вокруг сверкало белизной ледяное поле. В четыре часа утра чудовищный взрыв выбросил к зениту миллионы тонн подводного грунта, который обрушился каменным градом на лед. В Кельнисе и Аслоре от этого взрыва провалились верхние уровни подземных улиц, а в Борик-Реве, на месте вашего Лос-Анджелеса, герметичный панцирь нижнего города дал опасную трещину.

Незадолго до полудня я вызвал Марс. Последняя экспедиция грузилась на корабль, так и не раскрыв тайну марсианского звездолета. Они успели осмотреть лишь часть очень сложных двигателей. Я посочувствовал им, однако был рад, что мой приказ исполняется. Выключив экран, я прилег отдохнуть.

На следующее утро я проснулся довольно поздно, когда Рения уже ушла на свой пост. Я поспешил в рабочий кабинет и сразу включил экраны. Всюду все было как будто в порядке. Сейсмографы не отметили новых толчков, и напряжение коры под Тихим океаном постепенно уменьшалось. На Венере, где нет глубоких океанов, толчки были незначительными. Ко мне зашел Кельбик, мы переговорили о текущих делах, а затем я поставил перед ним новую задачу: организовать производство мощных фульгураторов. В нашем мире без войн они были не нужны, и этот вопрос никогда не изучался. Однако документы, обнаруженные на Марсе, говорили о том, что на далеких планетах Галактики существуют другие разумные существа, и неизвестно еще, встретят ли они нас мирно и дружелюбно.

Около полудня один из моих экранов включился, и я увидел ошеломленное лицо Тирика, главного инженера по связи.

— Хорк, вас кто-то вызывает с Марса!

— Этого не может быть. Экспедиция вылетела еще сутки назад!

— Это я знаю, но передача идет с главной ретрансляционной станции, что близ Эрикобора, марсианского города, который они раскапывали.

— Но кто ее ведет?

— Неизвестно. Он отказывается сообщить свое имя и не передает картинок. Требуется прямого разговора с вами.

В моем мозгу мелькнула страшная догадка.

— Хорошо, дайте связь.

На экране, как я и ожидал, появилось лицо Клобора. Он улыбался.

— Не злитесь, Хорк, это бесполезно. Вам до меня не добраться! Вы уже не сможете отправить меня на Плутон!

— Клобор! Старый безумец! Как вы могли... И почему капитан не сообщил о вашем отсутствии на борту? Уж до него-то я доберусь!

— Он не виноват! Я выскользнул из космолета прямо перед отлётом, предварительно выведя из строя передатчик, чтобы они не смогли попросить разрешения вернуться за мной...

— О! На это я все равно бы ответил отказом! Но почему вы остались на Марсе?

— Все очень просто. Я тут собрал ретранслятор, который позволит вашим физикам руководить мною, пока я буду заканчивать разбирать двигатель марсианского звездолета. Поработаю до тех пор, пока Солнце... Короче, остается еще больше недели, и я надеюсь, что успею, несмотря на то, что в механике я и не соображаю.

Я не находил слов. Мне хотелось встать и поклониться этому старику. Какое самопожертвование! И какое спокойствие!

— Но послушайте, Клобор, вы подумали о том, что... когда солнечный прилив достигнет Марса... Я знаю, все произойдет быстро, но вам все же придется пережить несколько ужасных минут!

Он улыбнулся и вынул из кармана розовый флакончик.

— Я все предусмотрел. В этом флаконе — биринн.

Я умолк. Биринн убивал молниеносно.

— Мы только теряем время, Хорк. Переключите меня на ваших физиков. Разве что, когда наступит этот последний момент... держите рядом с собой открытую бутылочку марранского. Мне хотелось бы выпить за вашу удачу!

* * *

Мы принялись ждать катаклизма. На всякий случай все верхние этажи подземных городов были эвакуированы, герметические ворота между уровнями заперты. На поверх-

ности, во мраке, прорезаемом лишь лучами прожекторов, специальные роботы засасывали снег и отвердевший воздух и засыпали этой смесью города, создавая для них как можно более толстый панцирь. Теперь мы знали, что успеем избежать катастрофы, но нам хотелось по возможности сохранить наши суперструктуры.

За несколько часов до намеченного момента ко мне с последними результатами явился Кельбик. Он был так же озабочен, как и я, но в то же время сиял: его расчеты были проверены и подтвердились с точностью до двадцатой цифры после запятой! Все солнечные пятна исчезли, и солнце уже начинало пульсировать, сжимаясь и расширяясь во все более учащающемся ритме. Вместе с Кельбиком мы направились в контрольный зал.

Там нас собралось в общей сложности семьдесят семь человек. Множество телевизионных экранов было установлено по всем городам, но лишь наше собрание имело привилегию непосредственно принимать все передачи восемнадцати релейных станций, оставленных между нами и Солнцем. Эти передачи на волнах Хека записывались и одновременно проецировались на восемнадцать отдельных экранов. Первая релейная станция на спутнике, обращавшемся примерно в тридцати миллионах километров от Солнца, вторая — на Меркурии, где еще работала автоматическая обсерватория Герукои. Третья станция осталась на бывшей орбите Венеры. Четвертая — на бывшей орбите Земли, пятая стояла на поверхности Марса. Остальные равномерно распределялись между Марсом и Землей, продолжавшей свой бег.

Я сидел между Хани и Кельбиком, положив руки на пульт управления геокосмосами, которые работали почти на полную мощность. Теперь с каждой секундой мы удалялись от Солнца на две тысячи километров. Если наши расчеты были верными, солнечный прилив уже не мог нас достать. Однако оставалась опасность радиации.

На восемнадцати экранах, как бы с разного расстояния, мы видели лик Солнца. Лик грозный и гневный, косматый от протуберанцев, в пятнах такой невыносимой яркости, что глазам было больно, несмотря на светофильтры. Особая настройка позволяла менять увеличение или рассматривать

солнечную поверхность в различных полосах спектра, соответствующих тем или иным элементам. Три тысячи регистрирующих автоматов на центральной обсерватории должны были сохранить все записи и снимки для последующего анализа — если только мы не ошиблись, если только Земля не погибнет...

Молчание нарушил Хани:

— Если все пойдет так, как предсказывали Хорк и Кельбик, катаклизм начнется огромным протуберанцем в экваториальной зоне. Перед этим на Солнце снова появятся пятна...

Мы долго еще сидели, не произнося ни слова. Напротив нас, на экранах, пылали изображения Солнца.

Властитель машин склонился ко мне.

— Хорк, я только что получил сообщение из лаборатории космической физики. Они проанализировали планы марсианского звездолета, переданные Клобором. Наши физики уверены, что за несколько лет сумеют воссоздать марсианский двигатель, тем более что последний космолет с Марса доставил некоторые детали...

«Клобор! — подумал я. — Я же обещал!..»

Я вызвал центр связи:

— Сейчас же соедините меня с Эрикобором на Марсе!..

Несколько минут спустя справа от меня осветился небольшой экран. Клобор сидел к нам спиной, вглядываясь в свой собственный экран, на котором нестерпимо сверкало Солнце. Возле него на столике стоял флакон с розовой жидкостью, биринном. Я быстро посоветовался с Хани и Гелином.

— Ретранслируйте эту сцену на все экраны обеих планет! Пусть Клобор хотя бы получит свой час славы. Он этого заслуживает!

Затем я склонился к микрофону и позвал:

— Клобор! Клобор! Говорит Совет!

Там, на Марсе, седой старик вздрогнул, оторвался от захватывающего зрелища, развернулся в кресле, нажал на кнопку. Слева от него возникло изображение контрольного зала. Он улыбнулся.

— Спасибо, Хорк, что не забыли меня. Грустно было бы умирать одному. Но я не вижу бутылки. Вы не хотите выпить со мной?

Гелин отдал распоряжение. Тотчас же появились бутылки маранского вина. Наклонившись к микрофону, Гелин сказал:

— Клобор, от имени всех людей — спасибо! Ваша жертва не будет напрасной. Благодаря вам мы сможем когда-нибудь отправиться к звездам, не увлекая за собой всю Землю. Ваше имя будет жить в людской памяти, пока будет жить человечество!

Старый археолог улыбнулся.

— Я предпочел бы, чтобы мое имя жило благодаря моим научным трудам, а не благодаря случайной находке. Но что делать? Приходится принимать славу такой, какая она есть. Однако не занимайтесь мной, у вас есть дела поважнее. Когда настанет момент, я свяжусь с вами...

Я перевел взгляд на астрономические экраны. Меркурианский ретранслятор показывал, помимо Солнца на небе, небольшую часть горы Теней и маленькое шале, укрывшееся среди ее складок. Я перекинул его изображение Рении, сидевшей в полном одиночестве в ее геофизической кабине.

Чей-то возглас — «Пятна!» — заставил меня обернуться. На солнечном диске близ экватора отчетливо выделилась более темная зона с рваными, вихрящимися краями.

— Все идет, как мы и предполагали, — проговорил Хани слишком уж спокойным, из-за чего это спокойствие не показалось мне естественным, голосом. — Теперь взрыва ждать уже недолго...

Однако прошел целый час, а ничего нового не происходило. Солнце неторопливо вращалось. Затем его медленно пульсирующий диск деформировался. Сбоку появился гигантский протуберанец, взлетевший, наверное, на миллионы километров.

Хани прильнул к объективу спектроскопического анализатора.

— Реакция Хорка-Кельбика началась! Через несколько секунд...

Закончить он не успел. Несмотря на почти мгновенную настройку светофильтров, мы все были почти ослеплены нестерпимо яркой вспышкой в самом центре Солнца. Когда способность видеть вернулась к нам, весь диск был окутан невероятными фиолетовыми протуберанцами. В течение пары

минут Солнце раздувалось, теряло шарообразную форму, словно распадалось на части. Затем последовал сам взрыв. Кипящее огненное море заполнило весь экран ретранслятора № 1, и, разнесенный на атомы, тот прекратил передачу.

— Теперь остается только ждать, — проговорил Хани.

Чудовищный световой поток устремился за нами вдогонку. Но телескоп, установленный на вершине центральной обсерватории, по-прежнему показывал нам Солнце как сверкающую звезду. Ретранслятор № 2 перестал работать еще до того, как раскаленные газы достигли его, расплавленного радиацией. Последнее изображение с Меркурия показало людям гору Теней, резко выделяющуюся на фоне охваченного пламенем неба. Даже с Марса Солнце казалось теперь крупнее и ярче, чем некогда из обсерватории Герукои.

Вскоре нас вызвал Клобор.

— Я вернулся с последней прогулки по Марсу. Уже сейчас на поверхности невыносимо. Лишайники горят. Думаю, теперь мне осталось жить недолго, — закончил он тихо.

На мгновение он исчез, затем снова появился на экране.

— Здесь уже тридцать два градуса! Когда стрелка покажет пятьдесят...

Он положил термометр на стол так, чтобы мы его видели. Стрелка быстро перемещалась. Сорок градусов... сорок пять...

Я почувствовал, как кто-то сунул мне в руку бокал. В подземелье марсианского ретранслятора Клобор поднял свой:

— Друзья, тост Кальра-основателя! Думаю, сейчас он самый подходящий! За прошедшие века, которым я посвятил свою жизнь!

— За настоящее! — хором ответили мы, вставая.

— За вечные дни грядущего!

Мы выпили. Клобор поднес бокал к губам, отпил и рухнул на стол; рука его бессильно свесилась на пол.

Мы продолжали стоять молча. Стрелка термометра перемещалась все быстрее и быстрее. Когда она показала девяносто градусов, ретранслятор перестал работать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВЕЛИКИЕ СУМЕРКИ

глава 1 Заговор

Когда Марс испарился, давление немного упало. Наши шансы на выживание выглядели теперь великолепными, и, если не случилось бы ничего непредвиденного, смертельной опасности, казалось, мы уже избежали. Мы решили немного передохнуть, поручив наблюдателям сообщить нам, если будет что-то новое. Ко мне присоединилась Рения, которую все еще беспокоил тот ужасный напор, коему подвергалась земная кора. И действительно, малейший сбой в синхронизации геокосмосов мог вызвать непоправимую катастрофу. Но в данный момент силы были практически уравновешены, расходясь лишь на несколько дин. Захватив с собой легкий приемник-передатчик, на случай, если мы кому-либо понадобится, мы вышли на улицы города.

Я думал, что уже знаю его «от» и «до», этот подземный город, но сегодня я смотрел на него новыми глазами: нам почти не встречалось прохожих. Все находились в своих квартирах, кабинетах, на заводах, в лабораториях, собравшись группами перед экранами. Пронизанный сверкающи-

ми авеню, более узкими улицами, прорезанный огромными садами, ложное небо которых всегда было голубым, за исключением тех часов, когда шел дождь, город простирался на десятки километров. Мы направились к шахте № 702 и спустились на нижний уровень, где находились «джунгли». Там обитали хищники, которые бродили по подземному миру совершенно свободно. Постовые у входа узнали нас и пропустили без вопросов, даже несмотря на то, что мы были вооружены фульгураторами. Обычно проходить в джунгли с оружием воспрещалось: любой, кто отправлялся туда погулять, делал это на свой страх и риск. Но на властителей и верховного координатора это правило не распространялось. На некотором расстоянии от входа мы наткнулись на Хлларка и его трибу. В отличие от обычных слонов, из которых мы спасли лишь необходимых для выживания вида, прибежище в Хури-Хольдэ нашло все стадо параслонов целиком. О том, чтобы оставить этих разумных существ погибать, не могло быть и речи!

Мы взяли легкий катер и на минимальной высоте облетели чашу. Затем опустились на какую-то прогалину. Растянувшись на траве, я случайно растревожил гигантский муравейник. Вокруг нас простиралась полустепь. Иллюзия свежего воздуха была полной. Свет заливал далекие дали. Стены, впрочем, слишком далекие, оставались невидимыми, а верхушки массивных колонн, которые то тут, то там поддерживали свод, также терялись в иррадиации.

Приглушенный рык заставил меня вздрогнуть и потянуться за фульгуратором. К нам приближался громадный лев; его большие желтые глаза смотрели мне прямо в лицо. По развитому выпуклому лбу под рыжей гривой я тотчас же понял, что это один из паральвов, и убрал оружие за пояс. Животное — но было ли это все еще животное? — уселось в трех шагах от нас. Я подошел к нему, провел рукой по жестким волосам, нашел идентификационную пластину: Сирах, 30 Кхар 4605. Имя и место рождения.

— Ты как, Сирах, — сказал я, — в порядке? Или что-то не так?

Он тихо испустил несколько ритмичных полурывков.

— Прости, старина, не знаю твоего языка.

У паральвов и в самом деле был свой язык — самый элементарный, всего с сотню-полторы «слов», обозначающих главным образом конкретные предметы или простые действия. Он подошел ко мне, прикусил подол туники, потянул за него.

— А! Ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой? Ну ладно, только не слишком далеко. Нам желательно не отходить от...

Чтобы он понял, я указал на катер.

Сирах был настойчив, и мы последовали за ним. Метров через сто мы напоролись на труп молодого паральва: мех его был обожжен в паре мест — судя по всему, в него стреляли из фульгуратора.

Рения посмотрела на меня: кто мог оказаться столь глупым — столь преступным и глупым, — чтобы убить паральва? Они никогда не нападали на людей, всегда вели себя дружелюбно, и потому время от времени им даже позволяли, к величайшей радости детишек, подниматься в городские сады. К тому же, рождаемость у паральвов — да и всех прочих паразитических — находилась на крайне низком уровне, и потому убийство такового, даже не преднамеренное, каралось у нас очень строго.

Сирах потащил нас дальше. Метрах в десяти от первого мы обнаружили еще одного львенка, также мертвого. Но этого убили из более примитивного оружия: в основании черепа зияла небольшая дыра, должно быть, от цельной пули.

— Клянусь Лама'ком, демоном киристинян, именно с таким оружием фаталисты... Хм, это уже серьезно!

Я отцепил от пояса передатчик и набрал Гелина.

— Говорит Хорк. Номер 44-22-651.

— Говорит Гелин. 44-22-651, подтверждаю. Говорите.

Удостоверившись таким образом, что никто, за исключением одного из членов Совета, не сможет подслушать наш разговор, я ввел его в курс дела.

— Да уж... Ситуация действительно неприятная, если не сказать больше. Я немедленно отправлю к вам отряд полиции...

— ...и кого-нибудь, кто понимает паральвов, если не трудно. Я уверен, что Сираху много чего известно по этому поводу. Что там у вас с этим катаклизмом?

— Ничего нового. Он пока и не думает заканчиваться. Сейчас же возвращайтесь. В джунглях небезопасно...

— Мы вооружены, но уже собираемся обратно. Однако же паралев, похоже, хочет отвести меня чуть дальше. Я все же сперва посмотрю.

— Не думаю, что это будет благоразумно.

— О благоразумии думать уже поздно.

* * *

По сей день я благословляю эту нашу неосмотрительность, так как она спасла Землю от опасности, возможно, даже более страшной, чем фаталисты. Сирах провел нас по скалистой теснине к веренице гротов, в которых, теоретически, должны были обитать паральвы. По мере того, как мы приближались к этим пещерам, походка нашего проводника становилась все более и более осторожной.

Припав к земле, он весь напрягся и нырнул в высокую траву. Пригнувшись, мы молча, с оружием наизготове, последовали за ним и вскоре услышали шум голосов. Наш проводник резко остановился и повернул к нему свою умную морду. Я подошел к нему. Метрах в двадцати от нас, прислонившись спиной к огромному валуну, стоял часовой; в руке у него блестяла сталь какого-то оружия. Он не смотрел в нашу сторону, так что нам удалось незамеченными спрятаться за густым кустом какого-то травянистого растения. Чувствуя себя, судя по всему, в полной безопасности, караульный сохранял лишь подобие бдительности. Я задумался: как быть? Имелись все шансы на то, что случай и их собственная глупость вывели нас на след заговорщиков-фаталистов, но вполне могло быть и так, пусть это и выглядело маловероятным, что этот парень просто здесь прогуливался, как и мы сами, сумев где-то умыкнуть оружие. Тут он чуть развернулся, и я заметил, что держит он не фульгуратор, а тяжелый пистолет, — подобное оружие у нас было запрещено законом. Я приготовился к битве. Рядом со мной, готовый к прыжку, сжался в комок паралев — усики оттянуты назад, губа приподнята, обнажая огромные клыки, — инстинкт в нем явно брал верх над разумом. Он вздрогнул, когда я успокаивающе провел рукой по его косматой гриве.

Из-за скалы, у которой стоял часовой, возникли двое мужчин. Их лица были закрыты масками, и однако же я сразу узнал одного из них, Карноля, помощника властителя машин. Я быстро перебрал в памяти все, что знал об этом субъекте: умный, тщеславный, прекрасный организатор, он не был любим по причине своей жесткости, и я даже слышал, что он лишь с огромным трудом прошел предшествующее клятве психологическое обследование. Его спутника я никогда прежде не видел. Жестом я показал Рении, что нужно припасть к земле, а затем взял на мушку группу из трех человек, но в самый последний момент стрелять передумал. В том, что Карноль — предатель, сомневаться не приходилось, но как знать: возможно, дав им пройти, я смогу узнать что-либо полезное. И действительно, они остановились всего в нескольких шагах от нас.

— Отлично сработано, Дхар, — сказал Карноль. — Эти идиоты-фаталисты сыграют нам на руку. Но держи своих парней наготове, да смотри — пусть высаживают лишь внешние ворота! В противном случае, нам всем конец.

— Не беспокойтесь, властитель, я лично прослежу за этим.

— Прекрасно! Я, в свою очередь, займусь этими придурками из Совета. Как только я разберусь с ними, та озлобленность, которая возникнет у людей по отношению к фаталистам, поможет нам и с этими покончить раз и навсегда. И могу тебя заверить, что никакие гуманные соображения меня, как этого беднягу Хорка, не остановят!

— А с ним-то как поступим, властитель?

— Хорк нам нужен живым — так же, как и его жена и его друг Кельбик. Лишь эти двое, Хорк и Кельбик, способны высчитать момент, когда опасность исчезнет и мы сможем возобновить вращение вокруг нашего старого Солнца. Я тут едва не сказал, что он настоящий кретин. Так оно и есть, но только с политической точки зрения — не с научной.

«Спасибо, властитель Карноль, — подумал я. — Я и сам о вас такого же мнения».

— Ладно, — продолжал Карноль. — Начинаем через три часа. Наши друзья фаталисты уже, должно быть, готовятся дать Хури-Хольдэ почувствовать космос.

Я почувствовал, как рука Рении сжала мое предплечье. Я поднес палец к губам — тише, мол, не шевелись. Они удалились. Сирах поднял правую лапу, выпустил и снова убрал когти, посмотрел на меня с вопрошающим видом. Я помотал головой в знак запрета.

— Извини, Сирах. Я бы с радостью тебе их отдал, уж поверь мне, но сейчас нам, людям, нужно, чтобы они ушли. Это ведь они убили твоих собратьев, не так ли?

Паралев испустил слабый рык.

— Не волнуйся. Людское правосудие, возможно, не столь быстро, как твои когти, но они свое получают, обещаю!

Не став дожидаться ответной реакции, я развернулся и зашагал в обратном направлении. Контрольный зал, когда мы в него вошли, был практически пуст: в нем находились лишь несколько властителей да дежурная команда. Я подошел к Хани.

— А! Это вы, Хорк. Астероиды уже поглощены. Вот, взгляните.

На экране огненная медуза выбрасывала во все стороны свои щупальца. На одном из них виднелась небольшая черная точка — Юпитер!

— Через несколько часов нас накроет радиация. Опасность...

— Опасность, — перебил его я, — сейчас, в этот самый момент, представляет не радиация, а фаталисты с одной стороны и Карноль — с другой.

И я пересказал Хани подслушанный мной разговор.

— Нужно немедленно предупредить Гелина! — воскликнул он.

— Вы в нем уверены? После предательства Карноля...

— В Гелине-то? Да я знаю его с самого детства!

— Отлично, это упрощает проблему.

Спустя несколько минут у нас уже всюю шло совещание. Гелин полагал, что нужно немедленно арестовать Карноля и взять под охрану герметические шлюзы. Я был с ним не согласен.

— Думаю, будет лучше, если мы подождем, пока они начнут претворять свои планы в жизнь, — сказал я. — Если я правильно понял тактику Карноля, она заключается в том,

чтобы позволить фаталистам выбить внешние герметические ворота, а затем напасть на них прежде, чем они успеют добраться до средних ворот, и представить таким образом себя спасителем положения — предварительно убив вас, что в суматохе можно будет отнести на счет фаталистов. Но он не сможет арестовать фаталистов в одиночку. Его сторонникам придется раскрыться, и мы сможем одним выстрелом убить сразу двух зайцев — повязать и фаталистов, и заговорщиков.

— А если фаталисты одержат верх? — возразил Гелин. — Что, если они взломают еще и средние, а затем и внутренние ворота?

— Ваша полиция уже поднята по тревоге и сможет взять эти ворота под охрану с самого начала. Нужно предупредить и другие города, пусть тоже выставят у ворот караульных. Но я не думаю, что заговорщики уже успели заручиться чьей-либо поддержкой за пределами столицы. Кто правит Хури-Хольдэ, тот правит всем миром. Предупредите также и Венеру. Хани, на правах старейшины вы можете созвать Совет на чрезвычайное заседание. Соберите здесь всех властителей — под надежной охраной. Ты, Рения, останешься с ними.

— А вы? — спросил Гелин.

— Я? Возьму несколько человек, и мы поднимемся в спасиандрах на поверхность, — на тот случай, если кто-то из наших друзей попытается дать деру.

глава 2

Сражение в жидком воздухе

Сначала я хотел взять с собой Кельбика, но затем отказался от этой идеи. Для будущего Земли было необходимо, чтобы хотя бы один из нас оставался живым, а я вовсе не был уверен в том, что удастся вернуться. Я захватил с собой полтора десятка полицейских, и, облаченные в спасиандры, мы устроились в одном из пустых домов внешнего Хури-Хольдэ, неподалеку от шахты, от которой было рукой подать до ангара больших космолетов.

Почти все корабли давно уже были перемещены на подземные стоянки, но на случай срочных межпланетных перелетов с десятков летательных аппаратов были оставлены в ангаре. Если кто-то пожелал бы покинуть Хури-Хольдэ, ему пришлось бы пройти мимо нас. Чтобы оставаться в контакте с Советом, я распорядился прогреть пост связи, располагавшийся в занятом нами доме, и смог таким образом наблюдать за распространением солнечного взрыва через выводимые на экран изображения.

Мы все были вооружены тяжелыми фульгураторами. Мятаж должен был начаться менее чем через час, и нам не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Так мы и сделали.

Мы находились на седьмом уровне, улицы, вплоть до этой высоты, были заполнены замороженным воздухом и снегом. Напротив нас простирался старый парк, теперь представлявший собой рыхлую волнообразную льдину, над которой то тут, то там возвышались ангары. Ворота первого, ближайшего к нам, были свободны от снега. Слева от нас из ледяной корки пробивалась небольшая надстройка шахты.

Убивая время, я болтал ни о чем сначала с Ренией, потом с Кельбиком.

— Не подставляйся под пули, — вдруг сердечно произнес последний. — Я вообще не понимаю, что ты забыл там, наверху. Тебе там в самом деле не место.

Мне там действительно было не место. Я вышел целым и невредимым из стычки с фаталистами, случившейся в лесу уже в столь, казалось бы, далекие времена, когда на Земле еще была атмосфера и деревья, но я и сам прекрасно понимал, что, в плане эффективности в бою, любой из моих полицейских даст мне сто очков форы. Я занимал важную должность, да чего уж там: одну из самых важных — теперь я мог сказать это без ложной скромности, — так как, если не считать теоретического вето Совета, я являлся повелителем обеих планет. У меня была любимая жена, отвечавшая мне взаимностью, множество добрых друзей. И однако же я решил поучаствовать в этой, в общем-то, не имевшей особого значения заварушке и отдавал распоряжения таким тоном, что мне никто не осмеливался перечить. Зачем?

Я не был таким уж ценным кадром, чтобы без меня где-то не могли обойтись. Кельбик вполне смог бы меня заменить и, полагаю, где-то справился бы с моими нынешними обязанностями даже лучше, чем я сам. С другой стороны, если бы меня не стало в самый разгар кризиса, на какой-то момент, несмотря на гарантированную Советом преемственность, в функционировании всей системы управления могли бы произойти вредоносные для нашей планеты перебои. Таким образом, мне лучше было бы остаться в контрольном зале, и пусть бы подавлением мятежа занялись другие. Другие... Возможно, в этом и крылась причина? Быть может, я ощущал бы определенное отвращение, определенный стыд, посылая других в бой, тогда как сам бы ничем не рисковал? Я уже и сам не знал, что и думать. И пока мы ожидали в этой пустой комнате, вся обстановка которой сводилась к огромному экрану, я вдруг, впервые в своей сознательной жизни попытавшись заняться самоанализом, понял, почему нахожусь здесь: мне просто-напросто нравились сражения и битвы!

Я принял эту мысль не без некоторой гадливости: все мое воспитание представляло мне ее как сомнительный, почти животный атавизм. Конечно, в Хури-Хольдэ мы уважали мужество, но редко именно такое. Обычно то было мужество ученого, ставившего опасный опыт, мужество инженера, техника, пилота космолета... Но не мужество воина, в котором мы нечасто нуждались. И сама мысль о том, что можно получать удовольствие от участия в битве, была нам чужда... мысль об опасности, которой ты готов подвергаться ради самой опасности, ради приносимого ей возбуждения... И тем не менее... Кельбик тоже любил летать на планере в грозовую погоду...

Кто-то постучал мне по плечу, прервав тем самым ход моих мыслей.

— Сейчас, вероятно, начнется, — сказал один из полицейских.

Мы принялись ждать взрывов. Прошла минута, пять, полчаса, час... Ничего не происходило. Я связался с Гелином. Все шло как обычно, полиция была наготове, но фаталисты пока еще не показывались. Уверен ли я, что правильно разобрал обозначенное Карнолем время штурма? Вскоре Землю на-

кроет солнечное излучение, и нам придется спуститься на нижний уровень. Пробежало еще несколько минут...

Внезапно справа от нас, из-за жилого массива, в красноватом сиянии вырвался столб пара. Почти тут же до нас дошла вибрация, и серия толчков сотрясла дом. Одни за другими, повывлетали внешние ворота.

Я вызвал Гелина, и тот сразу же ответил. Фаталисты набегали огромной толпой, сняли караульных у внешних ворот, а затем эти ворота взорвали. И теперь, продвигаясь к средним воротам, они наткнулись на людей Карноля.

— Почему они не атаковали средние ворота одновременно с внешними? — проговорил я. — Я почему-то думал, что так и будет...

— Если бы я полагал, что им это по силам, я бы ни за что не согласился на ваш план, Хорк. Нет, эти ворота находятся под надежной охраной — с внутренней стороны. Но если бы вдруг их все же попытались взорвать снаружи, мы бы, конечно, вмешались.

— А где ваши люди?

— Пока выжидают. Позволим нашим врагам перебить друг друга. Хотите увидеть сражение?

На моем экране возник шлюз № 3, с его выбитыми внешними воротами, через которые из космоса проникал ледяной холод. На другом конце шлюза группа людей, облаченных в серые скафандры текнов, вела бой с отрядом нападавших — эти были в синих скафандрах триллов, дополненных черной повязкой на левой руке. То тут, то там сверкали молнии фульгураторов, а со стороны фаталистов к внешнему вакууму тянулся легкий туман, образованный дымом огнестрельного оружия.

— Теперь я понимаю, почему с фаталистами были текны, — сказал я. — Они всегда намеревались использовать фаталистов в качестве пешек. Но нужно будет пересмотреть результаты психологического обследования, Гелин. Похоже, у нас тут изрядно честолюбцев, которых почему-то не удалось выявить сразу.

Как это ни странно, но в момент, когда на кону стояла жизнь города, эта мысль меня успокоила. Я предпочел бы текнов-преступников текнам-иррационалистам.

— Исключительные обстоятельства, вроде тех, в которых мы живем, Хорк, вполне могут и изменить человека.

— Где ваши люди?

— За боковыми воротами. Они не замедлят вступить в игру, так как, полагаю, вскоре в этом возникнет необходимость. Карноль явно недооценил своих союзников!

Группа текнов, оборонявших ворота, в самом деле значительно уменьшилась, пусть они и обладали более мощным оружием. Да и было ли это оружие более мощным по сути? Изолирующий спасиандр практически останавливает луч небольшого легкого фульгуратора, тогда как пуля этот же спасиандр пробивает насквозь. Это следовало бы помнить!

Открылись ворота Б. С медлительностью, которая едва не вывела меня из себя, но которая в данном случае была необходима, полицейские выдвинули на огневую позицию супермощный фульгуратор. Голубой луч проскользнул справа налево. И как раз вовремя: один из фаталистов входил через боковые ворота А с брикетом взрывчатки. Он исчез в пурпурном пламени.

— Здесь проблема уже решена, — сказал Гелин. — У других ворот бой также складывается благоприятно для нас. Извините, но я должен вас покинуть, — похоже, нас тоже только что атаковали.

Экран вновь сделался белым. Один из моих полицейских окликнул меня:

— Властитель, из шахты вылезают люди...

Я выглянул из открытого окна. Под тусклым мерцанием звезд скользили человеческие силуэты. Внезапно они отчетливо вырисовались в ослепительном свете прожектора. Их было по меньшей мере полтора десятка, разбегавшихся куда попало, укрывавшихся за ледяными выступами, падавших, снова поднимавшихся, рвущихся к ангару. Мои люди открыли огонь, и несколько силуэтов замерли навсегда. Лейтенант едва успел оттянуть меня назад в тот самый момент, когда разряд фульгуратора испепелил оконную раму.

— Погасите прожектор! Прочешите лучами всю площадь!

Тучи пара поднялись от испарившегося льда, когда заработали два больших фульгуратора. Было мало что видно,

но площадь заливал на удивление яркий свет. Я, однако же, приказал выключить прожектор. Откуда тогда свет?

— Солнце! Его свет настиг нас!

Вверху, в небе, Солнце перестало быть обычной сверкающей звездой. На его месте пылало небесное светило невыносимой яркости, яркости, которая усиливалась с каждой секундой. И если наш огонь преграждал врагу дорогу к ангару или шахте, то *его* таким же образом отрезал нам путь к отступлению! Заигравшись в нашу тщетную людскую войнушку, мы просто-напросто забыли о катаклизме.

Лед мерцал под лучами сверхновой! Я произвел в уме быстрый подсчет: еще несколько часов нам ничто не угрожало. Воздуха и пищевых концентратов нам должно было хватить дня на три, но температура быстро станет нестерпимой. Поверхность уже покрылась тонким слоем блестящего глянца, а во впадинах собирались лужицы жидкого воздуха.

В моем шлемофоне раздался голос:

— Кто у вас за командира?

Такой вопрос свидетельствовал о том, что врагу не известно о моем присутствии.

— Командую тут я, капитан Рексор, — проговорил я, узурпируя личность знакомого мне офицера.

— С вами говорит Карноль, техн первого класса. Вы подчиняетесь Совету?

— Да.

— Тогда все это недоразумение. Мы только что подавили восстание фаталистов, пытавшихся взорвать ворота. Почему вы стреляете по нам?

Выгадывая время, я ответил:

— Увидев вас выбегающими из ангаров, мы приняли вас за мятежников.

— Ладно. Забудем это. Если вы подчиняетесь Совету, бросьте оружие, и мы вернемся вместе.

— Зачем нам бросать оружие?

— Вы можете оказаться фаталистами. Я так не думаю, но не хочу подвергать себя лишнему риску.

— Мы — отряд регулярной полиции. Если кто и должен бросить оружие, так это вы!

— Как вы можете это доказать?

— Двое наших парней сейчас выйдут и покажут вам свои значки.

— Договорились.

Я подал знак двум бойцам, и те, выбравшись наружу через окно, бегом припустили к мятежникам. Спустя несколько секунд Карноль сказал:

— Хорошо. Значки мы увидели. Мы сложим оружие.

Значки могли носить лишь те, для кого они были специально изготовлены, — для всех прочих они могли оказаться смертельными. Секрет их изготовления был известен только Совету. К тому же Карноль, потерпев неудачи и, вероятно, уже осознавая полный провал, намеревался пойти единственным возможным для него путем: сыграть роль героя, подавившего штурм внешних ворот, и рассчитывать на то, что никто не в курсе его предательства.

Мои люди медленно шли обратно. Мятежники по одному поднимались во весь рост и отстегивали свои пояса с оружием. В этот момент в шлемофонах раздался хриплый голос Гелина, клером, без какого-либо шифра произнесший:

— Хорк, немедленно возвращайтесь. Восстание подавлено. Карноля мы еще не взяли, но за этим дело не станет.

— Стало быть, это вы, Хорк! — гневно вскричал Карноль. — И вам все известно! Что ж, если нам конец, вы останетесь здесь вместе с нами! Огонь!

Огненный дождь обрушился на дом, превратив одного из стоявших у окна полицейских в дымящуюся головешку. Пораженные сзади, возвращавшиеся к нам двое парней за-мертво упали наземь.

Черт бы побрал этого Гелина, как вы говорите! Если бы он подождал еще хотя бы пару минут, прежде чем сделать свое злополучное объявление, все было бы уже кончено, и практически без боя. Теперь же...

Отступление нам уже было отрезано, а вскоре, после того как шахты наполнились бы сначала жидким воздухом, а вслед за ним и водой, стало бы невозможно вернуться и в город. Не то чтобы вода или жидкий воздух нас сильно бы стеснили, учитывая тот факт, что все мы были в спасиандрах, но внутренние ворота были отрегулированы так, что открывались только в вакуум. В общем, без немедленной помощи

нам пришел бы конец. Я направился к пункту связи, твердо намеренный запросить эту помощь, как вдруг полыхнула мощнейшая вспышка, и меня отбросило на пол: подбитый врагом, взорвался один из наших тяжелых фульгураторов. Оглушенный, я попытался подняться, пошатнулся и рухнул на передатчик, разбив его на мелкие кусочки. Мы оказались отрезанными от Совета! Если Гелина, использовавшего большую антенну Хури-Хольдэ, все по-прежнему могли слышать, то наши небольшие персональные передатчики не могли пробиться сквозь металлическую броню города!

Из серьезной ситуация стала практически безнадежной. Будучи убежденным в том, что мы уже возвращаемся, не зная, что идет битва, так как зона, в которой мы находились, располагалась вне поля зрения больших перископов, Гелин вполне может интерпретировать прекращение связи как знак, что мы уже покинули дом. Помощи он не вышлет, а когда, по прошествии какого-то времени, начнет беспокоиться, будет уже слишком поздно. Слепяющее пятно, висевшее в небе, стремительно увеличивалось в размерах. Твердый воздух, озаряемый сине-фиолетовыми лучами фульгураторов, испарялся, поднимаясь вверх в густом тумане, клубясь и затуманивая взор. То близкие, то далекие туда и сюда метались бесформенные, не поддающиеся локализации силуэты. Мгновение-другое — и началась рукопашная. В заполоненной людьми комнате образовалась жуткая куча-мала из облаченных в спасиандры тел, в которой невозможно было разобрать, кто тут друг, а кто — враг. Я обнаружил, что стою рядом с четырьмя выжившими в этой бойне, сжимая в руке фульгуратор. Друзья или враги? Оружие опустилось, и я распознал под забралом шлема знакомый значок. Снаружи, на превратившейся в бурный поток улице, реки жидкого воздуха гоняли комья снега. Некое подобие атмосферы окутывало дымкой звезды. Затем, несмотря на разреженность воздуха, который, едва переходя в газовое состояние, устремлялся к темной полусфере, поднялся сильнейший ветер. Один из полицейских коснулся моей руки:

— Властитель, если бы нам удалось добраться до ангара, в котором стоят космолеты...

Я тотчас же понял. Наш последний шанс заключался в том, чтобы на космолете обогнуть Землю и спуститься в один из городов с темной стороны, там, где ворота еще работали. Но до ангара было метров пятьдесят с лишним, а улица теперь утопала под двухметровой глубины смердящим и бурлящим потоком, в котором лед смешивался с водой и прочими жидкостями. Тем не менее течение это не было равномерным; местами, там, где улицу, в верхней ее части, загораживал ледяной или снежный барьер, глубина потока была гораздо меньшей. Затем он преодолевал препятствие и несся дальше с неудержимой силой.

Кур, один из выживших, методично обрывал электрические провода. Сами по себе, эти провода особой прочностью не отличались, но изоляционный материал, которым они были обмотаны, был чрезвычайно прочным при растяжении — даже при температуре жидкого воздуха.

— Так и быть, — сказал я. — Но пойти должен я. Я выше вас всех чуть ли не на голову, да и помощнее буду.

Жестом прервав их возражения, я крепко-накрепко обвязался вокруг талии проводом. Выглянув из окна первого этажа, я принялся ждать. Поток бежал в один уровень с антаблементом. Я погрузил в него руку. Несмотря на малую плотность жидкости, состоящей главным образом из жидкого воздуха, течение было очень сильным. Теперь к нему примешивалось и немного воды, превращавшейся в лед, как только она касалась потока, и сразу же уходящей на дно.

Благодаря спасиандру я не ощущал ни жара большой звезды, ни холода потока. Но через несколько часов жить на поверхности станет уже невозможно. Поток чуть схлынул, и я спрыгнул на улицу.

И тотчас же растянулся во весь свой рост. Вновь замерзшая вода образовывала на дне толстый пласт, состоявший из разобщенных, неправильной формы, замороженных кусков льда, и у меня сложилось впечатление, что я иду по бильярдному столу, то и дело наступая на шары. Я вцепился в кабель, распрямился. Авантюра выглядела безнадежной. На столь скользком покрытии удержаться на ногах было практически невозможно. Я прислонился к стене, готовый подняться обратно, если поток вернется. Но на сей раз запруда устояла, так

как вся жидкость уже ушла, и надо льдом теперь оставался лишь тонкий слой жидкого воздуха, быстро испарявшегося.

Я бросил взгляд на верхнюю часть улицы. Скоплением остроконечных глыб чуть дальше возвышалась запруда. Я решил попытаться удачи и на четвереньках, почти ежесекундно натываясь руками на кубики льда, очень медленно начал продвигаться, изредка с беспокойством поглядывая на запруду. Ослепляющий солнечный свет отражался от льдинок, затем этот лед начал понемногу таять, и, стараясь держаться поближе к стене, я смог подняться на ноги.

Так я добрался до перекрестка, где меня подхватил ветер. Я попытался удержаться на ногах благодаря проводу, который как могли натягивали мои люди, но завертелся и упал. Ветер уносил меня в нужном мне направлении, и я приказал Куру ослабить натяжение провода. Я был уже в нескольких метрах от ангара, когда запруда не выдержала.

Волна приближалась ко мне, сперва гладкая и ровная, затем, по выходе из тени, пенистая и клокочущая; воздух испарялся под обжигающими лучами сверхновой. Спустя пару мгновений волна накрыла меня, но, к моему величайшему удивлению, не утащила с собой, — ее плотность была слишком слабой. С горем пополам мне удалось снова встать на четвереньки и добраться до ворот ангара. Распрямившись, я просунул в щель рычаг, ворота поддались, и вскоре я был уже на борту одного из космолетов.

Я запустил передачу, но ничего не произошло. Короткий осмотр циферблатов открыл мне печальную истину: последний придурок, пользовавшийся кораблем, оставил контакт включенным, и все аккумуляторы, приводящие в действие реле, разрядились. Я поискал другие в соседнем космолете, который невозможно было вывести из-за его неудачного расположения. В конечном счете мне удалось прийти на помощь моим людям, но на это ушло немало времени.

Разделенное на четыре части небесное светило, которое некогда было нашим Солнцем, опускалось на западе. Вращаясь, Земля вскоре вывела бы под обжигающие лучи свою другую сторону, и встали бы те же проблемы. Нужно было спешить. Я выбрал в качестве места назначения Кильгур, и космолет понесся к нему на скорости 3000 км/ч. Мы летели

низко, и, несмотря на всю мощь нашего аппарата, пилотаж оказался делом не легким. В сумеречной зоне, которая перемещалась по мере того, как вращалась Земля, значительные и быстрые перепады температуры создавали постоянный циклон. Воздух испарялся, устремлялся к темной зоне, снова выпадал дождем, так что, чтобы преодолеть эту зону, мы вынуждены были подняться выше. Высоко над нами опустошали пространство невероятные смерчи. Наконец, оставив позади этот кошмарный пейзаж, мы заметили суперструктуры Кильгура. Бросив призыв по радио, я посадил космолет возле одних из ворот. Поставив корабль в ангар, мы спустились на нижний уровень.

Пусть я едва держался на ногах от усталости, я все же попросил ввести меня в курс ситуации. Мятаж фаталистов в очередной раз был подавлен, большинство текнов из числа сообщников Карноля схвачены. Я тотчас же запрыгнул в межгородскую трубу и на скорости 800 км/ч понесся в Хури-Хольдэ.

Рядом со зданием Совета, судя по всему, велись ожесточенные бои, и команды триллов все еще работали над разбором развалин и уборкой трупов. Фаталисты сражались с энергией отчаяния, и многие полуобуглившиеся тела по-прежнему держали в руках тяжелые пистолеты, являвшиеся их основным оружием.

глава 3

Власть

Совет принял меня незамедлительно. Политическая обстановка прояснилась, однако космическая по-прежнему оставалась тревожной. Кельбик представил мне последние данные.

Земля и Венера теперь удалялись со скоростью, превосходящей скорость раскаленных газов Солнца. Во всяком случае, мы уже вышли за пределы зоны, которую эти газы могли бы достичь в ближайшем будущем. Однако расчеты показывали, что если мы немедленно не увеличим ускоре-

ние, то температура земной и венерианской почв под воздействием реакции тепла скоро превысит точку спекания глины. Это означало, что почва обеих планет на многие десятилетия станет непригодной для обработки. Геологи и геофизики, в свою очередь, полагали — и Рения мне это подтвердила, — что дальнейшее ускорение геокосмосов приведет к разрывам земной коры, которые могут оказаться катастрофическими. Для принятия решения у нас оставалось всего несколько часов. А пока мы очень осторожно увеличили мощность геокосмосов.

Заседание Совета вылилось в тревожную дискуссию. С одной стороны, нам грозило немедленное и трагическое расстрескивание коры. С другой — более отдаленная, но не менее ужасная опасность полной стерилизации почвы обеих планет. наших продовольственных запасов, синтетической продукции и продукции гидропонных ферм нынешнему населению хватило бы лет на пятнадцать. Но затем нам пришлось бы либо резко уменьшить численность этого населения — исход поистине трагический! — либо начать завоевывать и осваивать чужие планеты, при условии, что нам вообще удалось бы найти подходящие для жизни планеты за столь короткий промежуток времени. Оставалась, правда, возможность, что нам удастся изобрести какой-нибудь новый способ восстановления плодородия почвы.

Кельбик, Рения, Хани и сам я высказались за второй, менее рискованный вариант, и многие властители нас поддержали. Но большинство оказалось против, и было решено увеличить ускорение. Мы вернулись в контрольный зал. Прежде чем Рения ушла в свою геофизическую кабину, я успел шепнуть ей несколько слов. Она должна была предупредить меня, когда напряжение земной коры достигнет предела. Я прекращаю ускорение и — к черту последствия! Кельбик, разумеется, был с нами заодно.

Я сел за пульт управления, заменив Сни. Nova Solis занимала на экранах большую часть неба, и, несмотря на светофильтры, блеск ее был почти нестерпим. Раскаленные газы давно достигли орбиты Юпитера, и огромная планета была теперь невидима, утонув в сиянии излучения или же превратившись в плазму. Из чистого любопытства, я попросил

передать из обсерватории изображение Сатурна. Уже окутанный облаком светящегося газа, тот находился у самой границы зоны. Как я и предполагал, планета уже потеряла свои ледяные кольца.

Тянуть дальше не было возможности, и я осторожно увеличил ускорение. На экране интегратора линия напряженности коры дала небольшой скачок. Я вызвал Рению:

— Что у тебя?

— Пока что почти никакого эффекта. Продолжай, раз уж так надо. Но только очень медленно. Рано или поздно мы все равно достигнем линии разрыва.

Я обернулся. Властители сидели в амфитеатре и следили за мной. Случайно или по расчету, но все противники ускорения, главным образом физики и геологи, держались с одной стороны. Напротив них сидело большинство, те, кто не верил в возможность восстановления плодородия почвы, — химики, ботаники, агрономы... Кельбик склонился надо мной, опершись на мое плечо. Немного раздраженный, я уже хотел было его оттолкнуть, как вдруг почувствовал, как он сунул что-то тяжелое за отворот моей туники.

— Все будет в порядке, — громко произнес он, — если мы сумеем правильно распорядиться имеющимися в нашем распоряжении силами.

Сунув руку за пазуху, я нащупал рукоятку фульгуратора.

— Да, — ответил я, также, в свою очередь, играя на скрытом смысле слов. — Но когда придет время, нужно действовать решительно!

Я продолжал увеличивать скорость, не сводя глаз с экрана интегратора. Внутреннее напряжение коры теперь нарастало очень быстро, волнистая линия через каждые несколько миллиметров прерывалась новыми вспышками. Через два часа я услышал голос Рении:

— Хорк, прикажи эвакуировать Гилюр. По прогнозу сейсмологов, при данном ритме ускорения уже часов через пять случится землетрясение магнитудой девять баллов.

Девять баллов! Это означало, что город обречен.

Я отдал приказ, встал и обратился к Совету:

— Властители, я думаю, нам следует прекратить любое дальнейшее ускорение!

Гдан, властитель растений, поднялся со своего места:

— Каково будет наше положение при теперешней скорости удаления?

Хани сверился с показаниями приборов, сделал быстрый подсчет.

— Мы все еще будем в зоне, где глина спечется, и почва будет уничтожена.

— В таком случае, — сказал Гдан, — я полагаю, нам следует продолжать.

Хани воспользовался своим положением старейшины.

— Пусть те, кто хотят продолжать, встанут!

Пересчитав голоса, он повернулся ко мне:

— У них большинство, Хорк. Сожалею...

Прислонившись спиной к пульту управления, я обвел собрание взглядом. Это большинство сократилось. Гелин, властитель людей, присоединился к нам. Рения выглянула из окна своей кабины. Я указал ей глазами на пульт. Она отрицательно покачала головой.

— Что ж, — тихо проговорил я. — В таком случае я отказываюсь подчиняться.

Повисла оцепенелая тишина. Все были потрясены. Никогда еще со дня образования Совета ни один техн не осмеливался открыто восстать против его решений. Пожав плечами, Кельбик с удрученным видом начал взбираться по лесенке к геофизической кабине, удаляясь от меня как от чумного.

— Я не ослышался? Вы отказываетесь повиноваться, Хорк? — спросил властитель растений. — Но это безумие!

— Безумие или нет, но я отказываюсь! И я думаю, что скорее безумец тут — вы, вы, намеревающийся взорвать планету!

— До этого еще далеко! Во второй и в последний раз, именем Совета, приказываю вам подчиниться!

— Во второй и в последний раз — отказываюсь!

И коротким нажимом кнопки я прекратил любое новое ускорение.

— Что ж... Гелин, прикажите вашим людям арестовать его!

— Я это сделаю сам, — промолвил Гелин, подмигнув мне, и небрежно вытащил фульгуратор, держа его за ствол. Я схватил из-за пазухи свой и направил на властителей.

— Гелин, стойте там, где стойте! Я не знаю, на моей вы стороне или же нет. Вы все, бросьте оружие! Быстрее!

С выражением ужаса на лицах властители поднимались один за другим со своих мест и складывали оружие. Фиолетовая молния сверкнула с верхней площадки лестницы, и Белуб, помощник Гдана, рухнул на пол, — Кельбик оказался шустрее. Я чувствовал смертельную усталость и отвращение — события последних дней измотали меня до предела. Я не спал уже двое суток.

— Гелину ты можешь доверять, — крикнул мне Кельбик. — Он с нами с самого начала.

Гелин уже отдавал приказания по своему микропередатчику. Тотчас же контрольный зал заполнили агенты полиции текнов и начали собирать оружие. Хани печально смотрел на нас.

— Хорк! Кельбик! Такого я от вас не ожидал! Восстать против Совета...

— Ничуть, властитель, — возразил ему Кельбик. — И Хорк здесь ни при чем. Его личный бунт, его отказ исполнять идиотские приказы только помогли нам, Гелину и мне.

Он быстро подошел к ошеломленному Гдану и сделал резкий жест, словно хотел вырвать ему глаза. Затем отвел руку, держа нечто дряблкое. Искаженное страхом лицо, смотревшее на нас, было уже лицом не Гдана, а совершенно незнакомого нам человека.

— Властители, представляю вам нашего заклятого врага, истинного врага, главаря фаталистов, — во всяком случае, я так думаю. И вероятного убийцу настоящего Гдана! Пока Хорк героически сражался с заговорщиками наверху, я провел небольшое расследование. Я давно уже, еще со дня нападения на наши планеры, заподозрил, что прямо здесь, среди членов Совета, скрывается предатель. Мысль о том, что настоящий текн может быть фаталистом, мне казалась абсурдной. Стало быть, кто-то в Совете был не тем, кем хотел казаться. Но неопровержимое доказательство я получил лишь вчера. Пластическая маска этого самозванца, несмотря

на все ее совершенство, имеет один недостаток, который я обнаружил по чистой случайности: она флуоресцирует в слабом ультрафиолетовом излучении. Вчера, примерно в тот момент, когда Хорк подлетал к Кильгуру, этот лже-Гдан явился ко мне в лабораторию для того, чтобы попытаться убедить меня в необходимости еще большего ускорения. У меня была включена ультрафиолетовая лампа, и лицо его случайно попало под ее излучение. С этой минуты я знал все. Я предупредил Гелина, и мы решили подождать. Целью этого индивида было уничтожение Земли, ни больше ни меньше! Столь запутанной ситуации на политической арене у нас давно уже не было: все эти последние годы текны Карноля полагали, что это они управляют фаталистами, тогда как на самом-то деле все обстояло с точностью до наоборот!

— Но как так вышло, — прервал его Хани, — что он столько времени успешно выдавал себя за властителя?

Рооб, властитель психических наук, поднялся со своего места.

— Некоторые из наших тайн столь опасны, что ими мы стараемся не делиться даже с властителями. Вот уже несколько сотен лет у нас есть аппарат, который позволяет очистить человека от всех его знаний и перенести в сознание другого. Остальное уже было делом пластической хирургии и прекрасной маски. Вы и сами знаете, что не все наши хирурги — текны. Но вот как фаталисты смогли получить доступ к планам психоскопа?

— Самое забавное, — продолжал Кельбик, — здесь то, что плодородию Земли ничто не угрожает, во всяком случае, о полном разрушении почвы речь точно уж не идет. Загипнотизированные аргументами псевдо-Гдана, в своих вычислениях вы забыли такой фактор: прежде чем температура повысится до точки спекания глины, солнечная радиация сначала восстановит атмосферу, затем испарит огромные массы воды, которая в свою очередь образует защитный экран из пара и облаков. Вот исправленные расчеты. Можете проверить, если хотите!

Желающих не нашлось.

На сей раз восстание фаталистов затухло уже окончательно. Кадуль, главарь, действовавший под маской Гдана, был

передан в руки психотехников, которые, также воспользовавшись аппаратом, смогли предоставить Совету все необходимые имена. Казней было всего ничего. Мы уже устали от всей этой резни и убийств, и подавляющее большинство заговорщиков было просто-напросто переправлено на Луну, переделанную в большую тюрьму.

Как и предвидел Кельбик, плодородный слой нашей почвы в основном сохранился. У Земли снова была атмосфера, сотрясаемая грозами невиданной силы. Ураганы тщетно пытались разорвать плотный свод клубящихся туч, которые большую часть времени скрывали от нас пылающую сверхновую. Мы потеряли некоторое количество воздуха и воды, потому что в верхних слоях атмосферы молекулы под влиянием высоких температур достигали скорости освобождения, однако эти потери можно было в дальнейшем восстановить.

На поверхности жара была удушающей, постоянно бушевали циклоны, и лишь редкие группы геологов и агрономов выходили из подземных городов, чтобы подсчитать наши потери. Больше всего мы пострадали в период оттаивания, когда целые пласты почвы, пропитанные влагой, сползали со склонов и скальные породы растрескивались на поверхности от резких перепадов температуры. Из центральной обсерватории на Луне отчетливо была видна сверхновая, это пылающее ядро огромной флуоресцирующей туманности, занимавшей едва ли не полнеба. Затем началась последняя стадия реакции: ядро утратило свою видимую яркость, потому что основное его излучение перешло в ультрафиолетовую часть спектра. Видимой осталась лишь газовая оболочка, похожая на рваную светящуюся вуаль.

Наконец-то мы смогли ощутить и удаление. Внешняя температура снова понизилась, влага выпала снегом, а затем воздух перешел в жидкое и, наконец, в твердое состояние. Медленно, очень медленно туманность померкла в невообразимой дали. И наступили Великие Сумерки.

Теоретически, по-прежнему правил Совет, но на деле последнее слово оставалось за мной: при поддержке Гелина я, сам того не желая, стал верховным властителем.

Путешествие

Великие Сумерки! Они продолжались всего пятнадцать лет и, однако же, вполне заслужили это название.

Наша цель, Этанор, ближайшая звезда на момент нашего отлёта, находилась на расстоянии в пять световых лет. То была не одна из тех звезд, которые входят в систему Альфа Центавра, как вы ее называете, и не Проксима, но звезда класса G, звезда, которую сегодня вы уже должны знать как одну из ваших «соседок», но которую я не смог бы вам показать без вычислений, не представляющих, в сущности, ни малейшего интереса. Наши гипертелескопы обнаружили вокруг нее как минимум семь планет.

Один вечер особенно врезался мне в память. Я был в центральной обсерватории вместе с Кельбиком и Ренией. Рения чувствовала себя уставшей, вскоре должен был родиться наш сын. Мы сидели в удобных креслах, глядя на экран панорамного обзора. В одном его углу светилась туманность, которая некогда была нашим Солнцем, но которую сами мы уже обозначили ее техническим термином, «Соль», как сказали бы вы. С другой стороны зала, в созвездии в форме пятиконечной звезды выделялась одна особенно яркая точка — Этанор. Мы говорили о знаменитом барьере, некогда остановившем наши звездолеты, барьере, к которому мы сейчас приближались.

— Я еще раз проверил расчеты, Хорк. Все в порядке. Сам понимаешь, после этой истории с константой Кооба я стал осторожнее.

— Значит, мы пройдем?

— Несомненно, и, вполне вероятно, даже сами этого не заметим. Но нужно будет проследить за тем, чтобы в пространстве в тот момент не оказалось ни одного звездолета. Если данные, оставленные нашими предками, точны, все пройдет как по маслу.

— Думаю, они точны. Впрочем, я намерен выслать вперед, в разведку, один из кораблей...

— При той скорости, с которой мы сейчас перемещаемся, учитывая, что старые релятивистские уравнения* еще не отвергнуты, толку от этого будет немного. Космолет опередит нас всего лишь на несколько дней!

— Да, пожалуй, это бесполезно. А как идет изучение марсианского звездолета?

— Топчемся на месте, да ты и сам знаешь. Впрочем, возможно, и не знаешь. Обязанности верховного координатора больше не оставляют тебе времени для изысканий!

Действительно, я вот уже несколько лет как был верховным координатором. На мне лежала вся ответственность за поддержание обеих планет в пригодном для жизни состоянии. Но этот марсианский звездолет... Возможно, даже и к лучшему, что Клобор погиб на Марсе, а то бы он точно умер сейчас — от глубочайшего разочарования... Быть может, он упустил какую-то деталь, которая ему, археологу, показалась незначительной? Несмотря на весь наш изначальный оптимизм, нам никак не удавалось восстановить этот двигатель. Он немногим отличался от того гиперпространственного двигателя, который использовали для своих бесплодных испытаний наши предки. Кроме того, марсианский корабль располагал космомагнитом *обычного типа*. И однако же документы, найденные в мертвом городе, были категоричны: марсиане, существа гуманоидного вида, посещали далекие звезды и возвращались оттуда! И неоднократно. Правда, был еще на их корабле некий специальный контур, в котором никак не могли разобраться наши лучшие специалисты, включая Кельбика. Действие его распространялось скорее на время, чем на пространство.

— Я вот что подумала, Хорк, — осторожно вмешалась Рения. — Если марсиане когда-то достигали иных звездных систем, может, они там и сейчас? Может, там и мои предки, те, чьи звездолеты так и не вернулись?

Я улыбнулся.

— Я тоже об этом думал, Рения. Потому-то я и поручил нескольким командам ученых заняться проблемой оружия, так как, помимо прочих, предвидел и такую возможность...

* Нам они известны как «уравнения Берияля», но вы их знаете как «уравнения Эйнштейна-Лоренца» (Примечание Хорка).

Мы на какое-то время умолкли. На экране безмятежно, словно ожидая нас, сияли звезды. Но такие далекие... Меня охватила меланхолия. Все эти годы без ласкового солнечного света! Неужели человеку суждено познать лишь крохотную частицу космоса? Пять световых лет! А ведь вселенная раскинулась на несколько миллиардов парсеков!

Кельбик, должно быть, догадался, о чем я думаю.

— В конечном счете мы обязательно раскроем секрет марсиан! Может, уже и не при нашей жизни, но какая разница? Мы переместили нашу планету. Это уже немало, поверь мне!

— Оружие? — пробормотала Рения, словно пробуждаясь ото сна. — Ты действительно думаешь, что нам придется его применить?

— Не знаю. Надеюсь, что нет. Но если в той солнечной системе, в которую мы вот-вот войдем, есть разумные существа, располагающие звездолетами, боюсь, они встретят нас без особой радости. Я бы предпочел, чтобы в системе Этанора вообще не было жизни!

— А что, если это и есть мир драмов? — Рения содрогнулась.

— Мы вооружены лучше, чем наши предки, — сказал Кельбик. — И потом, на нашей стороне вся мощь *двух* планет.

— А сколько планет на их стороне? — возразил я. — Впрочем, такая возможность кажется мне маловероятной. Судя по ритму нашествия драмов, они летели из гораздо более далеких миров, и летели со скоростью меньшей, нежели скорость света. Прибывали волнами, через каждые шестьдесят лет...

— Кто знает, какие чудовища водятся в этих мирах! — вздохнула Рения.

— Вскоре увидим. Ждать осталось не так уж и долго.

Так мы и болтали, строя планы, но даже не подозревая о том, что среди наших будущих врагов будут в том числе и люди!

* * *

Наконец настал тот час, когда мы преодолели барьер. Я не стал высылать в разведку космолет. Отчеты различных экипажей, некогда безуспешно пытавшихся совершить это великое путешествие, совпадали до мельчайших под-

робностей. Сначала замедление скорости, затем остановка и невозможность продвинуться дальше, каким бы ни был расход энергии. О приближении к барьеру нас предупредили радиоуправляемые роботы. И вот тогда-то нам довелось поволноваться — из-за Луны!

Теоретически, масса нашего спутника, слегка увеличившаяся вследствие скорости, для преодоления барьера была вполне достаточной. Но как будет на практике? Этого мы не знали. Стало быть, необходимо было все рассчитать так, чтобы Луна не оказалась у барьера впереди Земли, иначе могло бы произойти чудовищное космическое столкновение. Все эти последние месяцы Кельбик разрабатывал теорию преодоления барьера по методу резонанса, но пришел к уравнениям, физический смысл которых был неясен, и которые в данный момент ничем не могли нам помочь. Мы не знали наверняка, где начинается опасная зона для масс планетарного порядка, поэтому все команды астрономов внимательно наблюдали за Луной, будучи готовыми отметить малейшее изменение в ее орбите.

Наступил момент, когда наши роботы остановились, не в силах продвинуться дальше. Через несколько часов нам пришлось самим преодолевать барьер, с Луной позади Земли. С этой стороны нам, таким образом, ничто не угрожало. На всякий пожарный, всех, кто находился на нашем спутнике, мы перевезли на Землю. Оставив Совет в контрольном зале, мы с Кельбиком уединились в лаборатории. Рения, оставшаяся дома с Арелем, нашим новорожденным сыном, присоединилась к нам за несколько минут до критического момента.

Впрочем, момента прохождения барьера никто даже не заметил: на то, что он остался позади, нам указал лишь тот факт, что через пару часов наши космолеты смогли снова свободно взлететь. Ни сила тяготения, ни магнитное поле, ни скорость света — ничто в этот миг не изменилось. И Луна прошла вместе с нами без каких-либо значительных пертурбаций, чему я очень обрадовался: помимо бесценного материала, содержавшегося в ее лабораториях, мне всегда нравилось, как Луна выглядит ночью, и я бы сильно расстроился, если бы пришлось оставить эту верную спутницу Земли.

Итак, за какие-то пять лет мы преодолели примерно половину пути. Теперь, когда проблема барьера была успешно решена, нас не ждало ничего интересного еще года на четыре. И то были самые тягостные годы. Мы практически не выходили на поверхность, представлявшую собой унылую ледяную пустошь под усеянным звездами черным небом. В самих городах жизнь протекала крайне монотонно. Впрочем, текнам, возобновившим свои личные исследования, каким-то образом удавалось сохранять бодрое настроение; у триллов с моральным духом дела обстояли похуже. На обе эти группы давило воспоминание о мятеже фаталистов и о тех ужасных репрессиях, к коим пришлось прибегнуть. Недостаток солнечного света, постоянное нахождение в одних и тех же, уже приевшихся парках, приглушали радость. Прогоулки по поверхности ее и вовсе не приносили, и лишь несколько групп молодых любителей приключений находили удовольствие в подъемах на покрытые замерзшим воздухом горные вершины.

Звезда, являвшаяся целью нашего странствия, увеличивалась в размерах, но очень медленно. Теперь она уже располагала диском, видимым в обычные телескопы, но ее планеты можно было различить лишь с помощью гипертелескопа, что не сообщало нам о них ничего нового, потому что в гипертелескоп любое небесное тело, звезда или планета, выглядело обычной точкой. Начать торможение мы смогли, лишь когда приблизились к Этанору на расстояние в половину светового года. А спустя еще несколько месяцев, когда мы уже весьма значительно снизили скорость, я возглавил разведывательную экспедицию.

Мы должны были вылететь на одном из больших боевых космолетов, которых на всякий случай понастроили несметное количество. Он назывался «Клинган», что по-французски означает «La Terreur» — «Ужас». Как видите, мы так и не избавились от привычки давать нашим боевым машинам тщеславные имена! Длиной немногим более ста метров, при максимальном диаметре в двадцать пять метров, он был буквально напичкан всеми видами старого полузабытого вооружения, которые удалось восстановить нашей мирной науке, а также кое-какими новинками. Я решил принять участие

в экспедиции, чтобы на месте определить, подходит ли нам эта солнечная система и не следует ли нам, не снижая скорости, взять курс на какую-нибудь другую звезду. Разумеется, Кельбик пожелал сопровождать меня, и хотя, наверное, было бы благоразумнее оставить его на Земле, я согласился. Моя высокая должность отдалила меня от остальных смертных, за редкими исключениями, и, раз уж со мной не могла отправиться Рения, я был рад иметь рядом хоть кого-то из тех, кому мог доверять!

Экипажем, в который входило с полсотни человек, командовал венерианин Тирил. Для управления кораблем вполне хватило бы и дюжины; остальные образовывали боевые группы, но я от души надеялся, что использовать их не придется.

Мы вылетели утром — свет Этанора был уже достаточно силен, чтобы это слово снова приобрело прежний смысл. Рения проводила меня до входного шлюза, а затем удалилась — маленький силуэт в спасиандре на дорожке, покрытой замерзшим воздухом. Мы с Кельбиком устроились в командной рубке, и «Клинган» устремился в небо, с каждой секундой набирая скорость.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОДИССЕЯ ЗЕМЛИ

глава 1

Место занято!

Мы рассчитывали достичь системы Этанора за две недели. Она состояла из одиннадцати планет, из которых по крайней мере две — судя по их расположению — могли оказаться пригодными для жизни, при условии, что их атмосфера подойдет нам. Конечно, мы надеялись не тотчас же колонизировать эти планеты, но вывести Венеру и Землю на подходящие орбиты. Мы уже приближались к девятой планете — внешней по нашему курсу, — когда наши гиперрадары на волнах Хека внезапно обнаружили три быстро движущихся объекта, летящих прямо на нас. Я спал и был разбужен сигналом тревоги. Кельбик открыл дверь моей каюты, бросил мне несколько слов и тут же исчез. Я поспешно вскочил и поспешил на командный пункт, где и нашел его склонившимся над экраном.

— Похоже, Хорк, — воскликнул он, — все указывает на то, что место уже занято!

— Действительно. Тирил, боевая тревога!

Не отрывая глаз, мы следили за тремя точками на экране, в то время как по всему «Клингану» люди занимали свои

посты, готовясь, быть может, к первому космическому сражению землян с далеких времен вторжения драмов. Наконец на экране отчетливо обрисовались три звездолета. Они были более удлиненные, чем наш, и перемещались довольно-таки быстро, без видимых сопел. Судя по всему, неизвестные использовали принцип космомагнетизма или какую-то другую столь же прогрессивную технику.

Внезапно от передового корабля отделилась сверкающая точка, на мгновение замерла рядом с ним, а затем на огромной скорости устремилась к нам.

— Тирил, внимание... — начал было я, но тут же умолк.

Сверкающая точка описала идеальный полукруг и снова прилипла к борту корабля. Подобный маневр повторился трижды.

— Я понял, — сказал Кельбик. — Они предупреждают, что у них есть оружие, но прибегать к нему им не хотелось бы.

— Вероятно, ты прав. Ответьте им точно так же и начинайте торможение.

Из недр «Клингана» вырвались десять телеуправляемых торпед, которые мгновенно преодолели четверть расстояния, отделявшего нас от незнакомцев, и вернулись в свои гнезда. Мало-помалу мы сближались, и наконец, оставив позади двух своих спутников, один из кораблей остановился примерно в тридцати километрах от нас. Теперь его было отлично видно на смотровых экранах: перед нами висела длинная блестящая сигара без единого иллюминатора или какого-либо заклепочного соединения.

— Попробуем связаться с ними по радио, — сказал я.

Довольно долго мы посылали сигналы на различных волнах, не находя верной. Наконец наш приемник запищал, экран телевизора на мгновение вспыхнул и тут же погас. Но за этот короткий миг нам удалось разглядеть человеческое лицо. Какого оно было цвета, мы сказать не могли — по экрану бежали радужные всплески.

— На какой мы были волне в момент приема? Тридцать сантиметров? Ищите на тридцати!

Наш экран снова осветился, на сей раз устойчиво. На нас смотрел человек. И не какой-нибудь гуманоид, отдаленно напоминающий людей, но абсолютно похожий на нас человек!

У него было энергичное загорелое лицо, пронизательные синие глаза и длинные рыжие волосы, ниспадавшие из-под серебристого шлема. Он заговорил. Язык его был мне незнаком, но мучительно что-то напоминал. Кельбик толкнул меня локтем и пробормотал:

— Хорк, похоже, это наречие, родственное древнему языку клум начала тысячелетия!

— Как, ты знаешь язык, на котором никто не говорит вот уже четыреста лет?

— Я выучил его студентом, чтобы проверить перевод — кстати, не слишком точный — одного клумского математического труда, сделанный в 4500 году стариком Берином. Я могу ошибаться, но, по-моему, этот человек спрашивает, кто мы такие.

— Что ж, попробуй ему ответить.

С трудом подбирая слова, Кельбик произнес короткую фразу. На лице человека на экране отразилось удивление, затем радость. Он тотчас же, не менее коротко, ответил.

— Он выражает свое облегчение по поводу того, что мы — люди. Он боялся, что мы окажемся драмами.

— Стало быть, они знают про драмов?

Кельбик посмотрел на меня с жалостью.

— Учитывая тот факт, что они люди и говорят на клумском языке, скорее всего, это потомки экипажа одного из наших затерявшихся в гиперпространстве звездолетов, ты так не думаешь?

Я повернулся к капитану:

— Тирил, вы всегда увлекались историей. Скажите, был ли среди пропавших звездолетов хотя бы один с клумским экипажем?

Капитан ненадолго задумался.

— Полагаю, что да. Третий или пятый, а может, даже и оба. Начиная с десятого, вылетевшего в 4119 году, уже был введен универсальный язык, хотя древние местные языки вышли из употребления в период между 4200 и 4300 годами.

Новый поток, на сей раз уже более настойчивых вопросов, хлынул с экрана. Кельбик не очень уверенно перевел:

— Если я правильно понял — язык сильно изменился, — он снова спрашивает, откуда мы. Мне ответить?

— Разумеется!

В течение следующих нескольких минут говорил один Кельбик. Человек в шлеме слушал. Я видел, как выражение недоверия на лице его сменялось изумлением, затем восхищением. Он произнес несколько слов и прервал связь.

— Он переговорит со своим правительством. Мы должны оставаться на месте, пока он не получит указаний.

На волнах Хека мы, в свою очередь, связались с Землей. Я приказал продолжить торможение и предложил Совету привести в боевую готовность наш флот. Затем началось томительное ожидание.

Три звездолета по-прежнему плавали перед нами в космосе, но теперь ближайший был всего в двадцати километрах, а остальные два — километрах в ста. Они не подавали признаков жизни. Наши люди оставались на боевых постах, готовые к худшему. Трижды, но безуспешно, мы пытались возобновить связь. Время тянулось все более и более медленно. Наконец, через более чем двенадцать часов, экран снова осветился.

— Есть ли у вас на борту кто-нибудь, кто уполномочен вести переговоры от имени вашего правительства? — спросил все тот же незнакомец.

— Да — я! — ответил я.

— Приглашаем вас к нам на борт вместе с вашим спутником, который говорит на нашем языке. Мы сядем на Тилии, где вы встретитесь с нашими правителями. Двое из наших парней перейдут на ваш корабль и будут там оставаться в качестве заложников. Вы вернетесь по истечении срока, равного двенадцати оборотам планеты Ретор, которая сейчас перед вами.

— Хорошо, — сказал Кельбик. — Но если мы не вернемся по истечении этого срока, наши друзья обрушат на вас всю мощь наших двух планет.

Человек пожал плечами.

— Мы вас не боимся и желаем мира... если, конечно же, это возможно. Чтобы и у вас не возникло никаких опасений, будет лучше, если вас доставит к нам на борт один из ваших спасательных шлюпов. Надеюсь, таковые у вас имеются?

— Конечно. У вас есть шлюз?

— Разумеется. Он будет открыт.

Я быстро собрал в своей каюте необходимые мне личные вещи — Кельбик поступил так же — и, поскольку незнакомец ничего не говорил об оружии, присовокупил к ним легкий фульгуратор. Уже в шлюпе мы облачились в спасиандры и, когда наш аппарат причалил к борту чужого корабля, шагнули в зияющее отверстие шлюза, правда, выждав, пока две фигуры в спасиандрах, аналогичных нашим, займут места в покинутом нами шлюпе, помахав нам на прощание рукой. Дверь шлюза бесшумно закрылась за нами. Мы стали пленниками чужого звездолета.

Наше заточение оказалось коротким. В шлюз со свистом проник воздух, и открылась внутренняя дверь. За ней обнаружился узкий проход, в котором нас ждал человек в маске. Он помог нам снять спасиандры.

— Извините, что не показываю вам своего лица, но мы не знаем — вдруг вы являетесь переносчиками бактерий, против которых у нас нет иммунитета. Наденьте и вы такие же, пока наш судовой врач не скажет, что нам ничто не грозит. Пойдемте.

Я едва не спросил, почему они не ввели себе инъекцию панвакцины, но вспомнил, что она была изобретена в 4210 году, уже после отлёта с Земли предков этих людей.

Мы вошли в сверкающую лабораторию, но когда желали пройти дальше, наткнулись на совершенно невидимую перегородку и оказались запертыми между ней и дверью. Я ощупал ее: то оказалась некая чрезвычайно прозрачная, без отблесков, материя, а не силовой экран, как я того опасался. К нам подошел мужчина среднего роста, уже довольно-таки пожилой, но все еще весьма крепкий.

— Я вынужден попросить вас самим сделать у себя забор крови, а затем передать мне образец через небольшое шлюзное окошечко, которое вы видите вот здесь. Если бы вы относились к другому виду, эти меры предосторожности, возможно, были бы излишними, но, вероятно, мы с вами очень похожи, вследствие чего ваши болезни, быть может, передаются и нам... Благодарю. Полагаю, наши люди проходят на вашем корабле примерно такую же проверку.

— Естественно, — ответил Кельбик, шепнув мне, уже на нашем языке: «Разумеется, при панвакцине в этом нет надобности, но на Тебеля, нашего биолога, положиться можно. Этим несчастным сильно повезет, если их там не препарировать!»

По прошествии четверти часа врач вернулся и нажал на какую-то кнопку. С легким шумом невидимая перегородка ушла в пол.

— Все в порядке. Вы оба совершенно здоровы, и те многочисленные обычные бактерии, которые присутствуют в ваших организмах, не рискуют вызвать ту или иную эпидемию. Что до местных микробов, то они вас атаковать не станут, как не атакуют и нас самих. В худшем случае у вас начнут выпадать волосы. Впрочем, у нас есть от этого вакцина, и если вы позволите...

Я пожал плечами.

— Спасибо, но это лишнее. У нас самих имеется панвакцина, которая защищает организм от любых болезней.

— В таком случае... Пойдемте, капитан вас ожидает.

Мы прошли в длинное помещение, увешенное циферблатами и экранами; судя по всему, то была рулевая рубка. Человек, поднявшийся нам навстречу, оказался тем самым, с которым мы переговаривались по телекоммуникационной связи.

Он был одет как настоящий дикарь: серебряный шлем, ярко-красный камзол, того же цвета облегающие брюки, заправленные в высокие ботинки из черной кожи, длинный черный плащ, широкий, расшитый золотом пояс, из-за которого торчали два дальних «братца» наших фульгураторов. Короче говоря, то был законченный «космический пират» из ваших современных научно-фантастических романов! Но лицо его было искренним и вполне дружелюбным. Он приветствовал нас, подняв открытую правую руку на высоту плеча:

— Кириос Милонас, капитан звездолета «Эрия».

— Хорк Акеран, адмирал пятой эскадры разведчиков, — хитроумно произнес Кельбик, скрывая мое настоящее звание. — И я, Кельбик Борейон, математик.

— Присаживайтесь. Полагаю, на прародительской планете все еще пьют — по большим праздникам? Мы ведь можем отнести нашу встречу к этой категории, не так ли?

Он отдал короткий приказ. Какой-то человек принес бокалы и бутылку.

— Надеюсь, адмирал, — почтительно проговорил Кириос, — наше мирасу вам понравится. Мы делаем его на основе одного растения с планеты Тилия, на которой в основном и проживаем.

Стеклянная бутылка — никто еще не придумал ничего лучшего для хранения ценных жидкостей — отличалась непередаваемой элегантностью формы. Пока Кириос разливал спиртное по хрустальным бокалам, я размышлял над небольшими противоречиями в фактах: одежда нашего хозяина и та строгая дисциплина, которая, судя по всему, царила на его звездолете, указывая на несколько варварский милитаризм, довольно плохо соотносились с изысканностью бокалов и бутылки. Уж не были ли то трофеи, доставшиеся Милонасу от какой-нибудь другой, разграбленной им цивилизации? Это казалось маловероятным.

Я сделал небольшой глоток. То оказалось не вино, в земном смысле этого слова, но скорее что-то вроде одного из тех сладких ликеров, которые китайцы получают из абрикосов, только с большей выдержанностью и более насыщенным букетом. Напиток был чудо как хорош.

— Как скоро мы прибудем в место назначения?

— Раньше... — Он на мгновение задумался в поисках способа донести до нас более или менее понятное представление о времени. — Раньше, чем вы выспитесь и поедите. Но наши вожди примут вас чуть позднее.

Завязалась долгая беседа. Кириоса интересовало все, что касалось Земли.

— Мы знали, что Солнце взорвалось, или по крайней мере это предполагали, так как мы не были абсолютно уверены в том, что самая ближайшая к нам звезда солнечного типа действительно является Солнцем — *настоящим* Солнцем. Но даже не знаю, как и выразить мое восхищение вашим подвигом! Превратить две планеты в звездолеты! И всего лишь при помощи космомагнетизма!

И он забросал нас вопросами, которые доказывали, что в этой обособленной части человечества капитаны космических кораблей обладают весьма обширными научными знаниями.

В свою очередь, и сам Кириос утолил наше любопытство. Да, они являлись потомками экипажа третьего гиперкосмического звездолета. Их история мало чем отличалась от истории того удачливого корабля, который все же сумел вернуться на Землю: после шести лет отчаянных скитаний по всему космосу совершенно случайно они все же набрали на некую солнечную систему, в которой имелись пригодные для жизни планеты, и решили на одной из них обосноваться.

— И вы не нашли способа сориентироваться в гиперпространстве?

— Если бы я сказал вам, что мы его нашли, вы бы мне не поверили и были бы правы. В таком случае мы бы давно уже вышли с вами на связь! Мы тоже прибегали к помощи космомагнитов, но наткнулись на тот же барьер, что и вы.

Из осторожности мы умолчали об открытиях, сделанных на Марсе. Мы поужинали с капитаном — подавали кроваво-красное, очень вкусное мясо и необычные, но восхитительные фрукты, — а затем прекрасно выспались.

Планета неуклонно увеличивалась в размерах, и вскоре мы вошли в ее атмосферу. На центральном экране рулевой рубки я разглядывал ее все еще затянутую тучами поверхность, как вдруг испытал настоящий шок: я узнал простиравшийся под нами полуостров, на оконечности которого, сверкая нагромождениями копьевидных башен, стоял какой-то город. Я обладал тогда — да и сейчас обладаю — фотографической памятью, так что сомнений у меня не было ни малейших. Я прошептал Кельбику:

— Второе марсианское фото!

Он вздрогнул, пригляделся внимательнее, побледнел и пробормотал:

— Но тогда... Как такое вообще возможно?

Обращаясь к Кириосу, я спросил как можно более небрежно через переводившего мои слова Кельбика:

— А помимо драмов, нас и вас самих, вы случайно не знаете других народов, которые способны путешествовать в космосе?

— Есть еще один в системе соседней звезды. Вероятно, они тоже являются потомками землян. Все наши попытки вступить с ними в контакт остались бесплодными. Но еще

раньше, в старину, у нас была объявлена тревога. Наши детекторы засекли в высотах нашей атмосферы некое неравномерно движущееся тело. Это случилось примерно в 300 году нашей эры. Но тут же высланный нами патрульный корабль ничего не обнаружил и смог поймать лишь радарное эхо. Преследование было долгим, но внезапно и само эхо исчезло. Мы долго еще находились в состоянии боевой готовности... Но почему вы спрашиваете? Вам что-то известно?

— Нет, обычное любопытство. Мы и сами после нашего драмов ни с кем не пересекались.

Под каким-то предлогом мы с Кельбиком отошли в сторону.

— Ты уверен? — спросил у меня он.

— Абсолютно.

— И однако же 300 год их эры соответствует примерно 4000 нашему. Это же совсем недавно! К тому времени мы находились на Марсе уже более 2000 лет, а марсиане и вовсе исчезли задолго до этого!

— В этом кроется некий парадокс, даже независимо от того, был ли таинственный звездолет, посетивший эту планету, марсианским или же нет. Но вероятность чистого совпадения крайне мала.

— Этот контур... похоже, он как-то воздействует на темпоральные поля... Быть может, в этом и нужно искать решение?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Поговорим об этом, когда вернемся на Землю.

На боковом экране зала возникла высокая башня, очень близкая. Мы были на одном с ней уровне, затем опустились, и башня словно устремилась в небо.

— Прибыли, — сказал Кириос Милонас. — Господин адмирал, не окажете ли мне честь побыть — вместе с вашим другом — моим гостем, пока мое правительство изволит вас принять?

Астропорт был окружен внушительными строениями, и их близость свидетельствовала о высоком мастерстве пилотажа астронавтов этой планеты. Мы вышли из космолета и вслед за Кириосом сели в некое продолговатое земное транспортное средство. Через несколько минут мы уже были за пределами города, а еще по прошествии получаса прекрас-

ная дорога, змеившаяся в лесах диких деревьев, вынесла нас к дому нашего хозяина.

Дом этот, стоявший на берегу небольшого озера, представлял собой настоящее чудо простейшей архитектуры, а его удобства соответствовали симпатичному внешнему виду. Кириос быстро показал нам свое жилище. Оно оказалось не очень большим — всего с десяток комнат, но расположены они были столь удачно, что сам дом казался гораздо более просторным, чем он был на самом деле. Что меня удивило, так это полное отсутствие различных автоматических аппаратов, которые есть в каждом, даже скромном земном обиталище. Я поделился своим наблюдением с Кириосом.

— Позднее поймете, — ответил он.

В некоторых помещениях перед нами почтительно раскланивались слуги (почти все — женского пола), эти представители класса, исчезнувшего у нас еще несколько тысячелетий назад. И снова это смешение высокой цивилизации и варварства!

Спустя пару минут я получил еще одно тому доказательство. Во внутреннем дворе раздались крики, и, выглянув из окна, я увидел двух здоровенных мужчин, высекавших розгами третьего, привязанного к столбу. Кириос также, в свою очередь, подошел к окну.

— Ха, вижу, Треблен ничуть не изменился. Ну ладно...

— Что такого он сделал? — спросил Кельбик, на лице которого было написано возмущение.

— Ничего. Именно этим я его и попрекаю, — спокойно ответил наш хозяин. — На Тилии нет места бездельникам.

Я едва не спросил, почему несчастного не подвергли еще в детстве, когда выявился его недостаток, ульнийской обработке, но смолчал, — ее начали применять лишь с 4197 года. К тому же, ради успеха моей миссии, лучше было не вмешиваться во внутренние дела тилийцев.

Перед завтраком — еще один сюрприз! Когда мы спустились из наших комнат по лестнице из резного дерева, Кириос уже ждал нас в окружении трех молодых женщин, которых тут же нам и представил:

— Гелиона, моя первая жена. Сирика, моя вторая жена. Элеана, моя третья жена.

Выходит, тилийцы практиковали полигамию. Многобрачие существовало и у нас, но все-таки было редкостью. Я поклонился в знак приветствия, что, похоже, крайне обрадовало молодых женщин и вызвало легкое раздражение у нашего хозяина. Еще один повод для удивления: ни одна из трех жен не села с нами за стол!

Еда оказалась превосходной, одной из лучших, какую я когда-либо пробовал. Мясо было изысканным и обладало исключительной сочностью, которой наше, увы, не отличается. Хватало и вкуснейших фруктов; особенно мне понравился один, чем-то напоминавший земной ананас, и я пообещал себе захватить на Землю его зерна, даже если они будут единственным, что я вообще увезу с Тилии. Напитков, порой — очень крепких, тоже был представлен целый набор. После последней чашки горячей и ароматной настойки, низведшей кофе до уровня обычного пойла, наш хозяин провел нас на выходящую на озеро веранду. Там он вытянул свое огромное тело на низеньком ложе, указал нам на два других и начал так:

— Так как изучение психологии и человеческого поведения составляют часть моей военной подготовки, я увидел, адмирал, что многое здесь вас удивило, а то и вовсе шокировало. Впрочем, и меня самого поразили некоторые ваши жесты, и я знаю, что вы и сам это заметили. Официально, мне ничего не известно о вашей миссии, и она меня никак не касается. Не нужно, однако же, быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, в чем она заключается. Когда моя «Эрия» перехватила ваш звездолет, вы производили разведку нашей системы, пытаетесь уяснить, сможете ли вы в ней обосноваться? Я ведь прав, да? И когда вы увидели, что она занята, вы, возможно, подумали, что, так как мы являемся потомками тех же предков, что и вы сами, мы позволим вам разместить здесь вашу планету? Вы будете разочарованы, адмирал, а если и не вы лично, то по крайней мере ваше правительство. Пойти на такой шаг мы не можем. Я не стану углубляться в детали, но могу вас заверить, что вы получите от нашего верховного правителя вежливый, но категоричный отказ. И я должен если и не объяснить вам почему — это уже дело правителя, — то хотя бы поделиться с вами кое-какими сведениями. Я сильно бы расстроился,

если бы вы покинули нашу планету в расстроенных чувствах, потому что, как и большинство военных, я ненавижу войну.

Вас здесь многое удивит: наша обязательная полигамия, то, как мы обращаемся с нашими слугами, само их существование, тот факт, что мы располагаем очень сильной армией, в то время как наша система, как прежде была и ваша, перекрыта барьером, но в этом случае вспомните про драмов! Так вот, большинство этих фактов объясняются одной-единственной причиной — космическими лучами.

Когда наши предки покинули Землю — в ?.. году вашей эры, 1 году нашей, — наука еще не позволяла полностью остановить эти лучи, поэтому если все шло хорошо, то экипажи проводили в космосе крайне мало времени. К сожалению, как вы и сами знаете, положение вещей изменилось, и в конечном счете нашим предкам пришлось там остаться и скитаться от планеты к планете, многие годы подвергаясь воздействию этих лучей. Произошло то, что и должно было произойти: случились мутации. Да, адмирал, мы — мутанты. Конечно, не чудовища с двумя головами (хотя и такие иногда рождаются), или двумя сердцами, или же телепаты, но все же мутанты. Мутация, которая быстро стала доминирующей, к несчастью, еще и является крайне опасной. На Тилии рождается в среднем шесть девочек на одного мальчика! Этим и объясняется наша полигамия.

Другая мутация, против которой мы частично защищены благодаря строгой сегрегации, привела к рождению тысяч людей — целой линии, выражаясь языком биологии, — которые напрочь лишены инициативности и пригодны лишь для того, чтобы исполнять роль обслуживающего персонала: рабочих фермы или камердинеров, лаборантов или низших военных чинов, — тут все зависит от их ума или отваги. Мы не за здорово живешь вынуждены были запретить родственные браки, а потому, что в этом возникла необходимость. Как это обычно и бывает, сегрегация повлекла за собой возникновение враждебных чувств между двумя группами.

Нас, представителей правящего класса, на этой планете сейчас явное меньшинство. Если помните, в вылетевшем с Земли звездолете нас было всего 12 мужчин и 24 женщины. Когда мы приземлились здесь, нас оставалось еще меньше.

На протяжении нескольких поколений, пока мы не ввели обязательную полигамию, численность нашего населения практически не увеличивалась, пять из семи новорожденных так и оставались бесплодными. Не говоря уж о преступлениях, мятежах и т.д.

Затем — еще одно «счастье»! — триисы с планеты Калерб, нашей ближайшей соседки, открыли для себя космические полеты. Конечно, их ядерные ракеты и сейчас еще не идут ни в какое сравнение с нашими космомагнитами, но они многочисленны и свирепы, и их бомбы убивают так же верно, как и наши. Отсюда и необходимость армии и космического флота.

— Мы могли бы, — сказал я, — помочь вам. Пока что я не вижу никакой причины, которая мешала бы нам остаться в вашей системе. Наши генетики, думаю, справятся с проблемой вашей мутации. Что до триисов...

— Благодарю за предложение, но мы не сможем его принять. Правда заключается в том, что мы просто-напросто не позволим вам «работать» над нашими генами. Вы говорите, что желаете нам помочь? Лично я вам охотно верю. Но верховный правитель ни за что не рискнет позволить вам истребить нас, чтобы занять наше место, пусть даже такой риск и ничтожно мал. Позднее, если вы найдете другую звезду и способ преодолеть барьер, мы с благодарностью примем ваше предложение. Но не сейчас.

— Но нам не нужна ваша планета! У нас есть Земля и Венера!

— Разумеется, но здесь, помимо Тилии и Калеба, более или менее пригодны для жизни еще всего лишь три планеты. И мы не желаем ни с кем их делить. Сейчас нас становится все больше и больше. У каждого мужчины — от трех до шести жен, но только подумайте: в среднем у нас в семьях рождается лишь один мальчик на шесть девочек!

— И какова ваша нынешняя численность населения?

— Это вам скажет наш верховный правитель, если сочтет нужным.

Далее Кириос ловко уходил от всех наших вопросов, касающихся его планеты. Зато мы долго беседовали о войне с триисами. Он говорил без ненависти, сожалея о том, что им так и не удалось прийти к взаимопониманию.

— Они не такие уж и плохие парни, и в этой войне не правы обе стороны. В ответ на небольшую стычку на их спутнике один наш слишком уж вспыльчивый генерал уничтожил их город.

— А как они выглядят, эти триисы? — поинтересовался Кельбик.

— Это гуманоидная раса. Похожи на людей, разве что чуть-чуть отличаются, что сейчас крайне распространено в космосе. Во время своего большого путешествия наши предки повстречали их на одной из доброй дюжины планет. Триисы очень высокие — даже повыше вас, адмирал, будут, — у них желтая кожа... да вы сами увидите, если пожелаете. У нас тут неподалеку есть лагеря военнопленных.

Так, о том о сем, мы проболтали до самого вечера. На следующий день Кириос отвез нас в город для аудиенции у верховного правителя.

Дворец правительства производил впечатление: то было массивное строение с перистилем, окруженным белыми колоннами. Мы миновали с десятков постов охраны, необходимость которых, как пояснил Кириос, была вызвана военным положением и возможностью нападения триисов. В окружении караульных мы проследовали по бесконечным коридорам и наконец оказались в кабинете правителя Тилии. То была длинная светлая комната с паркетом из прекрасного желтого дерева и покрытыми рядами книг и экранов стенами. В дальнем ее конце, за очень простым деревянным столом, сидел какой-то мужчина и что-то быстро говорил в микрофон. Шедший первым Кириос остановился и отдал ему честь. Мужчина поднял голову.

Он находился в самом расцвете лет, но уж точно был не молод. Подперев подбородок худой белой рукой, он смерил нас внимательным взглядом. Под высоким, изборожденным морщинами лбом сверкали пронизательные черные глаза; сжатый в линию, с ниспадающими уголками, рот придавал ему вид меланхолической силы.

— Присаживайтесь, господа.

Голос его был мягким, немного усталым.

— К сожалению, я не могу уделить вам много времени. Вы, вероятно, явились спросить у меня права присоединить-

ся, с вашими двумя планетами, к этой солнечной системе? Такого права предоставить вам я не могу.

Он поднял руку, останавливая возражение Кельбика.

— Поверьте, я очень об этом сожалею. Как сожалею и о том, что не имею возможности посетить с визитом Землю, которая была для нас прекрасной, нежно любимой легендой. Впервые за пятьсот лет две разделенные ветви человечества наконец-то встретились! Как бы я хотел этому порадоваться!.. Но после консультаций с советниками — как учеными, так и политиками — я вынужден вам отказать. Милонас, здесь присутствующий, ввел меня в курс вашего предложения о помощи, которое я тоже должен отвергнуть. Я не думаю, что мой отказ подвигнет вас на войну с нами, но, как верховный правитель Тилии, я не вправе брать на себя этот риск.

— А если мы дадим слово, что останемся на Земле и Венере?

— Я и не сомневаюсь, что несколько лет, быть может даже веков, вы будете держать свое обещание. Но потом? Человек есть человек, и никакие ограничения не останавливают его надолго. Каким бы жестоким ни выглядело мое решение, я полагаю его единственно возможным и наилучшим в данной ситуации — даже для вас. Наши цивилизации уже разошлись, и даже, если ваша стоит на более высокой ступени, нам нравится наша, потому что она *наша*. Вспомните, сколько на Земле прошло войн до объединения. Неужели вы хотите начать все заново?

— Конечно же нет! Но вы слишком пессимистичны.

— Нет. Я просто-напросто продвигу будущее. В данный момент проблем не возникнет. По крайней мере — для вас. Вы поможете нам победить триисов. Затем, так как мы не хотим, и вы, вероятно, тоже не пожелаете истреблять их всех до единого, вам придется колонизировать другие планеты. И когда, в свою очередь, мы начнем задыхаться на Тилии, что с тем общественным строем, который налагают на нас мутации, произойдет уже через несколько веков, здесь и для нас не останется места.

— Но данную проблему, которую вы пытаетесь избежать, *уже* создают для вас триисы...

Он устало махнул рукой.

— Я и сам это прекрасно знаю. И результат перед вами: война!

— Стало быть, нам придется еще многие века скитаться во мраке космоса?

— У вас есть два выхода: истребить нас, если вы это сможете, но я сильно сомневаюсь, что вы сами этого захотите, разве что земная цивилизация изменилась после отлёта наших предков, или же долететь до соседней звезды, которая находится отсюда всего в двух световых годах.

— В трех с половиной годах пути, — тихо проговорил Кельбик. — Наш народ уже устал от подземной жизни. Мы сделаем все возможное для того, чтобы он согласился на эту отсрочку, но вот только согласится ли он? Вы готовы пойти на немедленный риск истребления во избежание другого, более отдаленного. Но кто знает, вдруг тайну межзвездных путешествий удастся раскрыть скорее, чем мы полагаем?

— Я не хочу войны, уж поверьте, — сказал правитель Тилии. — Но если нам придется с вами сразиться, не думайте, что вам удастся победить так уж легко. Конечно, нас гораздо меньше, чем вас, но мы воюем с триисами вот уже почти полвека. Милонас, вероятно, смог бы уничтожить ваш звездолет еще прежде, чем вы бы обнаружили угрозу. О! Я не ставлю под сомнение ваше военное мастерство, адмирал. Но скажите, вы когда-нибудь сражались в космосе?

— Нет, Кельбик, — сказал я. — Мы не пойдем войной на тилийцев, и ты это знаешь. Тогда что нам остается? Белюль? У вас есть какая-нибудь информация о его системе?

— Да — если, конечно, Белюль это та звезда, которую сами мы называем Эльссен, наша ближайшая соседка. Я уже распорядился приготовить для вас копии всех тех документов, которые ее касаются. И вот еще что... Мы наверняка знаем, что эта система обитаема, так как один из наших космолетов, проходя рядом с барьером, как-то раз принял радиogramму. Сообщение было внятным и разборчивым, поэтому вполне возможно, что его передавали потомки какого-то другого земного экипажа, сейчас представляющие собой враждебную цивилизацию. Это было довольно-таки грубое предупреждение не преодолевать барьер! Тем не менее, если

вы направитесь к Эльссену, имейте в виду, что в эту систему входит четырнадцать планет, некоторые из которых должны быть пригодными для жизни. Кроме того, мы можем передать вам чертежи нашего оружия...

Он улыбнулся.

— Разумеется, эти чертежи будут находиться в кофре, который невозможно открыть, не уничтожив их, до истечения разумного срока.

— Вы зря нам не доверяете, — сказал я. — Мы готовы сообщить вам все полезные сведения о нашем собственном оружии... без каких-либо отлагательств!

— Вы можете себе это позволить! Завоевание Тилии дорого вам обойдется, но у вас это получится. Мы же не смогли бы завоевать Землю даже при помощи *вашего* оружия. Вы слишком сильны, слишком многочисленны. Тем не менее — спасибо за доверие: я принимаю ваше предложение. И если позднее мы все же научимся совершать межзвездные путешествия, землян всегда будут принимать на Тилии как друзей... если, конечно, они придут сюда с миром! Могу я — я, который даю вам столь мало — попросить у вас еще кое-что?

— Просите.

— Я хотел бы получить копии ваших технических трудов и тех литературных произведений, которые наши предки не смогли взять с собой в звездолет.

— Вы их получите, и в самом ближайшем времени.

— Раз уж мы сегодня столь щедры — вы, конечно же, в большей степени, нежели я! — позвольте мне попытаться хоть немного компенсировать тот бесценный подарок, который вы нам делаете. В придачу к копиям наших технических и литературных трудов, которые не идут ни в какое сравнение с вашими, я хотел бы выделить вам — с вашего, разумеется, согласия — нескольких весьма искушенных в космических сражениях офицеров. Я знаю, шансов вернуться на Тилию у них будет немного, поэтому они возьмут с собой свои семьи. Не отказывайтесь, полагаю, их помощь лишней не будет. Милонас сможет стать их командиром.

Я перевел взгляд на офицера. Сделав шаг вперед, он с блестящими от слез глазами пробормотал:

— Ваша светлость, я не смел и надеяться!..

— Неужели вы согласитесь покинуть вашу родную планету, быть может, даже навсегда? — спросил Кельбик.

— Я был капитаном того звездолета, который принял неподалеку от барьера сообщение этих *других*. Оно было для нас не слишком приятным, так что я был бы не прочь нанести визит вежливости тем, кто его отправил. И потом, кое-что из нашего вчерашнего разговора заставляет меня полагать, что вы уже стоите на пороге решения проблемы межзвездных полетов. Или я ошибаюсь? Впрочем, какая разница!..

Я взглянул на Кельбика, затем быстро принял решение.

— Хорошо. Мы согласны. Но так как друзья познаются в беде, пока Венера и Земля будут вставать на другой курс, а это займет примерно два месяца, мы поможем вам в вашей борьбе против триисов. Наши экипажи пройдут необходимую подготовку, если то, чего вы опасаетесь, — правда.

— Благодарю вас. Что ж, адмирал, и вы, мсье, тогда, наверное, до свидания. Кириос Милонас займется практическими деталями.

И даже прежде, чем мы вышли, этот неординарный человек принялся раздавать указания.

глава 2

Снова в путь!

Следующие несколько дней прошли в совещаниях с военачальниками, затем мы вернулись на «Клингган», ожидавший нас в космосе.

Совет без особых проблем одобрил принятые мной обязательства, и под влиянием крупных геокосмосов Земля и Венера изменили свою траекторию. Несмотря на мои опасения, народ также безропотно поддержал Совет, когда узнал, что в противном случае нам грозит война с такими же людьми, как мы сами.

Ни Кельбик, ни я не участвовали в войне против триисов. Сразу же по возвращении на Землю Кельбик заперся в нашей лаборатории, чтобы проверить идею, возникшую у него на Тилии. Спустя неделю он вызвал меня, и, так как все шло

лучше некуда, я на несколько дней передал свои полномочия Гелину.

Кельбика я застал за большим деревянным столом — он ненавидел столы из металла или пластмассы, — на котором в беспорядке громоздились стопки листов, сплошь покрытых его тонким капризным почерком. Он выбрал одну такую стопку и протянул мне.

— Прочти и скажи, что ты об этом думаешь.

Я взял бумаги, присел на край стола и погрузился в чтение. По истечении некоторого времени я придвинул к столу гораздо более удобный стул и, взяв лист чистой бумаги, принялся покрывать его собственными расчетами. Мне трудно было уследить за мыслью Кельбика, и, если бы он раньше не научил меня своему особому методу анализа, я бы с этим никогда не справился. Даже сейчас эта работа была нелегкой, и прошло несколько часов, прежде чем я довел ее до конца. Я с удивлением посмотрел на друга:

— Но послушай, Кельбик, ты же развиваешь здесь новую теорию времени. И теорию весьма соблазнительную! Эта концепция времени как поляризованного потока четвертого измерения, да ведь она же... Клянусь Гриоком, твоё уравнение имеет обратную силу! А это означает...

— Что во времени можно путешествовать. Да. Но это не ново. На такую возможность, если верить нашему другу археологу Люки, указывал еще до темных веков, а может быть, даже до ледниковых периодов, некий физик по фамилии Уэрс или Уэллс, чье имя иногда упоминается в хрониках прорицателя Килна. Порой я даже задаюсь вопросом, уж не легенда ли это — в противном случае, он бы обосновал свою теорию. Однако это возможно сделать, только опираясь на фундаментальные уравнения космомагнетизма!

— Хм, но кто знает, какого уровня достигли люди первой цивилизации? В конце концов, они колонизировали Марс и добрались до Венеры! А может, это было всего лишь ни на чем не основанное предвидение. Но подожди... Теперь это уравнение мне кажется чем-то знакомым. Ну конечно: это уравнение распространения волн Хека, только чуть более сложное, потому что временной фактор в нем имеет четыре измерения, а не одно. Это-то и объясняет, почему они рас-

пространяются быстрее света в континууме более сложного порядка, нежели наше пространство. Поздравляю, Кельбик! Это великое открытие. Но что подсказало тебе, от чего следует отталкиваться?

— Ты узнал на второй марсианской фотографии тилийский город Рхен.

Я смотрел на него в недоумении.

— Да тут нет ничего сложного. Этот город существует не более трехсот лет. Марсиане же исчезли в незапамятные времена, задолго до появления на Марсе наших предков первой цивилизации. Следовательно, чтобы сделать фотографию чего-то такого, что возникнет только через сотни тысяч или миллионов лет, нужно совершить путешествие во времени, в будущее. Как бы то ни было, марсианский звездолет не мог посетить Тилию из-за барьера. Не мог он этого сделать и через гиперпространство, потому что иначе не нашел бы дороги обратно. Однако же на их звездолете мы обнаружили гиперпространственную установку! Но в таком случае, зачем им понадобились мощные космомагнетические двигатели, которые на нем стояли? Теперь понимаешь?

— Нет.

— Кроме того, у них там был некий контур, по всей видимости, влияющий на время! Это тебе ничего не говорит?

— Да объяснись ты наконец, заклинаю именем трилла!

— Ну, слушай. У нас имеется звездолет, который, судя по многочисленным фотоснимкам неведомых солнечных систем, не раз совершал далекие путешествия. На звездолете обнаружены: 1) космомагнетические двигатели; 2) гиперпространственная установка; 3) контур, который, по всей видимости, влияет на время. Следовательно, все три эти механизма необходимы для межзвездных путешествий. Барьер можно преодолеть самыми разными способами, Хорк. Проломить его или пройти над ним звездолет не способен. Но можно также пройти до того, как он возник, или после того, как он исчез!

Тут у меня наконец случилось озарение:

— Ты хочешь сказать, что они использовали галактический дрейф?

— Или, всего-навсего, движение звезд. Следи за моей мыслью. Барьер окружает каждую звезду полем, непрони-

цаемым для любого тела, с массой меньшей, чем масса Луны. Но этот барьер передвигается в пространстве вместе со звездой. Представь космолет перед таким барьером. Скачок во времени — и барьера перед ним *уже* — или *еще* — нет. Конечно, это требует огромного расхода энергии, но, вероятно, не большего, чем дают космомагнетические двигатели.

— И что же, по-твоему, станет с гиперпространством?

— Ты не обратил внимания на рассказ Милонаса. Если помнишь, он говорил, что они с успехом используют гиперпространственный способ *до* своего барьера, так сказать, *внутри*. Проблемы возникают лишь при попытке его пересечь. Видимо, барьер как-то существует и в гиперпространстве, и именно из-за него двигатели выходят из строя, и звездолет улетает невесть куда. Но без гиперпространственных установок межзвездные перелеты отнимали бы слишком много времени. Я представляю марсианскую технику перелетов так: гиперпространственный скачок до барьера, временной скачок для того, чтобы его преодолеть, еще один временной скачок, чтобы вернуться в свое время, еще один гиперпространственный скачок до системы, которую хотят изучить, и снова космомагнетизм для приземления. Впрочем, второго временного скачка они могли и не делать. Для исследования неведомой вселенной интересен любой отрезок времени!

— Да, видимо, это объяснило бы марсианские снимки. Но почему такой огромный скачок в будущее? Как минимум на полмиллиона лет, если не больше!

— А ты обратил внимание, что мое временное уравнение — квантифицированное? Я, правда, абсолютно не знаю кванта времени; возможно, он очень велик, а может, марсианский контур времени действовал только на определенное число квантов одновременно...

— И драмам тоже был известен этот секрет?

— Этого мы никогда уже не узнаем... Теперь пора переходить от теории к практике, для чего придется разрешить кое-какие проблемы.

И начались долгие месяцы напряженной работы. С нашими ассистентами мы жили взаперти в лаборатории, отключившись от всего, что происходило снаружи. Лишь однажды Совет убедил меня открыть торжественное заседание по слу-

чаю начала второго этапа пути, когда наши планеты вышли на новую траекторию к Белюлю. Тогда-то я и узнал, что война с триисами благодаря нашей помощи была практически завершена. По окончании церемонии я сразу же вернулся к Кельбику и к нашей экспериментальной модели, которая только-только начинала вырисовываться.

Мы уже достигли предварительных результатов — исчезновения кое-каких крошечных предметов, когда мне пришлось вновь вернуться на пост верховного властителя: Земля и Венера приближались к барьеру.

Я прочел многочисленные доклады, скопившиеся на моем столе. Наш боевой флот усиленно тренировался под руководством Кириоса Милонаса и сопровождавших его тилийских офицеров. Производство оружия увеличилось, возможно, даже больше, чем то было необходимо. По этому поводу я вызвал Кириоса и Гелина.

— Скажите честно, Кириос: вы действительно полагаете, что все это оружие нам пригодится? Вы же знаете, если мы обнаружим в ближайшей солнечной системе людей, мы не станем воевать с ними, как не стали воевать с вами.

Он несколько иронично улыбнулся.

— Нужно еще и чтобы противная сторона не захотела сражаться, Хорк. А я уверен в двух моментах: во-первых, в системе Белюля есть люди, так как я слышал по радио их голоса, во-вторых, они настроены крайне враждебно.

— Может, они приняли ваш космолет за корабль драмов?

— Сомнительно! Они пригрозили освежевать нас. Драмам, у которых нет кожи, они бы так угрожать не стали. По правде сказать, они вообще бы не стали с ними разговаривать.

— И что вы им ответили?

— Ничего. Сразу же после своей угрозы они прервали передачу, да и все равно не услышали бы нашего ответа. Их передатчик был гораздо мощнее нашего, потому что сигнал дошел до нас с расстояния как минимум в пятьдесят миллионов километров. Нет, Хорк, сражаться придется, и сражаться с врагом достойным, если оружие у них не хуже средств связи.

— А если мы пройдем мимо этой системы?

— Психологически невозможно! — вмешался Гелин. — Триллы, как и большинство текнов, устали оттого, что им

приходится сиднем сидеть дома. Я не могу обещать, что они не восстанут. Человек — не термит, Хорк! Текны в крайнем случае еще могут потерпеть, если им указать достойную цель. Но триллы?.. Так что будем надеяться, что население, которое мы обнаружим, не окажется враждебно настроенным и позволит нам повращаться вокруг их солнца. Хотя бы несколько десятков лет, чтобы люди смогли передохнуть и воспрянуть духом.

— Неужели с моральным духом все обстоит так плохо, Гелин?

— Хуже, чем вы даже можете себе представить, Хорк. Пока вы с Кельбиком работали, произошли две попытки мятежа. О! Обошлось без кровопролития, это было всего лишь предупреждение. И еще случился огромный приток добровольцев для войны против триисов. Вдесятеро больший, чем требовалось, по правде говоря. Люди с радостью рисковали жизнью, лишь бы побывать на Тилии или на Триисе, увидеть солнце, насладиться естественными днями и ночами, искупаться в реке... Мы этим воспользовались для посменной тренировки многочисленных экипажей звездолетов. Полагаю, это нам пригодится.

— Стало быть, вы полагаете, что в случае необходимости народ согласится сражаться?

— Я в этом уверен! Он согласится на все что угодно, лишь бы не случилось третьих Великих Сумерек! Вчера я услышал весьма характерное наблюдение. Когда мимо проходил один из спутников Кириоса, кто-то из наших сказал: «А в общем-то, даже жаль, что они оказались такими славными парнями!»

— Хе-хе, в противном случае мы бы и встретили вас иначе! — усмехнулся Кириос.

— Неужели возможен подобный возврат к дикости? — спросил я.

— Знаете ли, Хорк, мы вернулись к этому не по собственной воле и без особого удовольствия, но, полагаю, довольно-таки эффективно, — проговорил Кириос. — Если же судить по тому, что я слышал о восстании фаталистов и о том, как вы его подавили, мне кажется, что и в вас самом, Хорк Акеран, дикарь пробуждается весьма быстро! Как настоящий солдат, я не люблю войну, уж вы мне поверьте. Просто у нас

обстоятельства сложились так, что многие наши юноши превратились в машины для убийства. Я — тоже, хотя и мечтал с детства о мирной жизни астронома. И, клянусь Гекланом, если я уцелею к тому времени, когда Земля выйдет на надежную орбиту, я осуществлю эту мечту. Но в данный момент я вынужден оставаться солдатом. Мой командир, которого я, наверное, никогда больше не увижу, приказал мне верно служить планете-матери, и, пока ей угрожает опасность, я буду исполнять этот приказ и буду безжалостно убивать, — без радости, но и без угрызений совести, так как я, варвар, хочу, чтобы человеческая цивилизация прожила долго!

— А если я прикажу вам напасть на мирную планету?

— Теперь вы командир. Как солдат, я вынужден буду подчиниться, но совесть моя будет нечиста. Однако я знаю, что вы этого не сделаете. Если бы мой командир там, на Тилии, счел вас способным на агрессию, меня бы здесь с вами не было.

— Вам действительно нечего опасаться, Кириос.

В тот вечер Кириос отужинал со мной и моей семьей. Он жил одиноко, оставив трех своих жен на Тилии, и, похоже, втайне был этому даже рад. Женился он недавно, не по любви, но повинаясь закону, и детей у него еще не было. Он рассказал нам о своей суровой юности, об ужасном обучении военному искусству и о том, как по ночам он тайком пробирался в обсерваторию, чтобы следить за звездами. Его математические познания оказались довольно глубокими, и позднее мы с Кельбиком были поражены быстротой, с какой он усваивал не только основы наших соответствующих систем расчета. Для Земли он был, бесспорно, прекрасным приобретением.

В последующие месяцы наша дружба только окрепла, и он быстро стал завсегдатаем нашей лаборатории, откуда Кельбик не выходил вовсе, и куда сам я приходил всякий раз, как только мог. Кириос принадлежал к другой цивилизации, и его реакции бывали совершенно неожиданными. Иногда это нас забавляло, но гораздо чаще приносило нам пользу. Например, он не мог понять, как я, верховный властитель, мог рисковать своей жизнью во время первого контакта с его народом.

— А если бы я вас уничтожил?

— Это бы, Кириос, не имело решающего значения, — ответил я. — Для Земли, по крайней мере, если и не для меня! Совет назначил бы другого координатора, и все бы продолжилось...

— Стало быть, вы полагаете, что люди взаимозаменяемы?

— Разумеется нет! Однако нет людей незаменимых. Наша цивилизация не основывается, как ваша, на культе вождя. С научной точки зрения потеря Кельбика стала бы гораздо более серьезной потерей, чем *моя* смерть, потому что я уже давно не занимаюсь серьезной работой, и, пока я остаюсь координатором, у меня никогда не будет на это времени.

— Но, в конце концов, личная преданность...

— Нет — и не должно быть — никакой личной преданности в столь сложной цивилизации, как наша, и я уверен, Кириос, что и ваша со временем эволюционирует к совершенно иной форме, нежели ее нынешняя. На трудности, которые вставали перед вами, — а это и освоение новой чужой планеты, и более позднее появление триисов, вы нашли единственно возможный ответ: создание централизованной цивилизации, общества, сгруппировавшегося вокруг вождя, сначала — вождя деревни, затем военного вождя и, наконец, вождя государства. Вы могли бы прийти к коллегиальному управлению, но мой собственный опыт во время восстания фаталистов вынуждает меня сомневаться в эффективности совместного управления в кризисный период. Мы находимся совсем в ином положении. По очевидным причинам на Земле давно уже существует одно правительство, и сама сложность нашей цивилизации требует, чтобы оно было коллегиальным со строгим иерархическим разделением функций. Венера от нас практически не зависит, и это прекрасно, потому что мы и не смогли бы отсюда управлять другой планетой. Единственный высший и тоже коллегиальный орган власти для обеих планет — это Совет властителей, который действует скорее методом убеждения, нежели посредством приказов. Что до меня, то я лишь временный диктатор, назначенный Советом на период кризиса с определенной целью — для верховного руководства Великим Путешествием, и исключи-

тельно для этого. Если на практике мне часто приходилось принимать решения внутреннего управления, не обращаясь к Совету, то лишь потому, что в срочных случаях у меня не было для этого времени, или же вследствие того, что данные решения в конечном счете имели отношение к моей собственной работе; так, я был вынужден распорядиться истребить шайку фанатиков, желавших уничтожить геокосмос № 2. Точно так же и сейчас, если нам придется вести войну в системе Белюля, ответственность за все решения падет целиком на меня. Но только на время войны! Поэтому не считайте меня вождем: я всего лишь техник, которому поручено специальное задание. И я ожидаю от вас повиновения в том, что касается выполнения этого задания.

— Хорошо, пусть так и будет. Не уверен, что все понял, но чтобы повиноваться, и необязательно все понимать. Что бы я делал в случае войны, если бы мои люди обсуждали мои приказы?

— У вас имеются какие-то нарекания к тем, что служили под вашим командованием в боях с трисами?

— Разумеется нет!

— Так же будет и в дальнейшем, уверяю вас. Земляне способны соблюдать дисциплину, пусть они и соглашаются на это лишь по доброй воле.

Мы благополучно преодолели барьер между Этанором и Белюлем и выслали в разведку боевые космолеты. Несмотря на это, нас застали врасплох, и это едва не стоило мне жизни.

Оставив Рению в Хури-Хольдэ с нашим сыном, я вместе с Кельбиком отправился навестить археолога Люки. Он вел раскопки очень древнего города, который, если я верно ориентируюсь, являлся сегодняшним Бордо или, по крайней мере, стоял на том же месте. Люки работал без перерыва, за исключением наиболее опасных моментов, с самого начала подготовки к Великому Путешествию и сумел откопать целый ряд культурных слоев разных эпох. В самом древнем из городов Люки нашел множество интересных свидетельств о том человечестве, которое для нас было доисторическим, — о *вашем* человечестве. Бедняга Люки! Если когда-нибудь я смогу возвратиться обратно...

На границе своих обширных раскопок Люки соорудил маленький, но удобный домик для себя и своих сотрудников. Мы не раз навещали его, чтобы немного развеяться в компании археолога и его очаровательной жены.

Люки показал нам свой котлован, освещенный и обогреваемый искусственным солнцем, так что если бы мы не были облачены в спасиандры, то могли бы подумать, что вернулись в счастливые дни нашей планеты. Затем мы прошли в дом, и я уже предвкушал приятный вечер среди настоящих друзей, вдали от всяческих забот. Мы поужинали, и Люки достал почтенного вида бутылку, найденную, по его словам, во время раскопок, и уже собирался ее откупорить, когда вдруг земля слегка вздрогнула.

— Что это? — удивился я. — Подземный толчок? Люки, свяжитесь по видеофону с Хури-Хольдэ, скорее!

Он осторожно поставил бутылку на стол и направился к аппарату. Яркий свет, идущий от окна, вдруг обрисовал на стене его силуэт. Кельбик бросился к окну, я — следом. Вдалеке, за холмами, поднимался огненный столб. На сей раз земля содрогнулась отчетливо. Сделавшись мертвенно-бледным, Кельбик повернулся к нам:

— Полагаю, это ядерная бомба. Примерно в двухстах километрах к югу отсюда.

— В двухстах километрах? Там, если не ошибаюсь, находится Телефор...

— Да, на нас напали. Кириос был прав, Хорк.

— Возвращаемся. Ты тоже, Люки, как и твои помощники. Но прежде нужно надеть спасиандры. А я тем временем попытаюсь связаться с Хури-Хольдэ...

Свет нестерпимой яркости залил комнату, и почти тотчас же страшный удар потряс дом. Еще одна бомба, на сей раз разорвавшаяся относительно близко. Люки метнулся к воздухопроводу, до конца закрыл кран, затем опустил рычажок в углу комнаты.

— В подземное убежище, быстро! Переборка треснула, воздух уходит! И захватите с собой спасиандры!

— Если одна из бомб взорвется еще ближе, нам конец, — пробормотал один из его помощников.

Мы скатились вниз по лестнице и сгрудились в восьмером в подземном убежище. Люки задрал герметический люк.

— Не теряйте времени на болтовню! Надеваем спасиандры — и в космос. Да поживее!

Натянув спасиандры, мы открыли люк и поднялись в дом. Переборка двери окончательно просела от внутреннего давления, и Люки с сожалением всплеснул руками при виде своей драгоценной бутылки, расколотой замерзшим вином. Несколько минут спустя мы все втиснулись в мой космолет и, бросив на произвол судьбы все находки археологов, на полной скорости помчались к Хури-Хольдэ. Бомбы продолжали взрываться, только теперь они бесшумно вспыхивали на большой высоте, засеченные гиперрадарами и перехваченные нашими собственными ракетами. Несмотря на защитные светофильтры, нас то и дело ослепляли эти вспышки. Позволив Кельбику вести космолет, я связался с Советом.

Всего поверхности достигло семь бомб. Ничто не предвещало нападения: бомбы прилетали откуда ни возьмись со скоростью, близкой к скорости света. В действительности же это Земля неслась с такой скоростью им навстречу. Большая часть Телефора исчезла, и наши потери уже превысили десять миллионов человек. Остальные бомбы упали в пустынной местности или же, взрываясь до соприкосновения с поверхностью Земли, почти не причиняли ущерба, потому что взрывались в вакууме. Тем не менее одна из них уничтожила обсерваторию Алиор.

Кириос ждал меня в Солодине в окружении своего генштаба из землян и тилийцев. Он предоставил мне кое-какие дополнительные детали.

— Кто нас атаковал? — спросил я.

— Уж, несомненно, не те, кто когда-то не позволили мне преодолеть барьер, но точных данных у меня пока нет. Знаю только одно: на Землю сейчас падают не управляемые снаряды, но космические мины.

— Космические мины?

— Мы сами хотели защитить таким образом Тилию, но это требовало средств, которыми мы тогда не располагали. Наш космолет выудил одну такую бомбу: это небольшой звездолет-робот, выведенный на удаленную орбиту вокруг самой внешней планеты и притягиваемый любым достаточно массивным телом. Система идентификации, функционирую-

щая на частоте электромагнитных волн, позволяет врагу не подорваться самому. Сейчас мы ее изучаем и вскоре, надеюсь, сможем сами передавать нейтрализующий сигнал на нужной волне. Тогда этим бомбардировкам наступит конец.

— Меня беспокоит не столько сама эта атака, — сказал я, — сколько промышленный и технический потенциал врага. Он должен быть очень велик, чтобы рассеять в пространстве достаточное количество таких мин. Если наши противники действительно являются потомками экипажа одного из наших пропавших звездолетов, мне как-то не верится в то, что они сумели достичь столь высокого уровня развития за такой короткий период времени. Либо они гении, либо они здесь не одни!

Кириос пожал плечами.

— Скоро мы это узнаем. Пока что еще неизвестно, на какой планете — или планетах — обитают наши враги.

— Согласно последним докладам обсерваторий, в этой системе всего четырнадцать планет, из них три — с кислородной атмосферой.

— Хорк, могу я отправить эскадру в разведывательный рейд?

— Да, если считаете это полезным. Во всем, что касается обороны, я полагаюсь на вас. Впрочем, лучше не бросаться очертя голову на сильного, судя по всему, врага.

По прошествии нескольких дней три звездолета, оборудованные особой радарной системой, позволявшей уклоняться от столкновения с космическими минами, вылетели в разведку.

глава 2

Тельбирийцы

В тот момент я вместе с Кириосом занимался организацией обороны наших планет, а Кельбик, по своему обыкновению, по нескольку дней, а то и недель, не выходил из лаборатории, поэтому лишь дней через десять после отлёта разведчиков, не видя его, я поинтересовался у своих людей,

где он. К моему живейшему удивлению — и к глубочайшему неудовольствию, — я узнал, что он отправился в рейд на одном из звездолетов.

О том, чтобы отозвать его посредством волн Хека, не могло быть и речи. Три космолета составляли боевую единицу, звено, и, возвращая один из них, я фактически разоружал, делал беззащитными два других. И уж тем более нельзя было ни отменить, ни отсрочить разведывательный рейд. Мы слишком быстро приближались к системе Белюля, даже при нашей теперешней минимальной скорости.

Я вызвал «Берик», космолет, на котором находился Кельбик. Экран осветился, явив моему взору его лукавую физиономию.

— Ага, ну наконец-то! Хорк! Вспомнил, что я существую? Я думал, ты раньше заметишь мое отсутствие!

— Что вообще тебе взбрело в голову? Ты нужен мне здесь, сейчас же!

— Неужели? А вот мне нужно, чтобы я был там, где я есть, чтобы проверить кое-какие новые теории... Кроме того, не в обиду будет сказано ни тилийским офицерам, ни нашим собственным астронавтам, я думаю, что смогу сделать некоторые наблюдения, которые им не под силу...

— Хорошо. В любом случае, спорить поздно. Только обойдитесь без ненужных стычек! Где вы сейчас?

— Примерно в пятидесяти миллионах километров от внешней планеты. Надеемся достичь ее через несколько часов. Мы уже скинули скорость до минимума. У этой звезды мощное космомагнетическое поле, поэтому здесь возможно гораздо более сильное позитивное ускорение, чем возле нашего старого бедного Солнца!

— Ладно. Как только будет о чем доложить, вызывай.

Кельбик вызвал меня только на следующий день.

— Приземлились благополучно. Никакого сопротивления, и до сих пор — никаких следов того, что планета кем-то занята. Атмосферы нет, почва — замерзший метан, почти никаких скальных выходов. Тяготение — 1,5 g.

Так вот разведчики и перелетали от планеты к планете, пока не добрались до внешнего спутника шестой планеты, еще более крупной, чем Юпитер, и окруженной кортежем из пятнадцати планетоидов.

Они уже начали приближаться к спутнику, как вдруг, вырвавшись из черной расщелины, на них ринулись десять сферических звездолетов. Несколько минут продолжалась яростная схватка, все подробности которой передавались на наши экраны и незамедлительно регистрировались. Два наших корабля взорвались, космолет Кельбика, видимо поврежденный, устремился к поверхности спутника. Из десяти вражеских кораблей уцелели лишь два: наши инфрарадерные ракеты оказались весьма эффективными.

Из аудиофона до меня донесся спокойный голос Кельбика:

— Похоже, на этот раз нам кирдык, Хорк. Нас на борту всего трое выживших! Попытаемся сесть, не сломав себе шею. Насколько могу судить, испускаемое врагом излучение воздействует на космомагнетические двигатели... примерно как наши волны Книла. Если здесь нечто похожее, ты знаешь, что нужно делать для нейтрализации его эффекта. К счастью, я вовремя это понял и вырубил двигатели. Сейчас мы в свободном падении. У самой поверхности попробую резко затормозить. Надеюсь, враг решил, что мы вышли уже из игры, и больше не держит нас под своим излучением. В противном случае — прощай, Хорк! Мы уже в десяти километрах... в пяти... в трех... Торможу!

Взрыва не последовало. «Берик» мягко опустился на замороженную поверхность спутника. Два вражеских корабля были еще очень высоко.

— Не похоже, — спокойно продолжал Кельбик, — чтобы им были известны наши волны Хека. В любом случае, между собой они переговариваются на электромагнитных волнах. Словом, передатчик выключать я не стану. Полагаю, они возьмут нас в плен, чтобы вытянуть из нас как можно больше сведений...

— Не беспокойся, — оборвал я его. — Усиленная эскадра немедленно вылетает на помощь, и, так как мы уже гораздо ближе к вам и не будем задерживаться на внешних планетах, ждите нас через пять дней. Держитесь! Если придется совсем уж туго, сдай им что-нибудь незначительное... Постарайтесь выиграть побольше времени!

— Понял. Но только не прилетай сам! Ты нужен Земле.

— Видишь ли, дело в том, что мне лично нужно проверить кое-какие свои теории! И потом, командую здесь я, и я буду делать то, что сочту нужным!

— Внимание! Вот они!

На экране я увидел, как Кельбик направляется к одному из расшторенных иллюминаторов. Снаружи, по ледяной равнине, осторожно, прячась за отдельными глыбами, приближалось с десяток фигур. Даже деформированные спасиандрами, фигуры эти напоминали человеческие. Затем послышались громкие удары в дверь шлюза.

— Сопротивляться бесполезно, — обратился Кельбик к своим уцелевшим соратникам, Харлоку и Рабелю. — Только умрем впустую. Хорк, я открываю! И вырубаю изображение со своей стороны. Так ты сможешь за всем наблюдать, оставаясь невидимым.

Внутренняя дверь шлюза медленно открылась, и в рубку вошли трое в спасиандрах. Каждый из троих был вооружен коротким пистолетом, походившим скорее на ваше нынешнее оружие, чем на наши фульгураторы. Они повернулись лицом к экрану, и я подскочил от неожиданности: двое из них были людьми, но вот третий!.. Я плохо различал сквозь прозрачное забрало шлема его лицо, но мне показалось, что оно ярко-красного цвета.

Пока один из них держал Кельбика и его товарищей под прицелом, двое других сняли шлемы. Первый оказался еще молодым человеком с коротко подстриженными светлыми волосами. Второй... второй человеком не был. Под куполом лысого черепа и морщинистым лбом сверкали три глаза, расположенные треугольником — средний выше двух крайних, лицо было пурпурного цвета, без носа, рот — щелевидный, с роговыми, как у какой-нибудь рептилии, губами. Человек заговорил на языке, который я понял и который оказался старым арункианским, от которого произошел тот универсальный язык, на котором все мы говорили.

— Вы — пленники. Не пытайтесь бежать, иначе мы вас уьем.

Кельбик небрежно облокотился на передатчик, заложив одну руку за спину; врагам она видна не была, зато была прекрасно видна мне.

— Хорошо, — сказал он. — Сдаемся.

Его пальцы сплетались и расплетались, образуя фигуры каринского алфавита, который все мы выучили еще студентами, чтобы переговариваться в аудитории незаметно для преподавателей. Он передал:

«Попытаюсь узнать, куда нас поведут».

Вслух же он спросил:

— Но кто вы такие? И почему напали на нас? Мы всего лишь исследовали эту солнечную систему, даже не зная, что она обитаема...

— Не лгите! Нам известно, кто вы и откуда! Вы с Земли. С той самой Земли, которая сейчас здесь, у наших границ, а когда-то отправила в изгнание наших предков!

Реально удивленный, Кельбик пожал плечами.

— Выходит, вы потомки экипажа одного из наших гиперпространственных звездолетов, не так ли? Но никто не отправлял вас в изгнание! Ваши предки, все до единого, были добровольцами!

— И снова вы лжете, — проворчал человек. — Вижу, Земля не изменилась с тех пор, как изгнала наших праотцов. Но теперь настал час расплаты, и ничто вас уже не спасет!

Пальцы Кельбика передали:

«Он сумасшедший».

— Что вы собираетесь с нами делать?

— Сейчас вы наденете ваши спасиандры и последуете за нами в наш форт Тхэр. Там вас допросят. Ваша участь будет зависеть от искренности ваших ответов. И запомните: на наших допросах развязываются языки даже у самых упрямых.

Кельбик остался невозмутимым, но Харлок и Рабель побледнели.

«Не бойся. Сам я не заговорю, остальные не знают ничего важного», — передал Кельбик.

Как и все текны, он не боялся пыток, так как его психическая подготовка позволяла ему усилием воли подавлять любые болевые ощущения. Что касается гипноза, то и против него у текнов был выработан полный иммунитет, так что Кельбик рисковал только жизнью.

— И где же он находится, этот ваш Тхэр?

— Прямо на спутнике. Не вижу, почему я должен это от вас скрывать, — продолжал человек презрительным тоном. — Даже если бы вы могли как-то навести ваших друзей на его местонахождение, это бы вам никак не помогло. Тхэр неприступен!

— Значит, мы и не будем пытаться его захватить! Ладно, ведите нас к своим начальникам. Может, они окажутся более рассудительными и поймут, что мы направлялись сюда с мирными намерениями, когда вы на нас напали.

Человек криво ухмыльнулся, затем, повернувшись к пурпурному существу, издал серию щелкающих звуков.

— Я забыл представить вам К'нора, тельбирийца. Тельбирийцы — наши добрые друзья и союзники. Прекрасный народ, преданный, исполнительный. Делают всё, чего от них ни попросишь! А их верность вообще непоколебима! Предупреждаю, я приказал ему испепелить вас на месте, если вдруг вздумаете сопротивляться.

«У меня в кармане микропередатчик, работающий на волнах Хека. Перед уходом активирую деструктор», — передал Кельбик.

— Ладно, будь по-вашему! — сказал он вслух. — Когда отправляемся?

— Сейчас же!

Вскоре они вышли, и через передний смотровой экран я увидел, как все усаживаются в какое-то небольшое транспортное средство, затем изображение в один миг резко погасло. Сработал деструктор, который Кельбик активировал, проходя через шлюз, и теперь звездолет представлял собой массу кипящего металла, совершенно бесполезную для врага.

Я немедленно вылетел во главе эскадры из ста боевых космолетов, назначив Гелина своим преемником на тот случай, если мы не вернемся. Скрепя сердце, но без слез на глазах, Рения пожелала мне удачи. Она любила Кельбика как брата и находила совершенно естественным то, что я рискую своей жизнью, спеша ему на помощь. Двести других звездолетов под личным командованием Кириоса поднялись вслед за нами, чтобы отвлечь на себя и уничтожить любого противника в космическом пространстве.

В течение нескольких часов передатчик молчал, и я уже начал опасаться худшего, когда из динамика снова послышался голос Кельбика:

— Хорк, это Кельбик. У меня всего несколько секунд. Вход в их город располагается между двумя красными холмиками, примерно в ста километрах к северу от обломков нашего космолета. Будьте осторожны, это место основательно укреплено, и я сомневаюсь, что вам удастся сквозь него прорваться. Думаю, лучше атаковать сверху, с помощью бурильных машин. Что случилось с Харлоком и Рабелем, я не знаю. Меня пытались загипнотизировать — сам понимаешь, тут у них ничего не вышло, — но наркотиками пока не пичкали. Я заметил вот что: практически от самого входа начинается длинный туннель, уходящий в северном направлении. Вы его легко нащупаете гравитометрами. Потом — вереница залов со шлюзами между каждым из них, но без каких-либо укреплений. Затем — большая шахта. Меня держат на десятом нижнем уровне. Командный пункт, где меня допрашивали, расположен на двенадцатом и, полагаю, последнем. Гарнизон довольно-таки немногочисленный: возможно, пара тысяч человек и примерно столько же тельбирийцев, но в отношении последних я могу и ошибаться. Тельбирийцы очень сильны физически. Вооружение: помимо того, которое было у нас самих лет пятьсот тому назад, есть и другое, неизвестного мне действия. Отношения между людьми и тельбирийцами: тут что-то нечисто. Люди неоднократно заявляли мне, что тельбирийцы — их верные союзники, чуть ли не слуги, но сами тельбирийцы ведут себя с людьми как равные им, и это как минимум. Думаю...

Внезапно голос умолк. Меня это не слишком встревожило: Кельбик предупреждал, что время его ограничено.

Я связался с Кириосом на волнах Хека.

— При таком положении вещей, — сказал он, — наш единственный шанс на успех заключается в быстром, мощном и решительном штурме. Неизвестный фактор лишь один — эти самые тельбирийцы. Я присоединяюсь к вам, оставив для прикрытия лишь пятьдесят космолетов. С нашими 250 звездолетами и 25000 бойцов будет просто удивительно, если нам не удастся взломать их оборону! Но нужно поторапливаться,

так как гиперрадары одного из космолетов-разведчиков за-секли крупную эскадру вражеских кораблей, спешащую на подмогу от одной из внутренних планет. Я приказал третьему флоту выдвинуться им навстречу.

Мы устремились к спутнику, на котором томились в плену наши друзья. Это был планетоид примерно в тысячу километров в диаметре, весь изрезанный зигзагообразными ущельями, испещренный, словно фурункулами, красноватыми холмами и напрочь лишенный атмосферы. Когда эскадра Кириоса присоединилась к нам, со спутника поднялась дюжина вражеских кораблей. Последовала яростная и короткая схватка, озарившая пространство вспышками атомного огня, и мы прорвались, потеряв один космолет.

Капитанам был отдан приказ не мешкать, поэтому поверхность спутника приближалась с головокружительной скоростью. Появились два красных холмика. Навстречу нам сотнями взвивались ракеты, но наши антигравитационные поля легко отклоняли их, и они не причинили никакого вреда. Спустя несколько секунд два красных холмика перестали существовать. Мы спустились неподалеку и высадили десант. Кириос командовал боевыми силами, а я взял на себя всю боевую технику. Быстро смонтированные дифференциальные гравитометры позволили нам с поверхности определить трассировку многочисленных туннелей. И тогда вступили в действие мощные бурильные машины.

Я был встревожен: легкость, с которой мы высадились на спутнике, не сулила ничего хорошего. Противник либо отчаянно врал, уверяя Кельбика, что его позиция неприступна, либо, что гораздо вероятнее, не придавал обороне поверхности особого значения. В таком случае основные трудности встретят нас в подземном лабиринте. Но, может, враг просто не ожидал такой решительной атаки?

Высадив все штурмовые отряды, все звездолеты поднялись в пространство и образовали вокруг спутника защитную сеть. Бурильные машины работали на полную мощность, и нам оставалось только ждать. Я воспользовался передышкой, чтобы попытаться вызвать Кельбика. Несколько минут я тщетно посылал сигналы, наконец услышал ответ:

— Я знаю, что вы атакуете. Мне удалось сбежать и спрятаться в заброшенном подземелье. Они убили Харлока и Рабеля. Будьте осторожны, здесь всем заправляют тельбирийцы, а...

Связь прервалась. Встревоженный, я обратился к Кириосу:

— Долго еще?

— Семь бурильных машин дошли практически до свода туннеля — осталось метра два-три, не больше. Мы пока их остановили, чтобы другие могли их догнать. Тут необходим массированный штурм...

— А тем временем они прикончат Кельбика!

— Я вас прекрасно, Хорк, понимаю. Но сейчас на кону стоит нечто гораздо большее, чем жизнь одного человека, даже если это гений и наш друг!

— О, да знаю я, знаю. Но вы все же поторопитесь!

Где-то очень высоко над нами огромная молния озарила межпланетную тьму. Несколько вражеских кораблей предприняли попытку прорыва.

Пришло время начинать штурм. По приказу Кириоса бурильные машины ринулись вниз, пробили своды и исчезли в туннелях. Бойцы с антигравитаторами на поясах погрузились вслед за ними. Я направился к одной из шахт, но вдруг почувствовал, как меня подхватили под руки. Двое крепких парней держали меня, не позволяя приблизиться к зияющей дыре.

— Отпустите!

— Приказ генерала. Вам спускаться нельзя!

— Это еще что за глупости?

По радио я вызвал Кириоса:

— Послушайте, Кириос, это еще что за шутки? Да кто вам позволил...

— Нет, это вы меня послушайте, Хорк! Там, внизу, уже торчит Кельбик, и я считаю, этого вполне достаточно. Земля не может позволить себе потерять разом вас обоих!

— Скажите им, чтоб отпустили меня! Это приказ!

— Этого не будет. Можете меня расстрелять, если хотите, но только по возвращении...

— Но, в конце-то концов, имею же я право участвовать в спасении Кельбика!..

— Нет! Права рисковать собой вы не имеете. И потом, там от вас будет мало толку. Будет лучше, если вы немедленно вернетесь с эскортом на Землю.

— Если вы полагаете, что я боюсь...

— О нет! Я знаю, что вы — человек мужественный, слышан о ваших подвигах и считаю, что вам давно пора бы понять, что вы принесете гораздо больше пользы у себя в лаборатории или в Солодине, чем здесь за работой простого солдата, пусть вы и выполняете ее хорошо. А теперь мне некогда. До скорой встречи!

Он отключился.

На миг-другой я словно окаменел. Давно уже никто, даже Кельбик, даже Рения, не разговаривал со мной в таком тоне. Только теперь я осознал, что, сам того не желая, сосредоточил в своих руках всю власть, все полномочия. Я, Хорк Акеран, астрофизик, стал автократом, диктатором! Сколько раз я принимал решения или приказывал применять законы и правила вместо правительства триллов или же Совета властителей! И никто не сделал мне ни малейшего замечания! Я даже присвоил себе должность верховного координатора!

«Глупцы! Почему они не сказали мне этого раньше!»

В глубине души я чувствовал, что устал от гнетущего бремени ответственности, которая теперь всецело лежала на мне одном. Мне не хватало спокойствия и тишины лаборатории, небольшого круга друзей, Кельбика, Люки, пары-тройки других моих товарищей, Рении... Возможно, даже Кириоса. Но эти тишину и спокойствие еще нужно было завоевать, путь к моей лаборатории пролегал через эту опустошенную планету.

Я резко дернулся:

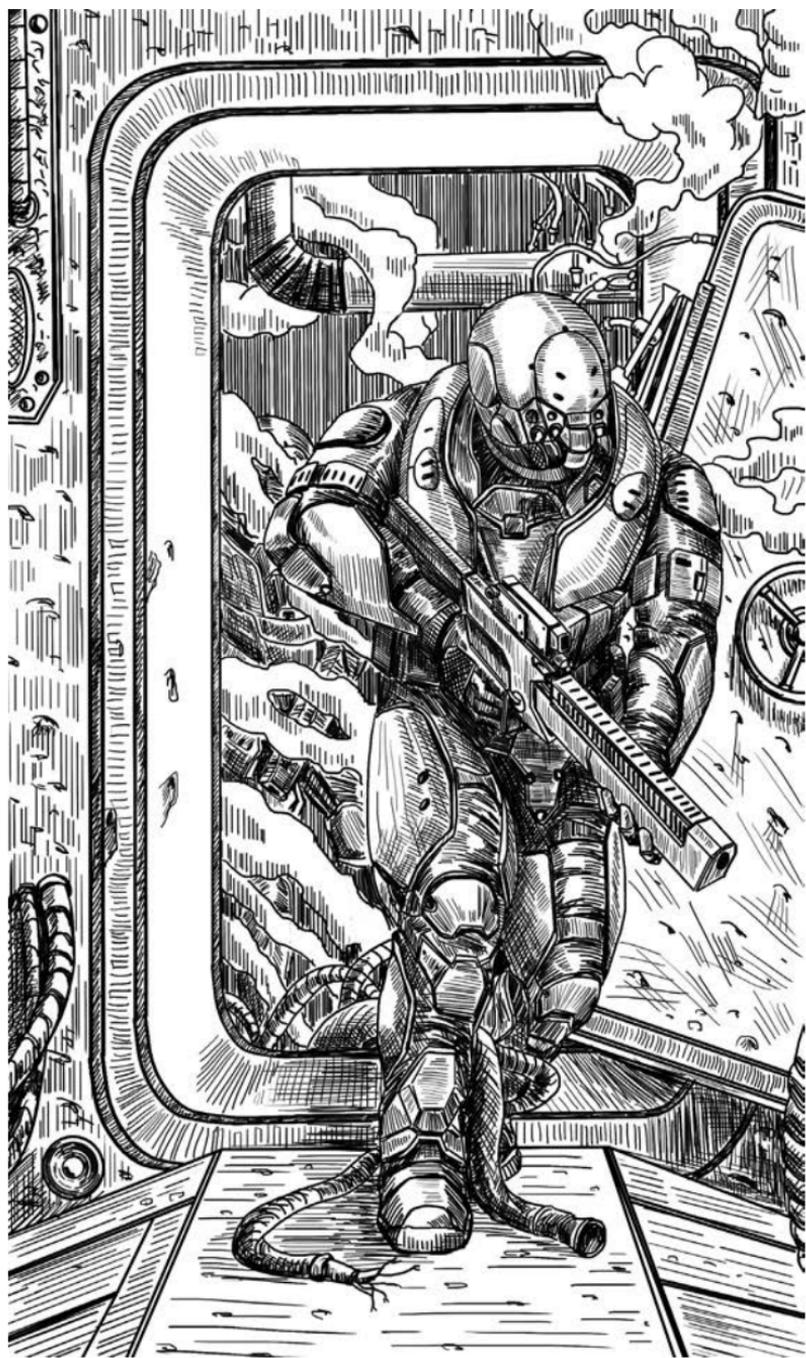
— Отпустите!

Парни ни на йоту не ослабили хватку. Кириос сделал правильный выбор. Пусть они и были ниже меня ростом, в силе я им уступал, и значительно.

Мне все же удалось вытащить фульгуратор и приставить дуло к груди одного из бойцов.

— Отпустите, или я выстрелю!

Солдат побледнел под своим спасиандром, но не поддался.

— Стреляйте, Хорк! Вы — верховный координатор, и моя жизнь — ничто для вас. Но у меня есть приказ, и я его выполняю. А убьете меня — замена найдется.

Я обернулся. Позади меня стояло десятка два бравых молодцов, мой личный почетный караул.

— Так и быть, — сказал я. — Даю вам слово, что не буду пытаться спуститься. Разве что Кириос передумает...

Так как оставаться на поверхности спутника не имело смысла, я вернулся в свой космолет и попытался еще раз связаться с Кельбиком. Он не отвечал. Зато по прошествии какого-то времени я услышал голос Кириоса:

— Мы продвигаемся, Хорк, но с большим трудом. Противник располагает чем-то вроде термических пистолетов — они, конечно, не стоят наших фульгураторов, но потери от них не меньше. Сейчас мы у входа в большую шахту и готовимся к атаке.

— С кем вы сражаетесь? С людьми или с тельбирийцами?

— И с теми, и с другими. Но, полагаю, Кельбик прав: эти тельбирийцы используют людей в качестве пушечного мяса. Какие новости от разведчиков? Где сейчас замеченный ими вражеский флот?

— Пока не известно.

Так я провел перед пультом связи уж не знаю сколько бесконечных часов, пытаюсь связаться то с Кельбиком посредством волн Хека, то с флотом, то с Кириосом. Этот хоть и сообщал мне через неравные промежутки времени, как идут дела. Бойцы пробивались все глубже, но, несмотря на превосходство нашего оружия, несли довольно-таки тяжелые потери. Следов Кельбика им пока не удалось обнаружить, но в одной из комнат они нашли тела Харлока и Рабеля. Их зверски пытали, и даже Кириос не смог помешать своим людям тут же, на месте, расстрелять нескольких пленных.

Затем я получил сообщение от разведывательных космолетов. Вражеский флот насчитывал всего шестьдесят кораблей. Тельбирийцы, по всей видимости, еще не осознали размеров нависшей над ними опасности. Я ретранслировал новости Кириосу и с его согласия отдал приказ ста двадцати космолетам вступить в битву с противником, поскольку наш третий флот был еще слишком далеко.

Внезапно замигал огонек вызова на коммуникаторе, настроенном на волны Хека.

— Хорк, это Кельбик! Я замуровал себя в самом конце заброшенной галереи: когда тельбирийцы бросились за мной, я обрушил свод. Слышу грохот боя. Я на последнем, самом нижнем уровне, судя по всему, под машинным залом.

— Хорошо. Сейчас же передам эту информацию Кириосу. Можешь сообщить что-нибудь полезное о противнике?

— Да. Люди здесь всего лишь марионетки в руках тельбирийцев. Возможно даже, что они действуют не по своей собственной воле. Они ненавидят нас всей душой, так как живут с убеждением, будто их предки были изгнаны с Земли, но тут есть и кое-что другое. Блуждая по туннелям, я наткнулся на тяжелораненого. Он сперва меня обматерил, но, уже умирая, вдруг изменил свое ко мне отношение, словно от чего-то внезапно освободился, и сказал: «В конце концов, вы тоже люди. Опасайтесь краснокожих!»... Ну вот, теперь я отчетливо слышу взрывы и крики! Должно быть, наши люди уже ворвались в машинный зал, который общается с моей галереей через вентиляционную трубу, но она слишком узкая, не пролезешь. Надеюсь, меня скоро вызволят. Между нами говоря, Хорк, я уже сыт по горло этим непосредственным участием в бойне, так что из лаборатории я теперь ни ногой!

— Думаю, ты прав! Кириос придерживается того же мнения.

И я быстро ввел Кельбика в курс моей собственной ситуации. Динамик задрожал от его раскатистого хохота.

— Ну наконец-то! Хоть кто-то тебе это сказал! Тем лучше!

Час спустя Кельбик выбрался из подземелья вместе с нашими бойцами. Из пяти тысяч человек, спустившихся в туннели, наверх поднялось всего две тысячи семьсот пятьдесят. Мы потеряли почти каждого второго!

Все как попало набились в космолеты, и мы на полной скорости помчались к Земле. Я призвал Кельбика и Кириоса на военный совет.

— Это было ужасно, — проговорил Кириос. — Нам противостояло примерно две тысячи человек, если их вообще еще можно называть людьми, и около пятисот тельбирийцев, не

более. Эти зато дрались как черти, гораздо отчаяннее наших солдат. Хорошо, техника у них похуже — это хоть как-то уравнивает силы. Иначе, полагаю, нам пришлось бы лететь к какой-нибудь другой звезде.

— Это было бы бесполезно, — сказал Кельбик. — Если я правильно понял, они тоже уже идут по пути практического использования гиперпространства. Один из них хвастался этим передо мной.

— Я тоже думаю, что лучше всего объясниться сейчас — раз и навсегда.

В тот момент, когда мы уже приземлялись неподалеку от Хури-Хольдэ, пришло сообщение от нашего флота. Враг был уничтожен, но от третьей планеты на нас надвигалась настоящая армада. Я приказал разведывательным космолетам отступить.

Мы с Кириосом приложили максимум усилий для того, чтобы в кратчайший срок подготовиться к обороне. В некотором смысле я даже не был раздосадован тем, что враг нападает: так мы смогли бы сражаться близ наших баз, что всегда является преимуществом. Так как все наши города были скрыты глубоко под землей, то и особые потери им не грозили. Земля, а следом за ней и Венера, продолжали мчаться к системе Белюля со скоростью, которая уменьшалась с каждым часом, но все еще оставалась головокружительной. Разумеется, наше появление должно было как-то нарушить равновесие системы, однако после того как мы смогли определить массы различных планет, расчеты показали, что вывести наши миры на подходящие орбиты, не вызвав нового катаклизма, вполне возможно.

Вскоре после нашего возвращения один из наших космолетов примчался в Хури-Хольдэ на предельной скорости: на борту его находился пленник из числа людей, обнаруженный живым, в спасиандре, на разрушенном вражеском корабле. Я приказал немедленно привести его к нам.

Он прибыл под охраной двух огромного роста солдат, которых Кириос определил мне в телохранители. То был человек среднего роста, довольно хрупкий, очень смуглый, с живым и открытым взглядом. Дождавшись прихода Кириоса, я приступил к допросу.

Его звали Элеон Рикс. Ему было тридцать два тельбирийских года (по старому земному исчислению я не дал бы ему больше двадцати пяти). На борту звездолета он был инженером.

— Почему вы на нас нападаете? — спросил я. — Мы пришли к вам с миром. Наше солнце взорвалось, но нам удалось спасти наши планеты. Всё, чего мы просим, так это света какой-нибудь звезды. Мы не хотим врываться к вам силой, хотя еще две планеты ваша звезда вполне могла бы согреть! Мы не хотим войны. Перед тем как достичь вашей солнечной системы, мы прошли через систему Кириоса Милонаса, здесь присутствующего, но поскольку его соотечественники отказали нам в гостеприимстве, мы мирно удалились. Мы и тут бы поступили так же...

Я умолчал, что был далеко в этом не уверен!

Какое-то время он не отвечал, затем, презрительно ухмыльнувшись, сказал:

— Выходит, сначала вы изгоняете наших предков, а теперь являетесь выпрашивать себе местечка рядом с нашим солнцем?

— Даже любопытно, откуда взялась эта абсурдная легенда, — сказал я. — Мы никогда не изгоняли ни ваших предков, ни предков Кириоса, ни тех людей, что улетели на гиперпространственных звездолетах, так, увы, и не вернувшихся. Известно ли вам, что только один звездолет сумел возвратиться на Землю?

— Откуда нам это может быть известно? Уж не хотите ли вы сказать, что неуправляемость гиперпространственных двигателей была случайностью?

— Мы до сих пор не научились как следует использовать гиперпространство! Как мы могли в этом разбираться более пятисот лет тому назад? Вот вы сам от какого экипажа происходите? Кириос — от третьего.

— А я — от одиннадцатого, если верить преданию. Сколько их было всего?

— Шестнадцать. Вернулся только четвертый, да и то по чистой случайности.

— Значит, то, чему нас учат с детства, ложь? Нам говорили, что земляне на случай катаклизма, который, если верить

вам, все-таки произошел, решили рассеять человеческий род по всему космосу и разослали повсюду экипажи, не предупредив людей о том, что они никогда уже не смогут вернуться. Выходит, всё это — выдумки?

— Но ведь звездолет ваших предков вылетел где-то между 4120 и 4125 годами, тогда как первый отправился в космос еще в 4107 году. Ваши предки прекрасно знали, что они могут не вернуться!

— Что есть риск для жизни — да, об этом они знали, согласен. Но они и подумать не могли, что их предадут!

— Уверяю вас, никакого предательства не было. Хотите — верьте, хотите — нет. В любом случае, мы теперь в состоянии войны, ваш народ и мой. Со своей стороны, я ничего так не желаю, как остановить ее. А чего, в свою очередь, хотите вы?

— Уничтожить вас, или же, если не получится, хотя бы изгнать вас из нашей солнечной системы!

Я пожал плечами.

— Боюсь, теперь говорить об этом уже слишком поздно. Если бы вы встретили нас мирно, как народ Кириоса, тогда, возможно... Но теперь мы уже здесь, и здесь останемся! Мы устали скитаться в межзвездной ночи!

— В таком случае — война!

— Что ж, пусть будет так... Выходит, мы враги, если только ваше правительство не решит иначе, так как, в конечном счете, вы всего лишь бортинженер звездолета. На каком принципе основана работа ваших двигателей?

— Этого я вам никогда не открою!

— Я и не жду, что вы расскажете нам всё по доброй воле. У нас есть специальные средства... Последний вопрос: кто эти существа, которые сражаются вместе с вами? Ваши союзники? Слуги? Это туземцы?

— Какие еще существа? Мы здесь одни. На Тельбуре не было никого, когда мы его нашли.

— Довольно уже этих шуточек! Вы прекрасно знаете, о ком я говорю. О трехглазых гуманоидах с пурпурно-красной кожей, которые выступают на вашей стороне!

— Это еще что за бредни?

Он выглядел искренне ошеломленным.

Я сказал несколько слов по интерфону, и на настенном экране началась демонстрация одного из фильмов, снятых во время подземного сражения. Рикс явно пребывал в недоумении.

— Ну да, это подземелья Тхэра. А тот человек, который сейчас упал, Дик Ретон, мой бывший капитан на «Пселине». Но это еще что за красные чудища?

Другой фильм показал пленение самого Рикса. На заднем плане в искореженном проходе были видны два гуманоида, точнее, их трупы.

— Ничего не понимаю! Корабль — мой, и это действительно я. Но кто эти монстры? Вы скомпоновали фальшивку, но зачем? А, ясно — для пропаганды! Хотите выставить нас перед своим народом как союзников отвратительных тварей!

— Фильм самый что ни на есть настоящий, — вмешался Кириос. — Эти «монстры», как вы их называете, задали нам в разы больше жару, чем вы сами. Вы что, в самом деле ничего о них не знаете, или просто память отшибло?

— Ну всё, шутки кончились! — вскричал я. — В последний раз спрашиваю: вы будете отвечать на вопросы? Нет? Тем хуже для вас, придется прибегнуть к психоскопу. Предупреждаю, это крайне болезненно, и после психоскопа вы будете напоминать лишь жалкое подобие человека, не имеющее ни воли, ни разума.

Рикс побледнел.

— Ну что вы теряете, если заговорите? Так или иначе, но мы всё равно всё узнаем!

— Я не стану добровольным предателем. Делайте со мной что хотите.

— Что ж, будь по-вашему. Я восхищаюсь вами, но мне вас жаль!

Охрана увела его, и я последовал за ними, чтобы самому провести допрос под психоскопом. Телиль, властитель разума, и Рооб, властитель психических наук, приняли нас в своей лаборатории.

— Аппарат готов, Хорк.

То было низкое ложе с металлическим шлемом, который надевался на голову допрашиваемого, и крепкими ремнями для его иммобилизации. Рикс позволил себя уложить и при-

вязать без сопротивления и без единого возражения. Шлем закрепили на его голове. Телиль что-то поправил, а затем подошел к пульту. Свет померк, послышалось едва различимое жужжание. Черты лица Рикса немного расслабились.

При первом же вопросе он заговорил. Он рассказал нам все, что знал о Тельбуре: население насчитывало около восьмисот миллионов, промышленность была хорошо развита. Их звездолеты были оснащены довольно-таки замысловатой разновидностью космомагнетических двигателей. Они еще не научились использовать гиперпространство, только лишь полагали, что нащупали путь, но что это за путь, Рикс не знал. Они верили, что с их предками сыграли злую шутку, что земляне отправили их осваивать далекие миры без их согласия. Он в мельчайших подробностях описал все, что знал о военной структуре и фортификациях, но сколько мы его ни расспрашивали, какие только вопросы ни задавали, не сказал ни единого слова о краснокожих гуманоидах.

Мы оставили его лежать под надежной охраной, позволив ему немного передохнуть.

— Вы уверены, Телиль, что человек под психоскопом не может лгать? — спросил я.

— Абсолютно. Этот аппарат подавляет всякую волю, всякое сопротивление, даже подсознательное.

— В таком случае — одно из двух: либо у всех нас галлюцинации, либо...

—...либо эти краснокожие чудовища обладают способностью неизмеримо более глубокого внушения, чем мы, тренирующие текнов, и это позволяет им выдерживать даже воздействие психоскопа.

— Вы бы, Хорк, не выдержали. Вы бы просто не уснули. Вас нельзя загипнотизировать, но если бы каким-то чудом и удалось усыпить, под психоскопом вы были бы не лучше других.

— Но, в конце-то концов, этот человек должен был жить в постоянном контакте с этими *другими*! Их было два на борту его звездолета! Как так вышло, что он ничего не помнит?

— Судя по всему, благодаря более прогрессивной, нежели наша, психологической науке, он с детства натренирован на то, чтобы забывать всё в определенных обстоятельствах.

— Но ведь забыть ничего нельзя! Это физиологически невозможно!

— Ну, если слово «забыть» вас смущает, будем считать, что он спрятал эти воспоминания на некоем недостижимом для нашего психоскопа уровне.

— Важно сейчас отнюдь не это, Хорк, — вмешался Кириос, — а то — и теперь это уже очевидно, — что люди здесь всего лишь марионетки в руках этих *других*. А мы о них, кроме их физического облика и того, что они дерутся как черти, ничего не знаем!

Я зашел к пленнику, как только тот проснулся.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Вы еще не допрашивали меня под этим вашим аппаратом?

— Ну почему же? Уже допросили.

— Но тогда... Я ничего не почувствовал и ощущаю себя не более глупым, чем прежде.

— Все это я сказал лишь для того, чтобы напугать вас, сделать более восприимчивым к внушению. Психоскоп никому еще не причинил вреда. Обычно мы пользуемся им для психотерапии. Прошу вас простить меня за то, что я подверг вас этому испытанию без вашего согласия. Ставка слишком велика для того, чтобы я колебался, и тем не менее мне стыдно за то, что я сделал. Так или иначе, вы рассказали нам много полезного, но ничего, абсолютно ничего об этих краснокожих существах.

— Может, их вообще не существует? — проговорил Рикс насмешливо.

— К сожалению, мы знаем, что они существуют! Есть другое, довольно-таки страшное объяснение: вы, люди, являетесь марионетками в руках этих существ, и они вам внушили, что вам следует напрочь забыть об их существовании, как только вы выйдете из-под их влияния. На вашем корабле с экипажем из двадцати трех человек таких существа было два. И мы обнаружили еще кое-что интересное, зондируя вашу память. Психоскоп пробуждает самые далекие воспоминания, впечатления чуть ли не первых дней вашей жизни. Так вот, вы не помните, кто вам сказал, что ваших предков изгнали с Земли, и когда вам это сказали в первый раз. Вполне

могло так статься, что как раз таки эти существа и внушили вам данную мысль.

— Да это же просто смешно! Я прекрасно все помню! Это входит в школьный курс истории для первого класса!

— Да, таково ваше первое отчетливое воспоминание. Но подумайте. Вы уверены, что не знали об этом раньше?

— Э-э-э... нет. Конечно, я должен был знать. Но все это ничего не доказывает!

— Вы бы согласились еще раз подвергнуться воздействию психоскопа — на сей раз добровольно, без гипноза?

— Ну да, конечно! Чтобы я сказал то, чего не хочу говорить!

— Вы и так уже всё сказали!

И я коротко изложил все, что мы узнали от него о Тельбуре.

Он поколебался немного, потом пожал плечами.

— В конечном счете, терять мне уже нечего!

На этот раз Рикс вытянулся на ложе сам, по доброй воле. На голову ему надели шлем.

— Я чувствую какое-то покалывание... Немного кружится голова...

— Это пустяки, все нормально. Теперь попробуйте вспомнить.

Из-под шлема на меня вытаращились изумленные глаза.

— Поразительно! Я только что подумал о книге, которую всего лишь раз прочитал ребенком лет двадцать тому назад! А сейчас я помню ее всю, слово в слово!

— Постарайтесь вспомнить, кто рассказал вам эту легенду о ваших предках...

Он сосредоточился, затем вдруг, с воплем животного ужаса, сорвал с себя шлем.

— Нет! Нет! Это не может быть правдой!

— Что с вами? В чем дело?..

— Р'хнех'ер! Один из них мне все это и сказал! Вы правы, они существуют! Я не хочу вспоминать, не хочу!

— Вы должны — как для вашего народа, так и для моего!

— Да, я знаю. Теперь аппарат не нужен — разве что только для подробностей! Словно завеса спала... Рабы, вот кто мы такие. Рабы... и убойный скот!

Психотехническая война

По возвращении в мой кабинет мы записали длинный рассказ Рикса. Их звездолет опустился на Тельбир после восьми лет скитаний. Планета оказалась похожей на Землю, и поскольку экипаж уже потерял всякую надежду вернуться на родину, они обосновались здесь окончательно. На материке, где они приземлились, имелись только животные. В течение нескольких веков люди трудились и множились. Затем как-то раз, на большом острове посреди океана, они обнаружили туземцев. То были гуманоиды, стоявшие на уровне неолита, и их популяция оказалась довольно-таки многочисленной, несколько сотен тысяч. Рассчитывая обрести в их лице полезных помощников, люди перевезли значительное количество аборигенов на материк и приобщили к цивилизации. На протяжении следующего столетия все шло хорошо. Тельбирийцы были послушны, сообразительны и преданны, по крайней мере с виду. Они мало что понимали в физических науках, зато в области психологии обладали обширными знаниями, которые тщательно скрывали. С бесконечным терпением они ждали своего часа, работали сначала на фермах, затем в качестве приказчиков, мелких служащих, учителей в своих собственных школах, впитывая в себя все, что только могли, из знаний землян и не открывая *своих* секретов. И всегда были такие покладистые, такие услужливые! Затем, всего за один день, — восстание, захват власти, превращение землян в рабов.

— Все это я знаю от них самих, — говорил Рикс. — Они ничего не скрывают, напротив, рады нас помучить. И ни о каком восстании, мятеже не может быть и речи! С самого детства, еще до пробуждения сознания, нам внушают нужные мысли и представления, нас обрабатывают и подвергают гипнозу. Позднее, время от времени, какой-нибудь р'хнех'ер смеха ради открывает нам истину. Смотрит, как день или два мы страдаем, а потом приказывает нам все забыть. Остальное время мы живем в твердой уверенности, что мы — господа, а они — наши слуги. Это их забавляет. Поскольку, несмотря

на всю их сообразительность, они не очень-то расположены к наукам, *мы* являемся их физиками, инженерами, натуралистами. Те из нас, у кого есть способности. Остальные становятся их рабами, причем фанатически преданными своим господам, хотя эта преданность и внушенная, не добровольная. И всегда приказ: если вы попали в руки чужаков, забудьте, что мы существуем, на Тельбуре живете только вы, земляне! А для самых слабых и наименее способных из нас — более страшная участь, участь убойного скота: они нас едят! И что самое ужасное, мы сами выбираем жертв, под предлогом сохранения лучших качеств расы!

— Итак, — сказал я Кириосу, — проблема № 1: захватить людей и уничтожить тех, *других*.

— Нет, Хорк. Это уже проблема № 2. А проблема № 1 свалится нам на голову через несколько часов — их флот!

— Не удивительно, что мы сочли их столь грозными воинами! Они, естественно, не смогли так вот, с ходу, овладеть сознанием наших людей, но, очевидно, сумели в достаточной мере исказить представление о себе, чтобы показаться нашим солдатам настоящими демонами войны, — предположил я.

— Возможно. Однако на Кельбика, похоже, они не произвели особого впечатления.

— Вы забываете, Кириос, что Кельбик — техн, прошедший специальную психологическую подготовку. Думаю, после этого сражения, если, конечно, мы его выиграем, нам придется подвергнуть такой же обработке большую часть наших солдат, во всяком случае кадровых военных.

— Мы его выиграем, обязательно выиграем. До скорой встречи, Хорк. Мне необходимо принять кое-какие меры.

Я остался с Риксом вдвоем. Он плакал, плечи его сотрясали тяжелые рыдания, рыдания сильного мужчины, оказавшегося уже не в силах больше сдерживаться. Я приблизился к нему, и он поднял глаза.

— Я не себя оплакиваю... Я освободился... первым из всего моего народа... за столько веков!.. Но что будет с другими? Они все погибнут, все пойдут на смерть ради этих р'хнех'еров!

— Боюсь, что в предстоящем сражении действительно погибнет немало людей — как с вашей стороны, так и с на-

шей. Но для более отдаленного будущего мы попытаемся что-нибудь придумать.

Я нажал кнопку связи с моей лабораторией, которая давно уже практически перешла в руки Кельбика.

— Кельбик!

— Что еще? А, это ты, Хорк. Тебе что-то нужно?

— Над чем сейчас работаешь?

— А над чем еще я могу работать? Над гиперпространственным звездолетом, разумеется! И даже есть кое-какие подвижки...

— Оставь свой звездолет. Есть более срочное дело. Ты мне нужен здесь, а вместе с тобой — и весь твой питомник юных гениев!

За спиной Кельбика я заметил молодого Хокту, наградившего меня разъяренным взглядом.

— Немедленно свяжись с Телилем и Рообом, этими манипуляторами сознанием, и займись психотехническими средствами. Не смотри на меня так! Я сейчас пришлю тебе запись наших разговоров с одним из пленных, и ты все поймешь. Используй анализ Хорка, Кельбика, или даже тот, над которым сейчас корпит юный Хокту, и который вскоре всех нас выставит полными идиотами, но найди! Это срочно! Это вопрос жизни или смерти для восьмисот миллионов человек с Тельбира, не считая всех тех бесчисленных жертв, которые нам самим придется принести, если ты потерпишь неудачу!

— Черт возьми!

— Я серьезно, Кельбик! Брось все силы на разработку проекта... как бы нам его назвать?.. Вот, придумал: «Дезинсекция». Речь идет о том, чтобы избавить Тельбир от паразитов. Я на тебя рассчитываю.

На моем пульте замигала красная лампочка тревоги. Едва я прервал разговор с Кельбиком, как сразу же включился Кириос:

— Хорк, сражение началось! Нас атакует 1200 аппаратов, Венеру — 600. Мы можем выставить 2400 кораблей, кроме того, у нас есть телеуправляемые торпеды. Я опасался худшего!

— Постарайтесь захватить как можно больше пленных!

— Пленных? В космическом сражении? Ладно, попытаемся...

Ожесточенная битва продолжалась семнадцать дней. Кириос как мог старался беречь людей. Пренебрегая опасностью бомбардировок, которые не могли причинить особого ущерба, так как мы были еще далеко от солнца и все наши города были покрыты толстым слоем замерзшего воздуха и льда, наши космолеты держались плотным строем вблизи планет, дабы воспрепятствовать высадке вражеского десанта. Одна водородная бомба, отклоненная мощными парагравитационными полями, упала в ста двадцати километрах от Хури-Хольдэ и на несколько минут возродила в этом районе Земли атмосферу, зараженную радиацией. Далеко в космосе то и дело вспыхивали сверкающие эфемерные звездочки, ознаменовывая гибель очередного звездолета, чаще вражеского, чем нашего. Со всех боевых эстакад, установленных Кириосом после того, как он связал свою судьбу с нашей, практически непрерывным потоком устремлялись ввысь баллистические ракеты. На семнадцатый день, потеряв 4/5 своих кораблей, враг отступил. Наши потери составили 1/10 от первоначального числа космолетов. Нам удалось захватить лишь двадцать пленных, среди которых был один р'хнех'ер.

В эти дни я тоже не терял времени даром. Продолжая координировать военные действия, я ежедневно по несколько часов проводил в лаборатории, где работал со своей командой Кельбик. Он собрал вокруг себя весь цвет научной мысли Земли — блестящих математиков, физиков, биологов и психологов. Они штурмовали проблему со всех сторон, упорно и ожесточенно. Рикс также был включен в команду как единственный источник достоверной информации о враге. Вскоре он начал оказывать и практическую помощь: обнаружилось, что он талантливый инженер. Никто не мог быстрее него собрать экспериментальный прибор. Он работал иступленно, напрягая все силы и волю, чтобы отомстить за вековое рабство своего народа.

Но я не мог постоянно следить за ходом работ из-за недостатка времени. К тому же с тех пор, как я взял в свои руки судьбы Солодины и Земли, у меня не было возможности заниматься настоящими исследованиями, и я чувствовал, что отстал не только от Кельбика или Хокту, но даже и от па-

рочки других молодых физиков. Поэтому я немало удивился, когда на двадцать пятый день Кельбик спокойно объявил мне по видеофону:

— Готово, Хорк. Полагаю, проблема решена, во всяком случае на лабораторной стадии. К тому же она была проста, нужно было только подумать. Разобщенность наук — это просто идиотизм какой-то! У Телиля давно уже имелись на руках все данные, а у нас — математический аппарат, правда, разработанный совсем для других целей. Достаточно было подвести к психическому потоку уравнения Хорка — да-да, твои собственные! — естественно, чуть изменив их, затем применить к результатам мой анализ, и мы получили хуртенианское уравнение, которое допускает два решения, позитивное и негативное. Негативное решение дает нам ключ. Я потом все тебе объясню...

— И кто же смекнул что к чему? Ты?

— Нет, не я. И даже не Хокту — он рвет и мечет! Тилькен. Хотя мы тоже были близки к решению. Как тебе известно, Тилькен обожает фантастические романы. В одной из прочитанных им книг главный герой создает невероятный аппарат, используя негативное решение задачи, выданное мезоническим калькулятором, — нужно будет наградить автора, он живет на Илиире. Короче говоря, после прочтения данной книги Тилькена осенило.

— В принципе, не так уж и важно, кто из вас до этого допетрил. Ждите, скоро буду.

Аппарат, установленный на небольшом столе в центре лаборатории, представлял собой невообразимое переплетение проводов с гроздьями ламп и блоков, над которым возвышалось нечто вроде прожектора. Вокруг гомонила целая толпа крайне возбужденных молодых текнов.

— Ты особо-то не присматривайся к этому монстру, — предупредил Кельбик. — Все это состряпано абы как, на скорую руку, как минимум половина деталей здесь вообще не нужна, но он работает.

— И каков результат?

— Немедленное укрепление — или, если угодно, пробуждение — памяти, аналогичное тому, которое производит психоскоп, с той лишь разницей, что шлем тут не нужен.

Хочешь попробовать? Помнишь, что ты сказал мне, когда мы встретились в первый раз? Можешь вспомнить?

— Конечно нет. Я даже не помню, когда и где мы встретились!

— Встань вон там. Сейчас я запущу прожектор. Ну вот... А! Черт бы его побрал!

С сухим треском вылетел один из предохранителей.

— Ну разумеется! Все работает замечательно, а как захочешь продемонстрировать... Но что это с тобой?

В одно мгновение передо мной, словно молния, пронеслась вся моя жизнь, в том числе и те эпизоды, которые я предпочел бы забыть навсегда. Я сказал об этом Кельбику. Он замер от удивления, а потом пустился в пляс.

— Все лучше и лучше! Никогда бы не подумал! Это устраняет последние трудности. Я полагал, что нам придется длительное время подвергать Тельбир мнемоническому излучению и потом сбрасывать на парашютах подготовленных нами пленных, чтобы они упрасивали остальных поднапрячь память и вспомнить, но теперь в этом нет нужды! Ты принял короткий импульс большой мощности в момент разрыва цепи. Это можно усовершенствовать, сделав излучение прерывистым, импульсным. И тогда, я думаю, р'хнех'ерам за эту четверть часа, если только это вообще продлится четверть часа, мало не покажется! Естественно, такое озарение памяти не может длиться долго, но если многие воспоминания и стираются, то самые важные остаются.

— Главное — это узнать, хватит ли данного излучения для того, чтобы преодолеть силу внушения р'хнех'еров.

— Кажется, у нас есть несколько пленных. Пусть их приведут! И пусть притащат того, *другого!*

Я отдал необходимые распоряжения, и вскоре в лабораторию ввели под усиленной охраной десятка два пленников. За ними в металлической клетке на колесах вкатили р'хнех'ера.

— Начнем по порядку, — сказал Кельбик. — Сначала испробуем все на одном человеке. Давайте сюда кого-нибудь! Осциллятор готов? Ну, тогда начали.

Перед прожектором поставили светловолосого юношу с пылающими ненавистью глазами. Кельбик замкнул кон-

такт. Эффект оказался ошеломляющим. Юноша схватился за голову, покачнулся, обвел лабораторию безумным взглядом. Рикс бросился к нему.

— Что со мной? — бормотал юноша. — Этого не может быть, это неправда...

— К сожалению, правда, дружище, — сказал Рикс. — Ты откуда?

— Из Рандона, небольшой деревушки, что в шестидесяти километрах к востоку от столицы. Я был механиком на «Тиалапе».

— Стало быть, ты знаешь капитана Иликина?

— Знал. Он погиб. А ты что, тоже тельбириец?

— Я был на «Филиане» и угодил в плен после сражения под Тхэром. Вот уже несколько дней, как я знаю...

— Успеете еще наговориться, — прервал их Кельбик. — Давайте другого, вот этого, толстого.

На сей раз эффект был не столь мгновенным, но столь же верным: толстяк спокойно, не кипятясь, излил на сидящего в клетке р'хнех'ера весь свой запас самых отборных ругательств.

Остальные пленники смотрели, ничего не понимая.

— А теперь вы, — сказал Кельбик. — Все сразу! Разбираться больше не будем!

Он направил прожектор на пленников. Тщетно пытались они увернуться: Кельбик хлестал их невидимым лучом, вызывая крики боли и страданий. Затем началось настоящее столпотворение. Все пытались говорить одновременно, на чем свет стоит костерили р'хнех'еров, выкрикивая угрозы и проклятия, оплакивали участь своих оставшихся на Тельбире родных и близких. Внезапно какой-то юноша выхватил из-за пояса Кельбика фульгуратор и, прежде чем ему успели помешать, испепелил метавшегося по всей клетке р'хнех'ера.

— Убейте меня, если хотите! — прорыдал он. — Они съели мою сестру, эти животные!

— Вполне убедительный эксперимент, — заметил я. — Остается лишь установить подобные прожекторы на наши космолеты и отправиться на поиски вражеских кораблей. После этого мы можем высадиться и...

— У меня есть другой план, Хорк. А что, если мы подвергнем облучению *весь* Тельбир?

— Для этого потребуется слишком много прожекторов. Правда, если не приближаться, действовать издалека...

— Невозможно. Мнемоническое излучение подчиняется закону обратных квадратов, проще говоря, оно ослабевает пропорционально квадрату расстояния до объекта. Для того чтобы оно оставалось эффективным, первоначальный импульс должен иметь невероятную мощность. Из космоса мы этого сделать не сможем. Но вот если установим огромные прожекторы на Земле...

— А как близко к Тельбиру нужно будет подвести нашу планету?

— Исходя из мощности ста тысяч киловатт — больше наши аппараты теоретически не выдержат, — примерно на три миллиона километров.

— *Практически* это неосуществимо, Кельбик.

— Почему?

— На таком расстоянии между Землей и Тельбиром возникнет столь сильное взаимное притяжение, что без сложных маневров нам не удастся избежать столкновения. Не говоря уж об огромных приливах, риске опустошительных землетрясений и т.д. и т.п. Твоя цель мне понятна: облучить за короткий промежуток времени весь Тельбир, повсюду развязав практически одновременное восстание. Но это невозможно, и нам придется удовлетвориться менее тщеславными планами. Например, мы можем занять Тельбир и освободить планету сектор за сектором.

— Это будет долго и обойдется нам в тысячи жизней!

— Другого способа я не вижу. Тем временем мы сможем дезорганизовать космический флот противника, захватить его корабли, привлечь на свою сторону их экипажи. А когда будем готовы — ударим, и ударим решительно и мощно!

— Полагаю, ты прав. Да, кстати, ты уже вспомнил, что сказал мне в нашу первую встречу?

Я почувствовал, что краснею. Ну и скотина же этот Кельбик! Когда мы впервые встретились, я только что прочел его докладную записку и сказал ему: «Помилуйте! Это еще что за чушь?»

Первый психотехнический бой был дан спустя месяц. Хотя за это время произошло несколько кровавых стычек, мы откладывали использование нашего нового оружия до того момента, пока им не был бы оснащен весь флот наших космолетов. Сражение завязалось на уровне орбиты самой внешней планеты, орбиты, которую Земля пересекла уже со скромной скоростью сто сорок километров в секунду: мы всю тормозили! Несмотря на все свои усилия, Кириосу не удалось помешать Кельбику и мне принять участие в этой схватке.

У нас было сорок пять космолетов против примерно ста двадцати вражеских. Мы выстроились растянутой цепью. Противник открыл огонь издали, начав обстреливать нас баллистическими ракетами, на которые мы отвечали своими. Наконец, когда мы достаточно сблизилась, я приказал включить прожекторы. Сначала ничего не произошло, словно панцирь вражеских кораблей был непроницаем для мнемонических волн, но мы знали, что это не так. Еще несколько ракет вылетело в нашем направлении; мы уничтожили их на полпути, однако отвечать не стали. Внезапно боевой строй противника начал распадаться. Один из звездолетов открыл огонь по соседнему, тот ответил, и оба исчезли в ослепительной вспышке атомного пламени. Затем заговорило радио:

— Остановитесь! Прекратите огонь! Это ужасное недоумение! Мы готовы вступить в переговоры!

Под усиленной охраной — следовало опасаться любого подвоха! — их корабли, с нашего разрешения, опустились на Землю. Делегацию экипажей принял Совет. Их рассказы мало чем отличались один от другого: люди вдруг очнулись от безумного сна, истребили трех или четырех р'хнех'еров, которые находились на каждом из кораблей, и запросили нашего согласия на переговоры. Лишь в одном случае р'хнех'ерам удалось одержать верх.

Война продолжалась так месяца четыре. Человеческих жертв было немного, но в технике противник нес крайне тяжелые потери. Наш космический флот, напротив, увеличился едва ли не вдвое за счет захваченных вместе с их экипажами вражеских звездолетов; мы сразу же ставили на них наше собственное вооружение и мнемонические прожекторы. Потом враг понял, что тут что-то нечисто, и его корабли стали показываться в открытом космосе гораздо реже.

Наконец настал решающий момент. Мы начали описывать вокруг звезды длинную сужающуюся спираль, которая должна была вывести нас на орбиту Тельбира, но в квадратуре по отношению к этой планете. Климат Земли таким образом должен был стать чуть более теплым, чем он был, когда она вертелась вокруг нашего старого Солнца. Венера встала бы в позицию внутренней планеты, но так, чтобы климат на ней сделался более умеренным. Вычисление этих орбит стало для наших астрономов настоящим кошмаром: необходимо было точно рассчитать момент перехода через орбиту Тельбира, чтобы не вызвать там катастрофических возмущений и не нарушить равновесия всей системы. Если разумная жизнь здесь когда-нибудь исчезнет, астрономы с далеких звезд будут долго ломать себе головы, пытаясь объяснить, почему две планеты, вращающиеся вокруг Белюля, не подчиняются классическому закону расстояний!

Первый удар мы нанесли по маленькой, затерянной в горах деревне. Три наших космолета ночью проскользнули туда, пока основные силы флота производили отвлекающий маневр над столицей, оттягивая таким образом на себя последние тельбирийские боевые корабли. После того как деревня подверглась мнемоническому излучению, все три звездолета с экипажами из тельбирийцев опустились на поверхность. Всего несколько минут — и деревня была уже наша. Все находившиеся в ней р'хнех'еры погибли, и погибли не самым приятным образом, так как в этой деревушке располагалась одна из боен, на которых разделявали людей, — до того дня я отказывался верить в то, что такое возможно!

Опыт полностью удался, и мы постарались этим воспользоваться. Той же ночью произошла целая серия нападений — если так можно выразиться — на деревушки, небольшие городки и прочие населенные пункты. Другие наши космолеты пронеслись над крупными городами, наугад прочерчивая борозды мнемоническими прожекторами, и города эти тотчас же превращались в очаги восстаний.

Сопrotивление р'хнех'еров было сломлено довольно-таки скоро. Не слишком многочисленные, они привыкли к праздной жизни, привыкли во всех технических вопросах полагаться на людей и, самое главное, не могли подчинить своей воле тех, кого высвободил из-под их ига мнемониче-

ский луч. Месяц спустя все было кончено, и, если не считать нескольких трагических эпизодов, победа, в общем-то, досталась нам малой ценой. Еще через два месяца мы встречали у себя на Земле посланников тельбирийского правительства, явившихся предложить нам альянс.

Что касается р'хнех'еров, то их уцелело немного. Мнемоническое излучение, пробуждавшее память у людей, на них не действовало, потому они до самого конца так и не поняли, каким оружием были биты. Всего этих существ осталось тысяч двадцать, и нам с трудом удалось спасти их от праведного гнева людей Тельбира. В конечном счете р'хнех'еры были высланы на одну из внешних планет, где им была предоставлена возможность развиваться, пусть и под строгим надзором, собственную цивилизацию, а уж насколько они на это способны, покажет лишь время.

Земля и Венера приближались к Белюлю, который все уже теперь называли Солнцем. Однажды, из любопытства наведя телескоп на Венеру, я увидел, что диск начинает становиться расплывчатым. Возрождалась атмосфера. Вместе с Ренией мы поднялись в мой застекленный кабинет во внешнем Хури-Хольдэ, кабинет, в котором я не был, казалось, уже целую вечность. Грубо обтесанный кремь по-прежнему лежал на моем столе. Из окна мы увидели все тот же пустынный пейзаж: покрытые снегом и затвердевшими газами суперструктуры города. Венера, которой предстояло выйти на более близкую к Солнцу орбиту, обогнала нас, и на ней уже было теплее.

Мы поднимались в мой «фонарь» сначала раз в неделю, потом — каждый день. Как-то раз мы очутились там на заре, когда Солнце, еще такое далекое, только вставало над горизонтом. Когда его косые лучи коснулись массы замерзшего воздуха, мне показалось, что поднялась легкая дымка. Но ничто больше не шевельнулось, и я спустился в свою подземную лабораторию, оставив наверху Рению и Ареля.

Рения вызвала меня незадолго до девяти часов:

— Хорк, скорее поднимайся! Начинается!

Я мог бы, не отрываясь от дел, увидеть все на своем экране, но что-то в глубине души говорило, что простого изображения мне будет мало. Я хотел видеть собственными глазами начало возрождения моей планеты!

На крышах, напротив нас, толстые слои замерзшего воздуха начинали закипать, шевелиться, сползать и неслышно обрушиваться в ущелья улиц. Уже существовало некое подобие атмосферы, бесконечно разреженной и почти неуловимой. По мере того, как Солнце перемещалось к зениту, кипение воздуха усиливалось, и вскоре над городом поднялся густой туман. Временами конвективные потоки, очень сильные в этой разреженной атмосфере с огромными температурными перепадами, рассеивали этот туман, и я видел вдалеке башни города, словно окутанные рваной серой вуалью. С крыш время от времени низвергались каскады жидкого воздуха, которые, впрочем, так и не достигали уровня улиц, на лету превращаясь в газ.

На следующий день барометры показали давление, равное одной десятой нормального. За следующие несколько дней давление это быстро выросло, так что атмосфера полностью восстановилась задолго до того, как Земля вышла на свою окончательную орбиту.

Но замерзшие моря и океаны таяли гораздо медленнее, и еще долгие годы Земля оставалась ледяной планетой. Великая весна сопровождалась множеством маленьких катастроф; почва, как и полагается, оттаивала сверху, и это приводило к многочисленным оползням на склонах, порой уносившим вниз огромные массы земли и камней. Поверхность планеты превратилась в сплошное болото. Океаны тоже оттаивали сверху, в результате чего то и дело внезапно всплывали громадные блоки менее плотного льда, вызывавшие небольшие приливы.

Но все это казалось нам пустяками. После стольких лет тяжелых испытаний мы наконец-то обрели надежную гавань и благополучно разрешили конфликт с Тельбиром. Я затем несколько раз бывал на этой прекрасной планете. Освобожденные от паразитов-р'хнех'еров, тельбирийцы делали большие успехи, и мы помогали им чем только могли.

Как только кризис закончился, я сложил свои обязанности верховного координатора и вместе с Кельбиком вошел в Совет властителей. И в первый же день 4629 года, представ перед Советом, в котором председательствовал Хани, я официально объявил народам Земли и Венеры, что эра Великих Сумерек завершилась.

Но оставалось еще немало нерешенных проблем. Например, мы хотели и далее поддерживать теплые отношения с народом Кириоса Милонаса. Обнаружение р'хнех'еров в купе с имевшим место много веков назад вторжением драмов свидетельствовали о том, что мы не одни в этой вселенной. Да и потом, возможно где-то, в сиянии славы их юной цивилизации... или же в позоре рабства, нас ожидали потомки экипажей пропавших звездолетов.

Именно поэтому, присоединившись к Кельбику и его команде, я и решил посвятить себя исследованию проблем гиперпространственных передвижений и временных скачков. Между нами не было никакого соперничества. Кельбик возглавлял лабораторию с того самого момента, когда я вынужден был ее оставить, и дальше вел работу уже самостоятельно. Я же по возвращении получил возможность ознакомиться с тем, что было сделано за время моего отсутствия, и отнюдь не претендовал на руководящую роль. На двоих нам дел более чем хватало!

Мне понадобилось более десяти месяцев, чтобы наверстать упущенное! То была самая трудная в моей жизни работа, но я с ней справился, потому что не хотел провести остаток своих дней в положении почетного пенсионера. В конце концов, мне было всего пятьдесят четыре — расцвет молодости для нас, обычно живущих лет двести!

Эпилог

Теперь я подхожу к самой невероятной части моей истории, к моему перемещению в вашу эпоху. Мы добились определенного успеха в овладении темпоральными полями. Как-то вечером я остался в лаборатории один. Кельбик лишь недавно женился — на моей племяннице Аниоре — и потому поспешил вернуться домой. Хокту отмечал с другими ассистентами свое назначение профессором кафедры высшей математики в университете — и это в двадцать-то шесть лет! Я связался по видеофону с Ренией, чтобы сказать, что вернусь поздно: у меня возникла одна мыслишка, и я хотел

изменить схему своего аппарата. В тот вечер я вовсе не собирался экспериментировать. Быть может, я ошибся, заканчивая монтаж? Или же, как я подозреваю, темпоральные поля иногда действуют на создающую их аппаратуру еще до установления контакта? Не знаю. Внезапно меня залило ярким и немного мерцающим синим светом, и я потерял сознание.

Очнулся я уже в совершенно незнакомой обстановке, в чужом, хоть и походившем на мое собственное, теле, в эпоху, которая казалась мне самым далеким доисторическим периодом.

Но что же со мной произошло? Даже теперь, когда я пишу это, я могу только строить предположения. Эксперимент, который я собираюсь провести завтра, вероятно, все объяснит, но хотя я и принял на сей раз все меры предосторожности — насколько это вообще возможно, когда имеешь дело с темпоральными полями, — все же я играю с неведомым, и, быть может, снова буду захвачен врасплох. Поэтому лучше скажу сейчас все, что думаю.

В том, что касается вопросов метафизики, мы, люди Геллеры, продвинулись не больше, чем вы. Я вообще сомневаюсь, что в этом плане мы далеко ушли от тех, кто жил в каменный век — в *первый* каменный век! У нас нет никакого доказательства существования души в метафизическом смысле, и нам неизвестно, живет ли душа после смерти. Но одно мы знаем наверняка, и очень давно: отделить человеческое сознание от его плотской оболочки вполне возможно. Это сознание действительно является своеобразным электропсихическим устройством, способным какое-то время великолепно существовать само по себе, но мы никогда не осмеливались заходить в наших опытах столь далеко! Я не знаю, что стало с моим телом на Геллере, но внутренне я убежден, что оно и сейчас живет, пусть и чисто растительной жизнью, что Кельбик прекрасно понял, *что именно* произошло, и что они с Ренией заботятся о нем, ожидая моего возвращения.

Итак, мое тело осталось в *моей* эпохе, но мое сознание было отделено, помещено в темпоральное поле и отброшено в это непостижимо далекое прошлое. Естественно, оно осталось в контакте с Землей, что совершенно нормально в этом пространственно-временном континууме. Необычно

то, что я нашел «хозяина», способного принять его и удержать в себе. Не случись этого, оно бы так и скиталось где-нибудь бесконечно, или же исчезло по прошествии какого-то времени, или же, что более вероятно, быстро вернулось в мое собственное тело. Судя по тому, что мне поведал Дюпон, с которым я делю *это* тело, похоже, его ударило другим концом моего темпорального поля, что объясняет его согласие сыграть роль этого «хозяина».

Теперь я задумал провести этот эксперимент в обратном порядке и вернуться таким образом в свою эпоху. Разве что я вернусь туда лишь частично, ведь мое сознание не изгнало сознание Дюпона, оно смешалось с ним, так что теперь я — и тот, и другой. Если все пройдет гладко, *моя* часть вернется на Геллеру, а та часть, которая принадлежит Дюпону, останется на Земле. Но мы были столь прочно связаны на протяжении нескольких лет, что в конечном счете в Дюпоне останется немало Хорка, а в Хорке — немало Дюпона! Это будет своего рода раздвоение личности.

За результаты я опасаюсь не сильно. Мне удалось довольно-таки точно вычислить протяженность темпорального поля, и даже ошибка не повлечет за собой особых последствий, так как это поле растянется как минимум на три миллиона лет сверх того, что является строго необходимым. Относительно же его направленности мне и вовсе нет нужды волноваться. Думаю, все пройдет хорошо. Я сумею вернуться в Хури-Хольдэ, а затем когда-нибудь — в этом я даже не сомневаюсь — при помощи Кельбика снова вернусь в ваше время, на сей раз уже собственной персоной, чтобы разыскать Анну и Жана.

Прежде чем покинуть вашу эпоху, я хочу сказать вам, люди далекого прошлого, следующее. Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее кажется вам беспросветным, даже если вы знаете теперь, что ваши цивилизации исчезнут подо льдами нового палеолита, не прекращайте эту борьбу! Я здесь, среди вас, я, Хорк, который был координатором, а затем и верховным властителем во времена Великих Сумерек. Я — живое доказательство того, что ваша борьба не напрасна, что ваши потомки достигнут звезд!

Хронология

Христианская эра:

- 1972: Странное происшествие
- 1978: Смерть Поля Дюпона
- 198... Первое завоевание Марса и Венеры
- Пятый ледниковый период
- Шестой ледниковый период
- Седьмой ледниковый период
- Седьмой ледниковый период. Новый палеолит

Второе тысячелетие до Объединения: начало исторического обзора

- Эра Объединения
- Год 0: Объединение
- 1810: Изобретение парового двигателя
- 1923: Высвобождение ядерной энергии
- 1941: Первый рейд на Луну
- 1951: Первый рейд на Марс
- 1956: Первый рейд на Венеру
- 1988–2225: Сильный Дождь
- 2244: Ядерная катастрофа на Венере
- 2245–3295: Темное тысячелетие
- 3295–3600: Восстановление
- 3910: Открытие космомагнетизма
- 4075: Опыт Биолика. Параслоны и паральвы
- 4102: Открытие гиперпространства

- 4107: Отлёт первого гиперзвездолета
4109: Отлёт второго гиперзвездолета
4112: Отлёт третьего гиперзвездолета
4113: Отлёт четвертого гиперзвездолета
4114–4125: Отлёт пятого — шестнадцатого гиперзвездолетов.
4132: Возвращение четвертого гиперзвездолета.
4153–4158: Попытка межзвездного путешествия на космомагнетическом корабле
4575: Рождение Хорка Акерана
4593: Клятва Хорка
4600–4602: Пребывание Хорка в Герукои
4603: Начало величайшего из дел человеческих. Путешествие на Южный полюс
4604: Путешествие на Венеру
4604: Мятеж фаталистов
4610: Великий отлёт
4613: Nova Solis
4614–4623: Великие Сумерки, часть первая. 4623: Этанор
4623–4627: Великие Сумерки, часть вторая. 4627: Белюль
4629: Конец Великих Сумерек
4631: Странное происшествие

ГЕНЕЗИС

GENÈSE

1958

Звездолет облетел планету в седьмой раз: обширные опустошенные пространства, пугающе неподвижные цепи гор, пустые равнины. Планета была безжизненной и, похоже, абсолютно бесплодной, как и ее единственный спутник, который они уже осмотрели. Оставались моря.

Звездолет приземлился, и исследовательский зонд исчез в неутомимом бушевании волн, прилизывавших тусклый песок пляжа. Спустя несколько часов командир корабля занес в протокол собранную аппаратами информацию: ни малейшего признака жизни, даже самой ничтожной, в этой продуваемой ветром жидкой массе обнаружить не удалось. Океан содержал, однако, и в значительных количествах, сложные углеродистые соединения, синтезированные актиническим воздействием лучей молодого солнца.

В судовом журнале астронавт отметил: «Звезда Z-221 — 44-767. Планета III. Бесплодна. Анализ спектра ее солнца позволяет с уверенностью заключить, что та стадия, на которой жизнь еще могла бы возникнуть, давно уже пройдена. Что касается других планет, то они либо слишком удалены от солнца, либо, напротив, слишком к нему приближены. Минеральные запасы средние. Какого-либо интереса система не представляет. Дальнейшие посещения нецелесообразны».

Астронавт тщательно подчеркнул последние слова.

«Великий Феофан! — тяжело вздохнул он. — Эти самодовольные придурки из Центрального Галактического Комитета должны бы уже наконец понять, что еще ни одна экспедиция не встречала жизни так далеко от Центра! Должно быть, этим периферийным солнцам чего-то не хватает. А мы, бедняги из Исследовательской службы, вынуждены долгими месяцами и даже годами скитаться по далеким далям, выполняя работу биологов!»

И тут вдруг автоматический анализатор отметил на пляже, в бурунах, какое-то движение. Уж не ошибся ли прибор? Он вышел проверить — без скафандра, бесполезного в этой нетоксичной атмосфере, с обычным респиратором, да и то сдвинутым на лоб. В любом случае воздух стерилен. Абсолютно стерилен. Он сделал несколько шагов по пляжу, думая: «Вот они, первые и последние следы на этом песке». В пене плавала лишь какая-то органическая слизь, в которой детектор в упор не смог выявить признаков жизни. И тогда, с чистой совестью и полный презрения, он плюнул в море.

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

LES PAUVRES GENS

1959

В соавторстве с Жоржем Бордом

Лучу Омега наконец удалось-таки преодолеть энергетический барьер, и внутри пояса укреплений воздух сотрясла целая серия взрывов. Повыскакивавшие со всех сторон захватчики бросились к своему звездолету, большому и блестящему металлическому шару, который поднялся в воздух, но лишь для того, чтобы тут же попасть под огонь батарей, стреляющих ракетами с ядерными боеголовками. Где-то высоко в небе полыхнула ослепляющая вспышка. Все было кончено, Земля победила!

Только тогда вспомогательные отряды смогли войти в этот небольшой уголок Бретани, где в течение двух недель бесчинствовали обитатели другой планеты. Повсюду царило опустошение. Прелестная деревушка Кельбомб превратилась в руины. Порт представлял собой нагромождение сожженных или затопленных кораблей. Местные жители бесследно исчезли.

Вскоре, тем не менее, одна зловещая находка пролила некоторый свет на эту тайну. На опушке леса обнаружили груды человеческих костей, с которых была содрана плоть. Захватчики были людоедами!

Лишь одна из ютившихся в небольшой бухточке лачуг, убогая и ветхая, но крепко запертая, каким-то чудесным образом уцелела. Мелькнул лучик надежды: быть может,

захватчики не заметили ее, съжившуюся между двух скал. Командир вспомогательных отрядов открыл дверь, вошел и воскликнул:

— Ах! Бедные люди!

Мертвенно-бледный, он возник на пороге.

— Да что же там? Что?

Сдавленным от ужаса и злости голосом, он ответил:

— Там на стенах повсюду развешаны сети!*

* Игра слов. Французское «filets de pêcheurs» можно перевести и как «рыболовные сети», и как «филейные части рыбаков».

Название рассказа и некоторые строки из него перекликаются с рассказом Виктора Гюго «Бедные люди», в котором есть, в частности, такие строки:

Пустынный берег. Ночь. Шум бури. Темнота.
Убога и ветха, но крепко заперта
Рыбачья хижина. В дрожащем полусвете
Рисуются вдоль стен развешанные сети.

(Перевод В.Г. Бенедиктова)

Мы можем лишь предполагать, но тот факт, что в качестве соавтора Франсиса Карсака здесь фигурирует его 13-летний на тот момент сын Жорж, наводит на мысль, что рассказ был написан в назидание сыну (и вместе с ним), неверно понявшему смысл строки «Des filets de pêcheurs sont accrochés au mur» (дословно: *На стене висят рыбацкие сети*) в стихотворении Виктора Гюго.

Документальных подтверждений данной версии не существует, но нам она представляется наиболее вероятной (Примеч. переводчика).

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ГОВОРИЛ С МАРСИАНАМИ

L'HOMME QUI PARLAIT
AUX MARTIENS

1958

Жан Малетра́, знаменитый репортер, поудобнее устроился в кресле, вытянул ноги и не торопясь разжег трубку.

— Итак, вы хотите знать, доводилось ли мне, что называется, лажаться по полной? Что ж, буду с вами честен — еще как доводилось! Возьмем, к примеру, мой первый репортаж о марсианах...

Раздался хор возражений.

— Полноте, не смешите!..

— Да так здорово никто не писал со дня убийства президента США персидским шахом!..

— Блин, если уж *это* вы называете «лажаться по полной»!..

— Да у меня таких лажаний каждый день — хоть отбавляй!..

Малетра поднял руку.

— Тишина! Дайте мне рассказать, и вы сами увидите, что я действительно облажался. Не по своей вине, конечно, — то было всего лишь невезение. Но невезение просто-таки тотальное.

Оно начало проявляться 20 сентября 1963 года. Так уж получилось, что мне следовало быть — причем по чистой случайности — в том самом месте, где через три дня впервые

приземлились наши симпатичные шестирукие друзья. Я занимался тем, что собирал вещи, так как вечером должен был вылетать в город Нделе, что во Французской Экваториальной Африке*. В этом регионе, который я прекрасно знаю, мне предстояло сделать репортаж о белом носороге. Вам известна политика нашего Патрона: побольше криминала, публика это любит, но и о назидательных статьях забывать не стоит. Все почему-то полагали, что это животное — не Патрон, конечно, а белый носорог — уже исчезло с лица Земли, по крайней мере во Французской Африке. Мне предстояло убедить народ в обратном. Черкнуть парочку обзорных статей в исследовательском жанре, толкнуть речь в защиту Природы и редких видов животных, провести несколько классических атак против некомпетентного правительства, взять интервью у профессора Дюбернара, главного зоолога Музея, и т.д. и т.п.

Итак, я паковал чемоданы. Решив взять с собой небольшой металлический сундучок, стоявший на этажерке, забираюсь я, значит, на стул, он ломается, я падаю, и сундучок прилетает мне прямо в репу. У меня и сейчас еще, как вы можете видеть, на левом виске от этого шрам остался. В общем, какое-то время я пребываю в отключке, а когда, через несколько часов, прихожу в себя, то вижу, что лежу в постели, голова раскалывается от жуткой боли, а рядом сидит костоправ. Сидит и несет там что-то про радиографию, деликатно намекает на возможную трещину в черепе, словом, «успокаивает» как может.

Самолет давно уже улетел, и так как чувствовал я себя неважно, да и вещи все еще не были собраны, то решил перенести вылет на следующий день.

Наутро первым делом — радиография. Ни малейшей трещины, разумеется. Все в порядке. Я возвращаюсь домой и начинаю набивать пресловутый сундучок. Звонок в дверь:

* К 1963 году, о котором идет речь в рассказе, Французской Экваториальной Африки как колониального владения Франции в центральной Африке уже несколько лет как не существовало. По всей видимости, в начале 1958 года, когда рассказ и был написан, предполагать подобного развития событий автор еще не мог. Город Нделе с 1960 года является административным центром префектуры Бамбинги-Бангоран Центральноафриканской Республики (*Примеч. переводчика*).

паническая телеграмма от моей сестры — исчез ее муж, вот уже два дня как не появляется.

Семья — прежде всего! Запрыгиваю в машину, лечу туда через добрую половину Франции, забегаю в дом — и нахожу своего придурка-зятя в постели со сломанной ногой. Пошел, оказывается, за грибами и упал в овраг. Идиотский несчастный случай, иначе и не скажешь! Естественно, высказываю сестре все, что о ней думаю, за то, что не сообщила об обнаружении мужа. Она возражает, утверждая — и это оказывается правдой, — что отослала вторую телеграмму, которую я действительно нахожу дома по возвращении. Так или иначе, день уходит коту под хвост. Но семья же — это святое!

На следующее утро, с рассветом, выезжаю в Париж, убеждая себя, что спешить-то, в принципе, некуда: носороги могут и подождать. Не успеваю войти в редакцию, как все на меня налетают: «Слышал новость?» — «Нет». — «Обсерватория с горы Паломар засекала некий приближающийся к Земле объект». Перелопачиваем архивы в поисках любых историй о летающих тарелках, шарах и прочих НЛО... И в тот же вечер, как вам известно, словно гром среди ясного неба, новое сообщение: «Сомнений больше нет: это летательный аппарат, звездолет». Какие уж тут носороги! Получаю приказ оставаться на месте и быть готовым в любой момент сорваться туда, куда будет нужно.

Проходит ночь. Обсерватории говорят, что объект уже не виден в небе. Куда же он делся? Русские обвиняют США в его конфискации, США отвечают в том же тоне. В десять утра приходит телеграмма из Банги: ночью в национальном парке Нделе приземлилась какая-то светящаяся сфера. Меня тут же пинками загоняют в кабинет Патрона.

«Не понял, Малетра, вы еще здесь? Это же ваш регион! К тому же вы и так должны были уже быть там! Боже правый, да я уверен, что все СМИ уже направили туда своих людей! Берите Дюрана в качестве фотографа, он предупрежден. Пошевеливайтесь, Малетра, пошевеливайтесь... Да, и вот что: попутно займитесь и носорогами!»

В шестнадцать ноль-ноль мы с Дюраном — уже в Банги. Тотчас же запрыгиваем в вертушку и летим в Нделе. Погода мерзкая, в любой момент может подняться торнадо. В Нде-

ле прибываем уже затемно. К счастью, с недавних пор там приличная посадочная площадка с радиомаяком. На этой площадке — военные вертолеты (этих просто немерено!) и несколько самолетов. Бросаюсь к управляющему! Упс! Вот уже с пару часов как территория находится под военной юрисдикцией. Дальше прохода нет!

Проводим невеселую ночь в бунгало для туристов, вместе с Тироном из «Монда», МакАдамом из «Нью-Йорк геральд», Ямамото из «Аяши Шинбум» и т.д. На всякий случай у каждой двери военные выставили по часовому. Единственное развлечение — радио, которое сообщает, что в Париже — так как звездолет сел на французской территории — в эти минуты проходит международная конференция, и что уже собирается не менее международная флотилия бомбардировщиков и истребителей, готовая ко всяким случайностям. К счастью, обошлось без этих случайностей. А то кто его знает, что бы было?

Часов в пять утра, воспользовавшись непродолжительным, но мощным тропическим ливнем, я ускользаю. Местность мне хорошо знакома — пару раз я там уже бывал, — так что бегу прямо к хижине Мохаммеда, темнокожего мусульманина, когда-то служившего мне гидом. Неописуемая радость Мохаммеда сменяется мрачным унынием, едва я открываю ему свой план: нехорошо ходить туда, где злые гении, спустившиеся с неба, и все такое... В конечном счете, так как в прошлый раз я вытащил его из-под ног пробежавшего мимо разъяренного слона, он, тем не менее, соглашается, и мы отчаливаем.

Шлепаем по грязи в африканской глухомани под крики хищных животных и т.п. К этому я привычен. К чему не привычен, так это к сиреневому свету, вырастающему перед нами. Свету странного сиреневого оттенка, слегка мерцающему. Мы проходим горный хребет — и натываемся на сторожевой пост. Снова непруха! Бравый тиральер хочет насадить меня на пику, я ору во всю глотку — прибегает офицер. Следует обычная лекция о вредности прессы, затем офицер вдруг смягчается. Раз уж я здесь! Если желаю видеть... Еще бы я не желал! Я устремляюсь вслед за офицером. Мы преодолеваем другой горный хребет. Там, в долине, сверкая в лучах

восходящего солнца, стоит марсианский звездолет. Забавно, скажу я вам мимоходом, что никто даже не усомнился в его происхождении — а ведь следовало бы!..

— Но обо всем этом вы рассказали в своем репортаже, и пока что никакого прокола...

— Подождите, все еще будет... Я продолжаю медленно продвигаться. Офицер какое-то время следует за мной, затем останавливается и исподтишка смеется. «С чего бы это веселье?» — спрашиваю себя я, но иду дальше. Один шаг, другой, третий. Бух! Падаю на спину, в грязь. Черт возьми, ну и удар!

Тут уже офицер подходит и все мне объясняет. Марсиане окружили место приземления невидимой электрической стеной, способной отбросить, не убивая, любое крупное животное. Я, конечно, взбешен — мог бы и предупредить, — но смягчаюсь, когда он протягивает свой бинокль.

Смотрю — и вижу марсиан. Их четверо, у каждого шесть рук-щупалец, круглая голова, две ноги. Но вы и сами все видели, по крайней мере — в кино.

В высшей степени раздосадованный, провожу там все утро. Со стороны Нделе доносится громкий свист реактивных самолетов, но ни один не решается пролететь над марсианами. Из летательного аппарата выбираются трое пришельцев, а вслед за ними — нет, глаза меня не обманывают! — человек, черный как смоль туземец. И он о чем-то с ними болтает, мерзавец! Определенно, болтает — все это сопровождается кивками, жестикуляциями рук, на которые отвечают жестикуляции щупалец, указаниями направлений и т.д. А я стою, беснуюсь и неистовствую. Не случись этой непрухи, возможно, это я бы сейчас разговаривал с марсианами!

Проходит день. Я не схожу с места, делю ужин с постовым, очень гордым в глубине души знакомством с «военным корреспондентом». К утру ничего не меняется, за исключением моего лица, распухшего от укусов moskitov. Я возвращаюсь на свой наблюдательный пост. Марсиане — снаружи, у звездолета, и разговаривают, без конца разговаривают с этим проклятым туземцем! Он делает жест рукой, отступает практически до невидимой преграды и ложится в траву. Марсиане возвращаются на свой корабль. Проходит несколько секунд, затем — пфюиить! Звездолет поднимается в небо и исчезает.

— И вы не поговорили с этим туземцем? Но почему?

— Да потому... Впрочем, потерпите немного! Я уже заканчиваю.

Я устремляюсь к преграде, теперь уже несуществующей, бегу со всех ног, желая быть первым — и возможно, единственным на тот день, — кому удастся взять интервью у человека, который говорил с марсианами. Нахожу его без труда, обращаюсь к нему на местном диалекте и — увы и ах! Снова мимо кассы! Марсиане явно были телепатами! Туземец, который говорил с марсианами, оказался глухонемым!

РЕВАНШ МАРСИАН

LA REVANCHE DE MARTIENS

1959

В соавторстве с Жаком Бержье

Памяти Г.Д.Уэллса, с нашими извинениями

Они еще об этом пожалеют!
Кто? Да марсиане, черт их дери!
Впервые они захватили Землю в самом начале нашего столетия — или же в конце прошлого, сам я точно не помню, но вы найдете все подробности в исторических книгах, и особенно — в «Войне миров» Г. Д. Уэллса. Они мало того что повсюду посеяли смерть и ужас своими треножниками, так еще и попрали все то, что составляло очарование нашей старушки Англии, доходя в этом варварстве до нарушения воскресного покоя и обезображивания своими ужасными машинами полей для гольфа. Не говоря уж о несчастной лисице, которую один вполне заслуживающий доверия свидетель, достопочтенный мистер Уизерспун, член парламента и нескольких королевских обществ, обнаружил обугленной тепловым лучом. Какой позор!

Поэтому, когда гипертелескоп с горы Паломар, что в США, обнаружил на их гнусной планете вереницу блестящих пятен, стремительно удаляющихся от терминатора, мы поняли, что вскоре нам снова придется иметь дело с этими космическими негодями. Вот только на сей раз мы были готовы. Мы незамедлительно мобилизовали Королевские военно-воздушные силы, Королевский флот и даже отряды местной обороны. Мы информировали о наших приготовлениях Европейский

Союз, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Мы даже предложили одолжить им нескольких адмиралов запаса. У нас их переизбыток с тех пор, как старые, джентльменские морские сражения сменились этими ужасными битвами военных специалистов, в которых дозволены любые удары. Мы были крайне разочарованы: наши европейские соседи воспользовались этим, чтобы попытаться в который уже раз (разумеется, тщетно) затащить нас в свой Союз, Советы усмотрели в нашем предложении уж и не знаю какой капиталистический заговор, а США предложили нам восстановить Верховное Командование последней мировой войны — естественно, под американским руководством. Вот уж действительно: эти поселенцы ни в чем не знают сомнений!

Мы спокойно принялись ждать падения цилиндров, и к чести ополченцев следует сказать, что они никогда не ослабляли бдительности более чем на десять минут, которых им вполне хватало на то, чтобы выпить чашечку чая.

Увы, если мы достигли значительного прогресса с начала века, то и марсиане тоже, а кто-то из пришельцев, судя по всему, даже вывел знаменитую формулу $E = mc^2$, так как они прибыли гораздо быстрее, чем мы на это рассчитывали, на борту десятков звездолетов с атомными двигателями.

Должно быть, у этих марсианских спрутов существует нечто похожее — о! крайне отдаленно — на наш славный традиционализм, потому что их первый звездолет приземлился на Хорселлскую пустошь, там же, где примерно за сто лет до этого упал их первый цилиндр. То была огромная металлическая штукавина продолговатой веретенообразной формы, державшаяся столь же прямо, как шпиль какой-нибудь церкви. В утреннем свете ее, возвышающуюся острой верхушкой над соснами, было хорошо видно даже с расстояния в пару миль.

Наши эскадрильи тотчас же поднялись в воздух. Как только радары определили их приблизительное место приземления, все жители в радиусе тридцати миль были эвакуированы. Мы не хотели повторять нашу прошлую ошибку и, несмотря на выступление некоего поедателя лягушек, требовавшего, чтобы с марсианами еще раз попытались вступить в контакт, были решительно настроены ударить первыми — атомными бомбами.

Но едва звездолет приземлился, как его окутало густым туманом, который — пусть ему и было далеко до тумана лондонского, этой британской особенности, которую тщетно пытается воссоздать Сан-Франциско — скрыл его от глаз наблюдателей. Похоже, марсианам тоже был известен способ запутать радары, и нашим отважным экипажам пришлось сбрасывать свои тактические атомные бомбы наугад — мы не хотели портить английский пейзаж более, чем то было необходимо.

Преисполненные надежды, мы принялись ждать, пока туман и радиоактивные испарения рассеются. Как мы узнали утром, звездолеты приземлились во всех уголках нашей планеты и стали объектами аналогичных атак.

Туман наконец поднялся. Марсианский звездолет был цел и невредим, но Хорселл, Отершоу и Уокинг оказались стертыми с лица Земли! В радиусе мили от звездолета сохранилась, однако, вся растительность. Эти проклятые спруты располагали защитным экраном! По всему миру повторилась та же картина, и даже водородная бомба, которую где-то посреди сибирской тайги применили русские, дала не намного лучшие результаты.

В последующие дни марсиане без усталости трудились у своих звездолетов, которых в одной лишь Великобритании, как оказалось, село больше пятидесяти! По всей Земле захваченные поселения окружались кордонами войск, окопавшихся в наспех выкопанных бульдозерами траншеях. На шестой день на боковых поверхностях марсианских кораблей открылись люки, и оттуда вышли знакомые треножки, чуть более высокие, чем их «собратья» времен первого нашествия, которыми можно любоваться в Британском музее. Тотчас же выдвинулась на позиции наша артиллерия, ядерная и не только, ракетные пусковые установки были заряжены радиоуправляемыми снарядами, в воздух поднялись эскадрильи. Пришли в движение покрытые асбестом танки с двойной броней, разделенной вакуумной прослойкой — так называемые «термосы». И все мы, надев кислородные шлемы, замерли в ожидании свиста теплового луча и появления густых клубов черного дыма.

Но, как я уже говорил, с момента нашей последней с ними встречи марсиане тоже добились немалого прогресса, и мы, словно какие-нибудь французы, оказались не готовыми к их новой стратегии. На сей раз из треножников ударили не тепловые лучи, как при первом нашествии, но нечто иное — радиация, которая не убила вставших на ее пути, но погрузила в состояние глубокой каталепсии. Марсиане систематично — либо на триподах, либо на летательных аппаратах, напоминающих пресловутые «тарелки» — обошли, облетели всю Землю, и государства, одно за другим, пали под их натиском, а люди потеряли сознание. Эта каталепсия продлилась ровно две недели.

О том, что происходило в эти пятнадцать дней, мы можем лишь догадываться. Свидетелей тому не было, и все случилось столь быстро и внезапно, что никому даже в голову не пришло настроить автоматические регистраторы. Когда, спустя две недели после первой атаки, начали приходиться в себя первые пострадавшие, все выглядело обычным, за исключением тел, коими было усеяно все вокруг... А марсиане улетели.

Сначала люди терялись в догадках относительно причин этого отлета. Кто-то даже выдвинул гипотезу, что это было лишь предупреждение, что марсиане, завоевав Венеру, потеряли интерес к Земле и хотели просто-напросто продемонстрировать свое могущество, предлагая нам тем самым удовольствоваться Луной и не заходить дальше. Действительно, ничто, похоже, не пропало, людские потери оказались практически нулевыми, и даже запасы пригодной для расщепления материи не были ни разворованы, ни приведены в негодность.

Мало-помалу проявился такой тревожащий факт: на Земле не стало больных. Разумеется, люди по-прежнему умирали от несчастных случаев, старости, сердечной недостаточности, некоторых видов рака, но случаев инфекционных заболеваний нигде больше не отмечалось. Тиф, чума, холера, оспа, даже простой грипп внезапно исчезли, улетучились! Медицинские лаборатории лихорадочно проводили одни анализы за другими. Повсюду, даже на дне Курильской впадины, брали пробы грунта. В какой-то момент стало очевидно: ни-

где — ни на суше, ни на море, ни в воздухе — не осталось ни одного патогенного микроба!

Негодяи! Теперь их замысел не вызывал сомнений: они вернулись, чтобы отомстить — не нам, но нашим самым могущественным союзникам, которые однажды уже вынудили их оставить нашу планету: добрым старым микробам.

Но они еще пожалеют об этом! Один из их летательных аппаратов разбился при отлете, и мы обнаружили в нем то, что откроет нам дорогу в небо. Мы располагаем безграничными средствами, и вскоре неисчислимый флот — на сей раз земной — появится над Марсом и Венерой.

И тогда наступит уже наш черед вершить возмездие. Последнее слово останется за человеком. Это так же верно, как и то, что я — У. М. Макинтош, генеральный секретарь Международного треста фармацевтических препаратов!

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
ЗАХОТЕЛ СТАТЬ БОГОМ

L'HOMME QUI VOULUT
ETRE DIEU

1978

Очень-очень давно, во мраке времен, за пределами людской памяти, существовал в Океане чудесный остров. Небо над ним всегда было голубым, и солнце сияло над многочисленными лесами, озерами и реками, полями и городами людей. Города эти поднимали к лазурному небу высокие, величественные сооружения и храмы с покрытыми золотом крышами. Народ там был красивым, мудрым и сведущим в магии. Над ним царили справедливые и спокойные боги. В главном храме столицы существовала школа Мудрецов, которые преподавали науки наиболее одаренным молодым людям. Среди них выделялся Хор-Атла. То был хрупкий юноша с блестящим умом, но речи его были суровы и горьки, а сердце источено сомнением и честолюбием.

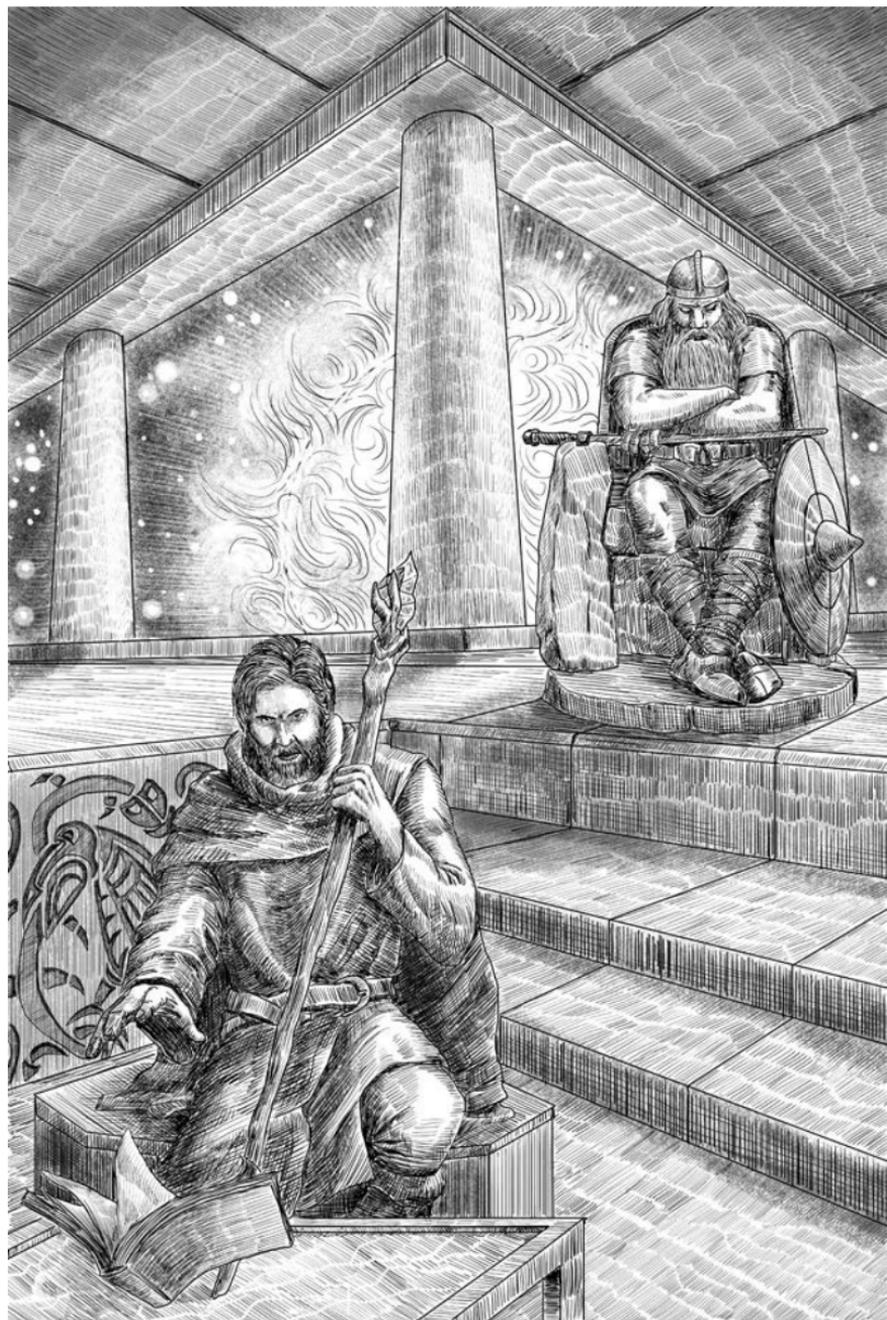
Стоял прекрасный тихий вечер. Солнце только что исчезло за западным горизонтом, и звезды мерцали над пилонами города. Мягкий свет падал из окон, и воздух был нежен, как песня любви. Он дрожал от легкомысленного смеха девушек. Мужчины после тяжелого рабочего дня безмятежно наслаждались радостями жизни. На вершине Великой Пирамиды светящиеся квадраты отмечали зал, в котором заседал Совет Мудрецов. А Хор-Атла бродил среди апельсиновых деревьев, размышляя перед бесконечностью неба.

«Кто я? Что я? Каково мое призвание? И какое мне дело до привычных радостей? Я красив, я лучший на стадионе, любимый ученик Мудрецов. Почему все это меня не удовлетворяет? В моем сердце неутолимая жажда, и мой ум испытывает неутолимую жажду? Откуда идет эта жажда? Кем я буду? Царем, Верховным Мудрецом? А потом? Смерть? О ночь, к чему быть человеком, когда существуют Боги!»

Прошли годы. Хор-Атла постепенно поднимался все выше и выше по лестнице посвящённых. Он уже давно презирал игры на стадионе и улыбки девушек. Дни он проводил в близлежащих горах, медитируя, а ночи — за изучением священных текстов. Он был одинок в этом мире. И, мало-помалу, росли его знания и его магическая сила.

Годы по-прежнему утекали в обычном для Земли ритме. Хор-Атла был теперь почти стариком. Его знание стало огромным. Он хранил его в тайне и всегда работал в герметично закрытой комнате. В народе рассказывали, что по ночам он говорит со звёздами. Дети убегали от него в страхе, а с людьми он заговаривал лишь тогда, когда они обращались к нему за советом. Его советы всегда были хороши, и однако же никто не приближался к нему без содрогания. Глаза его были неподвижны и устремлены вдаль, будто ослепленные блеском сокровенной мечты, и, тем не менее, казалось, что они насквозь пронзают людские сердца. Коллеги по Совету боялись его речей, суровых и полных горькой, пессимистической мудрости. Да и в его собственной груди билось сердце мрачное и отчаявшееся, ибо не наслаждался он ни одной из радостей жизни.

Как-то ночью он нашел то, что искал так долго: магическую формулу, позволяющую подняться в места проживания богов. Так он попал в большой зал, расположенный за пределами пространства, в большой зал, в котором собрались боги. Они спали, утомленные своей вечностью. Из рук Хакну, верховного бога, выскользнула Книга Бытия, содержащая магические формулы, с помощью которых из первоначально Хаоса бралось нужное. Хор-Атла бесшумно приблизился, полистал книгу и отправил богов в небытие. Его охватила

огромная радость. Его мечта осуществилась! Теперь бессмер-
тие, всемогущество и всезнание будут принадлежать ему! Он
жадно прочел все книги и узнал таким образом все тайны
Вселенной. Он стал богом!

И тогда ему сделалось скучно...

ШТРИХОВКА

HACHURES

1954

Э то ж надо быть таким дураком!
За мою уже достаточно продолжительную жизнь не-
сносный характер не раз меня подводил, но никогда
еще я так не жалел о вспышке гнева. Подумать только: в моих
руках был секрет межпланетного общения, быть может, даже
межпланетных путешествий... а я все разрушил, тупо, в по-
рыве дурного настроения...

Это случилось уже довольно-таки давно. Три года тому
назад, если быть точным. И вот уже три года я каждое утро
встаю перед зеркалом и с горечью повторяю: «Жак Бернар,
ты — осел!»

Ладно! Какой смысл плакать над пролитым молоком, как
любила повторять моя старая тетушка. Вот как все было.

6 апреля 1955 года — будь проклят тот день! — явившись
в институт, я сразу же отправился в чертежный зал. Накануне
я оставил там целую серию крупных геологических профи-
лей, которые нужно было скопировать на кальку и покрыть
штриховкой. Чертежником у нас тогда работал — да и сейчас
работает — весьма своеобразный тип, молодой кретин, на-
прочь лишенный инициативности, но превосходно выполня-
ющий запрашиваемые чертежи... когда ты ему все подробно
растолкуешь. Это безликое, предающееся грёзам, вечно сон-
ное существо, приспосабливающееся болезненной раздражитель-

ности. Не берусь объяснить, как ему вообще удастся провести прямую линию, тем не менее, факт есть факт: он вычерчивает линии абсолютной прямизны с размеренностью автомата. Когда я вошел в зал, он как раз заканчивал штриховать последний профиль — с одной стороны его приоткрытого рта болтался высунутый от усердия язык, с другой торчал, словно приклеенный, вечный, уже погасший окурок.

— Вот, патрон, готово. Пришлось с полночи проработать, чтобы успеть к утру.

Он гордо протянул мне рулон чертежей. Я схватил его, развернул — и не сдержался:

— Кретин! Неандерталец! Питекантроп! Я же сказал: «непрерывная штриховка», дипломод вы безмозглый! А вы мне что сделали? Штриховку прерывистыми линиями! Да еще неравномерно расположенными! Точки, тире — и все это абы как! Точка, точка, черточка, точка, черточка! Черт бы вас побрал! Никогда не знаешь, когда поручаешь вам что-нибудь, что из этого выйдет! Боже правый, да вы мне сейчас все переделаете, и немедленно!

Я в ярости скомкал весь рулон и наклонился, чтобы бросить его в погасшую печь.

— Подождите, патрон! Похоже, я потерял один оригинал!

— Только этого не хватало!.. И какой же?

— Профиль большого карьера Дельпон!

Разгладив листки, я вытащил обозначенный профиль.

— Хорошо. Сделаете вот с этого. Только на сей раз без фокусов, или вылетите с работы к чертям собачьим!.. Да и вообще, — добавил я, уже смягчаясь, — как вы могли учудить такое?

— Не знаю, патрон. Работал поздно, похоже, задремал немного. Я был очень уставший, но знал, что это срочно и...

Мне стало жаль его, так старавшегося как можно лучше выполнить порученную ему работу, но получившего лишь нагоняй.

— А вот этот? Вы же как раз заканчивали его, когда я вошел.

— Ну так, когда я утром увидел, что у меня все остальные чертежи покрыты нестандартной штриховкой, то решил, что и этот сделаю таким же, чтобы все ваши фигуры выглядели одинаково.

Обезоруженный его простодушной искренностью, я расхохотался.

— Ладно, ничего страшного. Сделайте заново по черновым наброскам. А что касается профиля карьера Дельпон, то я занесу вам его после обеда. На утро вам хватит работы и с другими.

И я бросил рулон, снова уже смятый, в печку.

В тот день я был очень занят и совершенно забыл про свернутую в комок чертежную кальку, оставшуюся в моем кармане. В половине двенадцатого я покинул институт и отправился домой на обед. Я был весь на взводе — все утро пришлось принимать докучливых посетителей — и сердился из-за того, что не мог, за неимением иллюстраций, немедленно передать для печати уже готовую статью. Я пообедал в таком хмуром молчании, что в конечном счете жена поинтересовалась:

— В чем дело, Жак?

— В чем дело?.. Да в том, что этот идиот-чертежник снова принялся за свое! Вчера я отдал ему на штриховку несколько геологических профилей, и знаешь, что он сделал? Покрыл их точками и черточками, даже не упорядоченными! Вот, взгляни! Настоящая азбука Морзе, иначе и не скажешь!

Морзе? Меня словно обухом огрели! Неужели этот болван специально надо мной издевается? Тотчас же сложив салфетку, я поднялся в свой кабинет, взял «Пти Ларусс»^{*} — я уже давным-давно забыл азбуку Морзе — и, положив перед собой лист бумаги, вооружившись карандашом, принялся изучать штриховку.

Мысль сама по себе была абсурдной, и я даже разозлился немного на себя, что теряю вот так свое время, даже хотел было встать и уйти. И почему только я этого не сделал! Сейчас бы я так себя не изводил!.. Но до трех часов особых дел в институте у меня не было, и мне пришла в голову забавная идея... Арман — чертежник — когда-то был скаутом и уж наверняка изучал азбуку Морзе. Кто знает? Возможно, подсознательно, в полусне, он написал нечто такое, что заинтересует моего старого друга Лебера, психиатра.

* Самое известное французское иллюстрированное энциклопедическое издание.

Но с какого конца подступиться к этой штриховке? В азбуке Морзе «В», черточка и три точки, прочитанная наоборот — три точки и черточка, — дает «V». Но я знал, в каком направлении этот типчик обычно рисует, как знал и то, что реверсивные знаки в Морзе встречаются не так уж и часто. Похоже, в последовательности знаков на кальке не было ни пробелов, ни разделительных символов, что упрощало задачу. Штриховка начиналась с группы из трех точек. Я принял в качестве отправной гипотезы, что речь идет о букве «S», и приступил к работе дешифровщика-любителя. Мои гипотезы были верными, и я довольно-таки быстро получил первую осмысленную фразу. По мере того, как я расшифровывал, росло мое изумление. Вот текст:

«...невероятное облегчение. Теперь, когда мы передали самые важные формулы, мы можем позволить себе кое-что объяснить. Если контакт вдруг прервется, ничего уже не поделаешь. С помощью уже переданной информации любая цивилизация, достигшая третьей стадии — каковой, несомненно, может считаться и ваша, раз уж вы используете для связи электромагнитные волны, — должна быть в состоянии построить аппараты, которые позволят вам добраться до нас.

Мы давно уже знаем, что вы существуете, что мы не являемся единственной разумной расой во Вселенной. Мы слушаем ваши радиопередачи. Мы умеем говорить как минимум на трех из ваших языков, но долго не могли понять ни единого слова. Наши филологи выявили их механизм, и мы могли строить сложные — и, безусловно, правильные — фразы, не понимая, однако же, их смысла! Затем как-то раз мы поймали ваши изображения. Как же мы были удивлены! Оказалось, внешне вы почти не отличаетесь от нас. И с этими изображениями пришло и значение многих слов: нам открылся совершенно новый мир.

С этого момента мы безуспешно пытались вступить в контакт с вами. Реальный полет к вам, возможный в теории, практически для нас нереализуем. Наша маленькая планета совершенно лишена тех элементов,

о которых мы уже говорили, и которые, похоже, в бытке присутствуют у вас. И хотя мы знаем, также теоретически, что трансмутация элементов возможна, за неимением того, что вы называете ядерной энергией, мы не смогли реализовать ее на практике.

Мы пытались, пусть и без особой надежды, вызвать вас посредством электромагнитных волн, но наши энергетические возможности слишком малы, а ваши радиоприемники, похоже, весьма примитивны. Однако теперь, после открытия Псирта, ситуация изменилась. Психические волны Псирта распространяются не в пространстве, а в брииле, причем практически мгновенно. Для генерации этих волн требуются относительно маломощные источники энергии, но мы не надеемся, что вы уже сейчас сможете ими пользоваться, хотя мы и передали вам всю необходимую информацию, — не похоже, что ваша техника находится на достаточном для этого уровне развития. Впрочем, это не имеет значения. Мы с нетерпением — да еще с каким! — ждем вашего визита.

В течение многих месяцев мы пытались связаться с вами на волнах Псирта. Вы так на нас похожи, что нам казалось невероятным, чтобы и у вас тоже не нашлось индивидов, которые оказались бы восприимчивыми к этим волнам и поддающимися контролю, хотя такие люди и встречаются крайне редко. Мы пока еще не умеем передавать через эти волны звуки или же мысли, поэтому передаем черед длинные и короткие импульсы вашу азбуку Морзе. Да будет благословенен тот из вас, кому однажды пришла в голову мысль обучать этой азбуке детей по телевидению.

Но проходили месяцы, и мы уже начали терять надежду на то, что вы к нам прилетите. И вдруг, сегодня вечером, контакт был установлен! Это не вызвало сомнений. Контактная стрелка переместилась на циферблате, сначала подрагивая, затем — твердо. О мой незнакомый брат, с которым я сейчас говорю! Если бы вы только могли видеть сейчас нашу лабораторию! Тут у нас царит восторженное ликование! Вот и пришел

конец нашей длившейся столько тысячелетий изоляции! Мы незамедлительно передали все теоретические формулы, необходимые для строительства звездолета, формулы, разработанные еще несколько веков назад, но так и не нашедшие у нас практического применения. Затем мы передали информацию, относящуюся к волнам Псирта. Теперь, когда мы трижды продублировали все эти формулы, у нас еще есть время — раз уж контакт продолжается, — все объяснить вам, поболтать с вами немного. О наши далекие братья, мы ждем вас без малейшей боязни! Ваша раса все еще воинственна, но мы ее не опасаемся — ведь на нашей древней планете практически нечего и расхищать! У нас есть только знания, которыми мы с радостью с вами поделимся.

Контакт все еще продолжается. На всякий случай я сейчас еще раз повторю все теоретические данные, относящиеся к звездолетам. Пусть G — это будет гравитационное поле, выраженное в...»

Машинально я поискал рядом с собой продолжение послания, но моя рука нащупала лишь полированную поверхность письменного стола. Вернувшись в реальность, я вскочил, стремительно сбежал по лестнице, запрыгнул в автомобиль. Я трижды проскочил на красный свет, взлетел по каменной институтской лестнице, позвонил. Как всегда, медленный, мне открыл вахтер. Я оттолкнул его, бросился в чертежный зал, приподнял крышку печки... Черная обуглившаяся масса, разваливающаяся при малейшем прикосновении — вот и все, что осталось от чертежей...

— А! Ищете те чертежи, патрон? Так я бросил в печку окурки — они и загорелись. Так как шел дым, я все затушил, раздавив пепел.

Идиот, кретин, моллюск! Я готов был его убить!

Совершенно подавленный, я осел на стул.

— Вот ваши профили, патрон! Ну как, теперь все в порядке?

В порядке?.. Теперь-то, конечно, все было в порядке.

Мне все же удалось спасти небольшой необгоревший фрагмент чертежа. Я дешифровал его, показал Дюран-Эрону,

известному физику-теоретику. То оказались преобразования Лоренца!

Вот с тех пор я и терзаюсь сожалениями. Напрасно я повторяю себе, что это не моя вина, что я не мог знать, что какая-то неизвестная цивилизация с неведомой планеты какой-то другой звезды взяла себе в посредники этого жалкого тупицу, — я все равно продолжаю корить себя изо дня в день и, вероятно, не успокоюсь до самой смерти! Мне следовало сразу рассмотреть их получше, эти столь необычно заштрихованные профили, сохранить в качестве дубликатов! Так нет же — я вел себя как последний баран!

Армана мы выгонять не стали. Кто знает, вдруг когда-нибудь это чудо повторится? Я заваливаю его работой, чтобы он вынужден был уносить ее на дом, засиживаться допоздна. Мне пришлось даже вдвое увеличить зарплату этой макаке! Но этот идиот из кожи вон лезет, лишь бы не ошибиться: каждое утро он приносит мне идеально вычерченные, прекрасно заштрихованные, просто-таки безукоризненные чертежи!

ПРАЩУР

L'ANCÊTRE

1962

Жан-Мишель Дам потряс председательским колокольчиком, перерывая гул разговоров вокруг большого овального стола.

— Друзья мои, объявляю 45-ое заседание Административного совета «Общества по улучшению человеческой расы» открытым.

Некоторые из более молодых членов не смогли удержаться от улыбок.

— Передаю слово нашему другу Джону Дональдсону для доклада о нашей деятельности с 1960 по 1970 год.

Высокий и худощавый англичанин встал, поклонился и поправил кое-какие лежавшие перед ним документы.

— Джентльмены, последние десять лет были решающими для продвижения наших замыслов. Однако же, в начале этого периода, будущее представлялось нам в весьма мрачных красках. Холодная война могла в любой момент вылиться в войну реальную и тем самым надолго, возможно даже навсегда, разрушить наши планы. Нам пришлось пустить в ход все ресурсы нашего общества для того, чтобы дать понять лидерам наций, что военный конфликт может привести к расовому суициду. К счастью, наши усилия даром не прошли.

Материальный план был реализован на 110%. Наши секретные лаборатории обнаружены не были. Правда, нам

пришлось построить толстый и дорогостоящий экран вокруг калифорнийской, так как нашим... конкурентам наконец-таки удалось открыть нейтрино. Наш первый космолет тайно вернулся из системы Проциона, системы, которая располагает одной пригодной для жизни планетой, не требующей никаких трансформаций, и двумя другими, на которых нужно будет провести лишь незначительные работы по благоустройству. Наш друг, доктор Херманн Шабер, сумел более чем втрое увеличить обычную продолжительность жизни мышей и кошек. Опыты над людьми продолжают, и, дабы не быть слишком оптимистичными, скажем, что цель уже видна. Вы все знаете, благодаря невероятной методике нашего друга доктора Леви наш генеральный секретарь излечился от рака печени.

Наши инвестиции также оказались крайне успешными, во многом благодаря экстраполятору стремлений нашего друга Джулиуса Кромлина. Прибыль за эти десять лет составила 125,412,501 доллар. Она была частично реинвестирована либо же потрачена на приобретение земель и недвижимости различными подставными лицами. Получили мы и несколько внушительных анонимных пожертвований, которые сможем направить на необходимые для реализации нашего плана начинания.

За эти десять лет мы поставили на с виду крайне скромные, но ключевые посты 1,723 человека. Благодаря нашим усилиям состоялось 32,612 свиданий, которые привели к 15,918 чистым бракам. Неудачи и провалы идут от тех представителей нашей расы, которые были выявлены слишком поздно и которым мы не смогли открыться. Установлены контакты со 166, 632 детьми доминирующего типа. 2,825,719 детей рецессивного типа находятся под наблюдением. Эти результаты, как вы видите, значительно превосходят все те, которых нам удалось добиться со дня основания нашего тайного общества в 1883 году до 1960 года. Но и их еще нельзя считать в полной мере удовлетворительными. О рождении многих детей нашей расы нам просто-напросто неизвестно, вследствие чего, разумеется, мы ничего не знаем и об их способностях. Серологические тесты, которые те из наших членов, что принадлежат к медицинскому сообществу, могли бы использовать для выявления этих детей, к сожалению,

все еще не слишком надежны, да и потом, слишком велика опасность разоблачения кем-то, не входящим в число наших сторонников: в этом случае мы были бы вынуждены его устранить, что было бы аморально и могло бы привлечь к нам внимание.

Соотношение «м/ж» остается прежним: в чистых браках рождается примерно 600 мальчиков на 400 девочек. Конечно, оно сильно отличается от обычного соотношения, даже в случае скрещивания, но все это — тоже, потенциально, крайне опасное для нас, — скрыто тем фактом, что большинство этих детей являются незаконнорожденными и, соответственно, без труда затериваются в данных статистики. И это отраднo, так как наши конкуренты, пусть им еще и далеко до нас, отнюдь не глупы.

Есть и серьезная проблема: некоторые наши юноши испытывают отвращение к выполнению своей миссии. Они полагают человеческих самок низкопробными и скучными тугодумками, которых слишком легко завоевать. Как правило, так считают те, кому посчастливилось свести знакомство с женщиной нашей расы. Но я могу их заверить — я, который сам более тридцати лет женат на представительнице человеческого рода, — что иногда даже спокойнее иметь в спутницах жизни ту, которая не блещет особым умом. Таким образом, любые попытки нашей молодежи создать обособленный клан следует пресекать в зародыше. Нам еще далеко до 250 миллионов, которые являются тем минимумом, коего нам следует достичь, прежде чем сбрасывать — если мы того пожелаем — маску.

Оратор сел. Президент поднял руку.

— Доклад принимается? Нет возражений? Тогда я передаю слово Хуану Гомесу из Испании.

Встал невысокий смуглый мужчина с большими и пленительными черными глазами.

— После падения диктатуры Франко и возврата к Республике ситуация заметно улучшилась благодаря распушенности нравов или, по крайней мере, более слабому общественному давлению на независимые умы. План выполняется на все сто. В этом году мы рассчитываем на более чем три тысячи положительных родов.

- Карло Брольо, Италия.
- Ситуация также удовлетворительная, особенно на Юге и в Центре.

Один за другим высказались представители Франции, Англии, Германии, скандинавских стран, СССР, Китая, южноамериканских государств, Антильских островов, Полинезии и т.д. Когда настал черед США, все взоры устремились на Дональда Джонса. Атлетическая мощь сочеталась в нем с шармом киноактера, коим он и являлся, долгие уже годы оставаясь идолом для девушек и женщин всего мира. Он встал с несколько самодовольной улыбкой на губах.

— У нас также все в порядке: результаты превышают ожидания более чем на 10%. Должен, правда, заметить, что я изначально нахожусь в более благоприятном положении, но и мои не столь удачливые коллеги тоже потрудились на славу.

- Сколько у вас сейчас? — поинтересовался кто-то.
- На данный момент — 544.
- Далеко ж вам еще, не так ли?
- Так мне всего-то тридцатник!
- Господа, господа, у нас все-таки рабочее заседание! — прокричал председательствующий, хватаясь за колокольчик.

— Что ж, — добавил он, когда смех в зале стих, — показатели, следует сказать, вполне удовлетворительные. Сейчас мы, согласно традиции, произнесем наш обычный тост. Завтра и в последующие дни соответствующие комиссии соберутся для подготовки нового десятилетнего плана. Следующее собрание пройдет в Мадриде в 1980 году.

Он нажал на кнопку вызова. Вошли официанты, толкая перед собой столики на колесиках, заставленные бокалами и шампанским. Разлив вино по бокалам, обслуживающий персонал удалился. Тяжелые герметичные двери закрылись.

— Друзья мои! — провозгласил председательствующий. — За *Homo superior*! За генетическую победу! И главное — за нашего Пращура, который сумел, живя в изоляции в мире, где наука еще не существовала, познать собственную натуру и в одиночку приступить к реализации плана, который и поныне пытаемся воплотить в жизнь все мы!

Все степенно выпили.

Оставшись один в опустевшем зале, председательствующий с минуту-другую с задумчивым видом созерцал картину, на которой был изображен еще молодой мужчина в старинном костюме, казалось, не сводивший с него живых глаз.

— Нелегко ему, должно быть, пришлось одному-то!

Затем губы его растянулись в улыбке.

— И однако это уж слишком! 1003! Даже интересно, удастся ли Дону Джонсу в итоге побить его рекорд!

Разговор с Франсисом Карсаком Entretien avec Francis Carsac

Профессор Борд живет, вместе с женой и младшим из троих своих детей, на большой и красивой вилле, расположенной в глубине парка, неподалеку от Таланса, где, на факультете наук университета Бордо, читает курс лекций и пишет книги по археологии и истории первобытного общества, книги, высокую ценность которых признают все без исключения ученые.

Но профессор Борд является не только заведующим кафедрой доисторической археологии Бордосского университета, но и — под псевдонимом Франсис Карсак — одним из величайших современных французских писателей, работающих в жанре научной фантастики.

— Откуда этот псевдоним — «Карсак»?

— Это название одной деревушки в Дордони, где у меня есть дом, только и всего...

И профессор Борд — но мы будем называть его Франсисом Карсаком — набивает трубку, ожидая следующего вопроса. Выглядыщий лет на пятьдесят, он в чем-то похож — в плане физическом — на своего знаменитого однофамильца, Рэймона Борда, в том числе и благодаря очкам «а-ля Марсель Ашар».

— Мой первый роман? Он так и остался неизданным... Да он мне, по правде сказать, и не нравится. С этой книгой связана одна история... Во время войны, прежде чем вместе с другими студентами уйти в подполье, я работал «шахтером» в Дордони. Как-то раз мои товарищи попросили меня рассказать им что-нибудь интересное. А для меня это — раз плюнуть. Вот я и сочинил одну такую байку. Позднее она превратилась в роман. Но это было произведение дебютанта, не отличавшееся цельностью и полное несуразностей. Потом я написал «Робинзон космоса», даже не помышляя тогда, впрочем, о том, чтобы когда-либо выпустить их в виде книги. Затем, примерно в то же время, когда зародилась лекция «Рэион фантастик», я завершил свой третий роман, «Пришельцы ниоткуда». Я предложил его — он был принят и издан. У меня даже попросили еще один. Тогда я вернулся к рукописи «Робинзон» и создал из нее роман, сильно отличавшийся, как мне кажется, от изначального варианта. Эта книга, из всех мною написанных, имела наибольший успех. Она была переведена на испанский, итальянский, румынский, болгарский и русский. В России ее публикация обернулась настоящим триумфом. Там, за железным занавесом, этот роман очень нравится читателям.

— Многие «фанаты» научной фантастики вообще полагают, что вы — будем называть вещи своими именами — придерживаетесь «левацких» взглядов.

— Если меня и привлекает некоторая «левизна», то скорее советская, нежели французская, так как у русских «левизна» соответствует некоей концепции, с помощью которой можно управлять Вселенной, не будучи игрушкой в ее руках, в то время как «левизна» французская стремится исключительно к «комфорту». Индивидуалист ли я? Да, и в довольно-таки значительной мере. Я бы даже определил себя как своего рода анархиста. Мой принцип таков: не сокрушай других, но и не позволяй другим сокрушать себя. Человек — он для меня превыше всего.

— Есть ли для вас в области научной фантастики, так сказать, «духовные наставники»?

— Большое влияние на меня оказали двое: Уэллс и Рони. Но никаких «духовных наставников», как вы их называете,

у меня нету. Не люблю кому-либо подражать. Уэллс и Рони стоят на недостижимой высоте для многих авторов, пишущих в жанре научной фантастики; к тому же, они настоящие романисты, что является редкостью в этой области. Нравится мне и Баржавель, но его произведения преисполнены слишком уж примитивного идеализма. Для его персонажей счастье заключается единственно в том, чтобы вернуться на Землю! Есть еще одна книга Эрнеста Перошена, которую я обожаю: «Буйные люди»; в ней имеются просто-таки гениальные гипотезы. Не стоит забывать и американцев: среди них, наряду с Артуром Кларком, мой любимый писатель — Пол Андерсон. Но их я люблю читать не в переводах, а исключительно в оригинале. Что мне в них особенно нравится, так это то, что при написании романов они пользуются всевозможными статистическими данными.

— А сами вы в данный момент что-либо пишете?

— Нет, в данный момент у меня нет на это времени... Обычно я работаю по вечерам. Пишу страниц по десять за вечер. Но зачастую я приостанавливаю написание книги. Иногда корплю сразу над несколькими. Так, к примеру, «Пришельцы ниоткуда» сначала представляли собой рассказ об установлении контакта между землянами и инопланетянами. Затем я продолжил писать и придумал роман. Обычно я пишу книги вокруг какой-нибудь общей идеи, но даю волю воображению: результат порой изумляет меня самого! Сейчас у меня готовятся три романа. Первый находится на семнадцатой странице, второй — на двадцать пятой или тридцатой. Третий и вовсе пока лишь набросок... Один из этих романов будет называться «Ветер Кормора». Кормор — так назывался один из городов в книге «Наша родина — космос», продолжением которого и является этот роман. Но на сей раз на одну из планет попадает обитатель космоса. Мне нравятся вестерны, поэтому на этой планете у меня живут скотоводы. Таким образом я совмещу вестерн с научной фантастикой! Вторая книга будет называться «Другая Земля», и в ней пойдет речь о Параллельной Вселенной. Это будет почти что иллюстративный роман — ведь, согласитесь, у истоков развития цивилизации вполне могли стоять не хлебопашцы, а охотники. Вот и на Земле моего романа цивилизация бе-

рет начало от охотничьих племен, что определенно вызовет раздражение у тех моих коллег, которые утверждают, что цивилизация могла зародиться лишь от земледелия. Как по мне, так это вовсе не обязательно. Третий роман представляет собой смешение «фэнтези» и научной фантастики. В нем есть персонажи, обладающие магическими способностями, — этакие джеки вэнсы. Действие этого романа происходит на планете, «вернувшейся» в Средневековье, а главный герой чем-то похож на Робина Гуда.

— Почему вы вообще стали писать научную фантастику?

— Потому что это меня забавляет! Конечно, когда у меня «готовится» книга, я излагаю в ней свои взгляды на самые различные проблемы... Но прежде всего я рассказываю историю. Мне всегда это нравилось — рассказывать истории. Даже когда я был совсем еще ребенком... Уже тогда меня привлекало все необычное, причем в гораздо большей степени, нежели фантастика. И мне всегда нравились Поль д'Ивуа и Луи Буссенар, Морис Шампань и некоторые другие писатели.

— Быть может, и Рене Тевенен?

— И он тоже! «Охотник на людей» — один из величайших романов о сверхчеловеке, какие когда-либо были написаны. Читая эту книгу, вы буквально-таки чувствуете, как вас охватывает леденящий ужас! Нравится мне и Жозе Мозелли: «Конец Иллы» был первым научно-фантастическим произведением, которое я прочел в журнале «Наука и путешествия».

— Что вы думаете о научной фантастике в кинематографе?

— Я бы и рад заявить, что она мне нравится... Но зачастую все это выглядит весьма посредственно, если не сказать — забавно. При виде «киношных» лабораторий я смеюсь во весь голос — столь они далеки от лабораторий настоящих. Но вот «Запретная планета» мне понравилась — научная фантастика показана там на самом элементарном уровне, но местами фильм довольно-таки интересный. Нравится мне и первый «Франкенштейн», а мой любимый фильм — «Кинг-Конг». Вот и все, наверное!.. Вообще, я должен сказать, что практически не смотрю научно-фантастических фильмов, так как, в общем и целом, они сильно меня разочаровывают. В принципе, кино мне очень нравится... но его — настоящего кино — больше нет! Остались лишь интеллектуалы, которые тре-

плются почему зря! Знали бы вы, как я тоскую по довоенным вестернам, в которых не было всех этих пустых рассуждений. Мне, кстати, нравится масса вестернов: «Красная река», практически все фильмы про индейцев, «Шейн», «Дилижанс»...

— А научно-фантастические комиксы вам нравятся?

— Да: «Ги л'Эклер» и «Люк Брандфер». Но и только; затем, на мой взгляд, все это пришло в упадок. Сегодня мне нравятся уже отнюдь не научно-фантастические комиксы: «Везунчик Люк», «Астерикс», «Тинтин».

— А современные научно-фантастические комиксы — такие, как, например, «Барбарелла»?

— Я пытался ее читать, но это такая скукота! И потом, у меня просто нет на это времени... Как всякий ученый, я не люблю бессмысленность, странность ради странности. Я просто не вижу в этом необходимости. Именно за это я и ценю Пола Андерсона — за его научную точность. Кстати, а вам известно, что в «Ги л'Эклере», вышедшем в 1938 году, можно усмотреть формы современных самолетов, то есть созданных гораздо позднее?

— Стало быть, научная фантастика представляется вам неким отражением будущего?

— Да нет. Но когда ты придумываешь общество, то должен создать и подходящую для этого общества окружающую среду. Один из моих друзей, Спрэг де Камп, написал целый цикл романов, действие которых происходит на одной воображаемой планете. Так вот, я смог воссоздать карту этой планеты, следуя одним лишь его указаниям!

— А что вы думаете о романах, которые зачастую кажутся неправдоподобными с научной точки зрения, вроде тех, что издает «Флэв нуар»?

— Я редко читаю книги этой серии, но среди них встречаются и великолепные вещи. Что касается «Львов Эльдорадо», то после закрытия «Рэйн фантастик» я предпочел издать их в издательстве «Флэв нуар», где печатается Джимми Гиё, нежели в «Презанс дю фютюр», где издается Стернберг. Но, в отличие от постоянных авторов этой серии, я не пишу поточным образом. Впрочем, если бы некоторые из этих авторов располагали достаточным количеством свободного времени, они могли бы раскрыться как крайне талантливые

писатели. Например, Ришар Бессьер или Джимми Гиё. Но последний, пусть он талантлив и не лишен воображения, пишет слишком много, что низводит его в ранг обычного бумагомарателя... Должен признаться, я им уже порядком пресытился. И потом, не следует забывать закон Старджона: «90 % чего угодно — полная ерунда», причем это касается не только научной фантастики.

— Каковы ваши вкусы в других областях — поэзии, живописи?..

— Я читаю много поэтов, от Гюго до Жарри и от Жана де ла Виля де Мирмона до Любека. Что касается романистов, то мне в основном нравятся зарубежные, возможно, из любви к экзотике.

В этот момент в просторной комнате, где мы находимся, комнате, стены которой сплошь покрыты книгами, к нам присоединяется мадам Карсак — пардон, мадам Борд. И мадам Борд (как и ее супруг, она очень известный археолог), лаская домашнего питомца, кошечку Нану, ласково перебивает мужа, чтобы признаться мне с улыбкой:

— Коллеги моего мужа по университету крайне удивлены тем, что столь серьезный и известный господин пишет научную фантастику!

И Франсис Карсак рассказывает по этому поводу такой анекдот:

— Когда в 1956 году я приехал в Бордо, то у меня уже были написаны три или четыре романа. Как-то раз один химик случайно узнал, что я и есть Франсис Карсак, и тут же мне признался, что написал продолжение «Робинзонов космоса». Он дал мне почитать роман — отличная, скажу вам, вещь! История начинается через семьдесят лет после окончания моей...

Затем, без какого-либо перехода, он подхватывает нить разговора:

— Что касается моих любимых художников, то среди них нет ни одного, кто рисовал бы «странное»: в этой области искусства у меня крайне классические взгляды! Из числа тех, в чьем творчестве имеются фантастические мотивы, полагаю, разве что Гойя «мог бы». Но он не обладает талантом Микеланджело.

— Что вы думаете о фанзинах?

— Я мало их получаю, и мне некогда их читать. Но я знаю, что они являются собой нечто великолепное — «испытательный стенд», если можно так выразиться. Именно в фанзинах впервые публиковались некоторые знаменитые американские фантасты.

— А как вам «Фиксьон»?

— Мне не нравятся его обложки! Данный журнал мне не особенно интересен: лучшие рассказы в нем — это американские тексты, почти все из которых я уже читал прежде в оригинале. Что до французов, то они проявляют не слишком много усилий для того, чтобы написать что-нибудь действительно стоящее. Хеннеберг был талантлив, но допускал крайне серьезные промахи: написал, к примеру, что Землю видно на расстоянии в пятьдесят световых лет! Не менее талантлив и Жерар Клейн, но он меня раздражает — старается подражать Брэдбери, до которого ему далеко!

Вскоре Франсис Карсак переходит в долгую и крайне яростную атаку на «Планету», журнал, который он безмерно ненавидит: в нем полно, по его словам, лживой пропаганды. Распалаясь все больше и больше, он дает мне почитать статьи с критикой в адрес «Планеты», написанные Повелем и Бержье. На добрые полчаса разговор уходит в сторону, оставаясь, тем не менее, весьма захватывающим! В конечном счете я у него спрашиваю:

— А что вы скажете об обычной фантастике? Нравится ли она вам в той же мере, что и фантастика научная?

— Фантастика мне нравится, но она не терпит посредственности. Особенно меня привлекают истории о соглашениях с Дьяволом... Истории о вампирах? Не могу в них поверить, как-то не получается у меня «сыграть в эту игру». К тому же в научной фантастике я уже прочертил определенные границы. Но я люблю сказки о феях.

— В своих романах вы нередко касаетесь вопроса религии. Вы — человек верующий?

— Во мне нет веры, но я не отрицаю возможность существования какого-либо Бога.

— Мог ли бы герой романа «Наша родина — космос» вновь обрести умиротворение, продлив свое пребывание у паломников?

— Этот роман — во многом этнографический. В самом начале истории его главный герой — «добрый фашист». Затем он попадает в мир анархистов, в котором не имеет корней. Что же до его интеграции в общество паломников, то он этого и не хочет, и не может. Примерно с такой же проблемой, вероятно, сталкивались и некоторые честные нацисты.

— Не являются ли некоторые из ваших персонажей — в большей или меньшей степени — автопортретичными?

— Когда ты автор, то всегда выводишь себя на сцену — не таким, какой ты есть, а таким, каким хотел бы быть. Нередко для своих персонажей я заимствую те или иные черты характера у друзей. К примеру, баск из романа «Этот мир — наш» «срисован» мною с одного из моих коллег, баска по национальности и сторонника примитивизма.

— Однако же в своих книгах вы, по-моему, не очень-то соглашаетесь с примитивистами?

— Современная цивилизация подавляет человека, это реальный факт. Тем не менее, как это ни печально, мы не в силах создать машину времени и вернуться назад. Стало быть, следует, напротив, идти еще дальше. Этот путь будет долгим и трудным. Возможно даже, мы придем к неизбежной катастрофе, если не решимся ограничить численность населения, так как невозможно воспитать всех жителей земного шара. Сейчас же людям недостает культурности в той же мере, что и риса, к примеру.

— А что вы думаете о такой цивилизации, как американская?

— Это потерянная цивилизация. Беда в том, что она тянет за собой весь мир. Машина полезна лишь тогда, когда вы не позволяете ей поглотить себя. Вот у меня тут есть радио — я слушаю по нему исключительно новости. И я пока что так и не решился установить у себя телевизор. Я сторонник любой машины, но лишь тогда, когда она является для вас инструментом, орудием, но не божеством. Я против бесполезных технических новинок — я согласен на холодильник и стиральную машину, но это не значит, что я не в состоянии открыть бутылку без электрического штопора! Подобные гаджеты смешны и унижительны. Да, машина опасна; она может освободить человека, но может также и поработить его.

Поверьте, настоящие ученые плевать хотели на скоростные самолеты и прочие ненужности. Возможно, «Конкорд» и является величайшим техническим достижением, но я вполне могу обойтись и без него.

— Заканчивая беседу — что вы думаете о критиках, которые обычно встречали ваши книги с неподдельным восторгом?

— Среди них есть такие, к мнению которых я всегда прислушиваюсь. Другие же меня забавляют. Известно ли вам, что в романе «Этот мир — наш» они усмотрели историю о войне в Алжире? И это при том, что роман этот был мною задуман еще в 1951 году!

Мы поднимаемся на ноги... Встреча, тем не менее, еще не закончена. И разговор продолжается, пусть уже и менее информативный для меня, но все такой же увлекательный. Франсис Карсак был прав, когда говорил, что буквально-таки рожден для того, чтобы рассказывать истории: его можно без усталости слушать часами, этого немного угрюмого, лишенного каких-либо комплексов мужчину, с такой легкостью способного снискать себе у вас симпатию...

Он показывает мне свою библиотеку, состоящую в основном из тысяч научно-фантастических книг на английском языке. Многие снабжены автографами величайших заокеанских фантастов, с которыми дружен тот, кто — из французских авторов — единственный достоин стоять с ними в одном ряду.

Я пользуюсь этим для того, чтобы поинтересоваться, издавался ли он уже в США.

— Нет. Да и что бы они там делали с автором, переведенным с французского, когда им едва удастся издавать все то, что пишется у них на родине? Но, чтобы доставить удовольствие некоторым из моих друзей, думаю, когда-нибудь я позабавлюсь и напишу рассказ сразу же на английском, который передам для публикации в какой-нибудь американский журнал.

— Кстати, рассказов вы пишете мало. Почему?

— О, я гораздо удобнее чувствую себя в рамках романа, только и всего!

Затем он показывает мне толстые папки — рукописи своих романов. Самые ранние написаны от руки, наиболее поздние

отпечатаны на машинке. В этих папках тысячи перечеркнутых, с надстрочными поправками, страниц.

— Все свои книги, — поясняет Франсис Карсак, — я пишу в один присест. Затем беру рукопись и пересматриваю ее до тех пор, пока она не начинает мне нравиться. Тогда я ее переписываю... За роман «Наша родина — космос» я принялся еще в 1956 году, в 1958 перечитал его, а закончил лишь в 1960.

Он протягивает мне листочки с довольно-таки забавными набросками.

— Это кроки придуманных мною существ — сначала я рисую их и лишь затем вставляю в романы. Таким образом, чтобы они были точными с научной точки зрения, я тщательно изучаю их строение, рост, пропорции... К примеру, вот этот вот я набросал для того, чтобы определиться с точным — по отношению к людям, которые будут ездить на них верхом — ростом гигантских животных из одной из моих ближайших книг. А вот на этом изображены «рафали»*, существа, «сделанные» из одной лишь энергии...

За Франсисом Карсаком остается и последнее слово в нашей беседе.

— Вы знаете, — признается мне он, — здесь мне абсолютно не с кем поговорить о научной фантастике, а часто летать в США к друзьям я не могу. Так что... приезжайте, нам будет что обсудить!

С удовольствием, дорогой профессор Борд!

*Жан-Пьер Буйксу,
фанзин «Lunatique», № 33, ноябрь 1967 г.*

* *Буквально — шквал (*фр.* rafale)

СОДЕРЖАНИЕ

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

(перевод Льва Самуйлова)

Пролог	7
Часть первая. КАТАКЛИЗМ	
Глава 1. Предзнаменование	10
Глава 2. Катаклизм	17
Часть вторая. РОБИНЗОНЫ КОСМОСА	
Глава 1. Развалины	22
Глава 2. Одиночество	37
Глава 3. Гидры	46
Глава 4. Сила против насилия	52
Часть третья. ЗАВОЕВАНИЕ	
Глава 1. Суд	67
Глава 2. Организация	78
Глава 3. Разведочные работы	96
Глава 4. Ссви	105
Глава 5. Возвращение	132
Глава 6. Сражение с гидрами	137
Часть четвертая. ГОРОДА	
Глава 1. Исход	145
Глава 2. Самолет	154
Глава 3. Фиолетовая смерть	162
Глава 4. Я открыл неизвестные земли	167
Глава 5. Опасность	178
Глава 6. Начертанный путь	189
Эпилог	193
О романе «Робинзоны космоса», частичной карте Теллуса, ссви, сслвипах и американцах	
	194

БЕГСТВО ЗЕМЛИ
(перевод Льва Самуйлова)

**Часть первая. ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ
В ОКЕАНЕ ВРЕМЕНИ**

Глава 1. Странное происшествие	215
Глава 2. Контуры будущего	233
Глава 3. Солнце вот-вот взорвется!	245
Глава 4. Величайшее из дел человеческих	258

Часть вторая. КАТАКЛИЗМ

Глава 1. Венерианские джунгли	266
Глава 2. Фаталисты	280
Глава 3. Отлёт	290
Глава 4. Nova Solis	305

Часть третья. ВЕЛИКИЕ СУМЕРКИ

Глава 1. Заговор	324
Глава 2. Сражение в жидком воздухе	330
Глава 3. Власть	340
Глава 4. Путешествие	347

Часть четвертая. ОДИССЕЯ ЗЕМЛИ

Глава 1. Место занято!	354
Глава 2. Снова в путь!	371
Глава 3. Тельбирийцы	383
Глава 4. Психотехническая война	403
Эпилог	416
Хронология	419

РАССКАЗЫ

Генезис (перевод Льва Самуйлова)	421
Бедные люди (перевод Льва Самуйлова)	425
Человек, который говорил с марсианами (перевод Льва Самуйлова)	429
Реванш марсиан (перевод Льва Самуйлова)	437
Человек, который захотел стать Богом (перевод Льва Самуйлова)	445
Штриховка (перевод Льва Самуйлова)	451
Пращур (перевод Льва Самуйлова)	461

Разговор с Франсисом Карсаком

(перевод Льва Самуйлова)	468
--------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Классика зарубежной фантастики

Франсис Карсак

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА
БЕГСТВО ЗЕМЛИ
РАССКАЗЫ

Перевод
Льва Самуйлова

Иллюстрации
Евгения Мельникова

Редактор
Дмитрий Власов

Некоммерческий ознакомительный сувенир.
Не предназначен для продажи.